

РАЙЧЕЛ МИД

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

КРОВНЫЕ УЗЫ

Книга 1. ПРИНЦЕССА ПО КРОВИ

Annotation

У Сидни Сейдж – особая кровь, она алхимик, одна из тех, кто занимается магией и служит связующим звеном между миром людей и миром вампиров. Ей-то и поручили на вампирском совете защищать принцессу мороев, юную Джил Мастрано. Каково же было удивление Сидни, когда местом для выполнения ее ответственной миссии оказалась обыкновенная калифорнийская школа, а сама она должна выступить в роли обыкновенной школьницы, подруги и одноклассницы Джил... Впервые на русском языке книга, открывающая новый сериал, продолжающий культовый цикл романов об Академии вампиров!

- [Райчел Мид](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)

- [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Райчел Мид
Принцесса по крови

Глава первая

Я не могла дышать.

Чья-то рука зажала мне рот, другая стиснула плечо, вырывая из тяжелого сна. За один удар сердца в голове моей промелькнули тысячи отчаянных мыслей. Началось! Худший из моих ночных кошмаров становится явью.

«Они здесь! Они пришли за мной!»

Я заморгала, дико оглядывая темную комнату, пока мой взгляд не упал на лицо отца. Я перестала метаться, совершенно сбита с толку. Отец отпустил меня и отступил на шаг, холодно меня рассматривая.

Я уселась в постели; сердце стучало по-прежнему часто.

– Папа?

– Сидни, ты не просыпалась.

Само собой, он и не подумал извиниться за то, что напугал меня до смерти.

– Оденься и приведи себя в приличный вид, – продолжал отец. – Быстро и тихо. Встретимся внизу в моем кабинете.

Я широко распахнула глаза, но не заколебалась. Существовал лишь один приемлемый ответ.

– Да, сэр. Конечно.

– Пойду разбужу твою сестру.

Отец повернулся к двери, а я вскочила с кровати.

– Зою? – воскликнула я. – Зачем она тебе?

– Ш-ш, – одернул он. – Поторопись и приготовься. И помни – тише! Не разбуди мать.

Не сказав больше ни слова, отец закрыл дверь, а я осталась таращиться на нее. Паника, только что утихшая, снова начала просыпаться. Зачем ему Зоя? То, что меня разбудили поздно ночью, означало: для алхимиков появилась работа, а Зоя не имела к ним отношения. Теоретически я тоже больше не имела к ним отношения, с тех пор как нынче летом меня на неопределенное время отстранили от дел за плохое поведение. Из-за чего же сыр-бор? Вдруг меня все-таки отправляют на переобучение и собираются заменить Зоей?

На мгновение мир закружился, и я схватилась за кровать, чтобы устоять на ногах. Центры переобучения. Они снились в кошмарных снах юным алхимикам вроде меня – в эти загадочные заведения удаляли тех, кто

заводил дружбу с вампирами, и учили, насколько ошибочно для алхимика такое поведение. Что именно там происходило, было тайной – одной из тех, которые мне никогда не хотелось бы раскрыть. Я почти не сомневалась, что слово «переобучение» было лишь красивой заменой термину «промывание мозгов».

Я всего один раз видела вернувшегося оттуда человека, и, по правде говоря, после этого он и на человека-то был не похож. Скорее смахивал на зомби, и мне даже думать не хотелось о том, что с ним могли сотворить, чтобы сделать его таким.

В моей голове эхом отдавались понукания отца, и я попыталась стряхнуть с себя страх. Помня о другом отцовском предупреждении, я старалась действовать тихо. Мама спала чутко. Обычно было в порядке вещей, если ей доводилось заставить нас за выполнением алхимических поручений, но в последнее время она недолгоблывала работодателей мужа и дочери. С тех пор как в прошлом месяце алхимики доставили меня к порогу родительского дома, дом этот стал смахивать на лагерь военнопленных. Между родителями вспыхивали ужасные ссоры, и мы с сестрой, Зоей, ходили тогда на цыпочках.

Зоя.

«Зачем ему понадобилась Зоя?»

Этот вопрос не давал мне покоя, пока я суетливо собиралась. Я понимала, что означает «приличный вид». И речи не шло о том, чтобы натянуть джинсы и футболку. Вместо этого я надела серые слаксы и похрустывающую белую рубашку на пуговицах. За ними последовал темно-серый кардиган, который я аккуратно подпоясала черным ремнем. Единственным украшением, которое я себе позволяла, был маленький золотой крест – я всегда носила его на шее.

С волосами управиться было сложнее. Хотя я проспала всего пару часов, они уже торчали в разные стороны. Я пригладила их, как смогла, а потом щедро обрызгала лаком в надежде, что это поможет придать мне приличный вид в преддверии того, что надвигалось, – что бы это ни было. Легкое припудривание – вот и весь мой макияж; на большее не хватило времени.

На все приготовления я потратила шесть минут, думаю, это мой новый личный рекорд. В полной тишине я ринулась вниз по лестнице, по-прежнему стараясь не разбудить мать.

В гостиной было темно, но из-за неплотно закрытой двери отцовского кабинета в коридор проникал свет. Я сочла это приглашением, открыла дверь и проскользнула в комнату. Приглушенный разговор прекратился,

стоило мне появиться на пороге. Отец оглядел меня с головы до ног и одобрил мой вид в лучшей своей манере: просто воздержавшись от критики.

– Сидни, – резко сказал он, – думаю, ты знакома с Донной Стэнтон.

Грозная женщина-алхимик стояла у окна, скрестив руки на груди. Она казалась такой же крепкой и стройной, какой и запомнилась мне. Не так давно я провела много времени со Стэнтон, хотя нас едва ли можно было назвать подругами – особенно после того, как некоторые мои поступки привели к тому, что мы обе угодили под своего рода «вампирский домашний арест». Но если Стэнтон затаила на меня обиду, она никак не выказала этого. Лишь вежливо кивнула мне все с тем же непроницаемым лицом.

Кроме отца в комнате присутствовали трое алхимиков-мужчин. Их представили мне как Барнса, Михаэльсона и Горовица. Барнс и Михаэльсон были ровесниками моего отца и Стэнтон, а Горовиц, раскладывавший сейчас инструменты татуировщика, – моложе, лет двадцати пяти. Одежда алхимиков была подобна моей – деловые костюмы невзрачных цветов. Мы всегда стремились выглядеть элегантно, но не привлекать к себе внимания. Алхимики веками играли в «Людей в черном»^[1], задолго до того, как люди начали мечтать о жизни в других мирах.

Когда свет упал на лица алхимиков под определенным углом, у каждого из них стала видна татуировка в виде лилии, такая же, как у меня.

И вновь я почувствовала растущую тревогу. Это что, какая-то проверка? Меня испытывают, чтобы выяснить, не стала ли я предательницей, когда решила помочь девушке-отступнице, полувампиру?

Я скрестила руки на груди и постаралась сохранять нейтральное выражение лица, надеясь, что кажусь уверенной и невозмутимой. Если у меня еще был шанс защититься, я собиралась использовать его на всю катушку.

Не успел никто произнести ни слова, как в комнату вошла Зоя. Она закрыла за собой дверь и окинула всех присутствующих испуганными глазами. Отцовский кабинет был огромным – ради него он сделал пристройку к дому, – и все легко в нем разместились. Но, наблюдая за сестрой, я поняла, что она чувствует себя в ловушке, попросту задыхается здесь. Я встретилась с ней глазами и попыталась молча выказать свое сочувствие. Должно быть, это мне удалось, потому что она подошла ко мне уже с более спокойным видом.

– Зоя, – сказал отец.

Он позволил ее имени повиснуть в воздухе, как делал всегда, ясно

давая понять, что разочарован. Я немедленно сообразила, в чем тут дело. Зоя надела джинсы и старую фуфайку, а ее волосы были заплетены в две милые, но небрежные косички. С точки зрения любого другого человека, у нее был «приличный вид» – но не с точки зрения отца. Почувствовав, как Зоя съежилась рядом со мной, я выпрямилась и попыталась казаться выше и солиднее. Убедившись, что Зоя прочувствовала неодобрение, отец представил ее остальным. Стэнтон также приветствовала ее вежливым кивком, после чего повернулась к отцу:

– Я не понимаю, Джаред. Кого из них вы собираетесь послать?

– В том-то и дело, – ответил отец. – Требовали Зою... Но я не уверен, что она готова. Вообще-то я даже знаю, что она не готова. Она прошла лишь начальный курс. Но в свете недавних событий в жизни Сидни...

Я немедленно начала складывать части головоломки. Прежде всего – и это самое главное – меня не собирались отправить на переобучение. По крайней мере, пока. Дело было в чем-то другом. Мои первоначальные подозрения подтвердились. В каком-то задании хотели задействовать Зою, поскольку она, в отличие от некоторых других членов нашей семьи, никогда не предавала алхимиков. Отец был прав, говоря, что она получила лишь начальную подготовку. Наша работа передавалась по наследству, и много лет назад меня избрали очередным алхимиком в семье Сейдж. Мою старшую сестру Карли лишили этой чести, и теперь она находилась далеко, в колледже, да и была уже слишком взрослой. Отец избрал вместо нее в качестве запасного варианта Зою, на случай, если со мной что-нибудь случится – к примеру, пострадаю в автокатастрофе или меня укусит вампир.

Я шагнула вперед, еще не совсем понимая, что собираюсь сказать. Лишь точно зная – я не могу позволить, чтобы Зою втянули в махинации алхимиков. Я боялась за нее больше, чем страшилась отправиться в центр переобучения – а последнее было весьма пугающим.

– После того, что я совершила, у меня была беседа с комитетом. Мне казалось, мотивы моих поступков стали понятны. Я прошла полную подготовку и способна оказать вам необходимую помощь. Моя квалификация куда выше, чем у сестры, и есть опыт работы в реальном мире. Я досконально знаю свое дело.

– Если память мне не изменяет, у тебя чуть больше опыта работы в реальном мире, чем требуется, – сухо сказала Стэнтон.

– Мне, например, хотелось бы услышать, что же это за «мотивы», – подключился к разговору Барнс, пальцами обозначив кавычки. – Я не в восторге от того, что туда будет брошена неопытная девочка, но мне трудно

поверить, будто та, кто помогла преступнице-вампиру, действительно имеет высокую квалификацию и «способна нам помочь».

Он снова изобразил кавычки.

Я вежливо улыбнулась, скрывая ярость. Если я продемонстрирую свои истинные чувства, это делу не поможет.

– Понимаю, сэр. Но Розу Хэзевей в конце концов оправдали. Поэтому формально я не была пособником преступницы. Наоборот, своими действиями в конечном итоге помогла найти настоящего преступника.

– Однако в то время ни ты, ни мы не знали, что она невиновна, – сказал Барнс.

– Понимаю, – отозвалась я. – Но я в это верила.

Барнс фыркнул.

– В том-то и проблема. Ты должна была верить в то, что тебе сказали алхимики, а не сбегать со своими притянутыми за уши теориями. Уж по меньшей мере тебе следовало бы передать старшим найденную тобой улику.

Улику? Как я могла объяснить, что не столько улика заставила меня помочь Розе, сколько интуитивная вера в ее искренность? Но я знала – они никогда меня не поймут. Всех нас учили думать о таких, как Роза, самое худшее. Мне бы ничуть не помогло, если бы я рассказала, что увидела в ней честность и правдивость. Еще более нелепым объяснением стал бы мой рассказ о шантаже со стороны другого вампира. До алхимиков мог дойти только один довод.

– Я... Я ничего никому не рассказала, так как хотела разобраться во всем сама. Я думала, что если расследую дело, то получу повышение и задание получше.

Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы произнести эту ложь убедительным тоном. Меня просто-таки передергивало от того, насколько это унижительно. Как будто на столь невероятные поступки меня толкнули собственные амбиции. Теперь я выглядела подобострастной и легкомысленной. Но, как я и ожидала, такое объяснение удовлетворило алхимиков.

– Как глупо! – хмыкнул Михаэльсон. – Конечно, чего еще ожидать в ее возрасте.

Другие мужчины также обменялись снисходительными взглядами, даже мой отец. Только Стэнтон, судя по всему, сомневалась, но ведь она была свидетельницей большего числа моих провалов, чем остальные.

Отец оглядел собравшихся в ожидании дальнейших замечаний. Все молчали, и тогда он пожал плечами.

– Если ни у кого нет возражений, я предпочел бы, чтобы мы послали Сидни. Хотя не совсем понимаю, зачем она вам понадобилась.

В его тоне слышались легкие обвиняющие нотки – ведь его до сих пор не ввели в курс дела. Джаред Сейдж не любил оставаться в неведении.

– Я не возражаю против того, чтобы прибегнуть к услугам старшей девушки, – сказал Барнс. – Но оставьте младшую поблизости – вдруг, когда сюда придут остальные, у них возникнут возражения.

Я гадала, сколько «остальных» к нам присоединятся. Кабинет у отца, конечно, большой, но не безразмерный. И очевидно, чем больше людей придет, тем важнее событие. По спине у меня пробежал холодок, когда я задалась вопросом – какое же предстоит задание. Мне приходилось наблюдать, как алхимики управлялись с очень серьезными проблемами с помощью всего одного или двух человек. Насколько же грандиозным будет дело, для которого нужна такая мощная подмога?

– Что требуется от меня? – впервые высказался Горовиц.

– Обнови татуировку Сидни, – решительно сказала Стэнтон. – Даже если она не поедет, не помешает укрепить заклинание. Нет смысла метить Зою, пока мы не выясним, как с ней поступить.

Я метнула взгляд на чистые – и бледные – щеки сестры.

Да. Пока на щеке ее нет лилии, она свободна. Как только твою кожу разукрасят татуировкой, пути назад нет. Ты принадлежишь к алхимикам.

Всего около года назад меня поразило осознание этого факта. Я просто не думала ни о чем подобном, пока росла. С раннего детства отец вложил в меня убеждение в праведности нашего долга. Я все еще верила в эту праведность, но мне бы хотелось, чтобы отец упомянул в ту пору еще и о том, какую огромную часть моей жизни поглотит этот долг.

Горовиц установил в дальнем конце отцовского кабинета складной стол. Похлопав по столешнице, он дружески мне улыбнулся.

– Подходи, не стесняйся! – сказал он мне. – Получи свой билет.

Барнс кинул на него неодобрительный взгляд.

– Пожалуйста, не мог бы ты выказать чуть больше уважения к ритуалу, Дэвид.

Горовиц только пожал плечами. Он помог мне лечь, и, хотя я слишком опасалась остальных, чтобы открыто ответить на его улыбку, надеюсь, в глазах моих он смог прочесть благодарность. Он снова улыбнулся, показывая, что все понимает.

Повернув голову, я наблюдала, как Барнс благоговейно ставит на край стола черный чемоданчик. Другие алхимики собрались вокруг и сложили руки перед собой. Я поняла, что Барнс – жрец. В своей деятельности

алхимики в основном опирались на науку, но некоторые задачи предполагали поддержку свыше. В конце концов, наша главная миссия – защищать людей – основывалась на вере в то, что вампиры противоестественны и выступают против воли Божьей. Вот почему жрецы работали бок о бок с нашими учеными.

– Господи, благослови эти эликсиры, – нараспев проговорил Барнс. – Убери налет зла, если таковой имеется в них, чтобы живительная их сила полностью воссияла для нас, Твоих слуг.

Он открыл чемоданчик и вынул четыре маленьких сосуда, наполненных темно-красной жидкостью. На каждом были ярлычки, которые я не смогла прочесть. Твердой рукой, наметанным глазом Барнс отмерил жидкость из каждого сосуда в бутылочку побольше, после чего вынул маленький пакетик порошка и высыпал в ту же бутылочку. В воздухе ощутилось покалывание; содержимое бутылки окрасилось в золотой цвет. Барнс протянул ее Горовицу, который стоял со шприцем наготове.

Все расслабились; торжественная часть осталась позади.

Я послушно повернула голову, подставив щеку. Мгновение спустя на меня упала тень Горовица.

– Немножко будет жечь, но не так сильно, как тогда, когда ее делали в первый раз. Это просто ретушь, – добродушно объяснил он.

– Знаю, – ответила я. Меня уже однажды татуировали повторно. – Спасибо.

Игла уколола меня, и я попыталась не вздрогнуть. И вправду жгло, но Горовиц сказал правду – он не делал новую татуировку, а просто вводил немного чернил в уже нанесенную, возвращая ей силу.

Я решила, что это добрый знак. Возможно, Зое до сих пор грозила опасность, но меня бы не потрудились метить заново, если бы просто собирались отправить на переобучение.

– Пока мы ждем, можете коротко объяснить, что происходит? – спросил отец. – Мне сказали только, что вам нужна совсем юная девушка.

Он произнес это так, будто девушка была лишь расходным материалом. Я подавила волну гнева. Вот и все, что мы значим для отца.

– У нас сложилась непростая ситуация, – услышала я голос Стэнтона. В конце концов я получу кое-какие ответы на вопросы. – С мороем.

Я тихо вздохнула с облегчением. Лучше морои, чем стригои. Любая «ситуация», с которой сталкивались алхимики, всегда касалась одной из рас вампиров, и я в любое время предпочла бы иметь дело с живыми вампирами, а не с убийцами.

Иногда морои казались почти людьми (хотя никому из

присутствующих я бы об этом не сказала) и, как и мы, жили и умирали. А стригои, эти не-мертвые кровожадные вампиры, были извращенной ошибкой природы. Стригои появлялись на свет не естественным путем, они возникали тогда, когда стригой заставлял жертву пить его кровь либо когда морой намеренно забирал жизнь другого, выпивая его досуха. Встреча со стригоем обычно заканчивалась чьей-нибудь смертью.

В голове моей прокручивались всевозможные сценарии, пока я раздумывала, что именно побудило нынче ночью алхимиков к действиям. Был замечен кто-нибудь с клыками? «Кормилец» сбежал и разболтал обо всем? Морой попал на лечение к докторам-людям? С такого рода проблемами алхимики сталкивались чаще всего, и именно для решения таких задач меня готовили. Но почему же сейчас для подобного дела понадобилась юная девушка, оставалось загадкой.

– Вы знаете, что в прошлом месяце морои выбрали новую королеву, совсем девочку, – сказал Барнс.

Я отчетливо представила себе, как, говоря это, он закатывает глаза.

Все в комнате утвердительно загудели. Конечно, они знали об этом. Алхимики уделяли пристальное внимание политическим событиям в мире мороев. Было крайне важно знать, что происходит среди этих вампиров, чтобы держать их в секрете от остального человечества (и беречь остальное человечество от вампиров). Такова была наша цель – защищать своих братьев. Мы были увлечены доктриной «познай своего врага». Девушке, которую морои выбрали своей королевой, Василисе Драгомир, исполнилось восемнадцать лет, столько же, сколько и мне.

– Не напрягайся, – ласково сказал Горовиц.

Я и не осознавала, что напрягаюсь. Я попыталась расслабиться, но, думая о Василисе Драгомир, не могла не вспомнить и о Розе Хэзевей. Я с беспокойством гадала, не поспешила ли с выводами, будто мне не грозит беда. К счастью, Барнс просто продолжал свою историю, не упоминая о моей косвенной связи с юной королевой и ее окружением.

– Ну, это стало потрясением не только для нас, но и для всего их народа. Было много протестов и волнений. Никто не попытался напасть на юную Драгомир, наверное, просто потому, что ее слишком хорошо охраняли. Вот почему враги нашли обходной путь – ее сестру.

– Джил, – вырвалось у меня.

Горовиц поцокал языком, журя меня за то, что я шевельнулась. А я тут же пожалела о своей осведомленности насчет мороев и о том, что привлекла к себе внимание. Тем не менее в голове у меня промелькнул образ Джиллиан Мастрано – высокой, раздражающе стройной, подобно

всем мороям, с большими бледно-зелеными глазами. Глаза эти как будто всегда были встревоженными, и для тревоги имелись веские причины. В пятнадцать лет Джил выяснила, что она незаконнорожденная сестра Василисы, стало быть, единственный член королевского рода помимо самой Лиссы. И Джил была связана с тем делом, в которое я впуталась нынче летом.

– Вы знаете их законы, – продолжала Стэнтон после короткого неловкого молчания.

В ее тоне ясно угадывалось общее мнение алхимиков по поводу моройских законов. Выборная монархия? Это было чушью, но чего еще следовало ожидать от таких противоестественных созданий, как вампиры?

– Василиса не может оставаться на троне, если не будет иметь еще хотя бы одного члена семьи. Поэтому враги решили – если они не могут убрать саму королеву, то устранят ее сестру.

По моей спине пробежал холодок от того, что означали эти слова, и я снова, не подумав, подала голос:

– Что-то случилось с Джил?

На сей раз я хотя бы выбрала момент, когда Горовиц заново наполнил шприц, поэтому не рисковала испортить татуировку.

Представляя себе порицание в глазах отца, я прикусила губу, чтобы больше ничего не произнести. Принимая во внимание мое шаткое положение, меньше всего на свете мне хотелось бы выказать участие к морю. Я не питала сильной привязанности к Джил, но мысль о том, что кто-то пытается убить пятнадцатилетнюю девочку – ровесницу Зои, – была невыносимой, к какой бы расе ни принадлежала эта девочка.

– Пока неясно, – задумчиво сказала Стэнтон. – На нее напали, это нам известно, но мы не можем сказать, ранили ее или нет. Как бы там ни было, сейчас она в порядке, но на нее покушались при ее же дворе, что доказывает – у них есть предатель в высших кругах.

Барнс с отвращением фыркнул.

– А чего еще вы могли ожидать? Как ее раса ухитрилась просуществовать так долго, не обращаясь против своих же, – превыше моего понимания.

Раздался одобрителный гул.

– Как бы это ни было нелепо, но гражданская война у мороев нам совсем не нужна, – проговорила Стэнтон. – Некоторые морои протестовали достаточно шумно и могли привлечь внимание человеческой прессы. Мы не можем этого допустить. Необходимо, чтобы у них было крепкое правительство, а это значит, что мы должны позаботиться о безопасности

девочки. Если они не могут доверять самим себе, пусть доверятся нам.

Было бесполезно указывать на то, что морои вообще-то не доверяют алхимикам. Но поскольку мы не были заинтересованы в убийстве моройской королевы и ее семьи, я предположила, что благодаря этому мы заслуживаем доверия больше, чем другие.

– Нам нужно сделать так, чтобы девочка исчезла, – заключил Михаэльсон. – По крайней мере, до тех пор, пока морои не отменят закон, делающий правление Василисы таким непрочным. Сейчас небезопасно прятать Мастрано среди ее народа, поэтому нам нужно скрыть ее среди людей.

Я уловила презрение в его голосе.

– Но важно также, чтобы люди не поняли, кто находится среди них. Наша раса не должна узнать о существовании мороев.

– После совещания со стражами мы выбрали для нее как будто бы безопасное укрытие – и от мороев, и от стригоев, – подхватила Стэнтон. – Однако, чтобы она и те, кто будет с ней, остались незамеченными, нам пригодится алхимик, преданный только ее интересам, на случай осложнений.

– Это пустая трата наших ресурсов, – решительно заявил отец. – Не говоря уж о том, как невыносимо будет кому-то с ней оставаться.

У меня появилось тягостное предчувствие насчет того, что сейчас должно произойти.

– Вот почему мы вызвали Сидни, – сказала Стэнтон. – Нам бы хотелось, чтобы она была тем алхимиком, который будет сопровождать Джиллиан, пока та скрывается.

– Что?! – воскликнул отец. – Вы шутите!

– Почему? – Стэнтон говорила спокойным, ровным тоном. – Они почти ровесницы, поэтому ни у кого не возникнет подозрений, если они будут держаться вместе. К тому же Сидни уже знакома с девушкой. Для нее это не будет столь «невыносимо», как для остальных алхимиков.

Подтекст был абсолютно ясен. Я не избавилась от своего прошлого, пока нет. Горовиц помедлил и поднял иглу, давая мне шанс заговорить. Мысли мои неслись вскачь. От меня ожидали ответа. Я не хотела показывать, как меня расстроил этот план. Мне нужно было восстановить среди алхимиков свое доброе имя, проявить готовность подчиняться приказам. С другой стороны, мне не хотелось и делать вид, будто я слишком хорошо общаюсь с вампирами и полулюдьми – дампирями.

– Проводить время с любым из них всегда невесело, – сказала я, стараясь говорить невозмутимо. – Сколько бы ты с ними ни общался. Но я

сделаю все, чтобы сберечь нашу – и общую – безопасность.

Мне не нужно было объяснять, что слово «общая» касалось людей.

– Вот, Джаред, слышишь?

Судя по тону, Барнс остался доволен ответом.

– Девушка понимает свой долг. Мы уже сделали кое-какие приготовления, чтобы дело прошло гладко, и уж конечно, не пошлем ее туда одну. Тем более что девчонка-моройка тоже будет не одна.

– Что вы имеете в виду?

Мой отец явно не обрадовался, и я гадала, из-за чего он расстраивается больше всего. Он и вправду думает, что мне может грозить опасность? Или просто беспокоится, как бы, проводя еще больше времени с мороями, я совсем не растеряла верность алхимикам?

– Сколько отправляется мороев?

– Они посылают дампира, – ответил Михаэльсон. – Одного из ее стражей, и меня это совершенно не тревожит. В месте, которое мы выбрали, не должно оказаться стригоев. А если даже они там окажутся, пусть лучше сражаются с этими монстрами, а не с нами.

Стражами – отборными телохранителями, защищавшими мороев, – становились специально обученные дампиры.

– Ну вот, – сказал мне Горовиц, сделав шаг назад. – Можешь сесть.

Я послушалась, сопротивляясь желанию прикоснуться к щеке. Во время его работы я почувствовала лишь жжение от прикосновений иглы. Но я знала, что меня снабдили могучей магией, которая даст мне сверхчеловеческую иммунную систему и помешает говорить с обычными людьми о вампирских делах. Я пыталась не думать о другом – о том, откуда такая магия берется. Татуировка была необходимым злом.

Остальные все еще не обращали на меня внимания... Ну, все, кроме Зои. Она по-прежнему выглядела сбитой с толку, испуганной и продолжала тревожно глядеть в мою сторону.

– Возможно, присоединится еще один морой, – продолжала Стэнтон. – Честно говоря, я не совсем понимаю почему, но они очень настаивали на том, чтобы он приехал с Мастрано. Мы заявили, что чем меньше мороев придется прятать, тем лучше, но... Ладно. Кажется, они считают это необходимым. Мне было сказано, что там для него все приготовят. Думаю, это один из Ивашковых. Неважно.

– «Там» – это где? – спросил отец. – Куда вы хотите послать Сидни?

Превосходный вопрос. Я гадала о том же. Моя первая штатная работа с алхимиками забросила меня за полмира, в Россию. Если алхимики намереваются спрятать Джил, трудно сказать, в какую даль они ее отправят.

На мгновение я осмелилась помечтать о том, что мы окажемся в городе моих грез, в Риме. Легендарные произведения искусства и итальянская еда казались хорошим способом компенсировать бумажную волокиту и вампиров.

– Палм-Спрингс^[2], – сказал Барнс.

– Палм-Спрингс? – эхом отозвалась я.

Это было не то, чего я ожидала. Когда я думала о Палм-Спрингсе, мне на ум приходили кинозвезды и площадки для игры в гольф. Не совсем римские каникулы^[3], но это и не Арктика.

Легкая улыбка тронула губы Стэнтон.

– Этот город в пустыне, там много солнца. Совершенно неприемлемо для стригов.

– А не будет ли климат неприемлем и для мороев? – озабоченно спросила я.

Солнце не убивает мороев в отличие от стригов, но чрезмерное пребывание на солнце все же вредит их здоровью.

– Что ж... возможно, – признала Стэнтон. – Но легкие неудобства стоят безопасности, которую гарантирует это место. Если моройка будет проводить большую часть времени в доме, все будет в порядке. К тому же это отобьет у других мороев охоту явиться и...

За окном послышался звук захлопнувшейся дверцы машины, который привлек всеобщее внимание.

– А! – сказал Михаэльсон. – Вот и он. Я открою.

Он выскользнул из мастерской и, наверное, двинулся к передней двери, чтобы впустить приехавшего человека. Несколько мгновений спустя я услышала голос этого парня; Михаэльсон уже вернулся к нам.

– Папа не мог выбраться, поэтому послал меня, – говорил вновь прибывший.

Дверь в мастерскую открылась, и у меня остановилось сердце.

«Нет, – подумала я. – Кто угодно, только не он».

– Джаред, – сказал вошедший, заметив моего отца. – Как приятно снова тебя видеть.

Отец, который за всю ночь едва удостоил меня взглядом, широко улыбнулся.

– Кит! А я гадал, как ты поживаешь.

Они пожали друг другу руки, и по моему телу прокатилась волна отвращения.

– Это Кит Дарнелл, – сказал Михаэльсон, представляя его остальным.

– Сын Тома Дарнелла? – спросил Барнс.

Это явно произвело на него впечатление. Том Дарнелл был легендарным предводителем алхимиков.

– Он самый, – жизнерадостно сказал Кит.

Он был лет на пять старше меня, с волосами чуть более светлыми, чем мои. Я знала, что множество девушек считают его привлекательным. А я? Я терпеть его не могла. И меньше всего ожидала увидеть здесь его.

– И наверное, вы знакомы с сестрами Сейдж, – сказал Михаэльсон.

Сперва Кит обратил на Зою взгляд своих голубых глаз, которые чуть-чуть отличались по цвету один от другого. Один глаз, сделанный из стекла, тупо смотрел вперед и вообще не двигался. Второй подмигнул Зое, и ухмылка Кита стала шире.

«Он все еще может подмигивать, – разъяренно подумала я. – Это раздражающее, тупое, снисходительное подмигивание!»

Но, с другой стороны, почему бы Киту было не подмигивать? Все мы слышали о несчастном случае, который произошел с ним в прошлом году. Тогда он лишился глаза. Кит все-таки выжил и сохранил один глаз, но почему-то в глубине души я считала, что потеря глаза отучит его от раздражающего подмигивания.

– Маленькая Зоя! Посмотри-ка, совсем взрослая, – добродушно сказал он.

Я не вспыхиваю, вовсе нет, но внезапно мне захотелось врезать ему за то, что он вот так смотрит на мою сестру. Зоя умудрилась улыбнуться, явно почувствовав облегчение оттого, что видит знакомое лицо. Однако, когда Кит повернулся ко мне, все его обаяние и дружелюбие исчезли. И наши чувства были взаимны.

Жгучая черная ненависть, поднимающаяся во мне, была такой всепоглощающей, что лишь спустя мгновение я смогла ответить.

– Здравствуй, Кит, – натянуто сказала я.

Кит даже не попытался подражать моей вынужденной вежливости. Он тут же повернулся к старшим алхимикам:

– Что она здесь делает?

– Мы знаем, что вы требовали Зою, – ровным тоном ответила Стэнтон, – но, поразмыслив, решили: будет лучше, если это задание выполнит Сидни. Ее жизненный опыт перевешивает все ее прежние прегрешения.

– Нет, – быстро сказал Кит, обратив на меня взгляд суровых голубых глаз. – Она не может поехать, тут и думать нечего. Я ни за что не доверюсь какой-то подружке вампиров, чтобы та провалила нас всех. Мы берем ее

сестру.

Глава вторая

У некоторых из присутствующих, без сомнения, перехватило дыхание, когда Кит произнес слова «подружка вампиров». Ни одно из этих слов само по себе не было ужасным, но вместе... В общем, они олицетворяли идею, которая была проклятием для всего, за что ратовали алхимики. Мы прилагали все усилия, чтобы защитить людей от вампиров. Заключение тайного соглашения с этими созданиями считалось чуть ли не самым низким поступком, в котором могли бы обвинить каждого из нас. Даже допрашивавшие меня раньше другие алхимики были осторожны в выборе слов.

Слова, которые произнес Кит, были почти неприличными. Горовиц, кажется, рассердился из-за того, как со мной обошлись. Он открыл рот, будто собирался бросить не менее резкую реплику, но быстро посмотрел на меня и Зою, передумал и промолчал. Однако Михаэльсон не смог удержаться и, сделав оберегающий жест, пробормотал:

– Защити нас всех.

Однако меня по-настоящему взбесила не кличка, которой наградил меня Кит (хотя она определенно бросила меня в озноб). Куда больше вывела меня из себя реплика, небрежно брошенная Стэнтон чуть раньше: «Мы знаем, что вы требовали Зою».

Кит для задания требовал Зою? Моя решимость держать ее подальше от этих дел стремительно укреплялась. При мысли о том, что Зоя уедет с ним, я невольно сжала кулаки. Все здесь могли считать Кита Дарнелла очаровательным малым, но я знала его лучше. Ни одну девушку – не говоря уж о моей сестре – не следовало с ним оставлять.

– Кит, я могу уважать ваши чувства, но вы не в том положении, чтобы диктовать условия, – ласково предупредила Стэнтон.

Он покраснел.

– Палм-Спрингс – мой участок! Я имею полное право выбирать, кто отправится на мою территорию.

– Мне понятно, почему ты так считаешь, – сказал отец.

Невероятно! Если бы я или Зоя вот так же поставили под сомнение авторитет вышестоящих, отец без колебаний рассказал бы нам о наших «правах»... Вернее, о том, что у нас нет никаких прав. Кит провел с нашим отцом одно лето – молодые алхимики иногда поступали так во время обучения, – и отец стал считать его сыном, которого никогда не имел. Даже

тогда у него были двойные стандарты: одно дело – мы, другое дело – Кит. Время и расстояние явно этого не изменили.

– Может, Палм-Спрингс и ваш участок, – решительно заявила Стэнтон, – но задание охватывает такие места, которые находятся далеко за пределами вашей компетенции. Вы крайне важны для координации, да, но никоим образом не обладаете верховной властью.

Я подозревала, что в отличие от меня Стэнтон каждый день раздает людям оплеухи. Похоже, сейчас ей захотелось поступить точно так же с Китом. Забавно, что она стала моей защитницей, ведь я была почти уверена: она не купилась на историю о том, будто я использовала Розу для продвижения собственной карьеры.

Кит сделал над собой заметное усилие, чтобы успокоиться, мудро рассудив, что детская невыдержанность ни к чему хорошему не приведет.

– Понимаю. Но я просто беспокоюсь об успехе миссии. Я знаю обеих девочек Сейдж. Даже до того «случая» с Сидни у меня имелись на ее счет серьезные опасения. Но я посчитал – она уже переросла трудный возраст, поэтому в свое время ничего не сказал. Теперь я вижу, что ошибся. Даже тогда я всерьез думал, что Зоя была бы для семьи куда лучшим выбором. Не обижайтесь, Джаред.

Он повернулся к отцу с улыбкой, которой полагалось быть очаровательной. Тем временем мне становилось все труднее и труднее скрывать свое недоверие.

– Когда ты жил у нас, Зое было всего одиннадцать лет, – сказала я. – Как, черт возьми, ты мог прийти к таким умозаключениям?

В ту пору я ни на минуту не купилась на то, что «интересую» его. Нет, беру свои слова обратно. Вероятно, я и вправду интересовала Кита в последний день его пребывания здесь, когда я высказала ему в лицо его грязный секрет, который он так тщательно скрывал. Я почти не сомневалась, что из-за этого сейчас весь сыр-бор. Он был заинтересован в моем молчании. Мои приключения с Розой были просто предлогом, чтобы убрать меня с пути.

– Зоя всегда была очень развита для своих лет, – сказал Кит. – Иногда просто сразу понимаешь, что к чему.

– Зоя никогда не встречала стригоя, не говоря уж о морое! Она, наверное, окаменеет, если их увидит. То же самое относится к большинству алхимиков, – заметила я. – Кого бы туда ни послали, ему придется выдержать существование бок о бок с ними. Вы можете как угодно расценивать мои доводы, но я привыкла к стригоям и мороям. Они мне не нравятся, но я могу с ними мириться. Зоя прошла лишь самое начальное

обучение – и только домашнее. Все продолжают твердить, что задание очень серьезное. Вы и в самом деле хотите рискнуть и обречь себя на результаты, к которым могут привести неопытность и необоснованные страхи?

Я закончила, гордясь собой – мне удалось сохранить спокойствие и привести столь резонный довод.

Барнс беспокойно шевельнулся.

– Но если у Кита появились сомнения много лет назад...

– Я считаю, что Зоя все-таки достаточно обучена и справится с заданием, – сказал отец.

Пять минут назад он не возражал против того, чтобы вместо нее отправилась я! Меня вообще кто-нибудь слушал? Теперь, когда Кит был здесь, я как будто сделалась невидимкой. Горовиц мыл и убирал свои татуировочные инструменты, но поднял глаза и насмешливо бросил Барнсу:

– Ты сказал ключевые слова: «много лет назад». Тогда Кит был ненамного старше этих девушек.

Горовиц закрыл свой чемоданчик с инструментами и небрежно прислонился к стене, скрестив на груди руки.

– Я не сомневаюсь в тебе, Кит. Вовсе нет. Но я не совсем уверен, что ты можешь основывать свое мнение о ней на воспоминаниях о вашем детстве.

Если следовать логике Горовица, он давал понять, что я все еще ребенок, но мне было плевать. Он отпустил свое замечание небрежно, но все-таки выставил Кита идиотом. Кит тоже это понял и покраснел.

– Я того же мнения, – сказала Стэнтон, явно теряющая терпение. – Сидни очень хочет получить задание. А мало кто захотел бы этого, учитывая, что выполнение его предполагает совместное проживание с вампиром.

«Очень хочется»? Не совсем так. Все, чего я хотела, – это защитить Зою и вернуть себе доверие алхимиков. Если это означало идти против Кита Дарнелла, что ж, так тому и...

– Подождите, – вмешалась я, прокручивая в голове слова Стэнтон. – Вы говорите – совместное проживание с вампиром?

– Да, – ответила Стэнтон. – Хоть девушка-морейка и скрывается, все равно она должна вести какое-то подобие нормальной жизни. Мы решили убить разом двух зайцев и записали ее в частную подготовительную школу. Там она получит и жилье, и образование. Мы устроим так, что вы с ней будете жить в одной комнате.

– Это же не означает... не означает, что мне придется пойти в школу? – спросила я, теперь слегка сбита с толку. – Я уже закончила учебу.

По крайней мере, окончила среднюю школу. Я несколько раз говорила отцу о своем желании поступить в колледж. А он ясно давал понять, что не видит в том необходимости.

– Видите? – обрадовался Кит подвернувшейся возможности. – Она слишком взрослая. Зоя лучше подходит по возрасту.

– Сидни может сойти за старшеклассницу. Она как раз подходящего возраста.

Стэнтон окинула меня быстрым оценивающим взглядом.

– Кроме того, ты же получала образование дома, верно? Это будет для тебя новым жизненным опытом. Сможешь восполнить то, что упустила.

– Думаю, тебе будет легко учиться, – нехотя проговорил отец. – Твое образование лучше любого, какое они могут предложить.

«Милый, но сомнительный комплимент, папа».

Я боялась показать, как сильно беспокоит меня задание. Моя решимость уберечь от него Зою не изменилась, но обстоятельства все более усложнялись.

Вновь посещать уроки. Жить в одной комнате с вампиром. Заботиться о безопасности Джил. И хотя я похвалялась, насколько спокойно чувствую себя рядом с вампирами, мысль о том, что придется делить с одним из них жилище – даже с такой вроде бы кроткой девочкой, как Джил, – выбивала меня из колеи. Были и еще кое-какие проблемы...

– Ты тоже будешь притворяться учеником? – спросила я Кита.

Я представила, как одалживаю ему свои тетрадки с конспектами, и меня снова затошнило.

– Конечно нет, – оскорбленно ответил он. – Я слишком взрослый. Я буду связным того региона.

Я готова была побиться об заклад, что Кит секунду назад придумал эту должность.

– Моя работа заключается в том, чтобы все координировать и докладывать о выполнении нашему начальству. И я не собираюсь этим заниматься, если там будет она!

Произнося последнюю фразу, Кит переводил взгляд с одного лица на другое, но не оставалось сомнения, кто такая «она».

– Ну так не занимайтесь, – напрямик заявила Стэнтон. – Сидни едет. Таково мое решение, и я буду отстаивать его в любой высшей инстанции, в какую вы захотите обратиться. Если вы так настроены против ее назначения, мистер Дарнелл, я лично прослежу за тем, чтобы вас перевели

из Палм-Спрингса и больше вам не пришлось иметь с Сидни никаких дел.

Взгляды всех присутствующих обратились к Киту, и тот заколебался. Я поняла, что Стэнтон поймала его в ловушку. Нетрудно было сообразить: в Палм-Спрингсе, с его-то климатом, вампиры не слишком активны. Работы у Кита, вероятно, практически не было, не то что у меня в Санкт-Петербурге, где непрерывно приходилось заниматься уничтожением останков. То место было раем для вампиров, как и некоторые другие места в Европе и Азии, куда брал меня с собой отец. Не говоря уже о Праге. Если Кита переведут, он рискует не только получить нагрузку побольше, но и угодить в гораздо худшее место. Потому что, хотя Палм-Спрингс непривлекателен для вампиров, для людей этот город просто прекрасен.

Все это было написано на лице Кита. Он не хотел покидать Палм-Спрингс.

– А если она отправится туда и у меня появятся причины снова подозревать ее в измене?

– Тогда подайте рапорт, – сказал Горовиц, подавляя зевок. Кит явно не произвел на него впечатления. – Как подали бы рапорт о любом другом.

– Тем временем я могу форсировать обучение Зои, – сказал отец, почти извиняясь перед Китом.

Было ясно, на чьей стороне отец. Не на моей. И даже не на стороне Зои.

– Тогда, если ты будешь жаловаться на Сидни, мы сможем ее заменить.

Если жаловаться на меня будет именно Кит, ничего хорошего мне ожидать не приходилось. Но это беспокоило меня далеко не так сильно, как мысль о том, что в дело до сих пор впутана Зоя. Если отец продолжает держать ее в запасе, она все еще в опасности. Алхимики по-прежнему могут ее заполучить – и Кит тоже.

И тогда я поклялась: чего бы это ни стоило, я позабочусь, чтобы у Кита не было причин жаловаться на меня, даже если мне придется кормить его из рук виноградом.

– Прекрасно, – сказал Кит. Похоже, ему было очень трудно выговорить это. – Пусть Сидни туда отправляется... пока. Я буду за тобой наблюдать. – Он впился в меня взглядом. – И не собираюсь тебя подменять. Ты будешь отвечать за то, чтобы контролировать ту девчонку-вампира, и за то, чтобы привозить ее на «кормления».

– На «кормления»? – тупо переспросила я.

Ах да! Конечно. Джил понадобится кровь. На мгновение моя уверенность поколебалась.

Легко говорить о нахождении рядом с вампирами, когда ни одного из

них нет поблизости. Еще легче – пока не думаешь о том, что делает вампиров вампирами. Кровь. Та ужасная, противоестественная потребность, которая обеспечивает их существование.

В моей голове промелькнула пугающая мысль – и исчезла так же быстро, как появилась.

«Я что, буду давать ей свою кровь?»

Нет. Что за нелепость! Эту грань алхимии никогда бы не перешли.

Сглотнув, я попыталась скрыть охватившую меня на мгновение панику.

– Какие у вас планы насчет ее «кормлений»?

Стэнтон кивнула Киту.

– Вы объясните?

Думаю, она давала ему шанс ощутить свою значимость, чтобы реабилитироваться после былых поражений. Кит обеими руками ухватился за этот шанс.

– Нам известен всего один морой, живущий в Палм-Спрингсе, – сообщил он.

Глядя на него, внезапно я заметила, как щедро покрыты гелем его взъерошенные светлые волосы. Из-за этого они маслянисто блестели, что вовсе не казалось мне привлекательным. К тому же я не доверяла ни одному парню, использующему больше косметических средств, чем я сама.

– И если хотите знать мое мнение, этот морой – сумасшедший, – продолжал Кит. – Но безобидный сумасшедший, насколько морой вообще может быть безобидным. Он – старый затворник, живущий за городом. У него пунктик насчет моройских властей, он не признает их правительство, поэтому никому не расскажет, где вы с девчонкой находитесь. Но самое главное – у него есть «кормилец», которым он готов поделиться.

Я нахмурилась.

– Вы и вправду хотите, чтобы Джил общалась с каким-то мороем-диссидентом? Главная наша цель – сохранить стабильное правительство. Если мы сведем Джил с бунтовщиком, откуда нам знать, что он не попытается ее использовать?

– Отличный довод, – сказал Михаэльсон.

Казалось, он сам удивился такому своему признанию.

Я не собиралась подрывать репутацию Кита. Просто, как это было мне свойственно, заметила возможную проблему и указала на нее. Но судя по взгляду, который бросил на меня Кит, мое замечание выглядело так, словно я намеренно пыталась дискредитировать его и выставить в дурном свете.

– Мы не расскажем морю, кто она, это же очевидно, – ответил мне

Кит. В его здоровом глазу сверкнул гнев. – Было бы глупо о таком распространяться. И он не входит ни в одну из группировок. Он вообще сам по себе. Он уверен, что морои и их стражи подвели его, поэтому не хочет иметь с ними дела. Я скормил ему историю о том, что семья Джил настроена так же антиобщественно, поэтому он проникся к ней сочувствием.

– Ты правильно делаешь, что осторожничаешь, Сидни, – заметила Стэнтон.

Она смотрела одобрительно, как будто ей самой нравилось выступать в мою защиту. Это одобрение многое для меня значило, учитывая, какой свирепой она иногда казалась.

– Мы не можем делать поспешные выводы ни об одном из них. Хотя мы проверили этого мороя у Эйба Мазура, и тот согласился, что морой достаточно безобиден.

– Эйб Мазур? – презрительно усмехнулся Михаэльсон и почесал седеющую бороду. – Да. Я уверен, он специалист в определении того, кто безобиден, а кто нет.

Мое сердце пропустило удар, когда я услышала имя Мазура.

«Не реагируй, не реагируй», – приказала я своему лицу.

И, сделав глубокий вдох, спросила очень, очень осторожно:

– Эйб Мазур – это тот, кто отправится с Джил? Я встречалась с ним раньше... Но мне показалось, вы говорили, что отправится Ивашков.

Если Эйб Мазур будет проживать в Палм-Спрингсе, это сильно все изменит.

Михаэльсон снова ухмыльнулся.

– Нет, мы никогда бы не послали тебя с Эйбом Мазуром. Он просто помог с организацией этого плана.

– А чем так плох Эйб Мазур? – поинтересовался Кит. – Я его не знаю.

Пока Кит говорил, я очень внимательно смотрела на него, выискивая намеки на ложь. Но нет. Его лицо выражало полнейшую невинность и открытое любопытство. Голубые глаза – вернее, один глаз смотрел с редким замешательством, странным при его обычном высокомерии всезнайки. Имя Эйба ни о чем ему не говорило. Я выдохнула – хотя и не осознавала, что задержала дыхание.

– Он негодяй, – категорически заявила Стэнтон. – Он знает слишком много о вещах, о которых ему не следовало бы знать. Он полезен, но я ему не доверяю.

«Негодяй»? Слишком мягко сказано. Эйб Мазур был мороем, которого в России прозвали Змеем. И это говорило о многом. Эйб оказал мне кое-

какие услуги, и мне пришлось расплачиваться за них, сильно рискуя. В оплату входила и помощь Розе с побегом. Ну, он называл это оплатой, я же называла шантажом.

У меня не было желания встречаться с ним снова, я с опаской ждала возможных новых просьб с его стороны. Да еще и не к кому было пойти за помощью! Узнай мое начальство, что в придачу к другой моей самовольной деятельности с вампирами я еще и заключала с ними сделки на стороне, оно бы не обрадовалось.

– Никому из них нельзя доверять, – заметил мой отец.

Он начертил правой рукой крест на левом плече – этим знаком алхимики защищали себя от злых сил.

– Да уж, Мазур похуже остальных, – сказал Михаэльсон.

Он сдержал зевок, напомнив всем нам, что сейчас глубокая ночь.

– Итак, все готово?

Все загомонили в знак согласия. Судя по мрачному выражению лица Кита, ему ужасно не нравилось, что все пошло не по его задумке. Но он больше не пытался препятствовать мне в моем решении.

– Думаю, теперь мы можем отправиться в любое время, – сказал Кит.

У меня ушла секунда на осознание того, что «мы» означает его и меня.

– Прямо сейчас? – недоверчиво спросила я.

Он пожал плечами.

– Вампиры собираются скоро двинуться в путь. Нужно позаботиться о том, чтобы для них все было подготовлено. Если будем сменять друг друга за рулем, мы сможем прибыть туда завтра после полудня.

– Отлично, – натянуто сказала я.

Поездка на машине вместе с Китом. Черт!

Но что еще я могла ответить? У меня не было выбора. А даже если бы был, разве я могла в моем нынешнем положении отказываться от какой бы то ни было просьбы алхимиков? Нынче ночью я разыграла все карты, и приходилось верить: лучше быть вместе с Китом, чем в центре переобучения. Кроме того, я только что выдержала жестокую битву, чтобы оправдать себя и уберечь Зою. Мне следовало и дальше демонстрировать свою готовность и способность выполнить что угодно.

Отец отослал меня собирать вещи тем же отрывистым тоном, каким раньше приказал привести себя в приличный вид.

Оставив остальных разговаривать, я тихонько пошла наверх, в свою комнату, все еще не забывая, что мама спит. Благодаря неожиданным поездкам, в которые все детство утаскивал меня отец, я стала специалистом по быстрым и умелым сборам. Вообще-то у меня всегда стояла наготове

собранная сумка с туалетными принадлежностями. Сейчас главным была не быстрота, а верное угадывание того, сколько вещей нужно взять с собой. Никто не уточнил, много ли времени уйдет на выполнение задания, и я с тревогой ощущала: вряд ли кто-то знает это. Несколько недель? Целый учебный год? Я слышала, как кто-то упомянул, будто морои хотят отменить закон, из-за которого Джил находилась под угрозой, но этот юридический процесс, похоже, мог занять немало времени. Еще сильнее осложняло ситуацию то, что я даже не представляла, какую одежду носят в средней школе. Была лишь уверена, что в Палм-Спрингсе будет жарко.

В конце концов я уложила свои самые легкие наряды и понадеялась, что мне удастся их стирать.

– Сидни?

Когда Зоя появилась в дверях моей комнаты, я укладывала в сумку ноутбук. Зоя заново заплела косички, теперь они выглядели аккуратнее. Она пыталась произвести впечатление на отца?

– Привет, – улыбнувшись, отозвалась я.

Зоя проскользнула в комнату и закрыла за собой дверь. Я была рада, что она заглянула попрощаться. Я скучала по ней и хотела, чтобы она это знала...

– Почему ты так со мной поступаешь? – требовательно спросила она, не успевшая я вымолвить ни слова. – Ты знаешь, как унизила меня?

Застигнутая врасплох, на несколько мгновений я утратила дар речи.

– Я... О чем ты говоришь? Я пытаюсь...

– Ты выставила меня некомпетентной! – воскликнула Зоя.

Я с удивлением увидела поблескивающие в ее глазах слезы.

– Ты повторяла и повторяла, что у меня нет опыта и что я не смогу сравниться с тобой и папой! Я выглядела идиоткой перед всеми этими алхимиками. И перед Китом.

– Тебе не нужно производить впечатление на Кита Дарнелла, – быстро сказала я, стараясь держать себя в руках.

При виде ярости на лице Зои я вздохнула и мысленно прокрутила в голове беседу в кабинете. Я не пыталась выставить сестру в дурном свете; я просто приложила все силы, чтобы послали меня, а не ее. Я понятия не имела, что Зоя так к этому отнесется.

– Послушай, я не пыталась поставить тебя в неловкое положение. Я хотела защитить тебя.

Она резко засмеялась, и было странно слышать такой гневный смех от столь ласковой девушки, как Зоя.

– Так вот как ты это называешь? Ты сама сказала, что пыталась

получить повышение!

Я скорчила гримасу. Да, я так сказала. Но вряд ли я могла рассказать Зое правду. Ни один человек не знал о том, почему я помогла Розе. Мне было больно оттого, что я лгу своим – особенно сестре, – но я ничего не могла с этим поделать. Как обычно, я почувствовала себя пойманной в ловушку, поэтому ответила уклончиво:

– Ты же никогда не собиралась быть алхимиком. Есть занятия и получше.

– Потому что я не такая смышленная, как ты? – спросила Зоя. – Потому что не говорю на пяти языках?

– Это не имеет никакого отношения к делу, – огрызнулась я. – Зоя, ты замечательная, и, наверное, из тебя получился бы отличный алхимик! Но поверь мне, жизнь алхимиков... Ты не захочешь такой.

Мне хотелось убедить Зою, что она возненавидела бы такую жизнь. Будущее уже не зависело бы от нее, и ей бы никогда уже не пришлось принимать самостоятельные решения. Но мне помешало чувство долга, и я промолчала.

– Я бы справилась, – сказала она. – Я помогла бы защитить нас от вампиров... Если бы так захотел папа.

Ее голос слегка дрогнул, и я внезапно задалась вопросом, что в действительности питало ее желание быть алхимиком.

– Если ты хочешь стать ближе к отцу, найди другой способ. Быть алхимиком, может, и неплохо, но нужно быть готовой к тому, что ты уже не будешь принадлежать себе.

Хотелось бы мне объяснить ей, каково это.

– Ты не захочешь жить такой жизнью.

– Потому что тебе не хочется ею делиться? – выпалила Зоя.

Она была на несколько дюймов ниже меня, но сейчас в ней бушевали такая ярость и такой гнев, что сестра как будто заполняла собой всю комнату.

– Нет! Я не... Ты не понимаешь, – в конце концов только и смогла сказать я.

Мне хотелось раздраженно всплеснуть руками, но я, как всегда, сдержалась.

Взгляд Зои призван был обратить меня в лед.

– О, думаю, я прекрасно все понимаю.

Она резко повернулась и быстро вышла, все еще ухитряясь двигаться тихо. Страх перед отцом был сильнее гнева на меня.

Я устала туда, где она только что стояла. Я чувствовала себя

отвратительно. Как Зоя могла подумать, что я и впрямь пытаюсь отобрать у нее всю славу и выставить ее в дурном свете?

«Потому что именно так ты и сказала», – заметил мой внутренний голос.

Допустим, но я никак не предполагала оскорбить Зою. Я не знала, что ей хотелось стать алхимиком. Даже теперь я гадала, не желает ли она принять участие в деле по единственной причине: доказать отцу, что чего-то стоит.

Какими бы ни были ее мотивы, теперь уже ничего нельзя было предпринять. Может, мне и не нравилось, сколь деспотически обошлись со мной алхимики, но я все еще горячо верила: своими действиями они защищают людей от вампиров. И если Джил удастся уберечь от ее же народа, это, конечно же, поможет избежать гражданской войны. Я могла выполнить свою работу, и выполнить хорошо. А Зоя... Пусть у нее останется свобода добиваться в жизни чего захочет.

– Почему ты так долго? – спросил отец, когда я вернулась в кабинет.

Беседа с Зоей задержала меня на пару минут, и для отца это было уже слишком большим промедлением. Я даже не попыталась ответить.

– Мы отправляемся, как только ты будешь готова, – сказал мне Кит.

Пока я была наверху, его настроение изменилось. Теперь он излучал дружелюбие, настолько сильное, что удивительно, как все не распознали фальшь. Наверное, Кит решил попытаться вести себя со мной помягче – или в надежде произвести впечатление на остальных, или чтобы ко мне подлизаться. Ведь я могла раскрыть кое-какие его секреты.

Но хотя Кит и нацепил свою поддельную улыбку, в его позе, в том, как он скрестил на груди руки, чувствовалась натянутость. Все это ясно говорило: он не больше меня радуется, что нам предстоит работать вместе.

– Я могу вести машину большую часть времени, – заметил Кит.

– Я и сама могу, – ответила я, пытаясь не смотреть в его стеклянный глаз.

Я не чувствовала себя в безопасности, когда меня вез кто-то с таким ограниченным зрением.

– Мне бы хотелось поговорить с Сидни наедине, прежде чем она отправится в путь. Если не возражаете, – сказал отец.

Никто не возражал, и он провел меня на кухню и закрыл за нами дверь. Несколько мгновений мы просто молча стояли друг против друга, скрестив на груди руки.

Внезапно я понадеялась: отец хочет сказать, что сожалеет о случившемся между нами этой ночью, прощает меня и любит. Честно

говоря, я была бы счастлива, если бы он захотел по-отечески проститься со мной наедине.

Отец внимательно в меня всмотрелся; его карие глаза были так похожи на мои. Но я надеялась, что у меня никогда не будет такого холодного взгляда.

– Я не должен говорить, насколько это важно для тебя, для всех нас.

Вот и надейся на отцовскую теплоту.

– Да, сэр, – ответила я. – Не должны.

– Не знаю, сможешь ли ты загладить бесчестье, которое навлекла на нас, сбежав с ними. Но теперь ты сделаешь шаг в нужном направлении. Не повторяй ошибок. Тебя будут проверять. Подчиняйся приказам. Не дай моройке попасть в беду.

Он вздохнул и пробежал рукой по светлым волосам, которые я унаследовала от него.

«Странно, что у нас так много общего, – подумала я, – и все же мы совершенно разные».

– Слава богу, Кит с тобой. Он знает, что делает.

Я напряглась. В отцовском голосе снова прозвучала нотка гордости, как будто Кит был самым замечательным существом, ходившим по земле. Отец позаботился о том, чтобы я получила полное образование, но, когда с нами жил Кит, брал его в поездки и давал ему уроки, в которых мне не доводилось принимать участие. Мы с сестрами выходили из себя. Нам всегда казалось, отец жалеет о том, что у него есть только дочери, и вот вам доказательство. Но сейчас кровь моя кипела и я стискивала зубы не из-за ревности.

На мгновение мне подумалось: «А если я расскажу отцу о том, что знаю? Что он подумает тогда о своем драгоценном мальчике?»

Но, глядя в жесткие глаза отца, я ответила на собственный вопрос: «Он никогда мне не поверит».

И тут же пришло воспоминание о другом голосе, об испуганном умоляющем лице девушки, которая смотрела на меня большими карими глазами.

«Не рассказывай, Сидни. Поступай как угодно, но не рассказывай о том, что сотворил Кит».

Я не могла ее предать.

Отец все еще ожидал ответа.

Сглотнув, я кивнула.

– Да, сэр.

Отец приподнял брови, явно довольный, и грубо похлопал меня по

плечу. Уже давно он не позволял себе жеста, так сильно смахивавшего на выражение привязанности. Я вздрогнула – и от удивления, и оттого, что нервы мои из-за всей ситуации были на пределе.

– Хорошо.

Отец двинулся к кухонной двери, потом помедлил, оглянувшись на меня:

– Может быть, для тебя еще не все потеряно.

Глава третья

Поездка до Палм-Спрингса была сущим мучением.

Поскольку меня вытащили из постели посреди ночи, я чувствовала себя разбитой и не смогла уснуть, даже когда Кит в свою очередь сел за руль. Слишком много всего нужно было обдумать: Зоя, моя репутация, эта миссия... В голове крутились тревожные мысли. Мне просто хотелось разрешить все проблемы в жизни. И манера Кита вести машину ничуть не облегчала моего состояния.

А еще меня расстраивало, что отец не дал мне попрощаться с мамой. Он все время продолжал твердить: мы должны дать ей поспать, – но я знала правду. Он боялся, вдруг мама, узнав о моем отъезде, попытается нас остановить. Она пришла в ярость из-за моего последнего задания: я отправилась на край света в одиночку лишь для того, чтобы вернуться без малейшего понятия о том, как все будет дальше. По мнению мамы, алхимики просто беспардонно меня использовали. Она сказала отцу – это к лучшему, что от меня, похоже, отказались. Не знаю, смогла бы мама по-настоящему помешать важным планам, но мне не хотелось ставить под угрозу Зою.

От отца я не ожидала теплых прощальных слов, но было странно уезжать, оставляя отношения с сестрой и матерью в таком подвешенном состоянии.

Когда наступил рассвет, ненадолго превративший пустынный пейзаж Невады в сияющее море красного и золотого, я полностью отказалась от попыток уснуть и решила вместо этого как следует зарядиться энергией. Купив пол-литровую порцию кофе на заправочной станции, я заверила Кита, что до конца путешествия смогу править сама. Он с радостью уступил мне руль, но, вместо того чтобы уснуть, тоже купил кофе и весь оставшийся путь доставал меня болтовней.

До сих пор он всячески старался демонстрировать свое новое дружелюбное поведение, и я почти скучала по его прежней враждебности. Я была полна решимости не дать ему ни малейшего повода усомниться во мне, поэтому очень старалась улыбаться и понимающе кивать. Это было трудновато делать со стиснутыми зубами.

Иногда беседа была не так уж тягостна. Деловые разговоры я могла перенести, а нам все еще требовалось обсудить множество деталей. Кит рассказал все, что знал о школе, и я внимательно выслушала описание

моего будущего дома.

Частная подготовительная школа Амбервуд, очевидно, была престижным заведением, и я гадала, не сойдет ли она за колледж. Как и требовалось алхимику, я обладала всеми необходимыми для работы знаниями, но что-то во мне всегда жаждало узнавать все больше. Я научилась довольствоваться чтением и самостоятельными исследованиями, но все же колледж – или даже простое пребывание рядом с теми, кто знает больше и может чему-то меня научить, – о таком я мечтала уже давно.

Как «ученица выпускного класса» я буду иметь привилегии выходить за пределы кампуса, и первым же делом после получения фальшивых документов следовало раздобыть для меня машину. То, что я буду иметь относительную свободу, делало положение вещей чуть более сносным. Хотя Кит с таким энтузиазмом принялся обеспечивать меня собственным транспортом явно лишь для того, чтобы я могла взвалить на себя любую работу, которая подвернется на этом задании.

Кит просветил меня насчет еще одной детали. Я о ней не подумала, а ведь следовало бы.

– Ты и эта девчонка, Джил, будете записаны в школу как сестры, – сообщил он.

– Что?

То, что моя хватка на руле не дрогнула, служило мерилom моего самоконтроля. Жить с вампиром – одно, но быть родственницей вампира?

– Почему? – спросила я.

Краем глаза я увидела, как Кит пожал плечами.

– А почему бы и нет? Это объяснит, почему ты так часто будешь находиться с ней рядом. И это хороший предлог, чтобы вы жили в одной комнате. Обычно школы не селят вместе учащихся разного возраста, но... Ваши «родители» пообещали щедрое денежное пожертвование, которое заставило школу изменить обычные порядки.

Я была так ошеломлена, что меня даже подвела естественная реакция и, против обыкновения, мне не захотелось вlepить Киту пощечину, когда тот закончил говорить с самодовольным хихиканьем.

Я знала, что мы будем жить вместе... Но сестры? Это было... странно. Нет, не просто странно. Нелепо.

– Безумие, – выговорила наконец я, все еще слишком потрясенная, чтобы дать более распространенный ответ.

– Это всего лишь на бумаге, – отозвался Кит.

Верно. Но играть роль родственницы вампира? В этом было нечто такое, что перевернуло вверх тормашками весь привычный для меня

порядок вещей. Я гордилась тем, как научилась держаться рядом с вампирами, но этому помогала вера в мое особое предназначение. Ведь на самом деле я – посторонняя, деловой партнер, временный и отстраненный. Роль сестры Джил уничтожала разделительные линии и предусматривала близкие отношения, а я не была уверена, готова ли к такому.

– Не так уж плохо для тебя будет жить с одной из них, – заметил Кит, барабанив пальцами по окну и еще сильнее раздражая меня этим. Что-то в его слишком небрежной манере заставляло ожидать ловушки. – Тебе не привыкать.

– Сомневаюсь, – сказала я, тщательно подбирая слова. – Я провела с ними максимум неделю. И вообще-то большую часть времени – с дампирями.

– Невелика разница, – пренебрежительно отозвался он. – Пожалуй, дампирьи еще хуже. Они омерзительны. Не люди, но и не вполне вампиры. Плоды противоестественных союзов.

Я не сразу ответила, притворившись, будто сосредоточена на дороге. В словах Кита была истина, в которую верили алхимики. С детства я усвоила: обе расы вампиров, морои и стригои, темные и дурные. Им нужна кровь, чтобы выжить. Какое существо пьет кровь другого? Это было отвратительно, и меня тошнило от одной мысли о том, что скоро я буду возить моройку на «кормления». Но дампирьи... С ними все обстояло сложнее. По крайней мере, для меня теперь обстояло сложнее. Дампирьи были наполовину людьми, наполовину вампирами, появившимися в те времена, когда две расы свободно вступали в связи. За века вампиры отделились от людей, и обе наши расы теперь сходились на том, что подобные отношения – табу. Однако раса дампиров продолжала существовать вопреки всему, вопреки тому факту, что дампирьи не в состоянии порождать дампиров. Они могут появляться только от мороев и от людей, и множество мороев были готовы выполнить эту задачу.

– Верно? – спросил Кит.

Он уставился на меня, ожидая, когда я соглашусь, что дампирьи омерзительны, – а может, надеясь на мои возражения. В любом случае я слишком долго молчала.

– Верно, – сказала я и выдала стандартную фразу алхимиков: – В определенной степени они хуже мороев. Этой расе не положено существовать.

– Ты меня на секунду напугала, – сказал Кит.

Я наблюдала за дорогой, но почти не сомневалась, что он мне подмигнул.

– Я уж было подумал, ты собираешься их защищать. Да, зря я верил историям, которые о тебе рассказывают. Я вполне понимаю, почему ты захотела перетянуть на себя всю славу – но, должно быть, чертовски трудно работать с одним из них.

Я не могла объяснить, почему, проведя немного времени с Розой Хэзевей, легко забыть, что она дампир. Даже физически дампир и люди практически неразличимы. Роза была полна жизни и энергии и казалась человеком в большей степени, чем я сама. Роза явно не согласилась бы на такое задание, сказав лишь с притворной кротостью: «Да, сэр». Не то что я.

Роза не смирилась даже тогда, когда ее упрятали в тюрьму и против нее было все морейское правительство. Шантаж Эйба Мазура послужил катализатором, подстегнувшим меня помочь ей, но я все равно никогда не верила, что Роза совершила убийство, в котором ее обвиняли. Эта уверенность вкупе с нашей хрупкой дружбой заставила меня нарушить правила алхимиков и помочь Розе и ее бойфренду-дампиру, грозному Дмитрию Беликову, ускользнуть от властей.

И в течение всего этого времени я с некоторым изумлением наблюдала, как Роза сражается с целым миром. Я не могла завидовать тому, кто не был человеком, но, без сомнения, восхищалась ее силой – и тем, что она отказывалась сдаться при любых обстоятельствах.

И опять-таки я вряд ли могла рассказать обо всем этом Киту. И, вопреки его разлюбезному поведению, все еще ни на мгновение не поверила, что он внезапно примирился с моей компанией.

Я слегка пожала плечами.

– Я считала, что риск оправдан.

– Понятно, – отозвался он, поняв, что я не собираюсь продолжать. – В следующий раз, решив в делах с вампирами и дампирями нарушать приказы, позаботься о прикрытии, чтобы не влипнуть слишком сильно.

Я усмехнулась.

– Я не собираюсь снова нарушать приказы.

По крайней мере, это было правдой.

Мы добрались до Палм-Спрингса под вечер и немедленно приступили к делу. К тому времени мне до смерти хотелось спать, и даже Кит – несмотря на его говорливость – выглядел слегка усталым. Но мы получили весточку, что Джил и ее сопровождающий прибывают завтра, значит, у нас оставалось очень мало времени на то, чтобы все подготовить.

Во время визита в частную школу Амбервуд выяснилось, что моя «семья» увеличилась. Очевидно, прибывающего вместе с Джил дампир тоже записали в школу под видом нашего брата. И Кит также собирался

быть нашим братом. Когда я спросила его об этом, он объяснил, что нам нужен кто-нибудь из местных, чтобы выступить в качестве нашего опекуна в том случае, если меня или Джил надо будет отпросить с занятий или добиться еще каких-нибудь привилегий. Поскольку наши воображаемые родители жили в другом штате, связаться с ним будет быстрее. Я не могла оспорить эту логику, хотя и считала – быть его родственницей еще омерзительнее, чем иметь в семье дампиров или вампиров. А это говорило о многом.

В водительских правах, полученных от признанного изготовителя фальшивых документов, значилось, что теперь я – Сидни Катерина Мелроуз, из Южной Дакоты. Мы выбрали Южную Дакоту, поскольку решили – местные видели не слишком много водительских прав из этого штата и не смогут распознать изъяна в моих. Не то чтобы я ожидала, будто в документах окажется изъян. Алхимики не связываются с людьми, делающими второсортную работу. А еще мне нравилось изображение горы Рашмор^[4] на правах. Это было одно из немногих мест в Соединенных Штатах, где я никогда не бывала.

День завершился событием, которое я предвкушала больше всего: поездкой к торговцу машинами. Я и Кит препирались с ним почти так же сильно, как друг с другом. Меня вырастили в духе практичности и научили сдерживать свои чувства, но я любила автомобили. То была одна из немногих черт, унаследованных мною от мамы. Она работала механиком, и лучшие воспоминания детства были связаны с нашей совместной работой в гараже. Самую большую слабость я питала к спортивным и старинным автомобилям, особенно с мощными двигателями. Я знала, что такие двигатели вредны для окружающей среды, и все равно они мне так нравились! Однако и речи не было о том, чтобы задействовать такие машины для нашей работы. Кит доказывал, что мне нужна машина, способная вместить любых пассажиров и любой груз и не привлекающая к себе особенного внимания. И вновь я уступила, согласившись с его доводами, как примерный юный алхимик.

– Но не понимаю, почему это обязательно должен быть «универсал», – проворчала я.

Прицениваясь, мы дошли до нового «субару-аутбека», который отвечал большинству наших требований. Я почувствовала: это то, что мне надо. С ним будет легко управляться, у него приличный двигатель, и все же...

– Я чувствую себя наседкой с выводком детей, – сказала я. – Для этого я слишком молода.

– Многодетные мамы водят минивэны, – ответил Кит.

Я сердито посмотрела на него.

– А машина обязательно должна быть коричневой?

Да, если мы хотели купить именно эту машину. Как бы мне ни хотелось иметь голубую или красную, решающую роль сыграло то, что машина была новой. Моя утонченная натура противилась тому, чтобы водить «чужую» машину. Я хотела иметь свою – сияющую, новую и чистую.

Итак, мы заключили сделку, и я, Сидни Мелроуз, стала гордой владелицей коричневого «универсала». Я назвала его Латте, надеясь, что моя любовь к кофе скоро перейдет на машину.

Как только с делами было покончено, Кит оставил меня, чтобы отправиться в свою квартиру в центре Палм-Спрингса. Он предложил мне остановиться там, но я вежливо отказалась и взяла комнату в гостинице, испытывая благодарность к алхимикам за их щедрость. Честно говоря, я бы расплатилась собственными деньгами, только бы спасти себя от пребывания под одной крышей с Китом Дарнеллом.

Я заказала обед в номер, наслаждаясь одиночеством после долгих часов, проведенных в машине с Китом. Потом переоделась в пижаму и решила позвонить маме. Хотя я и радовалась тому, что на время избавлюсь от неодобрения отца, но скучала по маме.

– Это хорошие машины, – сказала она, узнав о моем приобретении.

Мама всегда была вольнолюбива, чем сильно отличалась от моего отца. Он учил меня химическим формулам, а она показывала мне, как самой сменить в машине масло. Алхимики не обязаны сочетаться браком с другими алхимиками, но я всегда удивлялась, какие же силы свели моих родителей вместе. Может, отец не был таким строгим в молодые годы.

– Наверное, – ответила я все еще обиженным тоном.

Мама была одной из немногих, рядом с кем я могла не прикидываться идеальной и не изображать постоянную радость. Она всегда ратовала за открытое выражение своих чувств.

– Понимаешь, меня просто раздражает, что мне почти не дали слова.

– Раздражает? Я взбешена из-за того, что он даже не поговорил со мной об этом! – воскликнула мама. – Не могу поверить, как это он взял и умыкнул тебя! Ты моя дочь, а не товар, который он может запросто перевозить!

Странно, но мать на мгновение напомнила мне Розу – обе бесстрашно говорили все, что думают. Такая черта казалась мне странной, но иногда, размышляя о своем тщательном самоконтроле и сдержанности, я гадала:

может, как раз я странная?

– Он не знал всех деталей, – сказала я, машинально заступаясь за отца.

Если бы родители злились друг на друга, при отцовским-то нраве, жизнь в доме стала бы невыносимой для Зои, не говоря уж о маме. Лучше позаботиться, чтобы там царил мир.

– Ему не рассказали всего.

– Иногда я их ненавижу! – В мамином голосе слышалась угроза. – Иногда я ненавижу и его тоже.

Что сказать в ответ? Конечно, я негодовала на отца, но он все-таки был моим отцом. Множество трудных решений он принимал из-за алхимиков, и, хотя иногда я чувствовала, что задыхаюсь в поставленных мне тесных рамках, работа алхимиков была важна, я в этом не сомневалась. Людей следовало защищать от знания о вампирах. В противном случае началась бы паника. Хуже того, это могло бы загнать некоторых слабовольных людей в рабство к стригоям в обмен на бессмертие и окончательное разрушение души. Такое происходило чаще, чем нам бы хотелось.

– Все в порядке, мама, – успокаивающе проговорила я. – Со мной все хорошо. Мне больше не грозит беда, я даже не выехала из Соединенных Штатов.

Вообще-то я не знала, насколько правдивы мои слова о «беде», но решила хоть немного утешить ее. Стэнтон велела мне хранить в секрете дислокацию в Палм-Спрингсе, но, если я раскрою, что мы не за границей, это не слишком повредит и, возможно, убедит маму, что меня ждет работа не труднее обычной. Прежде чем я повесила трубку, мы поговорили еще немножко, и мама рассказала, что получила весточку от моей сестры Карли. К счастью, у нее было все хорошо. Мне ужасно хотелось узнать, как там Зоя, но я устояла против желания попросить ее к телефону. Я боялась – если Зоя подойдет, выяснится, что она все еще на меня злится. Или, хуже того, вообще не желает со мной разговаривать.

Я отправилась спать в меланхолическом настроении, жалея, что не могла раскрыть маме все свои страхи и показать свою неуверенность. Разве не так ведут себя нормальные матери и нормальные дочери? Я знала – мама с готовностью бы меня выслушала. Это мне нелегко было открыться. Для нормального подростка я была слишком посвящена в секреты алхимиков.

Открыв глаза после долгого сна, я увидела льющийся в окно солнечный свет и почувствовала себя лучше. Мне предстояла работа, и поставленная передо мной новая цель заставила меня стряхнуть чувство жалости к себе. Я вспомнила, что делаю это ради Зои, ради мороев и ради людей. Это помогло мне сосредоточиться и отбросить неуверенность – по

крайней мере, в данный момент.

Около полудня я заехала за Китом, и мы отправились за город, чтобы встретиться с Джил и тем затворником-мороем, который будет нам помогать.

Киту было что рассказать об этом морое по имени Кларенс Донахью. Кларенс жил в Палм-Спрингсе уже три года, с тех пор как в Лос-Анджелесе скончалась его племянница. Очевидно, смерть племянницы тяжело подействовала на него. Кит встречался с Донахью пару раз во время прошлых заданий и все время отпускал шуточки насчет того, что Кларенс вот-вот спятит.

– Он – хранилище кровавых шариков без шариков в голове, – сказал Кит, хихикая.

Держу пари, он выжидал немало дней, чтобы отпустить эту шутку. Шутки его были вульгарными – и в придачу глупыми, – но чем ближе мы подъезжали к дому Кларенса, тем тише и тревожнее становился Кит. Кое-что пришло мне в голову.

– Со сколькими мороями ты уже встречался? – спросила я, когда мы съехали с главной дороги и свернули на длинный извилистый подъездной путь.

Дом был похож на особняки в фильмах ужасов – приземистый, из серого кирпича, совершенно не гармонирующий с остальной виденной нами архитектурой Палм-Спрингса. Единственным напоминанием о том, что мы в Южной Калифорнии, служили вездесущие пальмы вокруг. Странное сочетание.

– Я повидал достаточно мороев, – уклончиво ответил Кит. – Мне под силу находиться рядом с ними.

Его уверенный тон казался натянутым. Я поняла: несмотря на его браваду, несмотря на комментарии насчет рас мороев и дампинов и суждения о моих действиях, Кит на самом деле очень, очень нервничал по поводу того, что ему придется находиться рядом с не-людьми. Ничего странного. Большинство алхимиков были такими же. Огромная часть нашей работы даже не включала в себя взаимодействие с миром вампиров, поскольку заниматься приходилось миром людей. Записи следовало спрятать, свидетелей подкупить. Большинство алхимиков очень мало контактировали с предметами своего изучения; подавляющая часть знаний была почерпнута из историй и сведений, передававшихся в семьях из поколения в поколение. Кит сказал, что встречался с Кларенсом, но не упоминал, что ему приходилось проводить время с другими мороями или дампирами – и уж наверняка не с целой их группой. А мы собирались

встретиться именно с группой.

Мысль о том, что придется общаться с вампирами, радовала меня не больше, чем Кита, но, к счастью, и не пугала так, как раньше. Я закалилась благодаря Розе и ее компании. Я даже бывала при морейском королевском дворе, который раньше посещали очень немногие алхимики. Если уж я уцелела в самом сердце их цивилизации, наверняка смогу справиться с тем, что ждет меня в этом доме. Правда, было бы немного легче, если бы дом Кларенса поменьше смахивал на жуткий особняк с привидениями из фильма ужасов.

Мы подошли к двери, демонстрируя единство в стиле одежды – таков официальный дресскод алхимиков. Каковы бы ни были его недостатки, Кит неплохо привел себя в порядок. На нем были штаны цвета хаки и белая рубашка с темно-синим галстуком – рубашка с короткими рукавами, хотя я сомневалась, что это сильно помогало от жары. Стояло начало сентября, и температура доходила до тридцати двух градусов, когда я покидала гостиницу. Я смотрелась не хуже в коричневой юбке, колготках и блузке в цветочек с очень коротким рукавом.

Я запоздало сообразила, что мы чем-то похожи.

Кит поднял руку, но дверь отворилась прежде, чем он успел постучать. Я вздрогнула, слегка утратив решимость, несмотря на успокоительные заверения, которые только что себе дала.

Судя по лицу парня, открывшего дверь, он удивился при виде нас. В одной руке он сжимал пачку сигарет и выглядел так, будто шел на улицу покурить. Приостановившись, парень окинул нас быстрым оценивающим взглядом.

– Ну что, будете обращать меня или втюхивать мне сайдинг?

Этого обезоруживающего заявления оказалось достаточно, чтобы тревога моя улетучилась. Парень был мороем чуть постарше меня, с каштановыми волосами, которым, без сомнения, тщательно старался придать растрепанный вид. В отличие от Кита с его смехотворными потугами уложить прическу с помощью геля этот парень и в самом деле добился успеха, так что волосы его смотрелись отлично. Как и все морои, он был бледен, высок и строен. Он рассматривал нас изумрудно-зелеными глазами; лицо его мог бы изваять один из классических мастеров, которыми я так восхищалась.

Потрясенная, я отмахнулась от этого сравнения, как только оно пришло мне в голову. Перед нами был, в конце концов, вампир. Смешно было любоваться им так, словно это классный человеческий парень.

– Мистер Ивашков, – вежливо сказала я, – приятно видеть вас снова.

Он нахмурился и обозрел меня с высоты своего роста.

– Я вас знаю. Откуда же?

– Мы...

Я хотела сказать «знакомы», но поняла, что это не совсем так, ведь нас не представили друг другу официально во время нашей предыдущей встречи. Он просто присутствовал тогда, когда Стэнтон и меня притащили ко двору мороев для допроса.

– Мы встречались в прошлом месяце. При вашем дворе.

В его глазах засветилось узнавание.

– Верно. Алхимик.

На мгновение он задумался, а потом удивил меня, припомнив мое имя. Когда я была при дворе мороев, там творилось такое, что я не ожидала произвести впечатление.

– Сидни Сейдж.

Я кивнула, пытаюсь не казаться расстроенной оттого, что меня узнали. А вот Кит неожиданно застыл рядом со мной. Он заявил, что ему «под силу» находиться рядом с мороями, но «под силу», очевидно, означало – смотреть на них разинув рот и не произносить ни слова. Продолжая мило улыбаться, я сказала:

– Кит, это Адриан Ивашков. Адриан, это мой коллега, Кит Дарнелл.

Адриан протянул руку, но Кит ее не пожал. То ли потому, что был потрясен до глубины души, то ли потому, что не захотел прикасаться к вампиру, уж не знаю. Адриана, похоже, это не смутило. Он уронил руку и, шагнув мимо нас, вытащил зажигалку. Потом кивком головы указал на дверной проем.

– Вас ждут. Входите.

После этого он наклонился к уху Кита и зловещим тоном добавил:

– Если. Вы. Осмелитесь.

Ткнул Кита в плечо и разразился зловещим хохотом: «Буа-га-га!»

Кит подскочил чуть ли не на три метра. Адриан захихикал и зашагал по садовой дорожке, на ходу прикуривая.

Я сердито уставилась ему вслед – хотя мне хотелось смеяться – и подтолкнула Кита к двери:

– Пошли.

На меня повеяло прохладным воздухом.

Во всяком случае, Кит как будто ожил.

– Это что такое было? – спросил он, когда мы шагнули в дом. – Он практически на меня напал!

– То, что ты выглядел как идиот! И он тебе ничего не сделал. Ты не

мог вести себя так, будто еще больше перепуган? Они знают, что не нравятся нам, а вид у тебя был такой, словно ты вот-вот пустишься наутек.

Должна признаться, мне доставило удовольствие видеть Кита застигнутым врасплох, но чисто человеческая солидарность не допускала того, чтобы я переметнулась на другую сторону.

– Не было у меня такого вида! – заспорил Кит, хотя явно был смущен.

Мы прошли по длинному коридору с темным деревянным полом и отделкой, которая, казалось, поглощала весь свет.

– Господи, что такое с этими людьми? – спросил Кит. – А, я знаю. Они не люди.

– Тише, – сказала я, слегка обескураженная горячностью, прозвучавшей в его тоне. – Они здесь. Разве ты не слышишь?

В конце коридора виднелась массивная застекленная дверь. Матовые витражные стекла скрывали то, что находилось внутри, но можно было слышать негромкий гул голосов.

Я постучала и подождала приглашения войти. Гнев на лице Кита угас, мы обменялись быстрыми сочувственными взглядами. Вот оно. Начинается.

Мы шагнули в комнату.

Когда я увидела, кто в ней находится, мне пришлось сделать усилие, чтобы у меня не отвисла челюсть, как недавно у Кита.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Я издевалась над Китом за то, что тот боится быть рядом с вампирами и дампирями, но теперь, оказавшись лицом к лицу с целой их компанией, внезапно почувствовала себя в ловушке. Стены как будто наступали на меня, и думать я могла только о клыках и крови. Мой мир пошатнулся – и не только из-за присутствия здесь сразу нескольких вампиров.

Среди них я увидела Эйба Мазура.

«Дыши, Сидни. Дыши», – велела я себе.

Но это оказалось нелегко. С Эйбом у меня были связаны тысячи страхов, тысячи затруднительных положений, в которые я попадала.

Окружающий мир постепенно обрел четкие очертания, и я снова взяла себя в руки. В конце концов, тут находился не только Эйб, и я заставила себя сосредоточиться на остальных и не обращать на него внимания.

В комнате кроме Эйба сидели еще трое, и я узнала двоих из них. Незнакомец, пожилой морой с редящими волосами и длинными седыми усами, очевидно, был хозяином дома, Кларенсом.

– Сидни!

Это произнесла Джил Мастрано, ее глаза восторженно засияли. Мне

нравились Джил, но я не думала, что произвела на эту девушку впечатление, оправдывающее такое теплое приветствие. Судя по виду Джил, она готова была подбежать и обнять меня, и я молилась, чтобы она этого не сделала. Ни к чему Киту такое видеть. А еще важнее – ни к чему, чтобы Кит об этом доложил.

Рядом с Джил сидел дампир, которого я знала так же, как Адриана, – то есть видела его, но нас никогда друг другу не представляли. Эдди Кастиль тоже присутствовал во время моего допроса при королевском дворе и, если память мне не изменяла, сам угодил в беду. Он во всех отношениях казался человеком: атлетического сложения, с лицом загорелым и обветренным – ясно было, что он много времени проводит на солнце. У него были рыжевато-каштановые волосы и орехового цвета глаза, которые разглядывали меня и Кита дружелюбно, но настороженно. Таковы стражи. Они всегда начеку, всегда высматривают ближайшую угрозу. В некотором роде это меня успокаивало.

Я вновь вернулась взглядом к Эйбу, который за мной наблюдал. Его явно развлекало то, что я избегаю на него смотреть. На лице его блуждала хитрая улыбка.

– Ну, мисс Сейдж, – медленно проговорил он, – вы не собираетесь со мной поздороваться?

Глава четвертая

Эйб умел преподнести себя так, что многие люди лишались дара речи, даже если они ничего о нем не знали.

Несмотря на жару на улице, морой был в костюме и при галстук. Костюм, правда, белого цвета, но все равно казался плотным не по погоде. Рубашка и галстук – пурпурные, подобно розе, торчащей из нагрудного кармашка. В ушах и на шее поблескивали золотые украшения. Эйб был родом из Турции, и цвет его кожи был смуглее, чем у большинства мороев, но все равно бледнее, чем у людей, таких как я и Кит. Вообще-то цветом лица Эйб напоминал мне загорелого человека, который долго болел.

– Здравствуйте, – натянуто проговорила я.

Его улыбка превратилась в откровенную ухмылку.

– Приятно видеть вас снова.

– Всегда рада.

Мои лживые слова прозвучали неестественно, но это лучше, чем если бы в них слышался испуг.

– Нет-нет, – сказал Эйб. – Это я рад.

– Как скажете, – отозвалась я.

Это позабавило его еще больше.

Кит снова застыл, поэтому я зашагала к пожилому морю и протянула руку, чтобы по крайней мере один из нас выглядел хорошо воспитанным.

– Вы мистер Донахью? Я Сидни Сейдж.

Кларенс улыбнулся и сжал мою руку сморщенной рукой. Я умудрилась не вздрогнуть. В отличие от большинства мороев, с которыми я встречалась, Кларенс не прятал клыки, когда улыбался, и это почти сорвало с меня маску спокойствия. Да, как бы сильно порой вампиры ни напоминали людей, они все-таки вампиры.

– Я так рад с вами познакомиться, – сказал Кларенс. – Слышал о вас много хорошего.

– Неужели? – спросила я, выгибая бровь и гадая, с кем он обо мне говорил.

Кларенс многозначительно кивнул:

– Добро пожаловать в мой дом. Приятно принимать такую большую компанию.

Вслед за этим все перезнакомились. Эдди и Джил вели себя сдержанно, но дружелюбно.

Кит никому не пожал руки, но, по крайней мере, перестал пускать слюни. Он занял предложенное кресло и изобразил высокомерие, которое, наверное, должно было сойти за уверенность в себе. Я надеялась, что он не поставит нас в неловкое положение.

– Извините, – сказал Эйб, подавшись вперед. Его темные глаза мерцали. – Вы сказали, вас зовут Кит Дарнелл?

– Да, – ответил Кит.

Он с любопытством рассматривал Эйба, без сомнения вспоминая беседу алхимиков в Солт-Лейк-Сити. Несмотря на браваду Кита, я отчетливо видела его тревогу. Эйб всегда так действовал на людей.

– А в чем дело? – спросил Кит.

– Да нет, ничего, – ответил Эйб.

Его взгляд переместился с Кита на меня, потом обратно.

– Просто имя кажется знакомым, вот и все.

– Мой отец – важная фигура среди алхимиков, – надменно проговорил Кит.

Он слегка расслабился, вероятно думая, что истории про Эйба преувеличены. Глупец.

– Вы, конечно же, слышали о моем отце.

– Конечно, – сказал Эйб. – Уверен, в этом-то и дело.

Он намеренно говорил небрежным тоном, чтобы никто не заподозрил его во лжи. Только я знала настоящую причину, по которой Эйб знаком с Китом-старшим, но не собиралась ее раскрывать. Я понадеялась, что Эйб не станет продолжать свои намеки. Наверняка он вел себя так только для того, чтобы меня раздражить.

Я попыталась перевести беседу в другое русло и получить ответы на собственные вопросы.

– Я не знала, что вы к нам присоединитесь, мистер Мазур, – произнесла я таким же небрежным тоном, каким говорил он.

– Вы же знаете, что можете звать меня просто Эйб, – отозвался он. – И к сожалению, я не останусь. Я просто заглянул, чтобы убедиться, прибыла ли группа в целости и сохранности, – и чтобы лично повстречаться с Кларенсом.

– Очень мило с вашей стороны, – сухо проговорила я, искренне сомневаясь, что мотивы Эйба столь прозрачны.

Если я чему и научилась, так это тому, что все имеет скрытый смысл, когда в дело замешан Эйб Мазур. Он был своего рода кукловодом, хотел не только наблюдать, но и контролировать.

Эйб с победным видом улыбнулся:

– Я всегда стремился помогать другим в беде.

– Да, – внезапно произнес новый голос. – Именно это и приходит мне на ум, когда я о тебе думаю, старик.

Я не предполагала, что чье-то присутствие может потрясти меня больше, чем присутствие Эйба, но ошибалась.

– Роза?

Это имя слетело с моих губ как вопрос, хотя не было сомнений в том, кто вошел в комнату. В конце концов, существовала лишь одна Роза Хэзевей.

– Привет, Сидни, – произнесла она с кривой усмешкой.

Ее сверкающие темные глаза смотрели дружелюбно, но оценивали всех в этой комнате, как и глаза Эйба. Это выдавало в ней стража. Роза была примерно моего роста и одета не для парада – в джинсы и красную безрукавку. Но в ее красоте было нечто чуждое и опасное, выделявшее ее из толпы. В этой темной душной комнате она походила на тропический цветок. Ядовитый цветок. Я никогда не встречалась с ее матерью, но было сразу заметно, что во внешности Розы, например в длинных темно-каштановых волосах, прослеживалась турецкая кровь Эйба.

Роза остановила взгляд на Ките и вежливо кивнула:

– Здравствуй, второй алхимик.

Кит вытаращил на нее глаза, но я не могла понять, ведет ли он себя так потому, что не-люди в комнате все больше перевешивают в численности людей, или просто реагирует на необычность Розы.

– Я... Я Кит, – наконец, запинаясь, выговорил он.

– Роза Хэзевей, – откликнулась она.

Кит вытаращился еще больше, услышав это имя. Роза пересекла комнату, направившись к Кларенсу, и я заметила, что ее привлекательность во многом определяется тем, как она выделяется среди окружения. Выражение ее лица смягчилось, когда она обратилась к старику:

– Я проверила периметр дома, как вы просили. Вы максимально позаботились о безопасности, хотя замок на задней двери, вероятно, следует сменить.

– Вы уверены? – недоверчиво спросил Кларенс. – Он новехонький.

– Может, и был новехоньким, когда построили этот дом, – раздался еще один голос.

Посмотрев на дверь, я поняла, что Роза вошла не одна, но меня слишком удивило ее появление, чтобы заметить это. Опять-таки в этом вся Роза. Она всегда привлекает к себе внимание.

– С тех пор как мы сюда переехали, он заржавел.

Спутник Розы был мороем, и это снова заставило меня занервничать. Теперь в комнате насчитывалось четыре мороя и два дампиря. Я очень пыталась не перенимать манеры Кита – тем более что некоторых присутствующих уже знала, – но трудно было прогнать ошеломляющее ощущение различия «нас» и «их». Морои проходят возрастные стадии, как и люди, и только что вошедший парень был, по моим прикидкам, примерно моего возраста, самое большее – возраста Кита. Приятное, можно сказать, лицо, черные вьющиеся волосы и серые глаза. Парень улыбнулся почти искренней улыбкой, хотя в его позе чувствовалось легкое беспокойство. Он не сводил заинтригованного взгляда с меня и Кита. Мне подумалось, что, возможно, он мало времени проводил в человеческом обществе. Большинство мороев нечасто общались с людьми, хотя и не разделяли страхов насчет нашей расы, какие мы питали в отношении их народа. Но с другой стороны, наша раса не использовала их в качестве пищи.

– Я – Ли Донахью, – сказал парень, протянув руку.

И снова Кит не принял руки, но я пожала ее и представила нас обоих. Ли с удивлением переводил взгляд с меня на Кита и обратно.

– Алхимики, верно? Я никогда не встречался ни с одним из вас. У вас красивые татуировки, – сказал он, глядя на золотую лилию у меня на щеке. – Я слышал об их магической силе.

– Донахью? – переспросил Кит и перевел взгляд с Ли на Кларенса. – Вы родственники?

Ли снисходительно посмотрел на Кларенса.

– Он мой отец.

Кит нахмурился.

– Но вы здесь не живете, верно?

Я удивилась, что именно это вывело его из оцепенения. Может, Кита разозлила собственная неосведомленность. Ведь Палм-Спрингс был его участком, и он всегда считал Кларенса единственным здешним мороем.

– Обычно не живу, – ответил Ли. – Я учусь в колледже в Лос-Анджелесе, но в этом семестре у меня больше свободного времени. Вот мне и захотелось повидаться с отцом.

Эйб взглянул на Розу.

– Видишь? – спросил он. – Вот это преданность.

В ответ та возвела глаза к потолку.

Похоже, у Кита имелись еще вопросы на эту тему, но Кларенс не мог забыть недавно сделанного замечания.

– Я мог бы поклясться, что менял замок.

– Да ладно, я могу заменить его еще раз в любое время, – сказал Ли. –

Это не так уж трудно.

– Нет, замок в полном порядке. – Кларенс с некоторым трудом поднялся на ноги. – Пойду взгляну.

Ли поспешил к нему, бросив на нас извиняющийся взгляд.

– А это обязательно делать прямо сейчас?

Когда стало ясно, что обязательно, Ли сказал:

– Я пойду с тобой.

У меня сложилось впечатление, что Кларенс – человек капризный, и Ли к этому привык.

Я воспользовалась тем, что хозяева вышли, чтобы прояснить кое-какие вопросы.

– У вас не было никаких проблем по дороге? – спросила я у Джил. – Больше никаких... э-э... несчастных случаев?

– Перед тем как покинуть двор, мы нарвались на пару мятежников, – ответила Роза с угрожающими нотками в голосе. – Ничего особенного, мы справились. В остальном ничего опасного не происходило.

– Так будет и впредь, – сухо произнес Эдди, скрестив руки на груди. – По крайней мере, до тех пор, пока в деле участвую я.

Я в замешательстве поглядывала на них.

– Мне сказали, что сопровождающим будет дампир... Они решили послать двоих?

– Роза сама вызвалась, – сказал Эйб. – Просто чтобы убедиться, что остальные ничего не упустили. Эдди должен присоединиться к вам в Амбервуде.

Роза сердито нахмурилась.

– Это мне следовало остаться. И жить с Джил в одной комнате. Не обижайся, Сидни. Ты нужна нам для всякой организационной работы, но именно я взгрею любого, кто попытается обидеть Джил.

Я не собиралась с ней спорить.

– Нет, – твердо сказала Джил.

Когда я видела ее в последний раз, она была тихой и нерешительной, но в глазах ее читалась ярость, когда она думала о том, что является обузой для Розы.

– Тебе нужно остаться с Лиссой и беречь ее. У меня есть Эдди, и, кроме того, никто не знает, что я здесь. Больше ничего не случится.

Судя по взгляду Розы, она не слишком в это верила. А еще я подозревала: Роза не очень-то верит, что кто-нибудь может защитить Василису или Джил не хуже ее самой. А это кое о чем говорило, учитывая, что юную королеву окружали охранники. Но даже Роза не могла быть везде

одновременно, и ей пришлось выбирать. Последние слова Джил привлекли мое внимание.

– А что случилось? – спросила я. – Тебя ранили? Мы слышали разговоры о нападении, но не получили подтверждения.

В комнате повисла напряженная тишина. Все, кроме Кита и меня, явно почувствовали себя неловко. Что ж, нам тоже было неловко – но по другим причинам.

– Все в порядке, – наконец сказала Джил, после того как Роза кинула на нее острый взгляд. – Да, нападение было, но никто из нас не пострадал. Я имею в виду, не пострадал серьезно. Во время королевского обеда на нас напали морои. В смысле, моройские убийцы. Похоже, они охотились на Лиссу... на королеву, но вместо нее напали на меня.

Джил поколебалась и быстро опустила глаза; ее длинные вьющиеся каштановые волосы упали на лицо.

– Но стражи спасли меня и окружили их.

В Джил ощущалась та нервная энергия, которая запомнилась мне раньше. Это было мило, и от этого она казалась застенчивым подростком, каким, собственно, и была.

– Но мы сомневаемся, что на этом все закончится, вот почему нам приходится держаться подальше от двора, – объяснил Эдди.

Хоть он и обращался к Киту и ко мне, создавалось впечатление, что внимание его сконцентрировано лишь на Джил; в стремлении защитить ее он словно бросал вызов любому, кто посмел бы угрожать девушке, за безопасность которой он отвечал.

– И мы не знаем, где именно в наших рядах скрываются предатели. Итак, пока все не выяснится, мы здесь.

– Надо надеяться, ненадолго, – сказал Кит.

Я кинула на него предупреждающий взгляд, и, казалось, Кит понял, что его замечание можно расценить как грубость.

– Я имею в виду, это место не может быть таким уж приятным для вас, тут же солнце и все такое прочее.

– Здесь безопасно, – сказал Эдди. – Только это и имеет значение.

Вернулись Кларенс и Ли, и больше никто не говорил о том, почему здесь появилась Джил, и о нападении. Отцу и сыну было известно лишь то, что Джил, Эдди и Адриан впали в немилость у важного королевского мороя и находятся здесь в изгнании. Оба мороя даже не подозревали, кто такая на самом деле Джил. По их мнению, алхимики помогали ей благодаря влиянию Эйба. То была паутина лжи, но необходимая. Хотя Кларенс и пребывал в добровольной ссылке, мы не могли рисковать тем, что он (а

теперь и Ли) нечаянно проболтается посторонним о скрывающейся здесь сестре королевы.

Эдди оглянулся на старшего мороя:

– Значит, вы никогда не слышали о том, что поблизости есть стригои, верно?

Взгляд Кларенса на мгновение стал рассеянным – он рылся в воспоминаниях.

– Не слышал... Но есть твари похуже стригоев...

Ли застонал.

– Папа, пожалуйста. Только не это.

Роза и Эдди мгновенно оказались на ногах. Удивительно, что они не вытащили оружие.

– О чем вы говорите? – спросила Роза.

– Какие еще опасности тут есть? – стальным голосом спросил Эдди.

Ли заметно покраснел.

– Никаких... Пожалуйста. Это просто его заблуждение, вот и все.

– Заблуждение? – спросил Кларенс, глядя на сына прищуренными глазами. – А смерть твоей двоюродной сестры – заблуждение? Тот факт, что важные шишки при дворе оставили Тамару неотомщенной, – заблуждение?

Я вспомнила о беседе, которую вела с Китом в машине, и кинула на Кларенса ободряющий, как мне казалось, взгляд.

– Тамара была вашей племянницей? Что с ней случилось, сэр?

– Ее убили, – сказал Кларенс.

Последовала драматическая пауза.

– Охотники на вампиров.

– Простите, кто? – спросила я, уверенная, что ослышалась.

– Охотники на вампиров, – повторил Кларенс.

Судя по лицам собравшихся, все разделяли мое удивление, – что ж, мне стало немного легче. Даже суровость Розы и Эдди слегка поколебалась.

– О, этого вы нигде не найдете – даже в ваших записях. Мы жили в Лос-Анджелесе, когда ее настигли. Я доложил стражам, требуя выследить преступников. Знаете, что они ответили?

Кларенс пристально всмотрелся в каждого из нас по очереди.

– Знаете?

– Нет, – кротко отозвалась Джил. – Что они ответили?

Ли с несчастным видом вздохнул.

Кларенс хмыкнул.

– Они сказали, что ничего подобного не произошло. И нет никаких улик, подкрепляющих мое требование. Они списали убийство на стригоев и сказали – тут ничего нельзя поделать и я должен быть благодарен, что ее не обратили.

Я посмотрела на Кита, который после этих разговоров снова выглядел испуганным. Очевидно, он не знал Кларенса так хорошо, как утверждал. Киту было известно лишь, что старик переживает из-за гибели племянницы. Теперь он слегка пожал плечами, словно говоря мне: «Видишь? Я же говорил. Чокнутый».

– Стражи во всем разбираются дотошно, – сказал Эдди.

Он явно тщательно контролировал свой тон и подбирал слова, стараясь не оскорбить Кларенса. Снова усевшись рядом с Джил, Эдди проговорил:

– Я уверен, у них были причины.

– Причины? – спросил Кларенс. – Если вы считаете отрицание очевидного и погружение в иллюзии причинами, тогда да, они у них были. Стражи просто не хотят признать существования охотников на вампиров. Но скажите мне вот что. Если моя Тамара была убита стригоями, почему ей перерезали горло? Оно было аккуратно рассечено клинком.

Кларенс сделал рубящее движение под подбородком.

Джил вздрогнула и съежилась в кресле. Роза, Эдди и Эйб тоже выглядели так, будто их застали врасплох, что меня удивило, ведь я думала – ничто не может их смутить.

– Почему они не пустили в ход клыки? Так легче пить. Я указал на это стражам, а те сказали, что, поскольку примерно половина ее крови выпита, это явно стригои. Но я продолжаю утверждать – это сделали охотники на вампиров, и, похоже, они забрали ее кровь. Стригоям незачем было бы пускать в ход нож.

Роза собралась было что-то сказать, внезапно передумала, но потом снова решилась.

– Это странно, – только и произнесла она.

У меня было ощущение, что она собиралась выпалить, насколько смехотворна теория заговора, но вовремя остановилась.

– Но я уверена, что существует другое объяснение, мистер Донахью.

Я гадала, поможет ли упоминание о том, что у алхимиков нет записей об охотниках на вампиров – по меньшей мере в течение нескольких столетий.

Кит внезапно придал беседе новое направление. Он спокойно встретился взглядом с Кларенсом.

– Такое поведение может показаться странным для стригоев, но они

совершают всевозможные жестокие поступки без причины. Я знаю это по личному опыту.

У меня упало сердце. О нет!

Взгляды всех присутствующих обратились к Киту.

– Да? – спросил Эйб, поглаживая черную козлиную бородку. – И что же произошло?

Кит показал на свой стеклянный глаз:

– В этом году на меня напали стригои. Избили и вырвали глаз. Потом просто бросили меня.

Эдди нахмурился.

– Не выпив крови и не убив? Это очень странно. Не похоже на обычное поведение стригоев.

– Я не уверен, что от стригоев можно ожидать чего-нибудь «обычного», – заметил Эйб.

Я стиснула зубы, про себя умоляя его не завязывать с Китом беседу на эту тему.

«Пожалуйста, не спрашивай про глаз, – подумала я. – Забудь».

Конечно, я слишком многого хотела, потому что следующим вопросом Эйба было:

– Они забрали только один глаз? Почему не попытались забрать оба?

– Извините. – Я вскочила, прежде чем Кит успел ответить. Я не могла сидеть и слушать, как Эйб цепляет на крючок Кита просто ради забавы – чтобы меня помучить.

Мне нужно было убраться отсюда. – Я... Я не очень хорошо себя чувствую. Пойду подышу воздухом.

– Конечно, конечно, – сказал Кларенс, которому, судя по виду, тоже хотелось встать. – Велеть принести вам воды? Я могу позвонить...

– Нет-нет, – ответила я, продвигаясь к двери. – Я просто... Мне просто нужно на минутку.

Я поспешила вон из комнаты и услышала, как Эйб вслед мне говорит:

– Какая чувствительная. Принимая во внимание ее профессию, следовало бы ожидать, что она не будет столь брезгливой. Но вы, молодой человек, похоже, в состоянии выдержать разговор о крови...

Лесть Эйба подействовала, и Кит принялся рассказывать историю, которую мне совершенно не хотелось слышать.

Снова пройдя по темному коридору, я вышла на улицу. Свежий воздух был для меня спасением, хотя на шесть с лишним градусов теплее того, из которого я вынырнула. Я сделала глубокий вдох, уговаривая себя не волноваться. Все будет хорошо. Эйб скоро уйдет. Кит вернется в свою

квартиру. Я поеду в Амбервуд с Джил и Эдди, а они вовсе не кажутся плохой компанией, учитывая, с кем я могла бы оказаться вместо них.

Без всякой цели я решила прогуляться вокруг дома и оценить его – вообще-то он скорее смахивал на лесную дачу. Я наугад выбрала сторону и пошла вокруг, восхищаясь искусной резьбой снаружи. Хотя здание совершенно не соответствовало ландшафту Южной Калифорнии, все равно оно было выразительным. Я всегда любила изучать архитектуру – предмет, который отец считал бесполезным, – и увиденное меня впечатлило. Оглядевшись по сторонам, я заметила, как не похожа тут почва на ту, по которой мы сюда ехали. Много земель в этой местности побурели после засушливого лета, но Кларенс явно потратил целое состояние на то, чтобы его обширный сад был зеленым и цветущим. Нездешние деревья – красивые, в полном цвету – окаймляли пешеходные дорожки и лужайки.

После короткой прогулки я повернула обратно и двинулась к фасаду, но, услышав чей-то голос, остановилась.

– Где ты?

Эйб. Отлично. Он ищет меня.

– Тут, – раздался еле слышный голос Адриана.

Голос донесся со стороны дальней части дома, противоположной той, у которой стояла я. Кто-то пошел по усыпанному гравием проезду, шаги смолкли у того места, где, по моим прикидкам, находилась задняя дверь и ждал Эйб. Я прикусила губу и осталась стоять где была; меня скрывал дом. Я почти боялась дышать. Морои с их-то слухом могли улавливать самые тихие звуки.

– Ты вообще собираешься войти? – поинтересовался Эйб.

– Не вижу смысла, – прозвучал иронический ответ Адриана.

– Смысл в учтивости. Ты мог бы сделать над собой усилие, чтобы познакомиться с алхимиками.

– Они не хотят со мной знакомиться. Особенно парень.

В голосе Адриана слышался смех.

– Видел бы ты его лицо, когда я наткнулся на него в дверях. Хотел бы я, чтобы на мне был плащ! Девушка, по крайней мере, посмелее.

– Тем не менее от них зависит, останешься ли ты здесь и останется ли Джил. Ты знаешь, как важно, чтобы она была в безопасности.

– Да, я понял. Я понял, почему она здесь. Чего я не понимаю, так это почему здесь я.

– Не понимаешь? – переспросил Эйб. – Мне кажется, это очевидно и для Джил, и для тебя. Ты должен оставаться с ней рядом.

Последовала пауза.

– Все так говорят... Но я все равно не вижу в том необходимости. Вряд ли я нужен ей рядом, что бы там ни заявляли Роза и Лисса.

– У тебя есть занятие получше?

– Дело не в том.

В голосе Адриана звучало раздражение, и я обрадовалась, что не единственная, на кого так действует Эйб.

– Дело именно в том, – возразил Эйб. – Ты чах при дворе, погруженный в жалость к себе – и только. А здесь у тебя есть шанс быть полезным.

– Полезным тебе.

– Себе тоже. Для тебя это благоприятная возможность чего-то в жизни добиться.

– Вот только ты не сказал, что именно мне делать! – раздраженно проговорил Адриан. – Помимо Джил, какую грандиозную задачу ты для меня припас?

– Слушай. Слушай и наблюдай.

Я отчетливо представила, как Эйб во время разговора поглаживает подбородок – со своим обычным начальственным видом.

– Наблюдай за всеми – за Кларенсом, Ли, алхимиками, Джил и Эдди. Обращай внимание на каждое слово, на каждую деталь, а после докладывай мне. Все это может пригодиться.

– Не знаю, проясняет ли это дело.

– У тебя есть потенциал, Адриан. Слишком большой потенциал, чтобы тратить его впустую. Я очень сожалею о том, что случилось с Розой, но пора уже тебе забыть об этом. Может, пока все и не имеет большого смысла, но после все изменится. Доверься мне.

Я почти пожалела Адриана. Эйб однажды тоже просил меня довериться ему – и видите, чем все обернулось.

Я подождала, пока два моря вернутся в дом, а минуту спустя последовала за ними.

В гостиной Кит все еще разглагольствовал, но явно почувствовал облегчение, когда я вернулась. Мы обсудили новые детали и разработали расписание «кормлений», за которые отвечала я, поскольку именно мне предстояло возить Джил (и Эдди, ведь он не хотел выпускать ее из виду) к Кларенсу и обратно.

– А как ты собираешься попадать на «кормления»? – спросила я Адриана.

После услышанного разговора с Эйбом меня больше, чем когда-либо, разбирало любопытство насчет роли, которую играл тут Адриан.

Он стоял у стены, на другой стороне комнаты, скрестив на груди руки, словно защищаясь, его напряженная поза контрастировала с ленивой улыбкой. Я не могла утверждать, но было похоже, что он намеренно старается держаться как можно дальше от Розы.

– Прогулявшись по коридору, – ответил он на мой вопрос.

Поймав мой озадаченный взгляд, Кларенс объяснил:

– Адриан останется здесь, со мной. Будет приятно, если еще кто-нибудь станет жить в этих старых стенах.

– А! – ответила я и пробормотала себе под нос: – Ну очень таинственный сад... [5]

– Что-что? – спросил Адриан, поворачиваясь ко мне.

Я вздрогнула. У них хороший слух.

– Ничего. Просто вспомнила о книге, которую читаю.

– А-а, – пренебрежительно бросил Адриан, отводя взгляд.

То, как он это сказал, словно должно было послужить приговором всем и всяческим книгам.

– Не забывай и про меня, – проговорил Ли, улыбнувшись отцу. – Я же сказал, что еще побуду здесь.

– Тогда, возможно, юный Адриан убережет тебя от беды, – объявил Кларенс.

Это никто не прокомментировал, но я увидела, как друзья Адриана обменялись веселыми взглядами.

Кит уже не выглядел таким перепуганным, как сразу после прибытия, но в нем ощущались нетерпение и раздражительность, которых я не совсем понимала.

– Что ж, – сказал он, откашлявшись, – мне нужно домой, у меня кое-какие дела. А поскольку ты мой водитель, Сидни...

Он не закончил фразу и многозначительно посмотрел на меня. Судя по тому, что я успела узнать, Палм-Спрингс и впрямь был наименее населенным вампирами местом. Просто невозможно представить, какими это «делами» предстояло заняться Киту... Но рано или поздно мы должны были отсюда уйти.

Эдди и Джил отправились за своим багажом, а Роза воспользовалась возможностью и оттащила меня в сторонку.

– Как ты? – негромко спросила она.

Ее улыбка была искренней.

– Я беспокоилась о тебе, с тех пор как... Ну, ты знаешь. Никто не рассказал мне, что с тобой случилось.

Когда я виделась с Розой в последний раз, стражи держали меня

узницей в отеле, пока морои выясняли, сколь значительна моя роль в ее побеге.

– Сперва у меня были небольшие неприятности, – сказала я, – но все в прошлом.

Подумаешь – маленькая ложь между друзьями! Роза была настолько сильной, что мне претила мысль о том, чтобы выглядеть перед ней слабачкой. Я все еще жила в страхе перед алхимиками, вынужденная делать все, что угодно, лишь бы вернуть их расположение, но мне вовсе не хотелось рассказывать ей об этом.

– Я рада, – сказала она. – Мне говорили, сперва сюда должна была приехать твоя сестра.

Эти слова снова напомнили мне, что меня в любой момент могут заменить Зоей.

– Простое недоразумение.

Роза кивнула.

– Мне легче, когда здесь ты, но все-таки тяжело... Я все еще чувствую, что должна защищать Джил. Но мне нужно защищать и Лиссу. Они посчитали Джил более легкой мишенью, но все равно нацелились на Лиссу.

В ее темных глазах читалось смутение, и я почувствовала укол жалости. Вот это мне и трудно было объяснить другим алхимикам – отчего дампир и вампир могут временами казаться похожими на людей.

– Знаешь, это просто безумие. С тех пор как Лисса взошла на трон, я думала, что мы с Дмитрием наконец-то сможем расслабиться.

Роза улыбнулась шире.

– Мне следовало бы знать, что у нас никогда ничего не бывает легко. Мы с ним провели все время, присматривая за Лиссой и Джил.

– С Джил все будет в порядке, – сказала я. – Пока мятежники не знают, где она, трудностей не должно возникнуть. Будет даже скучно.

Роза все еще улыбалась, но ее улыбка слегка поблекла.

– Надеюсь. Если бы ты только знала, что произошло...

Выражение ее лица поменялось, когда ее захлестнули воспоминания. Я начала было настаивать, чтобы она рассказала о случившемся, но Роза сменила тему, прежде чем я смогла ее разговорить.

– Мы работаем над изменением закона – того, который гласит, что Лисса может остаться королевой, только если жив еще один член ее семьи. Как только изменения будут приняты, и она, и Джил окажутся вне опасности. Но в результате желающие вывести Джил из игры удвоили усилия, ведь они знают – время уходит.

– Сколько? – спросила я. – Сколько времени понадобится, чтобы

изменить закон?

– Не знаю. Может, несколько месяцев. Юридические дела... Ну, я в этом не слишком разбираюсь. По крайней мере, в деталях.

Роза поморщилась, потом ее лицо снова посуровело. Она убрала волосы за спину.

– Зато справиться с чокнутыми, которые угрожают моим друзьям, – это как раз для меня.

– Помню, – сказала я.

Удивительно. Я считала Розу одной из самых сильных среди известных мне людей, но, какой бы крутой ни казалась, она нуждалась в моих ободряющих словах.

– Послушай, делай то, что должна, и я буду делать то, что должна. Я позабочусь о том, чтобы Джил затерялась среди других. Вы привезли ее сюда незаметно. Теперь за ней не проследят.

– Надеюсь, – с мрачным лицом повторила Роза. – Потому что, если это не так, ваша маленькая группа не выстоит против тех чокнутых мятежников.

Глава пятая

На этой тревожной ноте Роза оставила меня, чтобы попрощаться с остальными.

От ее слов меня бросило в дрожь. На полсекунды мне захотелось потребовать, чтобы миссию пересмотрели и сюда вместе с Джил послали не меньше дюжины стражей, на случай, если на нее снова нападут. Но вскоре я отбросила эту мысль. Главным для выполнения плана было просто не привлекать к себе внимания. Поэтому, пока местопребывание Джил остается тайной, для нее безопаснее смешаться с людьми. Отряд стражей вряд ли удастся утаить. Он сможет привлечь внимание большого сообщества мороев. Мы поступали правильно. Пока никто не знает, что мы тут, все в порядке.

Конечно, если я буду повторять эти слова достаточно часто, так оно все и будет.

Однако к чему это зловещее заявление Розы? К чему присутствие Эдди? В самом ли деле наша миссия стремительно превратилась из просто трудной в опасную для жизни?

Зная, насколько близки Джил и Роза, я ожидала, что их прощание будет более тяжелым. Но, как оказалось, труднее всего для Джил было проститься с Адрианом. Она бросилась к нему и крепко обняла, вцепившись в его рубашку. Юная моройка во время нашего визита вела себя очень спокойно и лишь молча наблюдала за нами со своим обычным

нервным любопытством. Говорила она в основном только с Ли. Казалось, ее смелость при прощании удивила и самого Адриана. Но его раздраженный взгляд смягчился, в нем появилось нечто вроде теплоты, когда он неловко похлопал Джил по плечу.

– Ну же, ну же, малолетка. Скоро увидимся:

– Хотела бы я, чтобы ты отправился с нами, – сказала Джил негромко.

Адриан криво усмехнулся.

– Нет, это ни к чему. Может, остальным и сойдет с рук эта игра «снова-в-школу», но меня бы вышвырнули в первый же день. По крайней мере, здесь я никого не испорчу... Разве что Кларенса и его бар.

– Я буду на связи с тобой, – пообещала Джил.

Улыбка Адриана дрогнула, и он посмотрел на нее понимающим взглядом, веселым и в то же время печальным.

– И я тоже.

Эта маленькая сцена меня удивила. При дерзкой, самонадеянной натуре Адриана и милой застенчивости Джил, дружба между ними казалась маловероятной. Однако они были явно привязаны друг к другу. Отношения эти не казались романтическими, но в них чувствовалась какая-то напряженность, которую я не совсем понимала. Я вспомнила подслушанную беседу Эйба и Адриана – как Эйб сказал, что Адриану необходимо остаться рядом с Джил. Я догадывалась, что этот разговор имеет отношение к увиденному сейчас, но у меня было слишком мало информации, чтобы сложить все части воедино. Я отложила загадку на потом.

Мне было грустно покидать Розу, но радовало то, что наконец не надо будет общаться с Эйбом и Китом. Эйб ушел со своими обычными загадочными репликами, кинув на меня пронизательный взгляд, который я не оценила. Я подбросила Кита до дома, прежде чем отправиться в Амбервуд, и Кит сказал, что будет держать меня в курсе дел. Честно говоря, я гадала, в курсе каких дел он должен меня держать, поскольку именно я выполняла здесь большую часть работы. Насколько я могла судить, Киту и в самом деле нечем было заняться, кроме как бездельничать в своих апартаментах в центре города. Вообще я никогда не думала, что буду так счастлива уехать с вампиром и дампиром, лишь бы избавиться от Кита Дарнелла.

Пока мы ехали в школу, Джил по-прежнему казалась встревоженной. Эдди, почувствовав это, попытался ее успокоить. Он оглянулся на нее с пассажирского сиденья:

– Мы скоро увидимся с Адрианом.

– Знаю, – со вздохом сказала она.
– И больше ничего плохого не случится. Ты в безопасности. Они не могут здесь тебя найти.
– Это я тоже знаю.
– Насколько было ужасно? – спросила я. – Я имею в виду нападение. Никто не вдаётся в детали.
Краешком глаза я заметила, как Эдди оглянулся на Джил.
– Довольно скверно, – мрачно сказал он. – Но теперь все в порядке, вот что важно.

Больше никто из нас не заговаривал, и я быстро уловила намек – о подробностях лучше не расспрашивать. Все вели себя так, будто нападение было не таким уж большим событием, что все в прошлом, но разговоры вели слишком уклончивые. Случилось нечто такое, о чем я не знала; скорее всего, не знал никто из алхимиков. То, что хранили от нас в секрете. Я догадывалась – это связано с появлением здесь Адриана. Он упомянул об «очевидной причине», которая привела его в Палм-Спрингс, а потом Эйб намекнул на какой-то скрытый мотив, неизвестный самому Адриану.

Все это бесило меня, учитывая, что ведь я-то здесь рисковала жизнью. Как они могут ожидать от меня адекватной работы, если упорно утаивают часть информации?

Алхимики хорошо справляются со всякими тайнами, а я, несмотря на свое нелегкое прошлое, все еще оставалась алхимиком в достаточной степени, чтобы негодовать, не получая ответы на свои вопросы. К счастью, я также оставалась в достаточной степени алхимиком и была способна выискивать ответы самостоятельно.

Конечно, я знала: если немедленно пристать с расспросами к Джил и Эдди, это ни к чему не приведет. Нужно вести себя дружелюбно и заставить их почувствовать себя рядом со мной свободно. Они, может, и не разделяли тайной веры, будто люди – создания тьмы, но это не означало, что мне уже доверяют. Я их в этом не винила. В конце концов, я тоже им не доверяла.

До Амбервуда мы добрались к вечеру. Мы с Китом уже успели побывать в школе, а Эдди и Джил рассматривали все окружающее широко раскрытыми глазами.

В отличие от казавшегося старомодным дома Кларенса школа была светлой и современной. Она состояла из комплекса оштукатуренных зданий, типичных для Калифорнии и вообще для южной архитектуры. Вдоль сочных зеленых газонов росли пальмы. В угасающем свете дня учащиеся прогуливались, парами и группами, по многочисленным

парковым дорожкам.

По дороге мы запаслись фастфудом, но из-за позднего часа нам с Джил пора было расстаться с Эдди. В восемнадцать лет, имея машину и «разрешение родителей», я могла свободно передвигаться где захочу, но с наступлением ночи не должна была болтаться по улицам.

Эдди беспокоился, оставляя Джил, особенно когда понял, как далеко от нее он будет. Территория школы Амбервуд разделялась на три кампуса: Восточный, Западный и Центральный. В Восточном кампусе находилось общежитие для девушек, в Западном – общежитие для парней. В Центральном, самом большом, располагались административные и научные корпуса и места отдыха. Кампусы отстояли один от другого на пару километров и обслуживались местным автобусом, который ходил на протяжении всего дня. Хотя учащийся, способный выдержать жару, всегда мог прогуляться пешком.

Эдди следовало бы знать, что он не сможет остаться в женском общежитии, хотя я подозревала – найди он способ, так спал бы в изножье кровати Джил, как преданный пес. Было забавно наблюдать за ними. Раньше мне не доводилось наблюдать за парами, состоящими из стража и моройки. Роза и Дмитрий просто пытались выжить – к тому же оба были дампирями. Теперь же я в конце концов смогла разглядеть в поступках систему и поняла, почему дампиры так усердно тренируют. Надо быть хорошо подготовленным, чтобы сохранять постоянную бдительность. Даже в самые обыденные моменты Эдди всегда напряженно следил за окружающим. Ничто от него не ускользало.

– Насколько надежна здесь охрана? – требовательно спросил он, когда мы вошли в женское общежитие.

Он настоял на том, чтобы увидеть наше общежитие, прежде чем отправиться в свое. В вестибюле в такой час было тихо, только две ученицы, очевидно только что приехавшие, переносили коробки и чемоданы. Проходя мимо, они бросили на нас любопытные взгляды, и мне пришлось подавить всколыхнувшуюся во мне тревогу. Учитывая все происходившее в моей жизни, общение с людьми в школе не должно было меня пугать – но все равно пугало. Алхимиков к такому не готовят.

– Охрана тут неплохая, – сказала я негромко, повернувшись к Эдди спиной. – Они не опасаются наемных убийц-вампиров, но, конечно, хотят, чтобы их ученицы были в безопасности. Я знаю, что ночью территорию патрулируют вооруженные охранники.

Эдди посмотрел на смотрительницу общежития, тучную седовласую женщину, наблюдавшую за происходящим в вестибюле из-за своего стола.

– Думаете, она прошла боевое обучение и сможет скрутить незваного гостя?

– Держу пари, она смогла бы одолеть парня, прокрадывающегося в комнату девушек, – пошутила Джил и положила ладонь на руку Эдди, заставив того вздрогнуть. – Расслабься. Тут безопасно.

Беспокойство Эдди в известной степени утешало меня, придавая мне уверенности. В то же время я невольно снова задумалась о том, почему он столь насторожен. Эдди присутствовал при нападении, деталей которого мне никто не рассказывал. Он знал, что именно может нам грозить, поскольку видел первоисточник угрозы. Если он нервничает даже сейчас, какая же опасность нас до сих пор поджидает? Алхимики убедили меня в том, что, как только мы спрячемся тут, в Амбервуде, все будет хорошо и сведется к обычной тактике выжидания. Во время разговора с Розой я пыталась убедить ее в том же самом. Поведение Эдди свидетельствовало об обратном.

Комната в общежитии, которую я делила с Джил, была, по моим меркам, маленькой. Когда я росла, у меня всегда имелаась своя комната, и мне никогда не приходилось делить с кем-то место или шкаф. А в Санкт-Петербурге у меня была даже своя квартира. И все-таки здешняя комната выглядела неплохо: из окна открывался хороший вид на зеленый задний двор, обстановка казалась легкой и яркой, мебель с отделкой из клена явно была новой: кровати, столы, туалетные столики. Я никогда не жила в общежитии, но по реакции Джил могла понять, что мы получили хорошее жилье. Как уверяла Джил, эта комната была больше, чем та, в которой она жила в Академии Святого Владимира. Моройка была совершенно счастлива.

Мне мимолетно подумалось, не кажется ли ей эта комната большой просто потому, что у нас так мало вещей. Из-за стремительного отъезда и Джил, и я смогли взять с собой лишь очень немногое. Мебель золотистых тонов создавала ощущение тепла, но без привычных вещичек и всяких мелочей комната казалась обезличенной, словно фотографией из каталога. Смотрительница общежития, миссис Везерс, удивилась, увидев, как мало у нас багажа. Те девочки, за которыми я раньше наблюдала, приехали на машинах, лопающихся от количества вещей. Я надеялась, что мы не вызовем подозрения.

Перед тем как лечь, Джил помедлила, глядя в окно.

– Здесь так сухо, – пробормотала она скорее себе, чем мне. – Газон у них зеленый, но так странно не чувствовать в воздухе влаги.

Она застенчиво оглянулась на меня.

– Я – пользователь воды.

– Знаю, – ответила я, затрудняясь что-либо добавить.

Джил имела в виду магические способности, которыми обладали все морои. Каждый морой специализировался в одном из видов магии, мог подчинять себе одну из четырех стихий – землю, воду, воздух или огонь – или же неосвязаемую, связанную с психическими силами стихию духа. Управлять последней стихией могли очень немногие, одним из них, как я слышала, был Адриан. Я не буду разочарована, если Джил не сможет получить легкий доступ к своей магии. Магия, подобно питью крови, – слишком резкое напоминание о том, что люди, вместе с которыми я смеюсь и ем, – на самом деле не люди.

Не будь я настолько вымотанной после поездки на машине с Китом, наверное, лежала бы и мучилась из-за того, что сплю в одной комнате с вампиром. Когда я впервые повстречалась с Розой, я не могла даже короткое время оставаться в одной комнате с ней. Наше лихорадочное совместное бегство немного это изменило, и под конец я смогла не так остро реагировать на нее. Теперь же в темноте старые страхи вернулись.

«Вампир, вампир!»

Я твердо сказала себе, что это просто Джил. Не о чем беспокоиться. В конце концов утомление пересилило страх, и я уснула.

Проснувшись утром, я невольно поглядела в зеркало, чтобы убедиться – у меня нет меток от укусов или других следов нападения вампира. Конечно, ничего подобного я не обнаружила и тут же почувствовала себя до невозможности глупо. Джил просыпалась с таким трудом, что было просто нелепо воображать, будто она может подкрасться ко мне ночью.

Вовремя вытащить ее из комнаты, чтобы поприсутствовать на ознакомительной встрече, оказалось нелегко. Сонная, с красными глазами, Джил все время жаловалась на головную боль. Я точно могла не беспокоиться насчет того, что моя подруга по комнате нападет на меня ночью.

Тем не менее она сумела оправиться, и, покинув общежитие, мы нашли Эдди – вместе с другими учащимися он ждал возле фонтана в Центральном кампусе. Большая часть собравшихся выглядела новичками вроде Джил. Только немногие были того же возраста, что мы с Эдди, и я удивилась, увидев, как запросто он болтает с окружающими. Накануне Эдди был очень настороженным, и я ожидала от него большей замкнутости – но он отлично вписался в обстановку. Однако, когда мы с Джил подошли, я заметила, что Эдди украдкой оглядывается. Может, он и изображал учащегося, как и я, но все равно оставался дампиром.

Эдди как раз рассказывал нам, что еще не познакомился со своим товарищем по комнате, когда к нам подошел улыбающийся парень с ярко-голубыми глазами и рыжеватыми волосами.

– Привет, – сказал он. Увидев его вблизи, я разглядела россыпь веснушек. – Ты Эдди Мелроуз?

– Да, я...

Эдди резко повернулся с быстротой стража, готовый встретить возможную угрозу, и, увидев подошедшего, замер. Глаза его слегка расширились, и слова, которые он собирался произнести, так и не сорвались с его губ.

– Я Мика Валленс. Я буду жить с тобой в одной комнате, а еще я буду проводить у вас ознакомительную встречу.

Парень кивнул на толпу остальных учеников и ухмыльнулся.

– Но сперва мне хотелось поздороваться, потому что я приехал только этим утром. Мама ну никак не хотела меня отпускать после каникул.

Эдди все еще таращился на Мику так, будто увидел привидение. Я тоже разглядывала парня, гадая, что же я упустила. Он казался мне вполне обычным. Джил тоже была в неведении и смотрела на нового знакомого без тревоги или удивления.

– Рад познакомиться, – наконец выговорил Эдди. – Это мои... э-э... сестры – Джил и Сидни.

Мика по очереди улыбнулся каждой из нас. Он был так дружелюбен, что рядом с ним я чувствовала себя легко. Понятно, почему его выбрали для проведения ознакомительной встречи. Интересно, из-за чего Эдди так странно на него среагировал?

– Вы в каком классе? – поинтересовался Мика.

– В выпускном, – ответила я и, припомнив выдуманную историю, добавила: – Мы с Эдди близнецы.

– А я в первом, – сказала Джил.

Осмотрев свою «семью», я заметила, что мы с Эдди, наверное, легко можем сойти за брата и сестру. У нас был схожий цвет лица, и не забывайте, что мы оба выглядели людьми. А вот Джил, хотя и не выглядела стопроцентным вампиром, все же выделялась своим телосложением и бледностью.

Если Мика и заметил отсутствие фамильного сходства, он ничем это не показал.

– Нервничаешь из-за поступления в школу? – спросил он Джил.

Она покачала головой и ответила улыбкой на улыбку.

– Я готова к любым сложностям.

– Ладно, если вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать, – сказал Мика. – А сейчас я должен начать встречу. Поговорим позже.

Поскольку Мика сосредоточил внимание исключительно на Джил, было ясно – «если вам что-нибудь понадобится» адресовано именно ей. Ее румянец подтверждал, что она тоже это понимает. Джил улыбнулась, кинула на Мику быстрый взгляд и застенчиво потупилась. Я бы сочла это милым, если бы меня не тревожили перспективы такого общения. Джил находилась в школе, полной людей. И речи не шло о романтических отношениях с одним из них, и парней вроде Мики нельзя было поощрять. Эдди, похоже, не собирался об этом беспокоиться, но мне показалось, что в его поведении есть некая подоплека, ведь сам Мика его явно тревожил.

Мика призвал группу к вниманию и начал ознакомительное занятие.

Первая его часть была просто туром по территории школы. Мы следовали за Микой, то ныряя в кондиционированный воздух, то выныривая из него, пока наш гид показывал нам основные здания. Он объяснил, как ходит местный автобус, и мы проехали до Западного кампуса, который оказался почти зеркальным отражением Восточного.

Парням и девочкам разрешалось ходить друг к другу в гости, за некоторыми ограничениями, – когда Мика объяснил эти правила, послышался легкий гул недовольства. Вспомнив грозную миссис Везерс, я почувствовала жалость к любому парню, который попытается нарушить правила ее общежития.

В обоих общежитиях имелись собственные кафетерии, где мог питаться любой учащийся, и наша группа новичков пообедала, не покидая Западного кампуса. Мика присоединился ко мне и моим «брату с сестрой», чтобы поболтать.

Эдди отвечал вежливо, кивал и задавал вопросы, но глаза его все еще были слегка настороженными. Джил сперва стеснялась, но, когда Мика начал с ней шутить, в конце концов оттаяла.

«Как забавно, – подумала я, – что Эдди и Джил легче приспособиться к ситуации, чем мне».

Они находились в непривычной обстановке, среди представителей другой расы, но все равно их окружали знакомые вещи вроде кафетериев и запирающихся шкафчиков. Они без труда вошли в свои роли. Между тем я, несмотря на бывшие путешествия и проживание во всевозможных уголках мира, чувствовала себя не в своей тарелке.

Тем не менее прошло немного времени, и я вошла в ритм школьной жизни. Алхимиков обучают наблюдать и приспосабливаться, и, хотя все здесь было мне чужим, я быстро усвоила существующие порядки. И не

боялась разговаривать с людьми, поскольку привыкла начинать беседы с незнакомцами и объяснять, как выхожу из разных ситуаций. Тем не менее мне еще кое над чем предстояло поработать.

– Я слышала, ее семья может переехать в Анкоридж.

Мы обедали в перерыве между вводными занятиями, и две мои одноклассницы, сидевшие рядом со мной, обсуждали свою подругу, которая сегодня не пришла.

Вторая девочка округлила глаза.

– Серьезно? Я бы умерла, если бы мне пришлось отсюда переехать.

– Не знаю, – задумчиво проговорила я, возя вилкой по тарелке. – Здесь столько солнца и ультрафиолета, что в Анкоридже, возможно, продолжительность жизни больше. И там не нужен солнцезащитный крем, поэтому такой выбор места жительства еще и более экономичен.

Я-то думала, что сделала ценное замечание, но, подняв глаза, увидела, как на меня таращатся с открытыми ртами. Судя по виду соседок, я вряд ли смогла бы подать более странную реплику.

– Думаю, мне не стоит говорить все, что в голову взбредет, – шепнула я Эдди.

Я привыкла, общаясь с людьми, вести себя открыто, но теперь мне пришло на ум, что более подходящим было бы просто согласиться и кивнуть.

У меня было мало друзей-ровесников и маловато практики в общении с ними.

Эдди ухмыльнулся.

– Не знаю, сестренка. Ты довольно забавная. Продолжай в том же духе.

После обеда наша группа вернулась в Центральный кампус, где мы разделились, чтобы встретиться с научными руководителями и распланировать свои занятия.

Когда я села со своим руководителем, жизнерадостной молодой женщиной по имени Молли, меня не удивило, что алхимики прислали мои бумаги из воображаемой школы в Южной Дакоте. В этих бумагах даже точно описывалось то, что я изучала на своих домашних уроках.

– Благодаря вашим оценкам и результатам тестов вы попадаете в наши самые продвинутые классы математики и английского, – сказала Молли. – Если будете хорошо успевать, сможете получить кредит для поступления в колледж.

«Вот только в колледж я, к сожалению, не попаду», – с грустью подумала я.

Молли пролистнула несколько страниц моего дела.

– Пойдите-ка, я не вижу никаких записей насчет иностранного языка. Таковы требования Амбервуда – все должны знать как минимум один иностранный язык.

Ой! Алхимики напортали, подделывая мои документы. На самом деле я изучила несколько языков. Отец позаботился о том, чтобы я занималась этим с ранних лет, поскольку алхимик никогда не знает, где окажется.

Просматривая список иностранных языков, которые предлагал Амбервуд, я колебалась, гадая, следует ли мне солгать. Потом решила, что не очень-то хочется корпеть над спряжениями и именами, которые я уже выучила.

– Я уже знаю все эти языки, – сказала я Молли.

Молли скептически посмотрела на меня.

– Все? Тут пять иностранных языков.

Я кивнула и вежливо добавила:

– Но японский я изучала всего два года. Поэтому, наверное, могу еще его подучить.

Молли, похоже, все еще не верила.

– Может быть, пройдете тесты?

Таким образом, весь остаток дня я трудилась над тестами по иностранным языкам. Не так мне хотелось его провести, но я решила, что после трудов окупятся – задания были пустяковыми.

Когда три часа спустя я наконец-то разделалась со всеми пятью языками, Молли поторопила меня – пора было идти на примерку формы. Большинство новичков уже давно с этим покончили, и Молли беспокоилась, как бы кастелянша не ушла. Я быстро зашагала по коридорам, почти переходя на бег, и чуть было не врезалась в двух девушек, вышедших из-за угла.

– Ой! – воскликнула я, смущенная. – Простите... Я опаздываю на примерку...

Одна из девочек добродушно засмеялась. Она была темнокожей, атлетически сложенной, с волнистыми черными волосами.

– Не беспокойся, – сказала она. – Мы только что прошли мимо ее комнаты. Она еще там.

Вторая девочка была блондинкой, с волосами на оттенок светлее моих, высоко завязанными в «конский хвост». Обе девушки вели себя с непринужденной уверенностью тех, кто знает здесь все досконально. Они не были новенькими.

– Миссис Деланей всегда занимается примеркой дольше, чем собирается, – со знающим видом сказала блондинка. – Каждый год она...

Внезапно она оборвала себя и вытаращилась на меня.

– Откуда... откуда у тебя это?

Я понятия не имела, о чем речь, но вторая ученица вскоре тоже что-то заметила и подалась ближе ко мне.

– Изумительно! Нынче делают такие?

– Твоя татушка, – объяснила блондинка. Наверное, у меня все еще был растерянный вид. – Откуда она у тебя?

– А, это.

Я рассеянно прикоснулась к своей щеке.

– Из... э-э... Из Южной Дакоты. Я оттуда приехала.

Обе подруги выглядели разочарованными.

– Думаю, вот почему я никогда ничего подобного не видела, – сказала черноволосая. – Я уж решила, в «Неверморе» теперь делают что-то новенькое.

– В «Неверморе»? – переспросила я.

Девушки обменялись взглядами, словно перебросившись безмолвными репликами.

– Ты новенькая, верно? Как тебя зовут? – спросила светловолосая. – Я Джулия. Это – Кристин.

– Сидни, – все еще озадаченная, сказала я.

Джулия снова улыбалась.

– Пообедаешь с нами завтра в Восточном, хорошо? Мы все объясним.

– Объясните насчет чего? – спросила я.

– Длинная история, – ответила Кристин и, уже двинувшись прочь, добавила: – Просто иди сейчас к Деланей. Она задерживается, но не останется тут навсегда.

Когда они ушли, я продолжила путь – куда медленнее прежнего, – гадая, что такое сейчас произошло. Я только что обзавелась подругами? Я была не совсем уверена, как заводят друзей в подобной школе, но весь разговор показался мне порядком странным.

Миссис Деланей как раз собиралась уходить, когда я появилась в комнате.

– Какой размер вы носите, дорогая? – спросила она, заметив меня в дверях.

– Второй^[6].

Она достала несколько предметов одежды: юбки, брюки, блузки и свитера. Я сомневалась, что свитера эти пригодятся, если только в Палм-

Спрингсе разразится невообразимая апокалипсическая метель. В Амбервуде не требовали слишком вычурного стиля в одежде учащихся, главное, чтобы их наряды соответствовали общепринятым представлениям о моде. Цвета были темно-серыми, бургундского вина и белыми, и сочетание показалось мне неплохим.

Наблюдая, как я застегиваю белую блузку, миссис Деланей поцокала языком.

– Думаю, вам нужен четвертый размер^[7].

Я застыла, не застегнув блузку до конца.

– Я ношу второй.

– О да, вы можете примерить эти вещи, но посмотрите на рукава и на длину юбки. Думаю, вам будет удобнее в четвертом размере. Примерьте это.

Она протянула мне новую стопку одежды и засмеялась.

– Не выглядите такой обиженной! Четвертый размер ничего не значит. Вы все равно тростинка.

Она похлопала себя по животу.

– В мою одежду могло бы уместиться трое таких, как вы!

Несмотря на мои протесты, меня все равно отослали из комнаты с одеждой четвертого размера. Удрученная, я вернулась в общежитие и обнаружила, что Джил лежит на кровати и читает. При моем появлении она села.

– Наконец-то, а я уже гадала, что с тобой случилось.

– Меня задержали, – со вздохом сказала я. – Чувствуешь себя лучше?

– Да. Намного лучше.

Джил наблюдала, как я убираю форму.

– Страшноватая одежонка? В Святом Владимире у нас не было формы. Скучно будет каждый день носить одно и то же.

Мне не хотелось рассказывать, что, будучи алхимиком, я все равно ношу похожие наряды.

– Какой у тебя размер? – спросила я, чтобы сменить тему разговора.

Я вроде как напрашивалась сама...

– Второй.

Я ощутила вспышку раздражения, вешая свою форму в шкаф рядом с одеждой Джил. Почему все морои такие тощие? Генетика? Низкоуглеводная кровяная диета? Может, просто это как-то связано с их высоким ростом? Ответ был мне неизвестен, знала я только, что всякий раз, находясь рядом с ними, чувствовала себя непривлекательной, неуклюжей и хотела поменьше есть.

Когда я закончила распаковывать вещи, мы с Джил сравнили наши расписания. Поскольку мы учились на разных курсах, неудивительно, что занятия почти не совпадали. Единственным нашим общим уроком оказалась физкультура, обязательная для всех школьников, поскольку фитнес считался частью гармоничной подготовки. Может, я сумею сбросить несколько килограммов и вернусь к своему нормальному размеру одежды?

Джил улыбнулась и вернула мне расписание.

– Эдди потребовал, чтобы его записали на наши уроки физкультуры, поскольку ясно, что только это занятие у нас с ним может быть общим. Но оно совпадает с его уроками испанского, и ему не разрешили. Вряд ли он сможет выдержать целый школьный день, не убедившись, что я жива. Да, Мика тоже будет заниматься физкультурой вместе с нами.

Я прошествовала к своей кровати, все еще сердясь из-за формы. Имя Мики привлекло мое внимание.

– Кстати, ты не знаешь, почему Эдди так странно себя повел при виде Мики?

Джил покачала головой.

– Нет, у меня не было возможности спросить, но я тоже заметила – особенно вначале. После... Пока ты сдавала экзамены, а мы ждали, когда нам выдадут форму, Эдди как будто успокоился. Слегка. Но время от времени я видела, что он странно поглядывает на Мику.

– Может, он считает Мику опасным?

Джил пожала плечами.

– Мне Мика не кажется опасным, но я не страж. Если бы Эдди и вправду считал, что Мика представляет собой какую-то угрозу, он бы вел себя по-другому. Более агрессивно. Но похоже, рядом с Микой он просто нервничает. Почти – но не совсем – боится. И это самое странное, ведь стражи никогда не выглядят испуганными. Эдди, конечно, не совсем страж. Но ты знаешь, что я имею в виду.

– Знаю, – сказала я, улыбаясь, хотя собиралась дуться.

Милая говорливость Джил слегка улучшила мне настроение.

– А что ты имеешь в виду, говоря, что Эдди не совсем страж? Разве ему не поручили тебя защищать?

– Поручили, – ответила Джил, покручивая свой светло-каштановый локон. – Но... В общем, это довольно странная история. У него неприятности со стражами из-за того, что он помог Розе и... э-э... Убил парня.

– Он убил мороя, который напал на Василису, верно?

Я выяснила это после некоторых расспросов.

– Да, – сказала Джил, явно погрузившись в воспоминания. – Он защищался... Ну, и защищал Лиссу, но всех потрясло, что он убил мороя. Стражам не положено так поступать, но, с другой стороны, мороям и не положено нападать друг на друга. В общем, его отстранили. Никто не знал, как с ним поступить. Когда на меня... напали, Эдди помог меня защищать. Позже Лисса сказала, что глупо держать его в стороне, если он может быть полезен. Мол, раз за нападением тоже стояли морои, всем придется привыкнуть к мысли о том, что морой может быть врагом. Ганс, глава стражей при королевском дворе, в конце концов согласился и отослал Эдди сюда со мной. Но, я думаю, официально Эдди еще не восстановили в должности, хотя это странно.

Джил выложила все это без пауз и теперь остановилась, чтобы перевести дух.

– Я уверена, что все образуется, – сказала я, пытаюсь ее успокоить. – И надеюсь, ему зачтется спасение принцессы.

Джил внимательно посмотрела на меня:

– Я не принцесса.

Я нахмурилась и попыталась вспомнить все запутанные моройские законы.

– Принц или принцесса – это старейший член семьи. Поскольку Василиса королева, титул принцессы переходит к тебе, верно?

– На бумаге, – сказала Джил, отводя взгляд.

Ее тон было трудно распознать – странная смесь горечи и грусти.

– На самом деле я не принцесса. Я просто случайно оказалась родственницей королевы.

Мать Джил короткое время была любовницей Эрика Драгомира, отца Василисы, и он долгие годы держал в секрете существование внебрачной дочери. Все выяснилось лишь недавно, и я во многом помогла Розе найти Джил. Последствия этого так повлияли на мою жизнь и я так сосредоточилась на безопасности Джил, что не тратила времени на размышления о том, как она приспособилась к своему новому положению. А ведь наверняка в ее жизни произошли серьезные изменения.

– Я уверена, ты принижаешь свое положение, – ласково сказала я.

Не предстоит ли мне часто служить Джил психотерапевтом, выполняя нынешнее задание? Перспектива утешать вампира все еще казалась мне странной.

– Я имею в виду, сразу видно, насколько ты необходима. Все так хлопочут, чтобы ты была здесь в безопасности.

– Но ради меня ли самой? – спросила Джил. – Или ради того, чтобы помочь Лиссе сохранить трон? Она почти не разговаривает со мной с тех пор, как выяснилось, что мы сестры.

Мы затронули неловкую тему межличностных отношений, которой я избегала. Я не могла вообразить себя на месте Василисы или Джил. Единственное, что ощущала четко, – им обоим наверняка нелегко.

– Уверена, она тебя любит, – сказала я, хотя вовсе не была в этом уверена. – Но случившееся, наверное, кажется ей странным – особенно если вспомнить все остальные перемены в ее жизни. Потерпи немного. Сосредоточься сперва на важных вещах – на том, чтобы остаться здесь и выжить.

– Ты права, – кивнула Джил. Снова легла на постель и уставилась в потолок. – Я волнуюсь из-за того, что будет завтра, ведь весь день придется провести на занятиях, вместе с другими. А если они заметят? Вдруг узнают обо мне правду?

– На вводных занятиях ты прекрасно справилась, – заверила я. – Просто не показывай клыки. Кроме того, я очень неплохо убеждаю людей в том, будто они вовсе не видели того, что, по их мнению, видели.

При виде благодарности, отразившейся на лице Джил, я почувствовала себя неловко. Она снова напомнила мне Зою. Они во многом были похожи, обе застенчивые и нерешительные, но отчаянно желающие себя проявить. Я пыталась защитить Зою – и лишь упала в ее глаза. А теперь, находясь рядом с Джил, испытывала противоречивые чувства. Отчасти теперь я могла компенсировать то, что не сумела сделать для Зои. Но стоило подумать об этом, и внутренний голос тут же возражал: «Джил не твоя сестра. Она вампир. Это всего лишь очередное задание».

– Спасибо, Сидни. Я рада, что ты здесь.

Джил улыбнулась, и чувство вины лишь ввинтилось в меня еще глубже.

– Знаешь, я немножко завидую Адриану. Он думает, что у Кларенса очень скучно, но ему не надо встречаться с новыми людьми или привыкать к новой школе. Он просто может бить баклуши, смотреть телевизор, играть с Ли в бильярд, спать допоздна... Это кажется восхитительным.

Джил вздохнула.

– Наверное, – сказала я, слегка удивившись такому обилию подробностей. – А откуда ты все это знаешь? Ты... разговаривала с Адрианом после того, как мы покинули дом?

Не успела я договорить, как подобная мысль показалась мне маловероятной. Я ведь провела с Джил большую часть дня.

Улыбка слетела с ее лица.

– О нет. Я просто догадываюсь, что происходит. Кое о чем Адриан упоминал раньше, вот и все. Прости, я разнылась и болтаю всякую ерунду. Спасибо, что слушаешь меня... Мне становится легче.

Я натянуто улыбнулась и ничего не ответила. Мне все еще не удавалось привыкнуть к тому, что я начинаю испытывать теплые чувства к вампиру. Сперва Роза, теперь Джил? Неважно, какой бы милой ни была Джил, мне полагалось поддерживать с ней исключительно деловые отношения, чтобы никто из алхимиков не мог обвинить меня в привязанности к моройке. Слова Кита эхом прозвучали в моей голове: «Подружка вампира...»

«Чушь какая», – подумала я.

Нет ничего плохого в том, чтобы вести себя любезно со своими подопечными. Это нормально и вовсе не означает, что я с ними сближаюсь. Верно?

Отбросив беспокойство, я сосредоточилась на распаковывании вещей и обдумывании новой жизни в школе. Я искренне надеялась, что завтрашний день ничем не будет омрачен, как я и заверяла Джил.

К несчастью, надежды мои не оправдались.

Глава шестая

По правде говоря, начался день великолепно.

Когда мы проснулись, через окно лился солнечный свет, и я уже ощущала жару, несмотря на раннее утро. Я выбрала самый легкий ансамбль из предметов формы: серую юбку и белую блузку с короткими рукавами. В школе разрешались «простые украшения», поэтому я не сняла крест. У моих волос был один из трудных дней – таких дней в новом климате было больше, чем легких. Мне хотелось завязать хвост, как сделала Джил, но они были пострижены так, что аккуратного хвоста не получилось бы. Глядя на падающие на плечи пряди разной длины, я задумалась – может, пора отпустить волосы подлиннее?

После завтрака, к которому ни я, ни Джил почти не притронулись, мы поехали в Центральный кампус. Автобус был переполнен. Только около трети учащихся жили на полном пансионе, остальные были местными, и все они собрались сегодня на занятия. Во время поездки Джил почти не разговаривала; похоже, она снова плохо себя чувствовала. Не поручусь, но мне показалось, что лицо у нее бледнее обычного. Глаза снова были красные, а под ними залегли черные тени.

Проснувшись посреди ночи, я увидела, что Джил крепко спит, поэтому не знала, в чем же проблема. Честно говоря, эти синяки под глазами были первым изъяном, который я видела на коже мороев – всегда идеальной, фарфоровой. Неудивительно, что Джил могла спать допоздна: ей, в отличие от меня, не приходилось заботиться о пудре и тональном креме.

И все утро Джил продолжала прикусывать губу и обеспокоенно оглядываться по сторонам. Может, она просто нервничала, оказавшись среди одних только людей. Казалось, ее вовсе не беспокоило то, что придется находить нужные аудитории, выполнять различные задания. А меня это все еще слегка пугало.

«Просто переходи из одного кабинета в другой, – твердила я себе. – Это все, что ты должна делать».

Первым уроком у меня значилась античная история. Эдди направлялся в ту же аудиторию и, увидев меня, налетел с вопросами:

– Она в порядке? Ты ее видела?

– Мы вообще-то живем в одной комнате, поэтому – да, видела.

Мы уселись за соседние столы, и я улыбнулась Эдди.

– Успокойся. С ней все в порядке. Похоже, она нервничает, но не

удивительно.

Эдди кивнул, но не слишком уверенно. Сосредоточив внимание на преподавательнице, он все равно словно еле сдерживался, чтобы не ринуться проверить, как там Джил.

– Добро пожаловать, добро пожаловать.

Нашей преподавательницей была женщина лет сорока с чем-то, с тронутыми сединой жесткими черными волосами и такая энергичная, что могла бы сравниться в этом с Эдди. Судя по гигантской кофейной кружке, об источнике энергии нетрудно было догадаться. Я слегка позавидовала, поскольку нам не дозволялось приносить в класс напитки – тем более что в кафетерии общежития кофе не варили. Я не знала, как выживу следующие несколько месяцев без кофеина. Наряд учительницы демонстрировал ее неравнодушие к вязаным вещам.

– Я – миссис Тервиллигер, ваш прославленный гид в чудесном путешествии по античной истории.

Говорила она громко и чересчур торжественно, отчего несколько моих одноклассников захихикали.

Преподавательница показала на молодого человека, сидевшего позади нее, рядом с большим столом. Тот со скучающим видом наблюдал за классом, но, когда она к нему повернулась, встрепенулся.

– А это мой помощник, Трей, которого, думаю, некоторые из вас знают. Трей – мой ассистент на этот период, поэтому по большей части будет сидеть тихонько в уголке и заполнять бумаги. Но будьте с ним повежливее, потому что, весьма возможно, именно он будет вносить ваши оценки в компьютер.

Трей слегка помахал рукой и ухмыльнулся нескольким своим друзьям. Он был очень загорелым, с черными волосами, длина которых бросала вызов правилам дресс-кода. Аккуратно выглаженная форма придавала ему деловой вид, но его темные глаза озорно поблескивали, и я решила, что он не относится к своей должности очень серьезно.

– Продолжим, – продолжала миссис Тервиллигер. – История важна потому, что учит нас нашему прошлому. А изучая прошлое, вы начинаете понимать настоящее, поэтому можете принять аргументированные решения, касающиеся будущего.

Она сделала драматическую паузу, чтобы мы уяснили ее слова. Убедившись, что мы прониклись благоговением, преподавательница подошла к ноутбуку, подсоединенному к проектору. Нажала несколько клавиш, и на экране в передней части комнаты появилось здание с белыми колоннами.

– Может ли кто-нибудь сказать мне, что это такое?

– Храм? – выкрикнул кто-то.

– Очень хорошо, мистер...

– Робинсон, – сообщил парень.

Вытащив планшет, миссис Тервиллигер изучила список.

– А, вот вы где. Робинсон. Стефани.

– Стефан, – поправил молодой человек, покраснев, когда его друзья захихикали.

Миссис Тервиллигер подоткнула очки на переносице и прищурилась.

– Да, так и есть. Слава богу. Я уж подумала, как вам, наверное, трудно живется с таким именем. Извиняюсь. Я разбила очки – нелепое происшествие во время игры в крокет – и была вынуждена захватить сегодня старые. Итак, Стефан, а не Стефани, вы правы. Это храм. Можете ли уточнить, какой именно?

Стефан покачал головой.

– Кто-нибудь может предложить другой ответ?

Ответом была лишь тишина, и я, сделав глубокий вдох, подняла руку. Пора было проверить, что это такое – быть настоящей ученицей. Миссис Тервиллигер посмотрела на меня и кивнула.

– Это Парфенон, мэм.

– Так и есть, – подтвердила она. – И как вас зовут?

– Сидни.

– Сидни...

Она сверилась со своими записями и удивленно подняла взгляд.

– Сидни Мельбурн? О боже мой! Ваш выговор не похож на австралийский.

– Э-э... Сидни Мелроуз, мэм, – поправила я.

Миссис Тервиллигер нахмурилась и протянула записи Трею, который, похоже, считал, что мое имя – самая смешная штука на свете.

– Смените меня, мистер Джарез. Ваши юные глаза лучше моих. Если я буду продолжать, так все время стану превращать мальчиков в девочек и абсолютно милых юных леди в потомков преступников. Итак, – миссис Тервиллигер снова сосредоточилась на мне, – Парфенон. Вы что-нибудь о нем знаете?

Остальные наблюдали за мной, по большей части с дружеским любопытством, но я все равно чувствовала, как давит на меня то, что я оказалась в центре внимания. Глядя лишь на миссис Тервиллигер, я ответила:

– Это часть Акрополя, мэм. В Афинах. Он был построен в пятом веке

до Рождества Христова.

– Не нужно обращаться ко мне «мэм», – сказала миссис Тервиллигер. – Хотя немного уважительности действует для разнообразия освежающе. А ответ – блестящий.

Она оглядела остальных.

– А теперь скажите мне вот что. С какой стати нас должны заботить Афины или то, что происходило больше пятнадцати сотен лет назад? Какое отношение это может иметь к нам, живущим сегодня?

Снова молчание и ускользающие взгляды. Когда невыносимая тишина растянулась как будто на несколько часов, я начала снова поднимать руку. Миссис Тервиллигер не заметила этого и оглянулась на Трея, который положил ноги на учительский стол. Парень немедленно сбросил ноги со стола и выпрямился.

– Мистер Джарез, – объявила миссис Тервиллигер, – пора отработать ваше жалованье. Вы проходили это в прошлом году. Можете вы сказать, почему события в античных Афинах для нас важны? Если не можете, мне придется снова вызвать мисс Мельбурн. Похоже, она знает ответ, и подумайте, в какое неловкое положение это вас поставит.

Трей взглянул на меня, потом снова на преподавательницу.

– Ее зовут Мелроуз, а не Мельбурн. И демократия была основана в Афинах в шестом веке. Многие из правил, которые там установили, действуют и сегодня в нашем обществе.

Миссис Тервиллигер театрально прижала руку к сердцу.

– Значит, в прошлом году вы меня слушали! Ну почти. Дата неверна.

Взгляд ее упал на меня.

– Держу пари, вы знаете, когда в Афинах была установлена демократия.

– В пятом веке, – немедленно ответила я.

Тем самым я заслужила улыбку учительницы и сердитый взгляд Трея. Одноклассники тоже, кажется, не были восхищены моим ответом. Миссис Тервиллигер продолжила говорить в своем цветистом стиле, остановившись на нескольких важных датах и местах, которые нам предстояло изучить более подробно. Я поняла, что могу ответить на любой ее вопрос. Внутренний голос твердил, что я должна быть осторожной и не выдавать все свои познания сразу, но я не могла удержаться. Если никто не знал ответа, я чувствовала, что обязательно должна его дать. И каждый раз, когда я отвечала, миссис Тервиллигер говорила:

– Трей, вы это знаете? – А я вздрагивала.

Мне отнюдь не хотелось наживать врагов в первый же день. Пока я

отвечала, остальные ученики с любопытством наблюдали за мной, что слегка смущало. А еще я видела, как некоторые из них обмениваются многозначительными взглядами, будто знают секрет, утаиваемый от меня. Это заботило меня больше, чем раздражение Трея. Они думают, будто я похваляюсь знаниями? Я не настолько была в курсе принятых здесь норм поведения, чтобы понимать, что тут нормально, а что нет. Эта школа ценилась высоко и могла соперничать с другими в академическом плане. Уж наверняка здесь не так уж плохо быть образованной?

Напоследок миссис Тервиллигер дала задание прочитать первые две главы учебника. Одноклассники застонали, но я почувствовала приятное волнение. Я любила историю, особенно историю искусства и архитектуры. Мое домашнее образование было отличным и всесторонним, но отец считал, что именно на этот предмет мы не должны тратить много времени. Мне пришлось изучать его в свободное время, и меня поражала и радовала мысль о том, что теперь у меня есть занятия, специально посвященные истории. И что мои знания будет кому проверить.

После урока мы с Эдди разделились. Я отправилась на урок химии для продвинутого уровня. Пока я ждала начала занятий, Трей скользнул за стол рядом со мной.

– Итак, мисс Мельбурн, – сказал он, подражая голосу мисс Тервиллигер, – когда вы начнете сами преподавать историю?

Я сочувствовала ему, когда мисс Тервиллигер его подкалывала, но теперь мне не понравился его тон.

– А ты и вправду занимаешься античной историей? Или собираешься и дальше прохлаждаться и делать вид, что помогаешь преподавательнице?

Трею ослепительно улыбнулся.

– О, к сожалению, я в этом увяз. И я был лучшим учеником миссис Тервиллигер в прошлом году. Если ты и в остальном разбираешься так же хорошо, как в истории, я украду тебя, чтобы мы были в паре на лабораторных занятиях. И тогда я смогу бить баклуши весь семестр.

Химия была основополагающей в деятельности алхимиков, и я сомневалась, что на занятиях услышу что-то новое для себя. В Средние века алхимики, которых называли «учеными колдунами», пытались превратить свинец в золото. От своих ранних экспериментов они перешли к изучению особенных свойств крови вампира и ее реакций с другими веществами, и в конце концов именно эти исследования привели к решению держать порознь вампиров и людей. Благодаря ранней научной подоплеке и нашим теперешним опытам с кровью вампиров химия стала одним из главных предметов моего образования в детстве. Я получила свой

первый химический набор, когда мне было шесть лет. Пока остальные дети практиковались в стрельбе из арбалета, мой отец мучил меня свойствами кислоты и обучающими карточками по иностранным языкам.

Не в силах признаться во всем этом Трею, я отвела глаза и небрежно смахнула волосы с лица.

– Я не возражаю.

Его взгляд перебежал на мою щеку и вдруг стал понимающим.

– А! Так вот она.

– Что? – спросила я.

Трей показал на мое лицо.

– Твоя татуировка. Вот как она работает?

Откидывая волосы, я показала золотистую лилию.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Не скромничай, – сказал Трей, возводя к потолку темные глаза. – Я понял. Я имею в виду, ты вроде как жульничаешь со мной, но, думаю, не все беспокоятся о своей репутации. Однако с твоей стороны довольно бесстрашно носить татуировку на лице. Ты нарушаешь известный тебе дресскод... Хотя это никого не останавливает.

Я поправила волосы, и они снова упали на щеку.

– Знаю. Я собиралась наложить макияж и забыла. Но что ты там говорил насчет жульничества?

Трей молча покачал головой, ясно давая понять, что больше разговаривать не желает.

Я сидела, чувствуя себя беспомощной и гадая, что сделала не так. Вскоре мое замешательство сменилось унынием, когда наш преподаватель показал нам, чем оснащен кабинет. В моей комнате имелось химическое оборудование подороже, чем в Амбервуде. Что ж, полагаю, немного освежить элементарные познания не повредит.

Остальные занятия проходили примерно так же. Я была лучшей по всем предметам и поняла, что отвечаю на каждый вопрос. Это снискало мне благоволение учителей, но реакцию одноклассников я оценить не могла. Я все еще замечала, как многие неодобрительно качают головами или выглядят заинтригованными – но только Трей по-настоящему меня осудил. Я не знала, стоит вести себя сдержаннее или нет.

Пару раз я натыкалась на Кристин и Джулию, и те напомнили, что я должна присоединиться к ним за обедом. Я так и сделала, найдя их за угловым столиком в кафетерии Восточного кампуса. Девушки помахали мне, и я, пробираясь мимо ряда столов, быстро оглядела помещение в надежде увидеть Джил. Я целый день с ней не встречалась, но не слишком

беспокоилась из-за этого, помня о разнице в наших расписаниях. Возможно, она обедала в другом кафетерии, может, вместе с Эдди и Микой.

Кристин и Джулия вели себя по-дружески: расспрашивали о моем первом дне, делились знаниями о некоторых преподавателях, которые вели у них занятия раньше. Обе они были выпускницами, как и я, и наше расписание отчасти совпадало. Большую часть обеда мы обменивались общей информацией, например – кто откуда родом. Только к концу обеда я начала получать ответы на некоторые вопросы, весь день не дававшие мне покоя, хотя ради этого и пришлось сперва продраться через новые расспросы.

– Так что, – спросила Кристин, подавшись ко мне через стол, – она просто дает тебе суперпамять? Или, уж не знаю, и вправду изменяет твой мозг и делает тебя умнее?

Джулия закатила.

– Она не может делать умнее. Должно быть, дело в памяти. Что я хочу знать, так это как долго она действует.

Я переводила взгляд с одной девушки на другую, совершенно сбита с толку.

– О чем бы вы там ни говорили, «она» не делает меня умнее, потому что сейчас я в полном недоумении.

Кристин засмеялась.

– Твоя татушка. Я слышала, ты ответила на все самые трудные вопросы по математике. И моя подруга, которая вместе с тобой была на истории, сказала, что там ты тоже отличилась. Мы пытаемся догадаться, как именно помогает тебе татуировка.

– Помогает мне... отвечать на вопросы? – спросила я.

Их лица подтвердили, что это они и имели в виду.

– Она мне не помогает. Это... Это просто, ну... Я сама. Я просто знаю ответы.

– Таких умных не бывает, – заспорила Джулия.

– Да ничего особенного в этом нет. Я не гений. Думаю, я просто много училась. Частично была на домашнем образовании. К тому же папа у меня очень... строгий, – добавила я, полагая, что это может быть понятным.

– А-а... – протянула Кристин, поигрывая своей длинной косой.

Я заметила, что ее темные волосы причесаны очень аккуратно, тогда как светловолосая Джулия вечно взъерошенная и растрепанная.

– Может, оно и так, – продолжала Кристин, – но для чего тогда твоя татуировка?

– Да ни для чего, – сказала я.

Но, произнося эти слова, почувствовала на щеке легкое покалывание. В татуировке заключалась своего рода магия, которая мешала мне говорить о делах алхимиков с теми, кто не входил в круг избранных. Татуировка не давала мне слишком много болтать... Не то чтобы в том была необходимость.

– Я сделала ее просто потому, что она показалась мне классной.

– А-а... – теперь протянула Джулия.

Непонятно почему, но обе девушки выглядели разочарованными.

– А с чего вы решили, что татуировка добавляет мне ума? – поинтересовалась я.

Звонок на следующий урок помешал нашей дальнейшей беседе. Последовала пауза; Кристин и Джулия о чем-то размышляли. Кристин, казалось, была из них двоих лидером: она решительно кивнула, и у меня появилось ясное ощущение, что мне дали оценку.

– Хорошо, – широко улыбнувшись, сказала она. – Потом расскажем.

Мы условились, когда именно встретимся и вместе позанимаемся, и разошлись. У меня сложилось впечатление, что меня ждет больше общения, чем учебы, и это вполне меня устраивало, но я сделала себе мысленную заметку – сперва приготовить домашнее задание.

Остаток дня пролетел быстро, и во время одного из уроков я получила записку от руководителя, Молли. Как и ожидалось, тесты подтвердили мое знание иностранных языков, и Молли хотела, чтобы я заглянула к ней во время последнего учебного часа, когда у меня не было занятий. Значит, мой учебный день официально завершался физкультурой.

Я переоделась в выданную мне спортивную форму – шорты и амбервудскую футболку – и вместе с остальными выбралась наружу, под горячее солнце. Сегодня, пока перемещалась из одного здания в другое в перерывах между занятиями, я иногда чувствовала жару, но только постояв некоторое время на улице, по-настоящему осознала, что мы находимся в пустыне. Оглядывая своих сокашников, среди которых были парни и девушки из разных классов, я увидела, что жарко не мне одной. Я редко обгорала на солнце, но теперь решила на всякий случай купить солнцезащитный крем. Джил он тоже понадобится.

Джил!

Я внимательно огляделась по сторонам. Я почти забыла, что Джил полагается быть на этом занятии. Но где же она? Ее нигде не было видно. Когда наша преподавательница, мисс Карсон, начала делать переключку, она даже не назвала имя Джил. Я гадала, не изменили ли в последнюю минуту расписание.

Мисс Карсон считала, что чем быстрее приступить к делу, тем лучше. Мы разбились на команды для игры в волейбол, и я оказалась рядом с Микой. Его бледная веснушчатая кожа уже порозовела, и мне почти захотелось предложить и ему тоже купить солнцезащитный крем. Мика улыбнулся мне своей дружеской улыбкой.

– Привет, – сказала я. – Ты не видел сегодня мою сестру, Джил?

– Нет, – ответил он, слегка нахмурившись. – Эдди искал ее за обедом. Он решил, что она обедает вместе с тобой в общежитии.

Я покачала головой, ощущая, как тошнота поднимается к горлу. Что происходит? В голове моей пронеслись кошмарные варианты. Я-то думала, что Эдди перебарщивает со своей бдительностью, но вдруг что-то случилось с Джил? Неужели, несмотря на все наши уловки, один из врагов проскользнул сюда и похитил Джил у нас из-под носа? Придется ли мне рассказать алхимикам – и отцу – о потере подопечной в первый же день?

Меня охватила паника. Если раньше меня и не собирались отправлять в центр переобучения, теперь мне это светило с куда большей вероятностью.

– Что с тобой? – спросил Мика, рассматривая меня. – Джил пропала?

– Не знаю, – сказала я. – Извини.

Я отделилась от своей команды и трусцой подбежала к наблюдающей за нами мисс Карсон.

– Простите, что беспокою вас, мэм, но я волнуюсь из-за сестры. Джил Мелроуз. Я Сидни. Джил полагалось бы быть здесь. Вы не знаете, она не изменила расписание уроков?

– А, да. Мелроуз. Я получила записку из администрации, перед самым занятием, что она сегодня не придет.

– Там было сказано почему?

Мисс Карсон с извиняющимся видом покачала головой и выкрикнула приказ какому-то парню, который начал сачковать. Я снова присоединилась к своей команде, мысли мои неслись вскачь. Что ж, по крайней мере, кто-то видел сегодня Джил, но почему же она не пришла на урок?

– Ничего не случилось? – продолжал допытываться Мика.

– Я... думаю, все в порядке. Мисс Карсон в курсе, что Джил не будет на уроке, но не знает почему.

– Я могу что-нибудь сделать? – спросил Мика. – Чем-нибудь ей помочь? То есть вам обеим?

– Нет, спасибо. Но приятно, что ты спросил.

Хотелось бы мне взглянуть сейчас на часы.

– После урока я проверю, как она.

Внезапно в голову мне пришла одна мысль.

– Но, Мика, не говори ничего Эдди.

Мика с любопытством посмотрел на меня.

– Почему?

– Он слишком рьяно ее защищает. И будет беспокоиться без причин.

«А еще разнесет всю школу по кирпичику, разыскивая Джил».

Когда занятие закончилось, я быстро приняла душ и переоделась, а потом зашагала к административному зданию. Мне отчаянно хотелось сперва побежать обратно в общежитие, чтобы увидеть, не там ли Джил, но нельзя было опаздывать на назначенную встречу. Идя по коридору к кабинету Молли, я прошла мимо кабинета директора – и тут меня озарила идея. Я остановилась, чтобы поговорить с секретарем, перед тем как отправиться на встречу.

– Джил Мелроуз, – кивнула секретарь. – Ее отослали обратно в общежитие.

– Отослали? – воскликнула я. – Что это значит?

– Не могу сказать.

«Не слишком ли мелодраматично?»

Раздраженная и донельзя сбита с толку, я пошла в кабинет Молли, утешая себя тем, что, хотя отсутствие Джил и является загадкой, по крайней мере оно согласовано со школой.

Молли сказала, что вместо изучения языков я могу выбрать какой-нибудь факультатив или заняться самостоятельными исследованиями, если есть преподаватель, который станет моим руководителем. Внезапно у меня появилась идея.

– Могу я ответить завтра? – спросила я. – Сперва мне нужно кое с кем поговорить.

– Конечно, – сказала Молли. – Только решайте побыстрее. Теперь возвращайтесь в общежитие, мы не одобряем того, чтобы каждый день в это время вы слонялись без дела по территории.

Я заверила ее, что скоро дам ответ, и отправилась в общежитие. Автобус в часы занятий ездил не очень часто, поэтому я прошла все расстояние пешком. Прогулка заняла всего пятнадцать минут, но при такой жаре мне показалось, будто времени ушло вдвое больше.

Когда я в конце концов добралась до нашей комнаты, меня захлестнуло облегчение. Джил была там.

– Что случилось?

Джил лежала на постели, читая книгу. Она мрачно взглянула на меня.

– Да ничего.

Я села на свою кровать и сбросила обувь.

– Ну ты даешь! Я чуть с ума не сошла, когда ты не пришла на урок. Если бы Эдди знал...

Джил рывком села.

– Нет, не говори Эдди. Он точно психанет.

– Ладно. Но расскажи, что случилось. Говорят, тебя сюда отослали?

– Да.

Джил скорчила гримасу.

– Потому что меня выгнали с первого же урока.

Я лишилась дара речи. Я и представить себе не могла, что могла сотворить милая, застенчивая Джил, чтобы заслужить такое наказание. Господи! Надеюсь, она никого не укусила. Ожидалось, что это мне будет непросто приспособиться к школьному распорядку. Джил же полагалось быть в этом профессионалкой.

– За что тебя выгнали?

Джил вздохнула.

– За похмелье.

Я снова лишилась дара речи.

– Что?!

– Меня тошнило. Мисс Чанг – моя учительница – взглянула на меня всего разок и сказала, что за милую может распознать похмелье. Она повела меня к директору за нарушение школьных правил. Там я сказала, что просто больна, но она продолжала говорить, будто ей все известно. В конце концов директор заявил – раз невозможно доказать причину моего состояния, меня не накажут, но не разрешат сегодня находиться на уроках. Мне пришлось торчать тут весь день.

– Это... Это идиотизм!

Я вскочила и принялась расхаживать по комнате. Теперь, оправившись от первоначального недоумения, я пришла в ярость.

– Я была с тобой прошлой ночью. Ты спала в этой комнате. Уж я-то знаю! Я проснулась один раз, и ты спала без задних ног. Как мисс Чанг может бросаться такими обвинениями? У нее нет доказательств! И у школы тоже нет. Они не имели права выгонять тебя из класса. Я немедленно пойду к директору! Нет, я поговорю с Китом и алхимиками, и наши «родители» подадут жалобу.

– Нет, погоди, Сидни.

Джил вскочила и схватила меня за руку, как будто боялась, что я тотчас же выскочу за дверь.

– Пожалуйста, не надо. Я не хочу причинять никому лишние

неприятности. Я не получила плохих отметок. И, в общем-то, меня не наказали.

– Ты отстанешь от программы, – сказала я. – Это достаточное наказание.

Джил покачала головой. По ее широко распахнутым глазам я поняла, что она испугана, но не могла взять в толк, почему не хочет, чтобы я обо всем рассказала. Она ведь была невинной жертвой.

– Нет, все в порядке. Я нагоню. Последствий не будет. Пожалуйста, не поднимай шума. Остальные преподаватели, наверное, просто подумали, что я больна. Думаю, они даже не знают никаких подробностей.

– Но это неправильно, – проворчала я. – Я могу принять меры. Я ведь здесь как раз за этим – чтобы помогать тебе.

– Нет, – отрезала Джил. – Пожалуйста. Брось. Если ты и вправду хочешь помочь...

Она отвела взгляд.

– Что? – спросила я, все еще полная праведного гнева. – Что тебе нужно? Только скажи.

Джил снова посмотрела на меня.

– Мне нужно, чтобы ты... Мне нужно, чтобы ты отвезла меня к Адриану.

Глава седьмая

– К Адриану? – удивленно переспросила я. – А какое он имеет ко всему этому отношение?

Джил покачала головой и умоляюще посмотрела на меня.

– Пожалуйста. Просто отвези меня к нему.

– Но мы вернемся туда через пару дней для твоего «кормления».

– Знаю, – сказала Джил. – Но мне нужно увидеть его сейчас. Он единственный, кто поймет.

Я не могла поверить.

– Ты говоришь, что я не пойму? Или что Эдди не поймет?

Джил застонала.

– Нет. Нельзя рассказывать Эдди. Он выйдет из себя.

Я попыталась не хмуриться, обдумывая все это. Почему Джил нужно увидеть Адриана после неудачи в школе? Адриан в этом случае не может сделать ничего такого, чего не могла бы сделать я. Как алхимик, я находилась в более выгодном положении, чтобы составить жалобу. Джил просто нужна моральная поддержка? Я вспомнила, как она обнимала Адриана на прощание, и внезапно задумалась, не влюбилась ли Джил в него. Потому что, если ей необходимо чувствовать с чьей-то стороны защиту и заботу, Эдди наверняка был кандидатурой получше. Или нет? Эдди, скорее всего, принялся бы в ярости расшвыривать стулья в кабинете директора. Может, не такая уж плохая идея – помешать ему так поступить.

– Хорошо, – сказала я наконец. – Поехали.

Я записала нас обеих на выезд за пределы кампуса, из-за чего мне пришлось пойти на небольшой обман. Миссис Везерс немедленно указала, что Джил изгнали в общежитие до конца учебного дня. Я так же быстро заметила, что занятия почти закончились, значит, с формальной точки зрения сейчас как раз конец учебного дня. Миссис Везерс не могла придаться к такой логике, но все равно заставила нас прождать целых десять минут, пока не прозвенел последний звонок. Джил сидела, тревожно постукивая ногой по своему креслу.

За те полчаса, что добирались до дома Кларенса в холмах, мы почти не разговаривали. Я не очень-то понимала, о чем можно вести беседу. «Как прошел твой первый день в школе?» – такую тему Джил вряд ли бы оценила. В любом случае, стоило мне об этом подумать, и я злилась еще сильнее. Я не могла понять, на каком основании учителя обвиняли Джил в

том, что она напилась и страдала от похмелья. Доказать такое было нельзя, а кроме того, достаточно было провести пять минут с Джил, чтобы понять – подобное невозможно.

Двери нам открыла женщина средних лет, Дороти, экономка Кларенса и «кормилец». Дороти выглядела добродушной, но слегка рассеянной; она носила накрахмаленное серое платье с высоким воротником, чтобы скрыть следы от укусов на шее. Я ответила улыбкой на ее улыбку и постаралась держаться по-деловому, но невольно содрогнулась при мысли о том, кто она такая. Как кто-то может этим заниматься? Как кто-то может вот так, добровольно, предлагать свою кровь? У меня все перевернулось внутри, и я постаралась не приближаться к ней, чтобы даже нечаянно не коснуться ее руки, проходя мимо.

Дороти проводила нас в комнату, где все мы встретились днем раньше. Кларенса нигде не было видно, но Адриан лежал на плюшевой зеленой кушетке. Он смотрел телевизор, который в прошлый раз был искусно скрыт в изукрашенном деревянном шкафу. При виде нас он выключил телевизор с помощью пульта и сел. Дороти извинилась и вышла, закрыв за собой дверь.

– О, вот так приятный сюрприз, – сказал Адриан.

Он окинул нас взглядом. Джил, пока сидела в нашей комнате, переделалась в нормальную одежду, но на мне все еще были амбервудские блузка и юбка.

– Сейдж, а разве вам не полагается носить форму? А эта одежда смахивает на ту, которую ты носишь всегда.

– Она прикольная, – сказала я, подавив желание закатить глаза.

Адриан отвесил насмешливый поклон.

– Осторожней. Ты почти улыбнулась.

Он потянулся за бутылкой бренди на столе рядом. Вокруг бутылки стояли маленькие рюмки, и он налил себе щедрую порцию.

– Хотите выпить?

– Сейчас середина дня, – недоверчиво проговорила я.

Хотя для меня не слишком имело значение, в какое время суток прикладываться к спиртному.

– У меня ужасно болит голова, – объявил он, поднимая рюмку, словно произносил тост. – Это просто чтобы избавиться от головной боли.

– Адриан, мне нужно с тобой поговорить, – настойчиво сказала Джил.

Он посмотрел на нее, и его ухмылка исчезла.

– В чем дело, малолетка?

Джил тревожно взглянула на меня.

– Ты не могла бы...

Я поняла намек и попыталась не подать виду, как меня раздражают все эти секреты.

– Конечно. Я просто... просто снова выйду на улицу.

Мне не нравилось, что меня выгоняют, но я ни за что на свете не стала бы бродить по коридорам старого дома. Лучше торчать на жаре.

Я прошла по коридору не очень далеко, и вдруг кто-то возник передо мной. Я не удержалась от крика и просто-таки подскочила от неожиданности. Через мгновение я узнала Ли, хотя данный факт не очень меня успокоил. Как бы тесно я ни сошлась с этой компанией, во мне пробудились старые оборонительные инстинкты, стоило мне оказаться один на один с новым вампиром. И делу вовсе не помогло то, что я почти врезалась в него, поскольку мой мозг принял это за нападение.

Ли стоял, молча глядя на меня. Судя по выражению лица, он удивился не меньше, обнаружив меня в своем доме, – хотя, может, и не встревожился так же сильно, как я.

– Сидни? Что ты тут делаешь? – наконец заговорил он.

Мой страх перешел в смущение, как будто меня поймали на том, что я рыскала тут тайком.

– А... Я тут с Джил. У нее был трудный день, и ей нужно поговорить с Адрианом. Я хотела дать им побеседовать наедине и просто пошла, чтобы... э-э... пошла на улицу.

Удивленное выражение на лице Ли сменилось улыбкой.

– Ты не должна была так поступать. К чему это изгнание? Пошли, я собираюсь перекусить на кухне.

Должно быть, на моем лице отразился крайний ужас, потому что Ли засмеялся.

– Перекусить, но не человеком.

Я покраснела и пошла за ним.

– Прости, – сказала я. – Это инстинкт.

– Да без проблем. Вы, алхимики, такие нервные, знаешь ли...

– Да. – Я смущенно засмеялась. – Знаю.

– Мне всегда хотелось познакомиться с одним из вас, но вы, ребята, явно не такие, как я ожидал.

Ли открыл дверь, ведущую в просторную кухню. Остальной дом, может, и был древним и мрачным, но тут все оказалось ярким и современным.

– Если это поможет тебе почувствовать себя лучше – Кит еще похлеще тебя. Он был тут сегодня и так нервничал, что в буквальном смысле слова все время оглядывался через плечо.

Ли помолчал, раздумывая.

– Возможно, он вел себя так потому, что Адриан все время смеялся, как безумный ученый в тех старых черно-белых фильмах, которые он смотрит.

Я резко остановилась.

– Кит был здесь... сегодня? Зачем?

– Спроси у моего отца. Кит в основном разговаривал с ним.

Ли открыл холодильник и вынул банку колы.

– Хочешь?

– Я... э-э... нет. Слишком сладкая.

Он схватил другую банку.

– Диетическую?

Я лишь мгновение поколебалась, прежде чем взять банку.

– Конечно. Спасибо.

Я не собиралась есть или пить в этом доме, но выпить из банки было довольно безопасно. Банка была запечатана и выглядела так, будто ее принесли прямо из человеческого гастронома, а не из какого-нибудь вампирского котла. Я открыла ее и сделала глоток, напряженно обдумывая услышанное.

– Ты не знаешь, из-за чего все это было?

– А?

Ли добавил в свое меню яблоко и присел на стол.

– Что, визит Кита? Нет, не знаю. Но если бы мне пришлось угадывать – из-за меня. Похоже, он пытается выяснить, останусь я тут или нет.

Ли откусил огромный кусок яблока, и я задалась вопросом, мешают ли клыки, когда ешь.

– Он просто любит быть в курсе дела, – нейтрально сказала я.

Какую бы сильную антипатию ни испытывала я к Киту, мне все равно хотелось, чтобы люди выступали единым фронтом. И в своих рассуждениях я была не так уж неправа. Я почти не сомневалась: выяснив, что на его участке есть лишний морей, Кит почувствовал – под него подкапываются. И вот теперь он старался убедиться, что от него ничего не утаили. Конечно, отчасти это повышало оценку работы алхимика, но в основном Китом руководила уязвленная гордость.

Ли, казалось, не очень над этим задумывался. Он продолжал жевать яблоко, хотя я чувствовала, что он незаметно изучает меня.

– Ты сказала, у Джил был неудачный день? С ней все в порядке?

– Думаю, да. Вообще-то не знаю. Я даже не понимаю, из-за чего возникли проблемы. Она почему-то захотела повидаться с Адрианом.

Может, он объяснит.

– Он морой, – уверенно сказал Ли. – Может, дело просто в том, что понять может он один – а ты и Эдди не можете. Без обид.

– Я не обижаюсь, – ответила я.

Конечно, мы с Джил сильно отличались друг от друга – в конце концов, я человек, а она вампир. Даже старайся мы нарочно, не смогли бы быть более разными, и, честно говоря, я предпочитала, чтобы так все и оставалось.

– Ты учишься в колледже... В Лос-Анджелесе? В человеческом колледже?

Не так уж необычно для мороя. Иногда они держались собственных сообществ, а иногда пытались затеряться в больших человеческих городах.

Ли кивнул.

– Угу. И сперва мне там тоже было трудно. Я имею в виду, даже если остальные не знают, что ты вампир... Ну, просто остается ощущение, будто ты другой, и ты всегда это осознаешь. Я в конце концов приспособился. Но я знаю, через что она проходит.

– Бедная Джил, – сказала я, внезапно поняв, что совершенно неправильно восприняла сложившуюся ситуацию.

Меня больше всего возмущал тот факт, что в школе поверили, будто Джил страдает из-за похмелья. А нужно было подумать о том, почему ей было плохо. Должно быть, она слишком переживала из-за перемен в образе жизни. Мне самой приходилось переламявать себя в процессе адаптации к существованию в большом коллективе и в попытках построения дружеских отношений. Но я, по крайней мере, по-прежнему имела дело с собственной расой.

– Я не очень-то задумывалась над тем, через что она проходит.

– Хочешь, я с ней поговорю? – предложил Ли. Он отложил в сторону яблочный огрызок. – Правда, вряд ли я могу поделиться большой мудростью...

– Все, что угодно, лишь бы это помогло, – честно сказала я.

Воцарилось молчание, и я начала чувствовать себя неловко. Ли казался очень дружелюбным, но во мне слишком глубоко укоренились старые страхи. В глубине души я ощущала, будто он не столько хочет познакомиться со мной получше, сколько хочет меня изучить. Алхимики для него явно были внове.

– Ты не возражаешь, если я спрошу... о татуировке? Она дает тебе особенную силу, верно?

Это было почти повторением беседы в школе, вот только Ли знал

истинную подоплеку моей татуировки. Я рассеянно прикоснулась к щеке.

– Совершенно никакой силы. В ней есть принуждение, которое удерживает нас от разговоров о том, чем мы занимаемся. И благодаря ей у меня хорошая иммунная система. Но в остальном я совершенно обыкновенная.

– Очаровательная, – пробормотал он.

Я смущенно отвела взгляд и попыталась снова зачесать волосы, чтобы они падали на лицо.

Тут Адриан просунул голову в кухню. На сей раз он был серьезен.

– А, вот вы где. Могу я секундочку поговорить с тобой наедине?

Вопрос был адресован мне, и Ли спрыгнул со стола.

– Намек понял. Джил все еще в комнате?

Адриан кивнул, и Ли вопросительно посмотрел на меня.

– Хочешь, чтобы я?..

Я кивнула.

– Да, пожалуйста. Спасибо.

Ли ушел, и Адриан с любопытством посмотрел на меня.

– О чем шла речь?

– Мы подумали, что Ли мог бы помочь Джил с ее проблемами, – объяснила я. – Поскольку ему такое знакомо.

– С проблемами?

– Да, ты знаешь... С тем, чтобы приспособиться к жизни в человеческом обществе.

– А! – сказал Адриан.

Он вытащил пачку сигарет и, к моему полнейшему изумлению, зажег сигарету прямо передо мной.

– Ты об этом. Да, думаю, это пойдет ей на пользу. Но я хотел поговорить с тобой о другом. Мне нужно, чтобы ты вытащила меня отсюда.

Я вздрогнула. Значит, дело не в Джил?

– Отсюда – это из Палм-Спрингса? – спросила я.

– Нет! Отсюда – из этого дома.

Он обвел рукой кухню.

– Я как будто живу в доме для престарелых! Вот сейчас Кларенс дремлет, а ест он в пять часов. Такая скука.

– Ты пробыл здесь всего два дня.

– Более чем достаточно. Единственное, что поддерживает во мне жизнь, – под рукой есть изрядный запас спиртного. Но если я буду продолжать в том же духе, все запасы кончатся к уик-энду. Господи, я уже лезу на стены!

Его взгляд упал на крест, который я носила на шее.

– О! Прости. Не хотел обидеть Иисуса.

Я все еще была слишком озадачена неожиданным поворотом беседы, чтобы выражать негодование.

– А как же Ли? Он ведь здесь?

– Да, – согласился Адриан. – Иногда. Но он занят... дьявол, уж не знаю чем. Учебой. Завтра он возвращается в Лос-Анджелес, и меня ждет еще один скучный вечер. Кроме того...

Он заговорщицки огляделся по сторонам.

– ...Ли довольно симпатичный, но не... Ну, его не очень-то интересует веселье. Такое веселье, к которому я привык.

– Может, это как раз хорошо, – заметила я.

– Не читай мне моралей, Сейдж. И между прочим, как я уже сказал, он мне нравится, но нечасто тут бывает. А когда он здесь, то держится особняком. То и дело смотрится в зеркало, даже чаще, чем я. Я слышал, однажды он переживал по поводу седого волоса.

Мне было плевать на странности Ли.

– А куда вообще ты хотел бы отправиться? Ты ведь не хочешь...

Меня посетила очень неприятная мысль.

– Ты ведь не хочешь записаться в Амбервуд?

– Что? И играть со всеми вами в «Джамп-стрит, двадцать один»? ^[8]
Нет, спасибо.

– Что двадцать один?

– Неважно. Послушай.

Адриан загасил сигарету – прямо о стол, и мне это показалось довольно глупым, поскольку он едва ее прикурил. Зачем следовать плохой привычке, если для тебя она не так уж важна?

– Послушай, мне нужно собственное жилье, понимаешь? Вы умеете все устраивать. Разве ты не можешь раздобыть мне какую-нибудь шикарную холостяцкую квартиру вроде квартиры Кита в центре, чтобы я мог тусоваться с разными богатыми отдыхающими? Пить в одиночку – это печально и унижительно. Мне нужно общество. Пусть даже общество людей.

– У меня нет таких полномочий, – сказала я. – Ты не... Ну, вообще-то я за тебя не отвечаю. Мы заботимся только о Джил – и об Эдди, поскольку он ее телохранитель.

Адриан нахмурился.

– А как насчет машины? Ее ты можешь достать?

Я покачала головой.

– А как насчет твоей машины? Что, если я завезу вас обратно в школу, а потом на время ее одолжу?

– Нет, – быстро сказала я.

Думается, он не смог бы сделать более безумного предложения. Латте была моей деткой. Ни за что на свете я не собиралась одалживать ее пьянице, тем более пьянице, который к тому же был вампиром. Если и существовал вампир, казавшийся абсолютно безответственным, так это был Адриан Ивашков.

– Ты меня просто убиваешь, Сейдж!

– Я ничего не делаю.

– А я о чем!

– Послушай, – проговорила я, начиная раздражаться, – я ведь уже сказала. Я за тебя не отвечаю. Поговори с Эйбом, если хочешь изменить что-нибудь. Разве ты здесь не из-за него?

Раздражение Адриана и его жалость к себе сменились настороженностью.

– Что тебе об этом известно?

Ну конечно. Он ведь не знал, что я подслушала их беседу.

– Я имею в виду – ведь он привез вас сюда и договорился с Кларенсом?

Я надеялась, что это прозвучит достаточно убедительно и поможет выудить немного информации о замыслах Эйба.

Несколько секунд Адриан внимательно рассматривал меня.

– Да, – ответил он. – Но Эйб хочет, чтобы я остался в этой могиле. Если бы у меня была своя квартира, нам бы пришлось держать это от него в секрете.

Я усмехнулась.

– Тогда я точно не стану помогать, даже если бы могла. Если я начну заступать дорогу Эйбу, ты не сможешь компенсировать мне последствия.

Я увидела, что Адриан готов снова спорить, и решила уйти. Повернувшись спиной к нему и его возможным протестам, я вышла из кухни и отправилась обратно в гостиную. Там я нашла Джил и Ли – они разговаривали, и я уже давно не видела у Джил такой искренней улыбки. Она смеялась над какими-то словами Ли и подняла на меня глаза, когда я вошла.

– Привет, Сидни.

– Привет, – ответила я. – Готова уезжать?

– Уже пора?

И Джил, и Ли выглядели разочарованными, но потом Джил сама

ответила на свой вопрос:

– Думаю, пора. Тебе, наверное, надо делать домашнюю работу, а Эдди, должно быть, беспокоится.

Адриан с недовольным видом вошел следом за мной. Джил посмотрела на него, и на мгновение взгляд ее затуманился, будто мысли ее блуждали где-то в другом месте. Потом она снова повернулась ко мне.

– Да. Нам надо ехать. Надеюсь, у нас еще будет возможность поговорить, Ли.

– Я тоже надеюсь, – ответил он, вставая. – Я время от времени буду здесь появляться.

Джил обняла Адриана на прощание, с явной неохотой расставаясь с ним.

С Ли она прощалась так, будто ей было грустно покидать того, кто ее заинтересовал. Что же касается Адриана, она как будто была не уверена, сможет ли уйти. Ее следующее «кормление» должно было состояться через два дня, и Адриан подбадривал ее, говоря, что она достаточно сильна и справится с очередным учебным днем. Хотя он продолжал сильно меня раздражать, меня тронуло его сочувственное отношение к девушке. Тот, кто был настолько внимателен к Джил, не мог быть таким уж плохим. Адриан начинал меня удивлять.

– Ты выглядишь лучше, – сказала я Джил, когда мы отъехали.

– Поговорила с Адрианом... С ними обоими... Это помогло.

– Как думаешь, завтра с тобой все будет в порядке?

– Да.

Джил вздохнула и откинулась на сиденье.

– Это были просто нервы. Нервничала и почти не завтракала.

– Джил...

Я прикусила губу, не решаясь продолжать. Деликатные разговоры не слишком мне удавались. Особенно разговоры на сугубо личные темы.

– Ты и Адриан...

Джил настороженно взглянула на меня.

– А что насчет нас?

– Есть нечто такое... Я имею в виду – вы с ним?..

– Нет!

Краешком глаза я заметила, как Джил порозовела. Это был самый яркий цвет лица вампира из виденных мною.

– Почему ты так говоришь?

– Ну... Этим утром ты плохо выглядела. А потом была просто непреклонна в своем желании повидать Адриана. А еще ты всегда

грустишь, когда с ним расстаешься...

Джил разинула рот.

– Ты думаешь, я беременна?

– Не совсем, – ответила я, понимая, какой это нелепый ответ. – Я имею в виду – может быть. Не знаю. Я просто рассматриваю все возможности.

– Что ж, эту возможность не рассматривай! Между нами ничего нет. Ничего. Мы друзья. Он никогда мной не интересовался, – сказала Джил с мрачной уверенностью.

– Неправда, – сказала я, пытаюсь найти верные слова. – В смысле, ты младше его, да, но ты такая милая...

Кошмарный разговор. Теперь я просто несла какую-то ахинею.

– Да брось, – сказала Джил. – Не надо мне говорить, что я милая и хорошенькая и все такое прочее. Все это неважно. Неважно, раз он все еще цепляется за нее.

– За нее? А! За Розу.

Я почти забыла. Во время поездки ко двору я впервые встретила с Адрианом лично, но вообще-то и раньше видела его – однажды, в записи камеры наблюдения, когда он был в казино вместе с Розой. Они с Розой встречались, хотя я сомневалась, что это серьезные отношения. Когда я помогла Розе и Дмитрию спастись, притяжение между ними двоими было необычайным, хотя оба это отрицали. Даже я, почти ничего не зная о романтических отношениях, могла заметить эту взаимную симпатию за милю. Теперь, когда Роза и Дмитрий стали официальной парой, мне оставалось предположить, что ее отношения с Адрианом закончились не очень хорошо.

– Да. За Розу.

Джил вздохнула и невидящим взглядом уставилась перед собой.

– В голове у него, во сне и наяву, только она. Ее сияющие темные глаза и тело, полное огня и энергии. Неважно, как сильно он пытается ее забыть, неважно, сколько он пьет... Она всегда здесь. Он не может от нее спастись.

Голос Джил был полон удивительной горечи. Я могла бы списать это на ревность, если бы она не говорила так, словно Роза причинила лично ей какое-то зло.

– Джил? Тебе снова нехорошо?

– А? О-о.

Джил покачала головой, словно стряхивая паутину сна.

– Нет, все в порядке. Извини. Это был странный день. Я чувствую себя немножко не в своей тарелке. Ты, кажется, сказала, мы можем что-нибудь прикупить?

Знак у следующего поворота указывал на торговый центр. Я не противилась смене темы, радуясь, что мы ушли от личных материй, хотя до сих пор была порядком озадачена.

– Э-э... да. Нам нужен солнцезащитный крем. И может, удастся купить в нашу комнату маленький телевизор.

– Это было бы отлично, – сказала Джил.

На том я и прекратила беседу, съехав с дороги у ближайшего поворота. Остаток вечера мы не говорили про Адриана.

Глава восьмая

– Ты будешь это есть? – спросил Эдди.

Эдди, может, и не знал обо всех злосчастиях, приключившихся с Джил в ее первый учебный день, но нервничал потому, что с утра до вечера ее не видел. Поэтому, когда мы с Джил спустились на второй день в вестибюль, то сразу натолкнулись на него – он был готов отправиться с нами на завтрак.

Я толкнула свою тарелку с половинкой рогалика через стол. Эдди уже умял свой рогалик, а еще блинчики и бекон, но сразу принял мое предложение. Может, он и был противоестественным существом-гибридом, но, судя по тому, что я видела, аппетит имел как любой человеческий подросток.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он Джил, едва проглотив кусок рогалика.

Поскольку рано или поздно он узнал бы о ее отсутствии в классе, мы просто рассказали ему, что Джил вчера перенервничала и почувствовала себя плохо. Меня все еще выводили из себя голословные обвинения в похмелье, но Джил настояла на том, чтобы я не давала делу хода.

– Прекрасно чувствую, – ответила Джил. – Намного лучше.

Я не прокомментировала это замечание, но втайне меня терзали сомнения. Джил и вправду нынче утром выглядела лучше, но вряд ли проспала целую ночь.

По правде говоря, она с воплем проснулась посреди ночи.

Я вскочила с кровати, ожидая увидеть не меньше сотни наемных убийц, стригоев и мороев, врывающихся в наше окно. Но, осмотревшись, поняла, что это всего лишь Джил – она металась и кричала во сне. Я поспешила к ней и в конце концов разбудила, хоть это и было нелегко. Джил села, задыхаясь, обливаясь потом, и схватилась за грудь. Успокоившись, она тут же сказала, что ей всего лишь приснился кошмар, но в ее глазах было что-то такое... Отзвук чего-то реального. Я знала это, ведь это напомнило мне множество случаев, когда я сама просыпалась в ужасе, уверенная, что алхимики пришли забрать меня в центр переобучения.

Джил настойчиво твердила, что с ней все в порядке, и утром только попросила не упоминать о ночном происшествии при Эдди.

– Он будет переживать, – сказала она. – И кроме того, это не так уж

важно.

Я согласилась, но, когда снова попыталась выпросить, что же произошло, Джил лишь отмахнулась от меня.

Теперь, за завтраком, она явно нервничала, но, судя по всему, в основном из-за предстоящего ей первого дня в человеческой школе.

– Я все еще не могу привыкнуть к тому, что так сильно отличаюсь от всех остальных, – негромко сказала она. – Я имею в виду – во-первых, я выше почти каждой здешней девушки!

Это была правда. Для женщин-мороек рост выше шести футов – обычное дело. Джил не была настолько высокой, но из-за стройного сложения казалась выше, чем в действительности.

– И я очень костлявая.

– Ты не костлявая, – сказала я.

– Я слишком тощая... В сравнении с ними, – заспорил Джил.

– У каждого есть свои особенности, – возразил Эдди. – Вон у той девушки уйма веснушек. Тот парень бреет голову. Не существует стандартов «нормальности».

Судя по виду Джил, она все еще сомневалась, но, когда прозвенел первый звонок, решительно направилась в аудиторию. Она пообещала встретиться с Эдди за обедом, а со мной – на физкультуре.

Я добралась до кабинета истории на несколько минут раньше других. Миссис Тервиллигер стояла у своего стола, перекладывая какие-то бумаги, и я нерешительно приблизилась к ней.

– Мэм?

Она подняла на меня глаза, поправляя на носу очки.

– Да? О, я вас помню. Мисс Мельбурн.

– Мелроуз, – поправила я.

– Вы уверены? Я могла бы поклясться, что вас называли в честь какого-то места в Австралии.

– Что ж, зовут меня Сидни^[9], – сказала я, сомневаясь, следует ли ей поддакивать.

– А! Значит, я не сошла с ума. Что ж, спасибо и на том. Чем я могу вам помочь, мисс Мелроуз?

– Я хотела попросить... У меня есть свободное время между уроками, потому что я уже сдала языки. И я подумала – может, вам нужен еще один ассистент... Как Трей.

Вышеупомянутый Трей уже находился в классе – он сидел за отведенным ему столом и сверял бумаги. Услышав свое имя, он поднял глаза и настороженно посмотрел на меня.

– Я учусь последний год, мэм. Поэтому, если вам нужно сделать какую-то дополнительную работу...

Миссис Тервиллигер рассматривала меня несколько мгновений, прежде чем ответить. Сегодня я позаботилась о том, чтобы прикрыть свою татуировку, но все равно у меня было ощущение, что учительница смотрит прямо на нее.

– Мне не нужен еще один ассистент, – напрямик заявила она. Трей самодовольно ухмыльнулся. – Мистер Джарез, при всех его недостатках, вполне способен разобраться во всех кипах моих бумаг.

Улыбка Трея после этого сомнительного комплимента исчезла. Разочарованная, я кивнула:

– Хорошо. Я понимаю.

Я уже собиралась было развернуться и выйти, но услышала:

– Нет-нет. Не думаю, что понимаете. Видите ли, я пишу книгу.

Миссис Тервиллигер помедлила, и я поняла – она ожидает, что ее слова произведут на меня впечатление.

– Про еретическую религию и магию в греко-римском мире. Эта книга на основе моих лекций в колледже Карлтон. Захватывающая тема.

Трей закашлялся.

– И мне бы очень пригодился ассистент, чтобы помочь отслеживать информацию, выполнять разные поручения, всякое такое. Вас бы это заинтересовало?

У меня даже дыхание перехватило.

– Да, мэм. Заинтересовало бы.

– Чтобы вы получили признание за собственную научную работу, вам придется одновременно заняться каким-нибудь проектом. Проводить собственные исследования, написать собственный доклад. Не такой длинный, как моя книга, конечно. Вас что-нибудь интересует в той эпохе?

– Э-э... да.

Я с трудом могла поверить в такую удачу.

– Классические искусство и архитектура. Мне бы очень хотелось лучше их изучить.

Теперь миссис Тервиллигер выглядела так, будто мои слова ее поразили.

– В самом деле? Тогда наш союз кажется идеальным. О, ну почти. Жаль, что вы не знаете латыни.

– Ну...

Я отвела взгляд.

– Вообще-то я... э-э... Я умею читать по-латыни.

Я бросила на нее быстрый взгляд. Сейчас преподавательница уже производила впечатление не пораженной, а ошарашенной.

– Замечательно. А как насчет...

Она печально покачала головой.

– Я даже боюсь спросить про греческий.

Прозвенел звонок.

– Идите и садитесь, а потом найдите меня в конце дня. Последний учебный час у меня для методической работы, поэтому у нас будет много времени, чтобы поговорить и должным образом заполнить бумаги.

Я вернулась за стол и получила одобрителный тычок кулаком от Эдди.

– Классно сработано. Тебе не придется ходить на настоящие занятия. Конечно, если она заставит тебя читать на латыни, это может быть похоже настоящих занятий.

– Мне нравится латынь, – совершенно серьезно сказала я. – Это весело.

Эдди покачал головой и очень, очень тихо проговорил:

– Не могу поверить, что ты считаешь нас странными.

Замечания, которые отпустил Трей на следующем уроке, были не такими приятными.

– Ну как, ты уверена, что обвела Тервиллигер вокруг пальца?

Он кивнул на нашу учительницу химии.

– Собираешься рассказать ей, что в свободное время расщепляешь атомы? Что у тебя в комнате есть реактор?

– Нет ничего плохого в том, чтобы...

Я оборвала себя, не уверенная, что сказать. Я чуть было не закончила: «в том, чтобы быть умной», но это прозвучало бы слишком хвастливо.

– Нет ничего плохого в том, чтобы иметь знания, – сказала я наконец.

– Конечно, – согласился он. – Когда знания достаются законным путем.

Я припомнила вчерашний странный разговор с Кристин и Джулией. Поскольку мне пришлось взять Джил к Адриану, я пропустила наши совместные занятия и не смогла разузнать насчет татуировки. И все-таки теперь я, по крайней мере, знала, почему Трей относится ко мне с презрением – хоть это и казалось абсурдным. Сегодня больше никто в школе не упомянул о том, что моя татуировка – особенная, но ко мне успели подойти несколько человек, спрашивая, откуда она у меня. Они были разочарованы, когда я ответила, что из Южной Дакоты.

– Послушай, я не знаю, с чего все решили, что моя татуировка

прибавляет мне ума, но, если ты тоже так думаешь... Ну, не стоит. Это всего лишь татуировка.

– Золотая, – возразил он.

– Ну и что? Просто особые чернила. Я не понимаю, почему люди считают, будто чернила обладают какими-то магическими свойствами. Кто верит в такую чушь?

Трей фыркнул.

– Половина школы верит. Тогда почему ты такая умная?

Неужели я и вправду так выделяюсь на занятиях, что людям приходится искать объяснения в сверхъестественном? Я дала заранее заготовленный ответ:

– Я училась на дому.

– Ну да, – задумчиво проговорил Трей. – Это все объясняет.

Я вздохнула.

– Но держу пари, домашнее обучение не имеет большого отношения к физкультуре, – добавил он. – Что ты собираешься делать со спортивными нормами?

– Не знаю, еще не думала об этом, – ответила я, слегка встревоженная.

Я могла справиться с уроками в Амбервуде даже во сне. Но спортивные упражнения? Пока не знаю.

– Что ж, тебе лучше побыстрее это решить, час «икс» приближается. Не надо смотреть так испуганно, – добавил Трей. – Может, тебе позволят вместо упражнений основать клуб любителей латинского языка.

– Ты это к чему? – спросила я; мне не понравился его тон. – Я уже занималась спортом.

Он пожал плечами.

– Тебе видней. Ты не кажешься спортивной. Выглядишь слишком... изящной.

Я не была уверена, можно ли считать это комплиментом.

– А каким спортом занимаешься ты?

Трей вздернул подбородок; он был очень доволен собой.

– Футболом. Спорт настоящего мужчины.

Сидевший рядом парень услышал его и обернулся.

– Что ж ты не стал квотербеком^[10], Джарез? В прошлом году тебе это почти удалось. Похоже, ты окончишь школу, так и не осуществив еще одну свою мечту.

А я-то воображала, будто не нравлюсь Трею! Когда он переключил внимание на того парня, я осознала, что Трей просто забавляется, подкалывая меня. А вот к обратившемуся к нему парню он относился с

абсолютным презрением.

– Я не помню, чтобы ты вообще когда-нибудь имел шансы выиграть, Слейд, – бросил ему Трей. Глаза его стали жесткими. – С чего ты решил, что у тебя это получится в нынешнем году?

Слейд – я не поняла, фамилия это или имя – обменялся многозначительными взглядами с парой друзей.

– Интуиция.

Они отвернулись друг от друга.

– Отлично, – пробормотал Трей, нахмурившись. – Слейд в конце концов добыл деньги. Хочешь узнать насчет татуировок? Иди и поговори с ним.

По первому впечатлению Слейд не был тем человеком, с которым мне хотелось бы поговорить. Но Трей больше не стал ничего объяснять. Вскоре начался урок, но, пытаясь сосредоточиться на занятиях, я могла думать только о явной одержимости учащихся Амбервуда татуировками. Что бы это могло означать?

Явившись на физкультуру, я с облегчением увидела Джил в раздевалке. Девушка-моройка устало мне улыбнулась, когда мы вышли на улицу.

– Как ты сегодня? – спросила я.

– Хорошо, – ответила Джил. – Не так чтобы прекрасно, но и не ужасно. Я пока мало с кем успела познакомиться.

Хотя Джил этого не сказала, тон ее подразумевал: «Видишь? Я же говорила, что выдержу».

Однако, когда началось занятие, я поняла – беда в том, что Джил не выдерживает. Она избегала смотреть кому-либо в глаза, явно нервничала и не делала попыток с кем-нибудь поговорить. Никто в открытую ее не избегал, но от нее исходили такие флюиды, что никто и не подходил с нею пообщаться. Я наверняка была не самой общительной особой в мире, но все равно улыбалась и пыталась поболтать с одноклассниками, пока мы снова играли в волейбол. В школьном коллективе этого было достаточно, чтобы ко мне начали относиться дружелюбно.

И я заметила еще одну проблему. Класс разделили на четыре команды, и два матча шли одновременно. Джил оказалась в другой паре команд, но я все равно время от времени мельком видела ее. Прошло меньше десяти минут, а у нее уже был усталый и несчастный вид, хотя она не принимала очень активного участия в игре. И реакция у нее была замедленной. Она много раз пропустила мяч, а те, которые заметила, взяла неумело. Некоторые из товарищей по команде обменивались за ее спиной

недовольными взглядами.

Я вернулась к собственной игре, беспокоясь за Джил, и тут команда противника подала мяч в нашу незащищенную зону. Реакция у меня была не такой острой, как, скажем, у дампира, но за эту долю секунды я поняла, что сумею заблокировать мяч, если сделаю быстрое и точное движение. Такой поступок шел вразрез с моими инстинктами, твердившими: «Не делай ничего такого, из-за чего можно ушибиться или запачкаться!» Я всегда тщательно оценивала свои действия, никогда не вела себя импульсивно. Но не в этот раз. Я собиралась остановить мяч.

Я нырнула за ним, перебросила его одному из наших, и тот сумел отбить мяч обратно через сетку, в результате опасность для нас миновала. Ударив по мячу, я тяжело упала на колени. Это было не изящно; у меня клацнули зубы, но я помешала противнику получить очки. Мои товарищи по команде разразились одобрительными криками, и я удивилась, услышав собственный смех. Меня всегда учили, что все мои действия имеют четкую практическую цель. Спорт был несовместим с образом жизни алхимика, поскольку спортом занимаются лишь для забавы. Но может, не так уж плохо время от времени позабавиться.

– Неплохо, Мелроуз, – проходя мимо, сказала мисс Карсон. – Если вы хотите отложить свои занятия спортом до зимы и войти в волейбольную команду, подойдите ко мне после урока.

– Отличная работа! – сказал Мика и предложил мне руку.

Я покачала головой и встала сама. Я расстроилась, увидев, что ободрала ноги, но все равно улыбалась от уха до уха. Если несколько недель назад кто-нибудь сказал бы мне, что я буду так счастлива, повалявшись в грязи, я бы не поверила.

– Она не так часто хвалит, – заметил Мика.

Это была правда. Мисс Карсон уже несколько раз отчитала Джил и теперь останавливала нашу игру, чтобы указать одному из членов команды на неопрятную форму. Я воспользовалась передышкой и стала наблюдать за Джил, которая еще играла. Мика проследил за моим взглядом.

– У вас это не фамильное? – сочувственно спросил он.

– Да, – пробормотала я.

Улыбка моя угасла. Я почувствовала укол вины из-за того, что так восторгалась своим триумфом, когда Джил явно выбивалась из сил. Это казалось нечестным.

Джил все еще выглядела измученной, ее вьющиеся волосы намокли от пота. На щеках появились розовые пятна, отчего казалось, будто у нее лихорадка, и, похоже, все ее усилия уходили на то, чтобы не упасть.

Странно, что Джил игра давалась с таким трудом. Я подслушала короткую беседу, в которой она и Эдди обсуждали боевые и защитные приемы, и я сочла Джил очень спортивной девушкой. Они с Эдди даже разговаривали насчет того, чтобы нынче вечером поупражняться и...

– Солнце, – простонала я.

– А? – спросил Мика.

Я уже говорила Стэнтон, что с солнцем могут быть проблемы, но она от меня отмахнулась. Просто дала совет: пусть Джил будет осторожна и остается в здании. Джил так и поступала. Кроме, конечно, тех случаев, когда ее вынуждали заниматься на улице. Играть в спортивные игры в разгар сияния солнца Палм-Спрингса. Это было жестоко. Просто чудо, что она еще держалась на ногах.

Я вздохнула, пообещав себе позвонить позже алхимикам.

– Нам придется достать ей медицинское освобождение.

– О чем ты? – спросил Мика.

Игра возобновилась, и он занял место рядом со мной.

– А! О Джил. Она... она очень чувствительна к солнцу. Своего рода аллергия.

Словно по заказу, мы слышали, как мисс Карсон кричит на другом поле:

– Мелроуз-младшая! Вы ослепли? Вы что, не видите того, что движется прямо на вас?

Джил покачнулась, но смиренно приняла выговор.

Мика, нахмурившись, наблюдал за ними и, как только мисс Карсон отвлеклась еще на кого-то, рванул туда, где играла Джил. Я поспешила прикрыть и его участок на поле, и свой. Мика подбежал к парню рядом с Джил, прошептал ему что-то и показал на меня. Минуту спустя парень присоединился к моей команде, а Мика занял место рядом с Джил.

Занятия продолжались; я поняла, что произошло. Мика хорошо играл в волейбол – очень хорошо. Так хорошо, что мог защитить и свою позицию, и позицию Джил. Не видя явных ошибок, мисс Карсон переключила внимание на кого-то другого, и команда Джил перестала так враждебно относиться к новенькой.

Когда игра закончилась, Мика поймал Джил за руку и быстро повел ее к тенистому месту. Судя по тому, как Джил пошатывалась, она, похоже, держалась на ногах только благодаря Мике.

Я собиралась присоединиться к ним, как вдруг услышала рядом громкие голоса.

– Нынче вечером все получится. Парень, с которым я разговаривал,

клянется, что это круто.

Говорил Слейд, который раньше сцепился с Треем. На солнце, в разгар игры, я не сразу это поняла, но именно он оказался игроком, с которым поменялся Мика.

– Лучше бы так и было, – продолжал Слейд, – потому что содрал он с меня немало.

Двое друзей Слейда присоединились к нему, и все они двинулись к раздевалке.

– Когда попробуешь, Слейд? – спросил один из парней.

На уроке химии я узнала, что Слейда зовут Грег, но все, похоже, обращались к нему по фамилии, даже учителя.

– В пятницу, – ответил Слейд. – Я собираюсь всех сразить. В смысле, полностью уничтожить. Я вырву Джарезу позвоночник и заставлю сожрать его.

«Очаровательно», – подумала я, наблюдая, как они уходят.

Мое первое впечатление от Слейда оказалось правильным.

Я повернулась к Джил и Мике и увидела, как Мика подает ей бутылку воды. Похоже, в данный момент они во мне не нуждались, поэтому я подошла к проходившей мимо мисс Карсон.

– Моя сестра на солнце заболевает, – сказала я. – Ей очень трудно заниматься на такой жаре.

– Многим ребятам в первое время на жаре приходится нелегко, – понимающе отозвалась мисс Карсон. – Просто надо по привыкнуть. Вы сами отлично справляетесь.

– Просто мы с ней очень разные, – сухо проговорила я. Если бы она только знала... – Не думаю, что Джил «по привыкнет».

– Ничего не могу поделать, – сказала мисс Карсон. – Если я позволю ей не участвовать в игре, представляете, сколько ребят внезапно почувствуют «усталость на солнце»? Если у нее нет медицинского освобождения, ей придется потерпеть.

Я поблагодарила, пошла к Мике и Джил и, приближаясь, услышала слова Мики:

– Приведи себя в порядок, и я провожу тебя на следующий урок. Не хватало еще, чтобы ты грохнулась в обморок в коридоре.

Он помолчал, размышляя.

– Конечно, я буду несказанно счастлив поймать тебя, если ты будешь падать.

Джил все еще выглядела заторможенной (что неудивительно), но уже достаточно пришла в себя, чтобы поблагодарить. Пообещав вскоре

вернуться, она отправилась вместе со мной в женскую раздевалку. Я посмотрела на ухмыляющегося Мику, и меня посетила тревожная мысль. Джил и без того испытывала большой стресс, поэтому я решила ничего ей не говорить, но, пока мы шли на последнее занятие, беспокоилась все больше.

Мика, как и обещал, отправился на урок вместе с Джил. Он сказал, что позже, когда наступит вечер, поучит ее играть в волейбол, если она захочет.

Когда мы стояли возле аудитории, мимо прошла девушка с длинными рыжими волосами и надменным выражением лица. За ней тащилась целая свита из других учениц. При виде Мики девушка приостановилась и перебросила волосы через плечо на спину, сверкнув широкой улыбкой.

– Привет, Мика.

Мика был сосредоточен на Джил и едва посмотрел на рыжеволосую.

– А, привет, Лорел.

Он пошел прочь, а Лорел смотрела, как он уходит, и лицо ее становилось все мрачнее. Она бросила угрожающий взгляд на Джил, снова перекинула волосы через плечо, теперь на грудь, и удалилась, явно разозленная.

«Ого! – подумала я, наблюдая, как она шагает по коридору. – Не ждать ли нам неприятных последствий?»

Для подобных случаев мне не помешало бы побольше узнать о невербальных сигналах, существующих в человеческом обществе.

Я отправилась в кабинет миссис Тервиллигер, и мы обсудили предстоящий семестр и мои основные задачи в качестве ассистента преподавателя. Мне предстояло много читать и переводить, что полностью меня устраивало. А в работу мою входила организационная помощь миссис Тервиллигер – еще одно дело, с которым я превосходно справлялась. Время пролетело незаметно, а едва освободившись, я поспешила на поиски Эдди.

Эдди с группой других парней ждал на остановке автобус, чтобы ехать обратно в общежитие.

Увидев меня, он задал свой обычный вопрос:

– С Джил все в порядке?

– Да... Ну, вроде того. Мы можем где-нибудь поговорить?

Лицо Эдди потемнело. Без сомнения, он подумал, что легион стригоев, охотящихся на Джил, уже в пути. Мы вернулись в одно из учебных зданий и нашли стулья в укромном уголке, где можно было насладиться кондиционированным воздухом. Я быстро просветила Эдди насчет Джил и ее солнечных злключений на физкультуре.

– Я не думал, что будет настолько плохо, – мрачно сказал Эдди, эхом

вторя моим мыслям. – Слава богу, Мика был там. Чем мы можем помочь?

– Нужно получить справку от наших «родителей» или доктора.

И хотя мне очень не хотелось это говорить, я добавила:

– Кит может упростить эту процедуру.

– Хорошо! – с яростью сказал Эдди. – Мы не можем позволить, чтобы ее там доводили до изнеможения. Я сам поговорю с преподавателем, если потребуется.

Я спрятала улыбку.

– Будем надеяться, до такого не дойдет. Но есть еще кое-что... Ничего опасного, – быстро поправились я, видя, как Эдди снова принял воинственный вид. – Просто кое-что...

Я постаралась воздержаться от слов, приходивших мне на ум. «Ужасающее». «Неправильное».

– ...то, что беспокоит меня. Я думаю... Думаю, Мике нравится Джил.

Лицо Эдди застыло.

– Конечно, она ему нравится. Она милая. Он милый. Он всем нравится.

– Я о другом, и ты это понимаешь. Она ему нравится. Не просто по-дружески. Что будем делать с этим?

Эдди несколько минут пристально смотрел в другую сторону коридора, прежде чем снова повернуться ко мне.

– А почему мы должны что-то делать?

– Ты что?! – воскликнула я, потрясенная таким ответом. – Ты знаешь почему. Люди и вампиры не могут быть вместе! Это отвратительно и неправильно.

Слова слетели с моих губ прежде, чем я спохватилась.

– Даже вампир вроде тебя должен это знать.

Эдди печально улыбнулся.

– Даже вампир вроде меня?

Да, я говорила оскорбительные вещи, но никак не могла удержаться. Алхимики – и я в том числе – никогда не верили, что вампиров и мороев по-настоящему беспокоят проблемы, схожие с нашими. Они, может, и признавали такое табу, но годы учебы говорили мне: лишь мы, люди, относимся к этому табу по-настоящему серьезно. Вот почему работа алхимиков так важна. Если мы не будем следить за такими делами, кто же тогда будет?

– Я не шучу, – сказала я. – В этих вопросах мы все солидарны.

Улыбка Эдди угасла.

– Да, так и есть.

Даже Роза и Дмитрий, с их высокой сопротивляемостью к безумию,

были потрясены, встретившись с хранителями – выродившимися мороями, свободно скрещивавшимися с дампирами и с людьми. Такие отношения были под запретом для всех трех рас, и нам крайне нелегко было спокойно относиться к подобному обычаю, пока мы были с хранителями. Они жили, прячась в Аппалачах, где Роза нашла превосходное убежище, когда вынуждена была скрываться. Игнорирование их дикарских манер казалось приемлемой ценой за предложенную ими безопасность.

– Ты можешь с ним поговорить? – спросила я. – Не думаю, что Джил питает к нему сильные чувства. В ее жизни сейчас слишком много всего происходит. Она, наверное, все равно понимает, что к чему... Но все-таки лучше будет, если ты сумеешь его остудить. Лучше остановиться сейчас, пока она не увязла.

– И что, по-твоему, я должен ему сказать? – спросил Эдди.

Он говорил потерянным тоном, и это показалось мне забавным, учитывая, что он готов был наброситься на мисс Карсон с самыми разными требованиями, защищая Джил.

– Не знаю. Разыграй роль старшего брата. Действуй как опекун. Скажи, что она слишком юна.

Я ожидала, что Эдди согласится, но он снова отвел глаза.

– Не знаю, должны ли мы вообще что-нибудь говорить.

– Что? Ты спятил? Думаешь, это нормально, когда...

– Нет-нет.

Он вздохнул.

– Я этого не приветствую. Но попробуй посмотреть немного по-другому: Джил застряла в школе, полной людей. Нечестно будет запрещать ей общаться с парнями.

– Думаю, Мике нужно нечто большее, чем простое общение.

– Ну так почему бы ей не сходить время от времени на свидание? Или потанцевать. Она должна делать все то, что делает девочка ее возраста. Ее жизнь и так круто изменилась. Мы не должны еще больше осложнять ее.

Я недоверчиво смотрела на Эдди, пытаясь понять, почему он так спокойно к этому относится. Правда, его не ожидали те же последствия, какие ожидали меня. Если мое начальство выяснит, что я «поощряла» свидания вампира и человека, против меня будет более чем достаточно улик, свидетельствующих о моей предвзятости. И все-таки я знала, что дампирам, к которым принадлежит Эдди, тоже не понравятся романтические отношения вампира и человека. Так в чем же проблема? Внезапно мне в голову пришел странный ответ.

– Чувствую, ты просто не хочешь столкнуться с Микой.

Эдди посмотрел на меня в упор.

– Все это непросто, – сказал он.

Что-то в его лице подсказало мне: я попала в цель.

– Почему бы тебе не поговорить с Джил? – поинтересовался Эдди. – Ей известны правила. Она поймет, что не может быть с ним, не впускаясь в серьезные отношения.

– Думаю, это плохая затея, – сказала я, все еще не в силах поверить, что он занял такую позицию. – Такая шаткая ситуация в конце концов приведет к большим проблемам. Мы должны добиться соблюдения правил и запретить ей ходить на свидания на все время пребывания здесь.

На губы Эдди вернулась кривая улыбка.

– У вас, алхимиков, все такое «правильное»? Думаешь, мы и в самом деле можем помешать ей что-либо сделать? Должна бы уже знать лучше. Даже твоё детство не могло быть настолько ненормальным.

Отвесив мне эту «пощечину», Эдди вышел, оставив меня в полном оцепенении.

Что происходит? Неужели Эдди – который так непреклонно старался делать для Джил все необходимое – мог мириться с ее свиданиями с Микой? Была в этом какая-то странность, явно связанная с этим человеческим парнем, хотя я не могла догадаться, в чем именно дело. Я не собиралась спустить все на тормозах. Это было слишком важно. Я поговорю с Джил и позабочусь о том, чтобы она отличала правильное от неправильного. Если будет нужно, поговорю и с Микой – хотя, как я все еще считала, такую беседу следовало бы взять на себя Эдди.

И, думая о том, как заполучить медицинское освобождение, я поняла, что есть еще одна персона, к которой я могу обратиться и которая имеет большое влияние на Джил.

Адриан.

Мне предстояло нанести ему еще один визит.

Глава девятая

Вообще-то Кларенса полагалось навещать только дважды в неделю для «кормлений», и меня изумляло, что я бываю в его доме практически каждый день. К тому же я впервые приехала одна. Раньше я лишь сопровождала Кита или Джил, и у нас была строго намеченная цель. Теперь же я решилась приехать по собственной инициативе. Я и не сознавала, как сильно из-за этого психую, пока не приблизилась к особняку, который выглядел еще более угрожающим и мрачным, чем обычно.

«Бояться нечего, – твердила я себе. – Ты все это время провела с вампиром и дампиром. Должна бы привыкнуть».

К тому же самым страшным здесь был сам дом. Кларенс и Ли отнюдь не пугали, а Адриан... Ну, Адриан был, наверное, наименее страшным вампиром из всех, с какими я когда-либо встречалась. Он был слишком проказливым, чтобы по-настоящему его бояться, и, честно говоря... Как ни тяжело мне было в этом признаться, я отчасти радовалась встрече с ним. Бессмыслица, правда? Но что-то в его дерзкой натуре заставляло меня забыть про остальные тревоги. Как ни странно, я чувствовала, что рядом с ним могу расслабиться.

Дороти впустила меня в дом, и я ожидала, что меня снова проводят в гостиную. Вместо этого вслед за экономкой я миновала несколько изгибов и поворотов темных коридоров и в конце концов добралась до бильярдной комнаты, которая выглядела так, будто именно здесь снимали «Улику»^[11]. Снова отделка из темного дерева и витражные окна, пропускающие внутрь прореженный свет. Снова сияние лампы, висящей в центре над ярко-зеленым бильярдным столом. Адриан готовился нанести удар, когда я закрыла за собой дверь.

– О! – сказал он, вогнав в лузу красный шар. – Это ты.

– А ты ожидал кого-то другого? – спросила я. – Я внесла беспорядок в расписание твоих встреч?

Я демонстративно оглядела пустую комнату.

– Не хочу отрывать тебя от толпы фанатов, вышибающих твою дверь.

– Эй, может же человек надеяться. Я имею в виду – есть вероятность, что целая машина, полная малоодетых студенток, сломается возле дома и им понадобится моя помощь.

– Это верно, – сказала я. – Может, мне вывесить снаружи объявление: «Внимание всем девушкам: бесплатная помощь здесь!»

– Внимание всем сексуальным девушкам, – поправил Адриан, выпрямляясь.

– Правильно, – сказала я, стараясь не закатывать глаза. – Это важное уточнение.

Он показал на меня бильярдным кием.

– Кстати, о сексуальном – мне нравится эта форма.

На сей раз я и впрямь закатила глаза. После того как во время нашей последней встречи Адриан дразнил меня моей формой, похожей на обычную одежду, я позаботилась о том, чтобы перед визитом сюда переодеться. Теперь на мне были темные джинсы и черно-белая блузка с принтом и гофрированным воротником.

Мне следовало бы знать, что переодевание не спасет меня от его подколов.

– Ты здесь один? – спросила я, видя, что Адриан играет сам с собой.

– Не-а. Кларенс где-то тут, занимается... не знаю чем. Стариковскими делами. И думаю, Ли чинит замок, перед тем как вернуться в Лос-Анджелес. Это довольно забавно. Похоже, он расстроен, что ему понадобились инструменты. Он все время думает, что на все должно хватить силы его рук.

Я невольно улыбнулась.

– Уверена, свою помощь ты не предлагал.

– Сейдж, эти руки созданы не для физического труда, – объявил Адриан.

Он загнал в лузу еще один шар.

– Хочешь поиграть?

– Что? С тобой?

– Нет, Сейдж, с Кларенсом.

Адриан вздохнул, поймав мой ошарашенный взгляд.

– Да, конечно, со мной.

– Нет. Мне нужно поговорить с тобой о Джил.

Несколько мгновений Адриан молчал, потом вернулся к игре так, будто ничего не случилось.

– Сегодня ведь она не была больна.

Он сказал это уверенно, хотя в голосе его слышались саркастические нотки.

– Нет. Ну, не так больна, как раньше. Ей стало плохо на солнце во время физкультуры. Я хочу повидаться с Китом и попросить сделать для Джил медицинское освобождение.

Я и в самом деле пыталась позвонить Киту, но безуспешно.

– Но я здесь не поэтому. Есть парень, которому нравится Джил... Человек.

– Заставь Кастиля задать ему взбучку.

Я откинулась назад и вздохнула.

– В том-то и дело. Я попросила его об этом. Ну, не совсем о том, чтобы задать взбучку. Этот парень живет в одной комнате с Эдди. Я попросила Эдди приструнить его и придумать какую-нибудь причину, почему тот должен держаться подальше от Джил, – например, сказать, что она слишком юна.

Боясь, что Адриан отнесется к этому так же беспечно, как Эдди, я добавила:

– Ты понимаешь, почему это важно? Никаких свиданий мороев с людьми?

Адриан наблюдал за столом, не за мной.

– Угу, тут я с тобой согласен, Сейдж. Но я все равно не понимаю, в чем проблема.

– Эдди не хочет с ним говорить. По словам Эдди, он не думает, что Джил следует лишать шанса ходить на свидания и танцы. И ничего, если она станет проводить время с Микой, пока их отношения не зашли далеко.

Адриан хорошо умел скрывать свои чувства, но, похоже, я застала его врасплох. Он выпрямился и, размышляя, крутанул на полу основание кия.

– Странно. В смысле – я понимаю его логику, в ней что-то есть. Джил не следует вынуждать жить особняком. Я просто удивлен, что это предлагает Кастиль.

– Да, но идея слишком опасная. Где провести черту между несерьезными встречами и серьезными? Честно говоря, у меня такое ощущение, будто Эдди просто не хочет стычки с Микой – своим товарищем по комнате. А это безумие. Ведь, похоже, не в характере Эдди чего-нибудь бояться. Что в Мике есть такое, из-за чего Эдди беспокоится?

– Мика похож на громилу?

– Нет, – сказала я. – Просто хорошо сложенный, спортивный. Но очень дружелюбный и уживчивый – не стоит бояться, что такой человек набросится на тебя, если ты предупредишь его насчет сестры.

– Тогда ты сама можешь с ним поговорить. Или просто потолковать с малолеткой и все ей объяснить.

Адриан, похоже, был удовлетворен тем, как разрешил проблему, и забил в лузу последний шар.

– Я так и собиралась поступить. Но хотела убедиться в прикрытии с твоей стороны. Джил тебя слушает, и, думаю, будет лучше, если она узнает,

что ты со мной согласен. Не то чтобы мне были известны ее чувства. Просто лучше перестраховаться.

– Да, в том, что касается Джил, осторожность никогда не помешает, – согласился Адриан.

Он устоял в пространстве, уйдя в свои мысли.

– И я дам ей знать, что обо всем этом думаю.

– Спасибо, – сказала я, слегка удивленная тем, как легко все прошло.

Его зеленые глаза озорно замерцали.

– Теперь ты сыграешь со мной партию?

– Вообще-то я...

Дверь открылась, и вошел Ли, в джинсах и футболке. Он держал отвертку.

– Привет, Сидни. Мне показалось, я видел там твою машину.

Он огляделся.

– А Джил с тобой?

– Сегодня нет, – сказала я.

Меня поразила новая мысль, когда я вспомнила, что Ли учится в колледже в Лос-Анджелесе.

– Ли, ты в колледже когда-нибудь ходил на свидания с человеческой девушкой?

Адриан выгнул бровь.

– Ты его приглашаешь, Сейдж?

Я сердито взглянула на него.

– Нет!

Ли сделался задумчивым.

– Вообще-то не ходил. У меня есть несколько друзей среди людей, и мы всей компанией совершаем вылазки и веселимся... Но дальше этого я никогда не заходил. Правда, Лос-Анджелес – большой город. Там есть девушки-моройки, если знаешь, где искать.

Адриан встрепнулся.

– Да?

Моя надежда, что Ли расскажет Джил о том, как избегает свиданий, угасла.

– Значит, тебе куда легче встречаться с кем-то и ходить на свидания, чем Джил.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Ли.

Я кратко рассказала ему про Мику и Джил. Пока я говорила, Ли задумчиво кивал.

– Непростая ситуация, – признал он.

– Мы можем вернуться к моройским девушкам, встречающимся в Лос-Анджелесе? – с надеждой спросил Адриан. – Не мог бы ты направить меня к некоторым... Мм, скажем так, самым непредубежденным?

Но Адриану не удалось отвлечь от меня внимание Ли. Рассеянно улыбнувшись, он уставился в пол.

– Это может показаться несколько странным... Но я бы не отказался пригласить Джил.

Адриан отозвался прежде, чем я смогла даже подумать об ответе.

– Что, ты имеешь в виду – пригласить на свидание? Ты, сукин сын! Ей всего пятнадцать.

Трудно было поверить, что всего несколько мгновений назад Адриан говорил о легкодоступных морейских девушках.

– Адриан, – сказала я, – думаю, Ли несколько по-другому истолковывает слово «свидание».

– Прости, Сейдж. Но ты должна довериться мне, когда речь идет о значениях слова «свидание». Помнится, ты не являешься экспертом в области отношений с людьми. И вообще, скажи, когда ты в последний раз была на свидании?

То была всего лишь одна из остроумных колкостей, которыми Адриан так легко разбрасывался, но все равно мне стало слегка обидно. Неужели мой недостаток опыта в этих делах так заметен?

– Но у них разница в возрасте, – сказала я, не ответив на вопрос Адриана.

Честно, я понятия не имела, сколько лет Ли. То, что он посещал колледж, давало кое-какую подсказку, но Кларенс казался слишком старым. Впрочем, это было не так уж странно – иметь позднего ребенка, и для людей, и для мороев.

– Разница есть, – сказал Ли. – Мне девятнадцать. Не такой уж большой разрыв – но все-таки существенный. Я не должен был ничего говорить.

У него был смущенный вид, и я почувствовала к нему жалость, к тому же сама была смущена. Сватовство не значилось в должностных инструкциях алхимиков.

– А почему ты хочешь ее пригласить? – спросила я. – В смысле, она прекрасная девушка. Но ты делаешь это только для того, чтобы отвлечь ее от Мики и дать ей безопасную альтернативу? Или она... э-э... нравится тебе?

– Конечно, она ему нравится, – заявил Адриан, быстро встав на защиту чести Джил.

У меня было ощущение, что у Ли просто нет возможности правильно

ответить на этот вопрос. Если бы он выказал интерес к Джил, тут же сработали бы причудливые рыцарские инстинкты Адриана. А не прояви Ли интереса, Адриан, без сомнения, пожелал бы узнать, почему тот не хочет на ней жениться – здесь же, немедленно! Это было одним из обворожительных, но странных свойств Адриана.

– Она мне нравится, – напрямик сказал Ли. – Я говорил с ней всего пару раз, но... Ну, мне очень бы хотелось узнать ее получше.

Адриан фыркнул, и я бросила на него сердитый взгляд.

– Повторяю, – сказала я. – Мне сдается, что вы, парни, по-разному истолковываете одни и те же слова.

– Неправда, – заявил Адриан. – Все парни имеют в виду одно и то же, когда хотят «узнать девушку получше». Ты благовоспитанная юная леди, поэтому я понимаю, ты слишком невинна, чтобы это уяснить. Хорошо, что у тебя есть я, чтобы истолковать все верно.

Я снова повернулась к Ли, даже не потрудившись ответить Адриану.

– Думаю, будет прекрасно, если ты станешь с ней встречаться.

– При условии, что ее это вообще заинтересует, – нерешительно сказал Ли.

Я вспомнила улыбку Джил, когда накануне Ли заглянул поговорить с ней. Эта улыбка казалась довольно многообещающей. Но с другой стороны, многообещающим казался и ее энтузиазм в общении с Микой.

– Держу пари, что заинтересует.

– Итак, вы собираетесь просто позволить ей отправиться куда-то без сопровождения? – спросил Адриан, взглядом запрещая мне возражать.

На сей раз его беспокойство было законным, и я его разделяла. Джил отправили в Палм-Спрингс и записали в Амбервуд ради ее безопасности. Проводить время с парнем, которого мы едва знаем, – это не отвечало правилам безопасности ни алхимиков, ни стражей.

– Но она не может даже покинуть кампус, – проговорила я, размышляя вслух. – Только вместе со мной.

– Ага! – обрадовался Адриан. – Если ты собираешься ее сопровождать как компаньонка, то и я тоже.

– Если мы с тобой отправимся оба, Эдди тоже захочет пойти, – заметила я.

– И что?

Серьезность Адриана тут же улетучилась, стоило появиться возможности пообщаться и повеселиться. Как может настроение так быстро меняться?

– Думай об этом не как о свидании, а как о совместной прогулке так

называемой семьи. Прогулке, которая развлечет меня и сбережет ее целомудренность.

Подбоченившись, я повернулась к Адриану. Это как будто позабавило его еще больше.

– Адриан, мы пытаемся сосредоточиться на ситуации с Джил. Речь идет не о твоих развлечениях.

– Неправда! – сказал он; его зеленые глаза искрились. – Для меня все это – развлечения. Мир – моя сцена. Делай все, чтобы так и было, – и ты станешь звездой этого шоу.

Ли с комически беспомощным видом переводил взгляд с меня на Адриана и обратно.

– Ребята, вы хотите поговорить наедине?

Я покраснела.

– Прости.

– Послушайте, – сказал Ли с таким видом, словно начинал жалеть, что вообще об этом заговорил, – мне она нравится. Если для того, чтобы с ней побыть, мне придется прихватить всю вашу компанию, – прекрасно.

– Может, так будет даже лучше, – заключила я. – Может, если мы будем чаще заниматься чем-нибудь все вместе – не считая «кормлений» Джил, – ей не захочется отправиться куда-то с человеческим парнем.

А ведь мы даже не были уверены, интересуется ли она этим парнем. Мы даже не знали, нравится ли ей общаться с Ли. Я поняла, что мы пытаемся управлять личной жизнью.

– Примерно этого я и хотел, – сказал мне Адриан. – Просто побольше общения.

Я припомнила вчерашнюю беседу, когда он потребовал, чтобы я нашла для него жилье.

– Ты просил не совсем об этом.

– Если хочешь чаще отсюда выбираться, – сказал Ли, – ты должен поехать со мной завтра в Лос-Анджелес. Все равно я вернусь сюда после занятий, так что это будет просто небольшая прогулка.

Адриан так просиял, что я задумалась: может, Ли таким образом решил сгладить напряжение, возникшее между парнями из-за его заинтересованности Джил.

– А ты представишь меня тем девчонкам? – спросил Адриан.

– Невероятно! – не сдержалась я.

Двойные стандарты Адриана были просто нелепыми.

Я не заметила открывающейся двери, пока в комнату не вошел Кит. Никогда я не была рада его видеть, но мне повезло, что он внезапно

появился как раз тогда, когда нужно было обсудить проблемы Джил с физкультурой. Я собиралась появиться в квартире Кита и перехватить его. Но он облегчил мне задачу. Кит окинул взглядом нас троих, но не ответил на наши улыбки. Сегодня – никаких подмигиваний, никакого очарования симпатичного мальчика.

– Я видел снаружи твою машину, Сидни, – сурово сказал он, поворачиваясь ко мне. – Что ты здесь делаешь?

– Мне нужно было поговорить с Адрианом, – объяснила я. – Ты получил мое сообщение? Я пыталась тебе позвонить.

– Я был занят, – твердо проговорил Кит.

Выражение его лица было жестким, от его тона в комнате стало неуютно. Адриан и Ли перестали улыбаться, у обоих сделался озадаченный вид – они пытались догадаться, почему Кит так раздражен. Я разделяла их любопытство.

– Давай поговорим. Наедине.

Внезапно я почувствовала себя непослушным ребенком – сама не зная почему.

– Конечно, – сказала я. – Я... Я все равно уже уйду.

Я пошла к стоящему у двери Киту, но Ли окликнул меня:

– Подожди! А как же насчет...

Адриан слегка подтолкнул его локтем и покачал головой, пробормотав слова, которых я не расслышала. Ли ничего больше не сказал.

– Увидимся, – жизнерадостно проговорил Адриан. – Не беспокойся... Я не забуду, о чем мы говорили.

– Спасибо, – ответила я. – Увидимся, ребята.

Кит вышел, не промолвив ни слова, и я последовала за ним из дома на послеобеденную жару. Перенесла ее я чуть легче, чем во время злополучного занятия физкультурой, но ненамного. Кит побрел по гравийной подъездной дорожке и остановился рядом с Латте. Его машина была припаркована неподалеку.

– Ты вел себя грубо, – упрекнула я его. – Даже не попрощался с ними.

– Прости, что не пускаю в ход свои лучшие манеры ради вампиров, – огрызнулся Кит. – Я с ними не в таких близких отношениях, как ты.

– И что это значит? – спросила я, скрестив руки на груди.

Глядя на него сверху вниз, я почувствовала, как во мне всколыхнулась старая враждебность. Трудно было поверить, что всего минуту назад я смеялась.

Кит глумливо ухмыльнулся.

– Только то, что ты, похоже, чувствовала себя очень раскованно –

прохлаждалась с ними, веселилась. Я и не знал, как ты проводишь свободное время после школы.

– Да как ты смеешь! Я приехала сюда по делу! – рявкнула я.

– Да, я понял.

– По делу! Мне нужно было поговорить с Адрианом о Джил.

– Не припомню, чтобы он был ее стражем.

– Он заботится о ней, – возразила я. – Как любой из нас заботился бы о друге.

– Друг? Они совсем не такие, как мы, – сказал Кит. – Они нечестивые и противоестественные, и ты не имеешь права дружить с кем-нибудь из них.

Мне захотелось крикнуть в ответ, что, судя по моим наблюдениям, Ли в сто раз лучше, чем когда-либо будет Кит. Не только Ли, но даже Адриан. Лишь в последнюю секунду моя выучка одержала верх.

«Не поднимай шума. Не перечь старшим».

Я терпеть этого не могла, но Кит был здесь за главного.

Я сделала глубокий вдох.

– Вряд ли это можно назвать дружбой. Я заглянула, чтобы поговорить с Адрианом, а здесь оказался Ли. Разве похоже, что мы собирались закатить грандиозную вечеринку?

Лучше не упоминать о наших планах группового свидания.

– Если у тебя возник вопрос, почему ты просто не позвонила Адриану? Мне же ты позвонила.

«Потому что я чувствую куда меньшее отвращение, оказываясь лицом к лицу с ним, чем общаясь с тобой».

– Это было важно. А я не сумела выловить тебя по телефону, поэтому решила, что все равно придется ехать к тебе домой.

Надеясь увести тему беседы от моего плохого поведения, я поспешила перечислить все, что случилось сегодня, в том числе пребывание Джил на солнце и знаки внимания со стороны Мики.

– Конечно, она не может ходить с ним на свидания! – воскликнул Кит, когда я объяснила насчет Мики. – Ты должна положить этому конец.

– Я пытаюсь. И Адриан и Ли сказали, что помогут.

– О, теперь я чувствую себя лучше. – Кит покачал головой. – Не будь наивной, Сидни. Я же говорил тебе – подобные вещи не заботят их так, как нас.

– Думаю, заботят, – возразила я. – Адриан, похоже, все понял, а у него сильное влияние на Джил.

– Между прочим, не за ним собираются явиться алхимики и отослать в

центр переобучения за забавы с вампирами – вместо их дисциплинирования.

Я молча уставилась на Кита. Неизвестно, какой выпад больше меня оскорбил: избитые обвинения в том, что я «подружка вампиров», или предположение, что я способна «дисциплинировать» кого-то из них. Мне следовало бы знать – фальшивое дружелюбие Кита не продержится долго.

– Я выполняю здесь свою работу, – сказала я по-прежнему ровным тоном. – И, судя по всему, работаю больше, чем ты, поскольку именно я последние дни решаю всякие проблемы.

Я знала – это иллюзия, знала, что стеклянный глаз не может сердито тарачиться, но почувствовала себя так, будто Кит уставился на меня обоими глазами.

– Я многое делаю. Даже не вздумай меня критиковать.

– И зачем ты здесь? – спросила я, внезапно поняв, что его появление здесь странно.

Кит обвинил меня в том, что я «прохлаждаюсь» с вампирами, но так и не объяснил мотивов своего приезда.

– Мне нужно было повидать Кларенса, хотя это не твоя забота.

Мне хотелось узнать подробности, но я боялась выдать свое любопытство. Если верить Ли, Кит приезжал и вчера.

– Ну что, завтра ты позвонишь в школу, чтобы Джил освободили от физкультуры?

Кит посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом.

– Нет.

– Что? Почему?

– Потому что пребывание на солнце ее не убьет.

И вновь я подавила гнев и попыталась прибегнуть к дипломатии, которой меня учили.

– Кит, ты ее не видел. Может, солнце ее и не убьет, но для нее это просто беда. Ей было мучительно плохо.

– Меня не очень-то заботят их несчастья, – ответил Кит. – И тебя тоже не должны заботить. Наша работа состоит в том, чтобы сохранить ей жизнь. Никто не упоминал о том, что надо заботиться о ее счастье и комфорте.

– Мне не кажется, что об этом нужно было упоминать. – Я была поражена до глубины души. – По-моему, не будучи бесчувственными, мы могли бы это сделать.

– Знаешь, что ты можешь сделать? Ты можешь связаться с вышестоящими, чтобы выпрашивать записку для школы, а можешь делать

ей ванны со льдом после занятий физкультурой. Мне вообще-то плевать, как именно ты поступишь. Но может, соизволишь найти себе какое-нибудь занятие и перестанешь появляться здесь без приглашения и вешаться на шею созданиям тьмы? Ох, смотри, если я узнаю, что такое случилось снова...

– Ты просто невыносим, – сказала я.

Я была так расстроена, что не придумала более красноречивого ответа.

– Я забочусь о твоей душе, – надменно проговорил Кит. – Это меньшее, что я могу сделать ради твоего отца. Было бы лучше, если бы ты больше походила на своих сестер.

Кит повернулся ко мне спиной и, не говоря больше ни слова, отпер дверцу машины. Он уехал, а я проводила его взглядом, пытаясь побороть подступающие к глазам слезы.

Я чувствовала себя ужасно – но не из-за его обвинений. Я ни на мгновение не поверила, что поступила неправильно, явившись сюда. Просто злилась на саму себя за то, что оставила за Китом последнее слово. У меня не хватило мужества дать отпор. Я промолчала, как меня всегда учили.

В гневе я пнула гравий, подкинув его в воздух. Несколько камешков ударились о мою машину, и, вздрогнув, я сказала:

– Извини...

– Он не будет обвинять тебя в злонамеренности за разговоры с противоестественным существом?

Я резко повернулась; сердце мое бешено застучало. Адриан стоял, прислонившись к стене дома, и курил.

– Откуда ты взялся? – спросила я.

Хоть я и достаточно изучила повадки вампиров, было трудно стряхнуть с себя суеверные страхи из-за того, что эти создания появляются словно ниоткуда.

– Вторая дверь, – объяснил он. – Вышел покурить и подслушал свару.

– Подслушивать нехорошо, – сказала я, зная, что говорю невыносимо назидательно, но не в силах удержаться.

– Нехорошо быть таким засранцем. – Адриан кивнул в сторону, куда уехал Кит. – Ты сможешь избавить Джил от занятий?

Я вздохнула, внезапно почувствовав себя очень усталой.

– Да, смогу. Просто это займет чуть больше времени. Мне придется искать каких-нибудь алхимиков, чтобы они взяли на себя роль наших так называемых родителей. Кит решил бы проблему гораздо быстрее.

– Спасибо, что присматриваешь за ней, Сейдж. Ты хорошая. Для

человека.

Я чуть не засмеялась.

– Спасибо.

– Ты тоже могла бы такое сказать, знаешь ли.

Я уже подошла к Латте, но остановилась.

– Сказать что?

– Что я хороший... для вампира, – объяснил Адриан.

Я покачала головой, все еще улыбаясь.

– Тебе нелегко будет заставить алхимика это признать. Но могу сказать, что ты хороший для непочтительного кутилы с редкими проблесками гениальности.

– Гениальности? Ты думаешь, что я гениален?

Он воздел руки к небу.

– Ты слышал это, мир? Сейдж говорит, что я гениален!

– Эй! Я не так сказала!

Адриан бросил сигарету и затоптал ее, беспечно улыбнувшись.

– Спасибо за то, что резко повысила мне самооценку. Я собираюсь рассказать Кларенсу и Ли о том, какого высокого ты обо мне мнения.

– Я не...

Но он уже ушел.

На обратной дороге я решила, что алхимикам нужно создать специальный департамент для того, чтобы управляться с Адрианом Ивашковым.

Вернувшись в нашу комнату в общежитии, я увидела, что Джил сидит, обложившись учебниками и, без сомнения, пытаюсь наверстать упущенное вчера время.

– Ух ты! – сказала я, думая о том, что меня тоже ожидает несделанная домашняя работа. – У тебя здесь полностью оснащенный командный центр.

Вместо того чтобы улыбнуться шутке, Джил подняла глаза и уставилась на меня ледяным взглядом.

– Может быть, когда тебе в следующий раз захочется испортить мою личную жизнь, ты сперва поговоришь со мной?

Я утратила дар речи. Адриан обещал поговорить с Джил. Я просто не ожидала, что это случится так быстро.

– Какого черта ты за моей спиной стараешься удержать меня подальше от Мики? – добавила Джил. – Я не дура. Я знаю, что не могу ходить на свидания с человеком.

Итак, Адриан явно рассказал ей предостаточно.

– И не следует сводить меня с единственным морозом, обретающимся

на расстоянии сотни миль, чтобы я не попала в беду, – все тем же холодным тоном продолжала Джил.

Ну вот... Адриан явно рассказал ей все. Я ожидала от него большего благоразумия, особенно в том, что касалось Ли.

– Мы... мы тебя не сводим, – запинаясь, проговорила я. – Ли в любом случае хотел тебя пригласить.

– Но вместо того, чтобы поговорить со мной, он спросил разрешения у вас! Вы не можете контролировать мою жизнь.

– Я знаю. Мы и не пытаемся ее контролировать!

Как все разрослось до таких размеров прямо у меня на глазах?

– Ли действовал по собственному желанию!

– В точности как и ты, когда отправилась поговорить с Адрианом за моей спиной.

В глазах Джил блеснули сердитые слезы; она бросала мне вызов – пусть я только попробую отпираться! Отпираться я не могла и только сейчас осознала всю неправильность своих поступков. С тех пор как Джил выяснила, что принадлежит к королевской семье, ей то и дело приходилось наблюдать словно со стороны, как ее жизнью управляют другие люди. Может, мои намерения заставить Адриана поговорить с ней насчет Мики и были во благо, но я неправильно подошла к делу.

– Ты права, – сказала я. – Прости, что я...

– Забудь, – ответила Джил, надевая наушники. – Я не хочу больше ничего слышать. Ты выставила меня душой и перед Адрианом, и перед Ли. Правда, они все равно не будут особо вспоминать обо мне нынче вечером в Лос-Анджелесе.

Она махнула мне рукой и снова уставилась в книгу.

– У меня к тебе все.

Я могла этого и не говорить. Джил то ли не слышала меня из-за музыки, то ли просто решила не обращать на меня внимания, не знаю. Я поймала себя на том, что снова невольно сравниваю ее с Зоей. В точности как и для Зои, я пыталась помочь Джил, и это привело к обратным результатам. Меня снова обижала и унижала та, которую я пыталась защитить.

«Прости, Сейдж. Ты не являешься экспертом в области общения с людьми».

И я горько подумала: «Самое печальное, что Адриан Ивашков прав».

Глава десятая

Мой телефон зазвонил, вызволяя меня из затруднительного положения. Я ответила, не потрудившись проверить, кто звонит.

– Мисс Мельбурн? Ваши услуги требуются немедленно!

– Что случилось? – удивленно спросила я, поскольку никак не ожидала услышать столько эмоций в голосе миссис Тервиллигер.

– Мне нужно, чтобы вы принесли мне карамельный капучино из «Спенсера»^[12]. Я ни за что на свете не смогу закончить перевод документа, если у меня не будет кофе.

На это я могла бы дать миллион ответов, и ни один из них не был бы очень вежливым, поэтому я ограничилась тем, что указала на очевидный логический промах.

– Вряд ли я смогу это сделать.

– Вам ведь разрешено покидать кампус, верно?

– Ну... Да, мэм, но приближается комендантский час. Я не знаю, где находится «Спенсер», но в любом случае сомневаюсь, что смогу вовремя оттуда вернуться.

– Чушь. Кто заправляет в вашем общежитии? Та женщина, Везерс? Я позвоню ей и добьюсь, чтобы для вас сделали исключение. Я работаю в одном из кабинетов библиотеки. Разыщите меня там.

Несмотря на то что я сама обожала кофе, мне казалось слегка чрезмерным, чтобы ради подобного поручения для меня делали исключение из школьных правил. Мне не нравилось нарушать правила. С другой стороны, я была помощницей миссис Тервиллигер. Разве это не входит в мои обязанности? Во мне пробудились старые инстинкты алхимика, повелевающие исполнять приказы.

– Ну, да, мэм, я полагаю...

Она дала отбой, и я изумленно уставилась на телефон.

– Мне надо идти, – сказала я Джил. – Надеюсь скоро вернуться. Может, очень скоро. Я не удивлюсь, если она забудет позвонить миссис Везерс.

Джил не подняла глаз. Пожав плечами, я уложила в сумку ноутбук и домашнее задание, просто на случай, если миссис Тервиллигер придумает для меня еще какую-нибудь работу.

Когда речь шла о кофе, память не подводила преподавательницу, и, спустившись вниз, я обнаружила, что мне и впрямь можно уйти. Миссис

Везерс даже рассказала, где найти «Спенсер» – это кафе находилось в нескольких милях от кампуса.

Я взяла капучино, гадая, возместят ли мне затраты, и заодно купила кофе для себя.

Когда я вернулась в Амбервуд, сотрудники библиотеки задали мне жару за то, что я приношу с собой напитки. Но когда я объяснила данное мне поручение, меня направили к кабинетам в задней части библиотеки. Очевидно, пристрастие миссис Тервиллигер к кофе было хорошо известно.

В библиотеке было удивительнолюдно, и я быстро поняла почему. К вечеру парней и девчонок разгоняли из общежитий противоположного пола. Библиотека же была открыта допоздна, поэтому являлась местом, где можно было пообщаться с подружками и приятелями.

Правда, многие приходили на самом деле ради учебы, в том числе Джулия и Кристин.

– Сидни! Сюда! – позвала Кристин театральным шепотом.

– Сбеги от Тервиллигер, – добавила Джулия. – Ты можешь это сделать!

Проходя мимо, я подняла повыше чашку с кофе.

– Шутите? Если она в ближайшее время не получит свой кофеин, от нее не будет спасения. Вернусь, как только смогу.

Зашагав дальше, я увидела маленькую группку учеников, собравшихся вокруг кого-то, – и услышала знакомый и раздражающий голос. Грег Слейд.

Не в силах совладать с любопытством, я подошла поближе. Грег демонстрировал что-то у себя на руке выше локтя. Татуировку.

В рисунке татуировки не было ничего особенного. Она изображала орла в полете, характерный рисунок, который имелся в запасе во всех татуировочных салонах и массово тиражировался. Что привлекло мое внимание, так это цвет. Вся татуировка была насыщенного, переливающегося серебристого оттенка. Такие металлизированные татуировки, сверкающие и яркие, нелегко сделать. Я знала состав чернил, использовавшихся для моей золотистой татуировки; формула была сложной, включающей несколько редких ингредиентов.

Слейд пытался, хотя и не слишком, говорить негромко – татуировки здесь были запрещены, – но было ясно, что он наслаждается вниманием. Я молча наблюдала за ним, радуясь, что остальные задают вопросы, возникшие и у меня. Конечно, ответы на них лишь порождали все новые вопросы.

– Эта какая-то слишком яркая, – заметил один из друзей Грега.

Слейд наклонил руку так, чтобы на нее упал свет.

– Кое-что новенькое. Говорят, эти татуировки лучше тех, которые делали в прошлом году. Может, и врут, но обошлась она недешево, могу сказать.

Друг Слейда ухмыльнулся.

– Осталось только ее испытать.

Лорел – рыжеволосая девушка, интересовавшаяся Микой, – вытянула ногу рядом со Слейдом, показав стройную лодыжку, украшенную поблекшей татуировкой в виде бабочки. Никакого металлического блеска.

– Я могла бы подправить мою – может, к возвращению домой, – если бы мне удалось получить деньги от родителей. Ты не знаешь, в этом году небесные тоже лучше?

Она откинула волосы назад. По моим наблюдениям, сделанным за короткое время пребывания в Амбервуде, Лорел очень кичилась своими волосами и старалась перебрасывать их то туда, то сюда по меньшей мере каждые десять минут.

Слейд пожал плечами.

– Не спрашивал.

Лорел заметила, что я наблюдаю.

– О, привет. Ты сестра девочки-вампира?

У меня остановилось сердце.

– Вампира?

– Вампира? – эхом повторил Слейд.

Как она узнала? Что же мне делать? Я уже начала составлять список алхимиков, которым нужно будет позвонить, когда одна из подружек Лорел захихикала.

Лорел посмотрела на подруг и высокомерно рассмеялась, потом снова повернулась ко мне:

– Так мы решили ее называть. Ни один нормальный человек не может быть настолько бледным.

Я чуть не осела от облегчения. Это была шутка, точно угодившая в цель. И все-таки Лорел не выглядела человеком, с которым стоит сталкиваться, и для всех нас было бы лучше, если бы ее слова поскорее забыли. Признаться, я выпалила первую из отвлекающих реплик, какая пришла мне в голову:

– Случаются и более странные вещи! До того как встретила тебя, я не думала, что у кого-то могут быть такие длинные и такие рыжие волосы. Но ты же не слышишь моих разговоров об удлинении или окраске.

Слейд согнулся от хохота чуть ли не пополам.

– Я знал! Я знал, что они фальшивые!

Лорел стала почти такой же яркой, как ее волосы.

– Они не фальшивые! Они настоящие!

– Мисс Мельбурн?

Я вздрогнула, услышав голос за спиной, и обнаружила, что миссис Тервиллигер стоит, потрясенно наблюдая за мной.

– Вы не заслужите хорошей репутации, занимаясь болтовней, тем более рискуя при этом остудить мой кофе. Пойдемте.

Я улизнула, хотя вряд ли кто-нибудь это заметил. Друзья Лорел слишком веселились, поддразнивая ее. Я надеялась, что развеяла по ветру шутки о вампирах. И все-таки не могла выкинуть из головы татуировку Грега и принялась обдумывать, какие компоненты необходимы для получения такого серебристого цвета. Я почти разгадала эту загадку – по крайней мере, нащупала один вариант. Хотелось бы мне иметь доступ к запасам алхимиков, чтобы поэкспериментировать!

Когда мы добрались до маленького кабинета, миссис Тервиллигер с благодарностью взяла у меня из рук кофе.

– Слава богу, – сказала она, сделав большой глоток.

Потом кивнула на мой кофе.

– А это запасной? Превосходная мысль.

– Нет, мэм, – ответила я. – Это мой. Хотите, чтобы я начала с них?

На столе лежала знакомая стопка книг – я уже видела их в кабинете миссис Тервиллигер. Книги были основой ее исследований, и она сказала, что рано или поздно мне нужно будет их законспектировать и представить ей записи. Я потянулась к верхней книге, но преподавательница меня остановила.

– Нет, – сказала миссис Тервиллигер, направившись к большому портфелю.

Она порылась внутри и в конце концов вытащила старую книгу в кожаном переплете.

– Займитесь этим.

Я взяла книгу.

– Можно мне поработать в зале?

Я надеялась, что, если вернусь туда, мне удастся поговорить с Кристин и Джулией.

Миссис Тервиллигер подумала.

– Там нельзя находиться с напитками. Наверное, лучше оставить его тут.

Я заколебалась, прикидывая, перевешивает ли мое желание поговорить с Кристин и Джулией ту весьма вероятную возможность, что миссис

Тервиллигер выпьет мой кофе до моего возвращения. Решила рискнуть, с болью распрощалась с кофе и поволокла свои книги и пожитки обратно в зал.

Джулия пренебрежительно взглянула на потрепанную книгу миссис Тервиллигер.

– Разве этого нет где-нибудь в Интернете?

– Наверное, нет. Думаю, в последний раз в эту книгу заглядывали еще до изобретения Интернета.

Я открыла книгу. Из-под обложки вылетела пыль.

– Задолго до его изобретения.

Перед Кристин лежала открытая тетрадь по математике, но девушка, судя по всему, не очень-то интересовалась ею.

Рассеянно постучав ручкой по тетрадке, она спросила:

– Ну что, видела татуировку Слейда?

– Трудно не увидеть, – ответила я, вынимая ноутбук. Я посмотрела поверх его крышки. – Он все еще хвастается ею.

– Он уже давно хотел сделать татуировку, но никак не мог накопить денег, – объяснила Джулия. – В прошлом году у всех хороших спортсменов были татуировки. Ну, у всех, кроме Трея Джареца.

– Трею она почти не нужна, – заметила Кристин. – Он и так хорош.

– Теперь она у него будет – если он захочет не отстать от Слейда, – сказала Джулия.

Кристин покачала головой.

– И все равно он не будет ее делать. Он против такого. Он пытался доложить о них в прошлом году мистеру Грину, но никто ему не поверил.

Я переводила взгляд с одной девушки на другую, озадаченная, как никогда.

– Мы все еще говорим о татуировках? О том, нужна Трею татуировка или нет?

– Ты и вправду ничего еще не узнала? – спросила Джулия.

– Я второй день в школе, – расстроено заметила я.

Вспомнила, что нахожусь в библиотеке, и заговорила потише:

– Единственные люди, которые говорят о них, – это Трей и вы, девчонки, – а вы покамест немного сказали.

По крайней мере, они милостиво приняли смущенный вид. Кристин открыла рот, помедлила и, похоже, сказала не то, что собиралась:

– Ты уверена, что твоя татуировка не оказывает никакого действия?

– Абсолютно уверена, – ответила я. – Как такое вообще возможно?

Джулия быстро оглядела библиотеку и повернулась на стуле. Она

приподняла рубашку, показав поясницу – и поблекшую татуировку с летящей ласточкой. Убедившись, что я видела татуировку, Джулия повернулась обратно.

– Я сделала ее на прошлых весенних каникулах – и это были самые лучшие весенние каникулы в моей жизни.

– Благодаря татуировке? – скептически спросила я.

– Когда я ее сделала, она выглядела по-другому. Она была металлической... Не такой, как твоя. Или Слейда. Скорее...

– Медной, – подсказала Кристин.

Джулия подумала и кивнула.

– Да, такая красновато-золотистая. Цвет продержался всего неделю, и, пока он не поблек, татуировка была изумительной. В смысле, я никогда еще не чувствовала себя так хорошо. Нечеловечески хорошо. Самый лучший кайф в моей жизни.

– Клянусь, в небесных есть какие-то наркотики, – сказала Кристин.

Она пыталась говорить неодобрительно, но я вроде бы уловила в ее голосе нотку зависти.

– Если бы у тебя была татуировка, ты бы поняла, – ответила ей Джулия.

– Небесные... Я слышала, как вон та девушка о них говорила, – заметила я.

– Лорел? – спросила Джулия. – Да, небесными называют медные татуировки. Потому что они дают такое ощущение, будто ты на небесах.

Она была как будто смущена собственным воодушевлением.

– Дурацкое название.

– Так вот чего добивается Слейд? – спросила я, ошеломленная этими новыми сведениями.

– Нет, у него стальная, – ответила Кристин. – Стальные дают нечто вроде мощного спортивного допинга. Скажем, ты становишься сильнее, быстрее. Всякое такое. Они держатся дольше небесных – больше двух недель. Иногда три недели, но их эффект все равно пропадает. Их называют стальными потому, что они стойкие. А может, потому, что в них сталь.

«Не сталь, – подумала я. – Серебро».

Умение пускать в ход металл для того, чтобы связать между собой в коже определенные компоненты, было искусством, которое алхимики давным-давно довели до совершенства. Золото, несомненно, являлось самым лучшим компонентом, вот почему мы его и использовали. Остальные металлы – когда рецептура была соблюдена должным образом – давали схожий эффект, но ни серебро, ни медь не связывали так хорошо,

как золото. Медную татуировку было легко распознать. Сколько угодно дающих приятные ощущения субстанций или наркотиков можно было скомбинировать в такой татуировке ради получения кратковременного эффекта. Серебряную татуировку распознать было труднее всего – вернее, распознать эффект такой татуировки. То, что описывали девочки, смахивало на некий спортивный стероид. Не удерживает ли серебро стероид? Следовало это проверить.

– И у многих есть такие татуировки? – спросила я осторожно.

С трудом верилось, что такие сложные татуировки были здесь распространены. А еще до меня начало доходить, насколько богатыми были учащиеся этой школы. Одни материалы стоили бы целое состояние, не говоря уж о возможном устранении разнообразных побочных эффектов.

– Да у всех, – сказала Джулия.

Кристин нахмурилась.

– Не у всех. Но я уже почти накопила нужную сумму.

– Я бы сказала, что по меньшей мере половина школы попробовала хотя бы небесные, – сказала Джулия, бросив на свою подружку утешающий взгляд. – После можно подправлять такие татуировки – но это тоже стоит денег.

– Половина школы? – недоверчиво повторила я.

Я огляделась, гадая, под сколькими рубашками и брюками скрываются татуировки.

– Это безумие. Поверить не могу, что татуировки дают такой эффект.

Я надеялась, что мне удастся хорошо скрывать свою осведомленность.

– Сделай небесную, – сказала Джулия с ухмылкой. – Тогда поверишь.

– А где вы их делаете?

– В заведении под названием «Невермор», – сказала Кристин. – Но там не делают татуировки кому попало.

«Ну да, – усмехнулась я мысленно, – раз половина школы ходит с татуировками».

– Они стали куда осторожнее с тех пор, как Трей попытался их заложить.

И снова имя Трея. Теперь я поняла, почему он так пренебрежительно отнесся к моей татуировке, когда мы познакомились. Но я гадала, почему татуировки так его заботят – до такой степени, что он пытается с ними покончить. Это был не просто мимолетный протест.

– Наверное, он считает это нечестным? – дипломатично предположила я.

– Думаю, он просто завидует, потому что сам не может позволить себе

татуировку, – сказала Джулия. – У него, правда, есть одна. Солнце на спине. Но она просто обычная, черная, а не золотистая, как твоя. Я никогда не видела ничего похожего на твою татушку.

– Так вот почему вы решили, что татуировка делает меня умной, – сказала я.

– И это могло бы очень пригодиться во время выпускных экзаменов, – печально заметила Джулия. – Ты уверена, что так много знаешь не из-за татуировки?

Я улыбнулась, хотя меня ужаснуло все, что я выяснила.

– Хотелось бы мне, чтобы из-за нее. Это могло бы мне помочь продрасть через эту книгу. За которую, – добавила я, посмотрев на часы, – мне пора приниматься.

Книга была о греко-римских жрецах и магах – своего рода гримуар^[13], в деталях описывающий заклинания и ритуалы. Чтение не оказалось слишком трудным, но книга была очень толстой. Я-то думала, что исследования миссис Тервиллигер сосредоточены в основном на главных религиях той эпохи, поэтому выбор книги показался мне странным. Может, она надеется включить в свое произведение главу об альтернативных магических практиках? Как бы то ни было, кто я такая, чтобы задавать вопросы? Если она просит о чем-то, я это делаю.

Я осталась в библиотеке и после ухода Кристин и Джулии, поскольку мне нельзя было уходить раньше миссис Тервиллигер. Пришлось сидеть до закрытия. Казалось, преподавательница была довольна, что я так далеко продвинулась с записями. Миссис Тервиллигер сказала, что ей бы хотелось получить конспект книги через три дня.

– Да, мэм, – машинально ответила я, как будто в этой школе у меня не было других дел.

Почему я всегда соглашаюсь, не подумав?

После всей проделанной работы я вернулась в Восточный кампус, перед глазами у меня все расплывалось, и мысль о так и не сделанной домашней работе была мучительна.

Джил крепко спала, что я сочла маленьким подарком. Мне не придется сталкиваться с ее обвиняющим взглядом или ломать голову над тем, как справиться с неловким молчанием. Я быстро и тихо легла и заснула, едва коснувшись головой подушки.

Разбудили меня около трех часов звуки плача. Стряхнув сонную одурь, я увидела, что Джил сидит на постели, закрыв лицо руками. Она вся тряслась от всхлипываний.

– Джил? – нерешительно окликнула я. – Что случилось?

В слабом свете с улицы я разглядела, что Джил подняла голову и посмотрела на меня. Не в силах ответить, она покачала головой и снова зарыдала, на этот раз громче. Я встала, подошла к ее кровати и присела на краешек. Я не могла заставить себя обнять моройку или прикоснуться к ней в знак утешения. Тем не менее я чувствовала себя ужасно. Я знала, что это наверняка моя вина.

– Джил, прости, пожалуйста. Мне не следовало ездить к Адриану. Когда Ли упомянул о тебе, я должна была просто оборвать его и велеть побеседовать с тобой, раз ты ему нравишься. Я должна была просто сначала поговорить с тобой...

Я путалась в словах и, глядя на Джил, не могла отрешиться от мыслей о Зое и ее ужасных обвинениях в ночь моего отъезда.

Каким-то образом моя помощь всегда приводит к обратным результатам.

Джил шмыгнула носом и ухитрилась выдать несколько слов, прежде чем снова разразиться слезами:

– Дело не в... Это не...

Я беспомощно глядела на нее, досадуя на саму себя. Кристин и Джулия считали меня нечеловечески умной. Однако я не сомневалась – любая из них смогла бы утешить Джил в сто раз лучше меня. Я протянула руку и чуть было не похлопала Джил по плечу – но в последний миг удержалась. Нет, я не могла этого сделать. Голос алхимика во мне, всегда предупреждавший, чтобы я держалась от вампиров на расстоянии, не позволил бы мне такое слишком личное прикосновение.

– Тогда в чем дело? – спросила я наконец.

Джил покачала головой.

– Дело не в... Я не могу рассказать... Ты не поймешь.

Мне подумалось – когда речь идет о Джил, что угодно может оказаться не так. Непрочность ее королевского положения. Опасности, которые ей грозят. Жизнь вдали от семьи и друзей, среди людей, на бесконечном солнце.

Я и вправду не знала, с чего начать. Прошлой ночью Джил проснулась с отчаянным, жутким ужасом в глазах. Но теперь в них было нечто другое. В них читалась печаль. Неподдельная печаль.

– Чем я могу помочь? – наконец спросила я.

У Джил ушло несколько мгновений, чтобы взять себя в руки.

– Ты и так уже многое делаешь, – выдавила она. – Мы все это ценим... Правда, ценим. Особенно после того, что сказал тебе Кит.

Адриан хоть о чем-нибудь умолчал?

– И мне жаль... Мне жаль, что я раньше вела себя так жестоко. Ты этого не заслуживаешь. Ты просто пыталась помочь.

– Нет... Не извиняйся. Я все испортила.

– И тебе не стоит беспокоиться, – добавила Джил. – Насчет Мики. Я понимаю. Я просто хочу быть его другом.

Я была уверена, что все еще не справляюсь с утешениями. Но следовало признать: извиняясь передо мной, Джил хотя бы отвлеклась от того, что заставило ее проснуться в таких мучениях.

– Знаю, – сказала я. – Мне не следовало беспокоиться насчет тебя.

Джил снова заверила, что с ней все в порядке, никак не объяснив, почему проснулась в слезах. Я чувствовала необходимость помочь ей, но вместо этого вернулась в собственную постель. Остаток ночи я не слышала всхлипываний, но один раз, проснувшись пару часов спустя, мельком взглянула на Джил. В свете раннего утра черты ее лица были едва различимы. Она лежала, широко раскрыв глаза и затравленно уставившись в пространство.

Глава одиннадцатая

На следующий день перед занятиями я оставила сообщение на автоответчике в офисе алхимиков. В нем говорилось, что мне нужны «мистер и миссис Мелроуз», чтобы дать Джил освобождение от физкультуры – по крайней мере, от занятий на улице. Я надеялась, что это сделают быстро. Когда алхимики хотели, они действовали проворно, но иногда у них бывали странные представления о степени важности предстоящего. Оставалось лишь уповать на то, что они отнесутся к бедственному положению Джил не так, как Кит.

Но я знала – в тот же день нечего ожидать результата, поэтому Джил придется выстрадать еще одно занятие по физкультуре... А мне придется страдать, наблюдая за нею.

Действительно ужасно было то, что Джил не хныкала и не пыталась ни от чего отказаться. По ее виду даже нельзя было догадаться о ночных рыданиях. Она приступила к занятию с решительностью и оптимизмом, будто сегодня солнце могло на нее не подействовать. Однако прошло немного времени – и она начала сдавать, как и в прошлый раз. Джил выглядела больной и усталой, и я сама стала играть чуть хуже, поскольку все время наблюдала за ней, боясь, что она потеряет сознание.

Единственным спасением был Мика. Он снова бесстрашно поменял команду – теперь уже с самого начала занятий. Он прикрывал Джил точно так же, как в прошлый раз, чтобы отвлечь от нее внимание преподавательницы и одноклассников. Правда, кроме внимания Лорел, которая, похоже, замечала все, что делал Мика. И раздражалась по этому поводу. Она сердито бросала взгляды то на него, то на Джил и все время перекидывала волосы через плечо, пытаясь привлечь его внимание. Меня это слегка позабавило, когда я заметила, что Мика сосредоточен лишь на том, чтобы не подпустить мяч к Джил.

После урока Мика немедленно подскочил к Джил, держа наготове бутылку с водой, которую девушка благодарно приняла. Меня это порадовало, но при виде того, как он заботится о Джил, во мне проснулись старые опасения. Джил дружески отвечала на знаки внимания, но это нельзя было назвать флиртом. Однако Мика не делал тайны из своих намерений, и я все еще беспокоилась, считая, что лучше бы Джил не пришлось иметь дело с его ухаживаниями. Я не шутила, когда говорила о своем доверии, но мне невольно подумалось, что было бы гораздо лучше

для всех, если бы Мика прекратил свои попытки сблизиться. Ситуация требовала серьезного разговора.

Нервничая из-за предстоящей беседы, я перехватила Мику у раздевалки. Мы оба ждали, пока Джил закончит переодеваться, и я воспользовалась тем, что осталась с ним наедине.

– Привет, Мика, – сказала я. – Мне нужно с тобой поговорить...

– Привет, – беспечно отозвался он. Его большие голубые глаза были полны энтузиазма. – У меня есть идея, которой я хотел бы поделиться. Если вы не можете раздобыть для Джил освобождение, как насчет того, чтобы изменить расписание ее занятий? Если бы физкультура была ее первым уроком, было бы еще не жарко. Может, тогда ей не приходилось бы так тяжело. Я имею в виду – наверное, ей понравилось бы заниматься некоторыми упражнениями.

– Понравилось бы, – медленно проговорила я. – И это очень хорошая идея.

– Я знаю кое-кого в администрации. Попрошу их проверить, возможно ли изменить расписание Джил.

Он нарочито вздохнул.

– Мне будет грустно, если я не увижу Джил на уроках, но, если я буду знать, что она счастлива, – оно того стоит.

– Да, – слабо согласилась я.

Я внезапно перестала понимать, как же быть дальше.

Мике и вправду пришла в голову хорошая идея. Он даже был настолько неэгоистичен, что отказывался от шанса побыть с Джил – отказывался ради ее блага. Как я могла теперь «беседовать» с ним? Как могла вдруг заявить: «Оставь мою сестру в покое!» – если он из кожи вон лез, чтобы быть полезным? Я вела себя не лучше Эдди, избегая конфликта с Микой. Этот парень вызывал слишком большую симпатию, даже закрадывались подозрения, действительно ли он такой идеальный.

Не успела я найти решение, как Мика повернул разговор в неожиданную сторону:

– Но тебе и вправду нужно отвести ее к доктору. Я сомневаюсь, что у нее аллергия на солнце.

– Почему? – удивленно спросила я. – Разве ты не видишь каждый день, как она мучается во время занятий?

– Нет-нет, поверь, у нее явно проблемы из-за солнца, – быстро заверил он. – Но ей могли неправильно поставить диагноз. Я проштудировал все про солнечные аллергии, и у страдающих ими людей обычно бывает сыпь.

А ее общая слабость... Не знаю. Думаю, это может быть что-то другое.

«О нет!»

– Например?

– Не знаю, – задумчиво сказал Мика. – Но я буду и дальше изучать этот вопрос и дам тебе знать, если найду что-то важное.

Великолепно.

Занятия физкультурой позволили мне впервые увидеть одну из металлических татуировок Амбервуда в действии. Невозможно было не наблюдать за Грегом Слейдом во время урока, и не я одна на него отвлекалась.

В точности как и сказали Кристин и Джулия, Грег и вправду стал быстрее и сильнее. Он совершал нырки, на которые никто не мог достаточно быстро среагировать. Когда он бил по мячу, мы только чудом не слышали вскоре после удара хлопок от преодоления мячом светового барьера. Сперва это приносило ему похвалы, но вскоре я кое-что заметила. Его игра отличалась легкой небрежностью. Да, у Грега было полно новых возможностей, но он не всегда использовал их с умом. Эти могучие удары подчас не срабатывали, потому что он выбрасывал мяч за пределы поля. А если бежал, чтобы перехватить мяч, то редко обращал внимание на тех, кто находился рядом.

Когда парень из моей группы английского языка был сбит просто потому, что оказался на пути Слейда и мяча, мисс Карсон остановила игру и наорала на Слейда, недовольная его агрессивностью. Слейд выслушал ее замечания с мрачной ухмылкой.

– Плохо, что Эдди в другом классе, – сказала после урока Джил. – Он бы не уступил Слейду.

– Может, лучше, когда никто этого не замечает, – ответила я.

По слухам, Эдди уже считался звездой спорта на своих физкультурных уроках. То была часть естественного атлетизма дампира; и я знала, что Эдди всячески старается не слишком хорошо во всем успевать.

После физкультуры я заглянула к миссис Тервиллигер и была счастлива убедиться, что преподавательница самостоятельно полностью обеспечила себя кофе. Большую часть урока я провела, штудировав книгу и занося конспект в свой ноутбук.

Я еще не закончила, когда она подошла меня проверить.

– Вы хорошо все систематизируете, – сказала миссис Тервиллигер, заглянув мне через плечо. – Заголовки и подзаголовки и подподзаголовки.

– Спасибо, – сказала я.

Джаред Сейдж считал очень важным обучить детей исследовательским навыкам.

Миссис Тервиллигер отпила кофе и продолжала читать на моем дисплее.

– Вы не составили список ритуалов и заклинаний, – заметила она несколько мгновений спустя. – Вы просто охарактеризовали их в целом парой строк.

Но в том-то и заключался смысл составления конспектов!

– Я оставляю ссылки на все нужные страницы, – сказала я. – Если вам понадобится проверить подлинные детали, будет легко пройти по этим ссылкам.

– Нет... Вернитесь и перечислите в своих записях все заклинания и все ингредиенты. Мне нужно, чтобы все было собрано у меня в одном месте.

«Они уже собраны в одном месте, – хотелось сказать мне. – В книге».

Суть конспектов заключалась в том, чтобы сконцентрировать суть материала, а не в перепечатывании оригинального текста слово в слово. Но миссис Тервиллигер уже побрела прочь, рассеянно уставившись на свою картотеку и бормоча под нос что-то о положенной не на место папке.

Я со вздохом пролиستала книгу к началу, пытаюсь не думать о том, насколько это замедлит мою работу. По крайней мере, я занимаюсь этим ради своей репутации, а не ради оценок.

После звонка я еще долго сидела, пытаюсь наверстать упущенное время. А когда вернулась в комнату, мне пришлось разбудить Джил, которая крепко спала после утомительного дня.

– Хорошие новости, – сказала я, когда она заморгала на меня сонными глазами. – Сегодня день «кормления».

Вот слова, которых я точно никогда от себя не ожидала. А еще никогда не думала, что такое событие приятно меня взволнует. И уж наверняка меня захватывала не мысль о Джил, кусающей Дороти за шею.

Но мне было очень жаль моройку, и я радовалась, что она немного подкормится. При столь скудных порциях крови ей было вдвойне тяжелее пережить все нынешние трудности.

Когда пришла пора ехать, мы встретились с Эдди внизу, и он с тревогой оглядел Джил.

– Ты в порядке?

– В полном, – ответила она с улыбкой.

Джил выглядела далеко не так плохо, как прежде. Я содрогнулась при мысли о том, что сделал бы Эдди, если бы присутствовал с нами на физкультуре и видел Джил в самые худшие ее моменты.

– Почему это до сих пор продолжается? – спросил меня Эдди. – Ты

собираешься поговорить с Китом?

– Просто легкая задержка, – уклончиво ответила я, ведя их туда, где на студенческой парковке стояла Латте. – Мы все устроим.

Если алхимики не позаботятся об освобождении от физкультуры, я собиралась последовать совету Мики и изменить расписание Джил так, чтобы она занималась физкультурой по утрам.

– Мы знаем, что ты все устроишь, – сказала Джил.

Я уловила еле заметную нотку сочувствия в ее голосе и вспомнила, что Джил знает о моей вчерашней стычке с Китом. Хорошо бы Джил не упомянула о ней в присутствии Эдди. Мне повезло: Джил неожиданно переключилась на другую тему:

– Как думаешь, мы сможем по дороге купить пиццы? Адриан не хочет больше питаться стряпней Дороти.

– Как это, должно быть, ужасно, – язвительно заметил Эдди, устраиваясь на заднем сиденье и позволив Джил сесть рядом с водителем, – иметь под рукой личного повара, который готовит все, что только Адриан пожелает. Просто не знаю, как он такое выдерживает.

Я засмеялась, но Джил, похоже, обиделась за Адриана.

– Это разные вещи! Она готовит по-настоящему супергурманскую еду.

– Все еще жду, когда мне объяснят, в чем же проблема, – сказал Эдди.

– Но пицца, которую она старается готовить, к тому же здоровая. Она говорит, что Кларенсу так полезнее. Поэтому никогда никакой соли, никакого перца, никакого масла.

Черт побери, как же часто Джил разговаривает с Адрианом?

– Никаких приправ, ничего такого. Это сводит его с ума.

– Похоже, все сводит его с ума, – заметила я, вспоминая о его мольбе насчет нового обиталища. – И он не может заявлять, что все так уж плохо. Разве он не ездил в Лос-Анджелес прошлой ночью?

Джил в ответ только нахмурилась.

Как бы то ни было, у меня возникло ощущение, что мы на некоторое время задержимся у Кларенса, а лично мне не хотелось есть пищу, приготовленную в этом доме. Поэтому скорее по эгоистичным причинам я согласилась остановиться по дороге там, где продавали пиццу на вынос и купить несколько штук.

Когда мы вошли в гостиную (если не считать бильярдной, эта комната казалась главным местом обитания Адриана в доме Кларенса), лицо Адриана просияло.

– Малолетка, – объявил он, вскочив, – ты святая. Просто богиня.

– Эй! – сказала я. – Это я за них заплатила.

Адриан поставил одну из коробок с пиццей на кушетку, к большому расстройству Дороти. Она торопливо вышла, бормоча что-то про тарелки и салфетки. Адриан примиряюще кивнул мне.

– Ты тоже ничего, Сейдж.

– Ну, что тут у нас? – Кларенс нетвердой походкой вошел в гостиную.

Раньше я этого не замечала, но во время ходьбы он опирался на трость. Рукоятку венчала хрустальная змея, что было и впечатляюще, и страшновато. Как раз такую вещь можно было представить у старого вампира.

– Смахивает на вечеринку.

Сопровождавший Кларенса Ли улыбался нам и приветливо кивал. Его взгляд слегка задержался на Джил, и он демонстративно сел с ней рядом – но не слишком близко. Джил казалась такой оживленной, какой не бывала уже несколько дней. Только все взялись за пиццу, как в дверях появилась Дороти с новым гостем. Я почувствовала, что глаза у меня округлились. Это был Кит.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, стараясь говорить без выражения.

Он подмигнул.

– Пришел, чтобы провести вас и убедиться, что все здоровы. Это моя работа – приглядывать за всеми.

Кит взял кусок пиццы; он был болтливым и дружелюбным. Словно и не было вчерашнего конфликта. Он вел себя со всеми как с лучшими друзьями, что совершенно сбило меня с толку. Никто, казалось, не заметил его странного поведения – но, с другой стороны, почему они должны были заметить? Ни один из присутствующих, в отличие от меня, с Китом раньше не общался.

Нет... Кое-кто оказался очень наблюдательным. Хотя Адриан был погружен в беседу с Эдди, он бросил на меня пытливый взгляд, безмолвно спрашивая насчет вчерашнего инцидента. Он посмотрел на Кита, потом снова на меня, и я беспомощно пожала плечами, давая понять, что точно так же озадачена этой переменой. Может, Кит пожалел о своем вчерашнем взрыве. Конечно, если бы он собирался извиниться, такое неестественное для него поведение было бы вполне понятно.

Я отщипнула кусочек пиццы с сыром, но занята была не едой, а наблюдением за остальными. Джил оживленно рассказывала Адриану о своих первых двух днях в школе, и было заметно, что она пропускает все отрицательные моменты. Адриан снисходительно слушал, кивал и время от времени вставлял свои остроумные колкости. Кое-что в рассказе Джил касалось самых обыденных вещей, и я удивилась, как это такие

элементарные подробности не всплыли в их беседах по телефону. Может, в телефонных разговорах Адриану просто нужно было столько всего сказать, что Джил не удавалось вставить словечко. А теперь Адриан ни разу не упомянул ни о своей скуке, ни о других поводах для недовольства.

Кларенс время от времени вступал в беседу с Эдди и Ли, но его печальный взгляд то и дело устремлялся к Джил. Я вспомнила, что его племянница была лишь немного старше Джил. Интересно, не потому ли он с такой готовностью принял всех нас, что для него это являлось попыткой вернуть утраченную часть семейной жизни.

Кит сел рядом со мной, отчего я сперва почувствовала себя неловко. Зато это дало мне шанс расспросить его, выуживая необходимую информацию.

Видя, что остальные увлечены беседой, я негромко спросила:

– Ты когда-нибудь слышал о поддельных татуировках алхимиков, которые наносят обычным людям?

В ответ Кит бросил на меня недоуменный взгляд.

– Я даже не понимаю, о чем ты.

– В Амбервуде это повальное увлечение. Очевидно, где-то в городе есть заведение, в котором делают металлизированные татуировки, имеющие особенные свойства, – нечто вроде наших татуировок. От некоторых просто кайфуют. Другие действуют как стероиды.

Кит нахмурился.

– Они не связаны золотом?

– Нет. Серебро и медь. Поэтому действуют не очень долго. Наверное, для того, чтобы люди, которые занимаются этим делом, имели постоянный заработок.

– Значит, татуировки не могут быть нашими, – возразил Кит. – Мы не пользуемся такими металлами уже много столетий.

– Да, но кто-то может пускать в ход технологию алхимиков, чтобы наносить подобные рисунки.

– Просто чтобы люди ловили кайф? – спросил Кит. – Я даже не знаю, как управляться с этими металлическими компонентами.

– У меня есть кое-какие соображения, – сказала я.

– Позволь догадаться. В татуировки включены наркотические смеси.

Когда я кивнула, Кит вздохнул и посмотрел на меня так, будто мне было десять лет от роду.

– Сидни, скорее всего, кто-то нашел неразработанный метод татуировок, похожих на наши, но не имеющих к нам отношения. Если так, мы ничего не можем с этим поделать. Наркотики существуют. Плохие вещи

существуют. Если происходящее не связано с делами алхимиков, нас это не касается.

– А если связано?

Кит застонал.

– Видишь? Вот почему меня беспокоило то, что сюда отправляешься ты. У тебя есть привычка искать окольные пути и выдвигать дикие теории.

– У меня не...

– Пожалуйста, не ставь меня в неловкое положение, – прошипел он, бросая взгляд на остальных. – Ни перед ними, ни перед нашим начальством.

Упрек Кита заставил меня замолчать – в основном из-за удивления. Что он имел в виду, говоря о моих привычках? Неужели он и вправду намекает, что много лет назад провел глубокий психологический анализ моей личности? Сама мысль о том, будто я поставлю Кита в неловкое положение, была смехотворной... И однако его слова посеяли во мне семена сомнения. Может, татуировки в Амбервуде были причудой, никак не связанной с нашей деятельностью.

– Как физкультура?

Этот вопрос Адриана отвлек меня от моих мыслей. Он все еще выслушивал повествование Джил о ее делах в школе. В ответ она скорчила гримасу.

– Не очень хорошо, – призналась Джил и перечислила несколько самых плохих моментов.

Эдди бросил на меня многозначительный взгляд вроде того, каким уже награждал раньше.

– Так не может продолжаться! – воскликнул Ли. – Солнце здесь просто безжалостное.

– Согласен, – сказал Кит. От него я меньше всего ожидала таких слов. – Сидни, почему ты не рассказала мне, насколько все плохо?

Я чуть рот не разинула от изумления.

– Я рассказала! Вот почему я пыталась заставить тебя связаться со школьными властями!

– Вообще-то ты не рассказала мне всех деталей.

Он одарил Джил одной из своих сладких улыбок.

– Не беспокойся. Я позабочусь об этом. Я свяжусь с руководством школы и с алхимиками.

– Я уже с ними разговаривала, – возразила я.

С тем же успехом я могла бы вовсе промолчать. Кит уже сменил тему беседы и говорил с Кларенсом о каком-то не относящемся к делу предмете.

С чего бы он так резко изменил свою позицию? Еще вчера проблемы Джил он расценивал как пустяковые. А сегодня стал ее рыцарем в сверкающих доспехах. И по ходу дела предположил, что именно я облажалась.

Таков его план, поняла я. Он не хочет, чтобы я здесь оставалась. Никогда не хотел, чтобы я была здесь.

А потом мне в голову пришло еще кое-что.

«Он собирается воспользоваться случившимся, чтобы завести против меня дело».

Сидевший на другом конце комнаты Адриан перехватил мой взгляд. Он-то знал правду. Он подслушал наш с Китом разговор на подъездной дороге. Адриан начал было что-то говорить, и я поняла – он собирается обвинить Кита во лжи. Это было любезно с его стороны, но мне этого не хотелось. Я справлюсь с Китом сама.

– Как там в Лос-Анджелесе? – быстро спросила я, опередив Адриана.

Он с любопытством посмотрел на меня, без сомнения гадая, почему я не даю ему выступить свидетелем в мою защиту.

– Ты ведь был там с Ли прошлой ночью?

Адриан на секунду как будто растерялся, но потом лицо его осветилось улыбкой.

– Да, – наконец ответил он. – Это было здорово. Ли показал мне университетскую жизнь.

Ли засмеялся.

– Я бы так не сказал. Не знаю, где ты был половину ночи.

Улыбка Адриана была очаровательной, но мне почему-то захотелось вlepить ему пощечину.

– Мы с Ли разделились. Я знакомился с другими тамошними морями. Даже Эдди не смог промолчать после таких слов.

– Так вот как это нынче называется?

Джил внезапно встала.

– Я хочу получить кровь немедленно. Нет возражений?

Наступило неловкое молчание. Думаю, в основном потому, что никто как следует не знал, у кого именно она просит разрешения.

– Конечно, дорогая, – сказал Кларенс, входя в роль хозяина дома. – Дороти на кухне.

Джил резко кивнула и быстро вышла. Остальные обменялись недоумевающими взглядами.

– Что-то не так? – с обеспокоенным видом спросил Ли. – Я... Я пойду поговорю с ней?

– Просто она все еще не отошла от стресса, – сказала я, не

осмеливаясь упомянуть о тех случаях, когда Джил кричала и плакала.

– Я тут думал кое о чем, что могло бы ее повеселить... Повеселить всех нас, – нерешительно проговорил Ли.

Огляделся и остановил взгляд на мне. Думаю, меня тут назначили на роль матери.

– Если вы одобрите идею. Я имею в виду... Это вроде бы глупо, но я подумал, что мы смогли бы вечером отправиться на мини-гольф. Там на площадке есть пруды и фонтаны. Она ведь пользователь воды? Должно быть, она скучает тут по воде.

– Скучает, – нахмурившись, подтвердил Эдди. – Она упоминала об этом вчера.

Меня передернуло. Кит, набравший эсэмэску на телефоне, застыл. Несмотря на наши разногласия, мы с ним, по сути, получили сходное обучение и оба ощущали беспокойство при мысли о магии мороев.

– Наверно, ей бы очень такое понравилось, – сказал Адриан.

Судя по тону, он признавал это неохотно. Думаю, он все еще не свыкся с мыслью о том, что Ли интересуется Джил, в каких бы дружеских отношениях ни находились оба парня. Но идея Ли была безобидной и не предвещала опасностей. Трудно было возражать.

Ли задумчиво склонил голову набок.

– По уик-эндам вам можно возвращаться в общежитие на час позже, чем обычно. Хотите отправиться туда нынче вечером?

Была как раз пятница, так что предложение оказалось весьма своевременным.

– Я в игре, – сказал Адриан. – И буквально, и фигурально.

– Если Джил будет там, я тоже там буду, – сказал Эдди.

Они посмотрели на меня. Я оказалась в затруднительном положении. Мне хотелось вернуться и закончить домашнюю работу. Но, скажи я такое, мои слова прозвучали бы жалко. К тому же мне следовало присутствовать на игре как единственной компаньонке Джил женского пола. Кроме того, напомнила я себе, мое задание заключается не в учебе, сколь сильно я ни притворялась бы, что дело обстоит именно так. Задание заключалось в помощи Джил.

– Я могу поехать, – медленно проговорила я.

Подумав, что это очень смахивает на дружбу с вампирами, я беспокойно оглянулась на Кита. Теперь, когда магия больше не обсуждалась, он вернулся к своей эсэмэске.

– Кит? – спросила я, желая получить его дозволение.

Он поднял глаза.

– А? О, я не могу. Мне нужно быть в другом месте.

Я постаралась не поморщиться. Он неправильно меня понял, решив, что я его приглашаю. Но хорошо хоть не возражал против того, чтобы остальные поехали.

– Ах, как мило, – сказал Кларенс. – Пикник для вас, молодых. Может, сперва выпьете со мной по бокалу вина?

Дороти как раз входила с бутылкой красного вина, за ней показалась Джил.

Кларенс улыбнулся Адриану.

– Я знаю, ты бы не отказался.

Выражение лица Адриана говорило, что определенно не отказался бы. Но вместо этого он сделал глубокий вдох и покачал головой.

– Лучше не надо.

– Ты должен, – ласково сказала Джил.

Даже после такого недолгого кровопития она выглядела полной энергии и жизни.

– Не могу, – сказал Адриан.

– Сейчас выходной, – настаивала Джил. – Это не такое уж преступление. Особенно если ты будешь осторожен.

Они некоторое время смотрели друг другу в глаза, и наконец Адриан сказал:

– Хорошо. Налейте мне бокал.

– И мне тоже налейте, пожалуйста, – сказал Кит.

– В самом деле? – спросила я. – Не знала, что ты пьешь.

– Мне двадцать один, – возразил он.

Адриан принял из рук Дороти свой бокал.

– Мне почему-то думается, что это не твоя забота, Сейдж. Я считал, что алхимики избегают алкоголя... Так же как избегают носить другие цвета, кроме основных.

Я посмотрела на свою одежду. Она была серой. Кит носил коричневую.

– Один бокал не повредит, – сказал Кит.

Я с ним не спорила. В мои обязанности не входило опекать Кита. И у алхимиков не было правил, запрещающих алкоголь. У нас имелись твердые убеждения насчет того, каким должен быть чистый и здоровый образ жизни, и на выпивку смотрели с презрением. Но запрещалась ли она? Нет. Этот обычай я считала важным. Но если он не важен для Кита – что ж, ему решать.

Едва Кит поднес бокал к губам, как Адриан сказал:

– Ммм... Без сомнения, мой любимый напиток.

Кит выплюнул вино, которое взял в рот, и тут же закашлялся. Я порадовалась, что он не обрызгал меня.

Джил захихикала, а Кларенс озадаченно уставился на свой бокал.

– Это? Я думал, это каберне совиньон.

– Так и есть, – с серьезным лицом ответил Адриан. – Я ошибся.

Кит натянуто улыбнулся Адриану, как будто тоже нашел шутку смешной, но меня он не одурачил. Кит был в бешенстве из-за того, что над ним посмеялись, и, каким бы дружелюбным он ни притворялся, его мнение о вампирах и дампирах кардинально ухудшилось. Конечно, Адриан этому поспособствовал. Честно говоря, я считала, что его выходка была весьма смешной, и постаралась скрыть улыбку, чтобы Кит снова на меня не разъярился. Правда, принять серьезный вид было нелегко, поскольку Адриан почти сразу украдкой мне ухмыльнулся, словно говоря: «Это ему за старое».

Эдди взглянул на Джил.

– Я рад, что сегодня ты получила кровь. Я знаю, тебе хотелось научиться кое-каким приемам самозащиты, но лучше подождать до тех пор, пока к тебе не вернуться прежние силы.

Джил просияла.

– Мы можем заняться этим завтра?

– Конечно, – сказал Эдди.

Судя по его виду, он был так же рад, как и Джил.

Кит нахмурился.

– А зачем ей учиться драться, если рядом с ней ты?

Эдди пожал плечами.

– Потому что она хочет научиться, и ей пригодится каждое преимущество, какое она сможет получить.

Он не упомянул прямо о покушении на Джил – тут были Ли и Кларенс, – но мы, остальные, все поняли.

– Но я думал, морои не очень хорошо сражаются, – сказал Кит.

– В основном потому, что их этому не учат. Они, конечно, не так сильны, как мы, но их рефлексы лучше наших, – объяснил Эдди. – Дело только за обучением навыкам и за хорошим учителем.

– Таким, как ты? – поддразнила я.

– Я не так уж плох, – скромно сказал он. – Я могу натаскать любого, кто хочет учиться.

Он ткнул локтем Адриана, который тянулся, чтобы вновь наполнить свой бокал, и добавил:

– Даже этого парня.
– Нет, спасибо, – сказал Адриан. – Эти руки не запятнают себя дракой.
– Или физическим трудом, – заметила я, припомнив его прошлые замечания.

– Именно, – ответил он. – Но может быть, ты должна заставить Кастиля показать тебе технику удара, Сейдж. Это может пригодиться. Сдается, такая отважная юная женщина, как ты, должна владеть подобными навыками.

– Спасибо за доверие, но я не уверена, что мне может это пригодиться.
– Конечно, ей нужно учиться!

Восклицание Кларенса застало нас всех врасплох. Я вообще-то считала, что он дремлет, поскольку несколько минут назад он закрыл глаза. Но теперь старик с горячностью подался вперед. Я поежилась под его напряженным взглядом.

– Ты должна научиться защищаться! – Кларенс показал на меня, потом на Джил. – И ты тоже. Пообещайте мне, что научитесь самозащите. Пообещайте.

Джил удивленно распахнула светло-зеленые глаза. Она попыталась ободряюще улыбнуться, но ей не удалось скрыть тревогу.

– Конечно, мистер Донахью. Я постараюсь. А пока не научилась, у меня есть Эдди, чтобы защищать меня от стригоев.

– Не от стригоев! – Кларенс понизил голос до шепота. – От охотников на вампиров.

Он так крепко стиснул свой бокал с вином, что я забеспокоилась – как бы старик его не раздавил.

– Раньше никто об этом не говорил – о самозащите. Может, если бы Тамара чему-нибудь научилась, ее бы не убили. Но для вас еще не поздно – для всех вас.

– Папа, мы ведь уже закрыли этот вопрос, – сказал Ли.

Кларенс словно не услышал его. Старик быстро переводил взгляд с меня на Джил и обратно, и я гадала – знает ли он, что я человек. А может, это было для него неважно. Может, им просто владел параноидальный защитный инстинкт, касающийся всех девушек, близких по возрасту к Тамаре. Я ожидала от Кита бестактного замечания, дескать, никаких охотников на вампиров не существует, но он молчал, хоть это было не в его духе.

В конце концов голос подал Эдди, и слова его были утешающими и добрыми. Он так часто производил впечатление не останавливающегося ни перед чем, отчаянного воина, что я удивилась, осознав, какой он на самом

деле душевный.

– Не беспокойтесь, – сказал Эдди. – Я им помогу. Я позабочусь об их безопасности и о том, чтобы с ними ничего не случилось, хорошо?

Кларенс все еще выглядел взбудораженным, но с надеждой остановил взгляд на Эдди.

– Обещаешь? Ты не позволишь им снова убить Тамару?

– Обещаю, – сказал Эдди, ничем не выказав, насколько странна эта просьба.

Кларенс еще несколько секунд внимательно рассматривал Эдди и наконец кивнул.

– Ты хороший мальчик.

Он потянулся за бутылкой вина и налил из нее в свой бокал.

– Еще? – спросил он Адриана, как будто ничего не произошло.

– Да, пожалуйста, – ответил Адриан, потянувшись за бутылкой.

Мы продолжали беседу как ни в чем не бывало, но в голове у меня по-прежнему звучали слова Кларенса.

Глава двенадцатая

Когда мы отправились на наше групповое свидание, или на семейный пикник, или что там это было, Ли никак не мог перестать извиняться за отца.

– Простите, – сказал он, с несчастным видом усевшись на заднее сиденье Латте. – Его больше ничем не вразумишь. Мы пытались ему объяснить, что Тамару убили стригои, но он не поверил. Он не хочет в это верить. Суть в том, что он не может отомстить стригоям. Они бессмертны, неуязвимы. Но какой-то человек, охотник на вампиров – другое дело. Он почему-то решил, будто это цель, к которой он может стремиться. А если не сможет, то сосредоточится на том, почему стражи не стали преследовать несуществующих охотников на вампиров.

Я с трудом разобрала бормотание Эдди:

– Стригои вовсе не неуязвимы.

В зеркале заднего вида я заметила сочувствие на лице Джил, сидящей между Ли и Эдди.

– Даже если это фантазия, может, так ему легче, – сказала Джил. – Это дает ему утешение. Я имею в виду, своеобразное утешение. Ему помогает справляться то, что он может ненавидеть нечто осязаемое. Иначе он бы просто поддался отчаянию. Его идеи ведь никому не причиняют вреда. Мне он кажется славным.

Она перевела дыхание, как делала тогда, когда выпаливала много всего зараз.

Я снова смотрела на дорогу, но могла поклясться, что Ли улыбается.

– Это очень мило с твоей стороны, – сказал он Джил. – Я знаю, что ему нравится, когда ты рядом. Здесь сверни направо.

Последние слова были адресованы мне. Ли указывал мне путь с тех пор, как мы покинули дом Кларенса.

Мы только что выехали за пределы Палм-Спрингса и приблизились к очень впечатляющей площадке для гольфа и клубу «Пустынные боги». Дальнейшие указания Ли привели нас к центру мини-гольфа «Мегавеселье», примыкавшему к клубу.

Я искала парковку, когда услышала, как Джил задохнулась при виде венца великолепия площадки для гольфа. В центре скопления кричаще разукрашенных лужаек вокруг лунок высилась искусственная гора с льющим с ее вершины искусственным водопадом.

– Водопад! – воскликнула Джил. – Изумительно!

– Я бы так не сказал, – отозвался Ли. – Это вода, которую накачивают снова и снова, и только богу известно, что там в ней. Я имею в виду, я бы не стал ее пить или плавать в ней.

Не успела я остановить машину, как Адриан выскочил из нее, зажигая сигарету. Мы слишком много спорили по этому поводу, несмотря на то что я три раза сказала ему: в Латте не курят.

Вслед за Адрианом вышли все остальные, и, когда мы зашагали ко входу, я задумалась, на что же такое подписалась.

– Я вообще-то никогда не играла в мини-гольф, – заметила я.

Ли резко остановился и уставился на меня.

– Никогда?

– Никогда.

– Как такое могло случиться? – спросил Адриан. – Как вообще возможно, чтобы ты никогда не играла в мини-гольф?

– У меня было не очень обычное детство, – сказала я после секундного замешательства.

Даже у Эдди был недоверчивый вид.

– У тебя? Да меня, считай, воспитали в закрытой школе посреди захолустья в Монтане, и даже я играл в минигольф.

Если бы я сказала, что получила домашнее образование, на сей раз это не извинило бы меня, поэтому я просто оставила тему. Вообще-то все сводилось к тому, что в моем детстве присутствовало больше химических уравнений, чем веселья и развлечений.

Но как только мы приступили к игре, у меня начало получаться. Первые несколько попыток были довольно неудачными, однако вскоре я оценила вес клюшки и поняла, как можно маневрировать в углах на каждой площадке. С этого момента стало довольно просто вычислить расстояние и силу, необходимые для точных бросков.

– Невероятно. Если бы ты играла с детства, сейчас ты была бы уже профессионалом, – сказал Эдди, когда я загнала мяч в разинутую пасть дракона.

Мяч выкатился, упал в трубу, отскочил от стены и попал в ямку.

– Как ты это делаешь?

Я пожала плечами.

– Простой расчет. Ты тоже неплохо играешь, – заметила я, наблюдая за его ударом. – Как ты это делаешь?

– Просто устанавливаю его и загоняю в лунку.

– Очень научно.

– А я полагаюсь на прирожденный талант, – сказал Адриан, подходя, чтобы взяться за Драконье Логово. – Когда у тебя такая сокровищница, откуда можно черпать, опасность состоит лишь в том, чтобы зачерпнуть слишком много.

– Полная чепуха, – возразил Эдди.

В ответ Адриан помедлил, чтобы вытащить из внутреннего кармана куртки серебряную фляжку. Он отвинтил крышку и сделал быстрый глоток, перед тем как податься вперед и установить свой мяч.

– Это что такое? – воскликнула я. – Здесь нельзя пить алкоголь!

– Ты же слышала, что сказала раньше малолетка, – парировал Адриан. – Сейчас выходной.

Он установил мяч и ударил. Мяч влетел прямо в глаз дракона, отскочил, прилетел обратно к Адриану и, прокатившись, остановился у его ног в точности там, где был.

– Прирожденный талант! – заметил Эдди.

Я подалась вперед.

– Думаю, ты разбил глаз дракону.

– В точности как Кит, – сказал Адриан. – Я решил, что ты это оценишь, Сейдж.

Я остро взглянула на него, гадая, нет ли в его словах скрытого подтекста. Но у Адриана был такой вид, будто его просто веселит собственное остроумие. Эдди неправильно истолковал выражение моего лица.

– Это было неуместно, – сказал он Адриану.

– Прости, папочка.

Адриан ударил снова и на сей раз ухитрился не искалечить ни одну статую. Еще пара бросков – и он загнал мяч в лунку.

– Ну вот. Три.

– Четыре, – сказали в унисон я и Эдди.

Адриан недоверчиво посмотрел на нас.

– Три.

– Ты забываешь про первый, – сказала я. – Тот, которым ты ослепил дракона.

– Это я просто разогревался, – возразил Адриан.

Он изобразил улыбку, которой, думаю, надеялся меня очаровать.

– Ну же, Сейдж. Ты понимаешь, как работает мой ум. Ты ведь сказала, что я гениален, помнишь?

Эдди удивленно взглянул на меня.

– Ты так сказала?

– Нет! Я никогда этого не говорила.

Улыбка Адриана приводила меня в ярость.

– Прекрати рассказывать такое людям.

Поскольку я отвечала за ведение счета, то поставила Адриану четыре удара, несмотря на его многочисленные протесты. Я начала было двигаться вперед, но Эдди поднял руку, останавливая меня. Взгляд его орехового цвета глаз был устремлен через мое плечо.

– Постой, – сказал он. – Нам нужно подождать Джил и Ли.

Я проследила за его взглядом. После того нашего приезда сюда эти двое настолько увлеклись беседой, что замедлили шаги и отстали от остальных. Даже перешучиваясь со мной и Адрианом, Эдди непрерывно проверял, что делает Джил – и какова окружающая обстановка. Это было изумительно, сколько всего он мог делать одновременно. До сих пор Джил и Ли отставали от нас всего на одну лунку. Теперь же почти на две, и для Эдди это было слишком далеко – он не хотел упускать Джил из виду. Поэтому мы подождали, пока ничего не замечающая парочка добредет до Драконьего Логова.

Адриан снова отхлебнул из фляжки и покачал головой.

– Тебе не о чем беспокоиться, Сейдж. Она определенно выбрала его.

– Не благодаря тебе! – огрызнулась я. – Как ты мог рассказать ей во всех подробностях о моем визите прошлым вечером! Она так злилась, что я за ее спиной вмешиваюсь в ее отношения с тобой, Ли и Микой!

– Да я почти ничего ей не говорил, – возразил Адриан. – Просто просил держаться подальше от того человеческого парня.

Эдди перевел взгляд с Адриана на меня и обратно.

– От Мики?

Я неловко шевельнулась. Эдди не знал, что я не стала пассивно ожидать развития событий.

– Помнишь, я хотела, чтобы ты что-нибудь ему сказал? И ты не стал этого делать?

И я поведала, как обратилась тогда за помощью к Адриану и выяснила, что Ли заинтересовался Джил. Эдди пришел в ужас.

– Как ты могла ничего мне не сказать?

– Ну, тебя же это не касалось, – ответила я, гадая, неужели любой мой поступок разозлит или моря, или вампира.

– Меня касается безопасность Джил! Если она нравится какому-то парню, мне нужно об этом знать.

Адриан захихикал.

– Сейдж должна передать тебе записочку в классе?

– С Ли все в порядке, – сказала я. – Он явно ее обожает, и вряд ли они когда-нибудь останутся наедине.

– Мы не знаем наверняка, что с ним все в порядке, – сказал Эдди.

– Тогда почему ты уверен на сто процентов, что с Микой все в порядке? Ты провел тайное расследование или что-нибудь в этом роде? – спросила я.

– Нет, – смущенно ответил Эдди. – Я просто знаю. Такое у меня ощущение. Пусть себе проводит время с Джил, никаких проблем.

– Не считая того, что он человек.

– До серьезных отношений у них не дойдет.

– Ты этого не знаешь.

– Довольно, вы, оба! – перебил Адриан.

Джил и Ли добрались-таки до Драконьего Логова, значит, мы могли двинуться дальше.

Адриан понизил голос:

– Нет смысла спорить. Я имею в виду – посмотрите на них. Этому человеческому парню ничего не светит.

Я посмотрела. Адриан был прав. Джил и Ли были явно очарованы друг дружкой. Отчего-то почувствовав себя виноватой, я задумалась, не нужно ли мне лучше присматривать за Джил. Я чувствовала невероятное облегчение оттого, что она заинтересовалась мороем, поэтому не подумала о том, должна ли Джил вообще ходить с кем-то на свидания. Пятнадцать лет – это приемлемый возраст? Я в пятнадцать не ходила на свидания. Вообще-то я... Ну... Ни разу не ходила на свидания.

– У них разница в возрасте, – привела я последний довод, обращаясь скорее к самой себе.

Адриан фыркнул.

– Поверь мне, я знаю, что такое разница в возрасте. Их разница – ничто.

Он пошел прочь, и несколько мгновений спустя мы с Эдди к нему присоединились. Эдди продолжал бдительно охранять Джил, но на сей раз у меня создалось впечатление, что опасность, которую он стремится не пропустить, находится прямо рядом с ней.

Впереди зазвенел смех Адриана.

– Сейдж! – окликнул он. – Ты должна это видеть.

Мы с Эдди добрались до следующей лужайки и уставились на то, что на ней было. Потом я расхохоталась.

Мы стояли перед Замком Дракулы.

Огромный замок со множеством башен охранял лунку, находившуюся

на некотором расстоянии от него. Через центр замка проходил тоннель с узким мостом – туда должен был попасть мяч. Если мяч падал с моста, он возвращался к исходной точке.

Аниматронный граф Дракула стоял возле замка. Он был совершенно белый, с красными глазами, остроконечными ушами и гладкими черными волосами. Дракула все время рывками поднимал руки, чтобы продемонстрировать плащ, похожий на крылья летучей мыши.

Неподалеку из динамиков гремела жуткая органная музыка.

Я смеялась без умолку. Адриан и Эдди смотрели на меня так, будто никогда раньше не видели.

– Не думал, что когда-нибудь услышу ее смех, – сказал Адриану Эдди.

– Я ожидал не такой реакции, – задумчиво проговорил Адриан. – Я рассчитывал на безграничный ужас, судя по поведению прежнего алхимика. Вот уж не думал, что тебе нравятся вампиры.

Все еще ухмыляясь, я наблюдала, как Дракула приподнимает и снова опускает полы своего плаща.

– Это не вампир. Не настоящий вампир. И именно поэтому такой смешной. Прямо какой-то голливудский монстр. Настоящие вампиры ужасающие и противоестественные. А он? Он забавный.

По выражениям их лиц было совершенно ясно, что ни один из парней не понял, почему это меня рассмешило. Но Адриан по моей просьбе сфотографировал вампира на мобильник. Я с широкой улыбкой позировала рядом с Дракулой. Адриан ухитрился сделать снимок как раз в тот миг, когда Дракула приподнимал свой плащ. Увидев снимок, я порадовалась, что он вышел идеально. Даже моя прическа выглядела хорошо.

Адриан одобрительно кивнул, прежде чем протянуть мне телефон.

– Ладно, даже я могу признать, что это довольно симпатично.

Я почему-то принялась слишком усиленно обдумывать его замечание. Что он имел в виду, говоря, что даже он может это признать? Что я симпатичная для человека? Или что я просто соответствую неким адриановским критериям сексапильной девушки?

Несколько мгновений спустя мне пришлось с усилием выкинуть эти мысли из головы.

«Брось, Сидни. Это комплимент. Просто прими его».

Играя, мы прошли через оставшуюся часть площадки и закончили у самого водопада. Там была особенно сложная лунка, и я не торопясь готовилась к удару – хотя вряд ли мне это было нужно. Я довольно ловко обошла всех. Эдди был единственным, кто следовал за мной с небольшим разрывом. Было ясно, что Джил и Ли даже не обращают внимания на игру,

а что касается Адриана и его прирожденного таланта... Ну, они прочно удерживали за собой последнее место.

Эдди, Адриан и я все еще опережали Джил и Ли, поэтому подождали их у водопада. Когда Джил представился шанс, она почти подбежала к водопаду, восхищенно глядя на него.

– Ох, – выдохнула она. – Великолепно. Уже много дней я не видела столько воды.

– Не забывай, что я сказал про токсичность, – поддразнил Ли.

Но ему явно нравилась ее реакция. Посмотрев на двух других парней, я поняла, что они испытывают те же чувства. Хотя нет, не совсем те же. Привязанность Адриана была явно братской. А привязанность Эдди? Трудно сказать. Нечто вроде смеси чувств остальных. Может, то была своего рода нежность стража.

Джил сделала жест в сторону водопада – и внезапно часть его отделилась от кувыркающегося каскада. Этот водяной пласт превратился в птицу, которая, крутясь и нарезая круги, взмыла высоко вверх, а потом рассыпалась на миллион брызг, покрывших нас всех словно туманом.

Застыв, я потрясенно смотрела на это широко раскрытыми глазами и очнулась, лишь когда меня окропила россыпь капель.

– Джил, – сказала я, с трудом узнавая собственный голос, – не делай так больше.

Джил едва взглянула на меня сияющими глазами, заставив еще одну часть водопада затанцевать в воздухе.

– Поблизости никого нет, никто не увидит, Сидни.

Не это меня так расстраивало. Не это наполняло меня такой паникой, что я едва могла дышать.

Мир вокруг тоже начал вращаться, и я боялась упасть в обморок. Резкий, холодный страх пронзил меня, страх неведомого. Противоестественного. Законы моего мира только что разрушили. То была магия вампиров, нечто чуждое и недостижимое для людей – недостижимое, поскольку находилось под запретом. То, во что ни одному смертному не полагалось вдаваться.

Я лишь однажды видела, как пускали в ход магию, когда два пользователя духа обратились друг против друга, и мне бы не хотелось увидеть такое снова. Одна из пользователей заставляла растения исполнять ее приказы, а вторая в это время с помощью телекинеза швыряла предметы, чтобы убить. Это было ужасно, и хотя я не была мишенью, но чувствовала себя словно в ловушке, беспомощной перед лицом такой сверхъестественной силы. То было напоминанием, что вампиры – не

весельчаки, с которыми можно потусоваться. Они – создания, совершенно отличные от меня.

– Прекрати, – сказала я, ощущая растущую панику.

Я боялась магии, боялась ее прикосновения ко мне, боялась того, что она может со мной сотворить.

– Не делай так больше!

Джил даже не услышала меня. Она ухмыльнулась Ли.

– Ты ведь воздух, верно? Ты можешь создать туман над водой?

Ли сунул руки в карманы и отвел взгляд.

– Ну, наверное, это плохая затея. Я имею в виду, мы же на людях...

– Брось! – умоляла Джил. – Ты сделаешь это запросто.

Ли, казалось, не на шутку разволновался.

– Нет, не сейчас.

– Как бы не так.

Джил засмеялась. Над ней и перед ней все еще крутилась и плескалась прямо в воздухе вода...

– Джил, – произнес Адриан самым резким голосом, какой я когда-либо от него слышала, – прекрати!

Он больше ничего не сказал, но по телу Джил как будто пробежала волна. Она вздрогнула, и водяные спирали исчезли, рассыпавшись каплями.

– Ладно, – смущенно сказала она.

После неловкого молчания Эдди проговорил:

– Нам нужно торопиться. Мы можем опоздать к началу комендантского часа.

Ли и Джил стали готовиться нанести удары и вскоре снова принялись смеяться и флиртовать. Эдди продолжал озабоченно наблюдать за ними. Только Адриан обращал на меня внимание. Я поняла – он единственный вполне понял, что случилось. Его зеленые глаза изучали меня, в них не было ни следа его обычного горького юмора. Но меня было не одурачить. Я знала, что вскоре последует какая-нибудь острота, насмешка над моей реакцией.

– Ты в порядке? – тихо спросил Адриан.

– В полном, – ответила я, отворачиваясь от него.

Я не хотела, чтобы он видел мое лицо. Он и так увидел уже слишком много – то, как я испугалась. Мне совсем не нужно было, чтобы кто-нибудь из них знал, насколько сильно я их боюсь.

Я услышала, как Адриан сделал несколько шагов ко мне.

– Сейдж...

– Оставь меня в покое! – огрызнулась я.

И поспешила к выходу с площадки, уверенная, что Адриан за мной не последует. Я оказалась права.

Я подождала, пока другие закончат игру. Проведенное в одиночестве время пригодились мне, чтобы успокоиться. К тому времени, как остальные меня догнали, я была почти уверена, что стерла со своего лица большую часть эмоций. Адриан все еще участливо наблюдал за мной, и мне это не нравилось, но, по крайней мере, он больше ничего не сказал о моем надломе.

Никто не удивился, когда финальный счет показал, что я победила, а Адриан проиграл. Ли был третьим, что, похоже, его расстроило.

– Раньше получалось намного лучше, – нахмурившись, пробормотал он. – Обычно я идеально играл в мини-гольф.

Учитывая, что большую часть проведенного здесь времени он посвятил Джил, третье место могло считаться довольно-таки хорошим результатом.

Сперва я подвезла обратно его и Адриана, а потом едва успела доставить вовремя в Амбервуд себя, Эдди и Джил. К тому времени я вполне оправилась, и никто ничего не заметил. Джил витала в облаках и, когда мы вошли в нашу комнату, безостановочно говорила о Ли.

– Я понятия не имела, что он столько путешествовал! Может, он посетил даже больше мест, чем ты, Сидни. Он обещал свозить меня во все эти места, сказал, что мы проведем остаток жизни, путешествуя и делая все, что захотим. И он посещает в колледже всевозможные занятия, так как не уверен, в чем именно хочет специализироваться. Ну, в этом семестре не все занятия. У него облегченное расписание, чтобы он мог проводить больше времени с отцом. И это мне на руку. Я имею в виду, нам на руку.

Я подавила зевок и устало кивнула:

– Это здорово.

Джил помолчала, копаясь в своем шкафу в поисках пижамы.

– Между прочим, извини.

Я застыла. Я не хотела, чтобы она извинялась за магию. Я даже не хотела вспоминать о том, что произошло.

– За то, что накричала на тебя прошлой ночью, – продолжала Джил. – Ты не сводила меня с Ли. Я не должна была обвинять тебя в том, что ты вмешиваешься. Я и в самом деле все время ему нравилась, и, ну... Он просто замечательный.

Я задержала дыхание, но теперь выдохнула и попыталась слабо улыбнуться.

– Я рада, что ты счастлива.

Джил жизнерадостно продолжала заниматься своими делами и болтала о Ли до тех пор, пока я не ушла в ванную. Прежде чем почистить зубы, я постояла перед раковиной, снова и снова оттирая руки как можно сильнее, чтобы смыть магические капли воды. Я могла поклясться, что все еще чувствую их на коже.

Глава тринадцатая

На следующее утро, едва занялся рассвет, зазвонил мой мобильник. Я всегда легко поднималась и уже не спала, но Джил перевернулась в постели и прикрыла голову подушкой.

– Пусть он замолчит, – простонала она.

Я ответила на звонок, оказалось, что это Эдди.

– Я внизу, – сказал он. – Готов поупражняться в приемах самозащиты, пока не слишком жарко.

– Вам придется заняться этим без меня, – сказала я.

У меня было ощущение, что Эдди очень серьезно относится к обещанию, данному Кларенсу. Я же не чувствовала никаких обязательств.

– У меня куча домашней работы. И я уверена, что сегодня миссис Тервиллигер пошлет меня за кофе.

– Что ж, тогда пусть Джил спустится, – сказал Эдди.

Я посмотрела на кокон из одеял на ее кровати.

– Это легче сказать, чем сделать.

Как ни удивительно, Джил ухитрилась проснуться настолько, чтобы суметь почистить зубы, принять аспирин от головной боли и натянуть спортивную форму. Она попрощалась со мной, и я пообещала попозже провести их с Эдди.

Вскоре после этого позвонила миссис Тервиллигер с требованием принести ей кофе, и я приготовилась к еще одному дню попыток поспеть за ней в работе.

Я поехала к «Спенсеру» и даже не заметила Трея, пока не очутилась прямо перед ним.

– Для миссис Тервиллигер? – спросил он, показав на карамельный капучино.

– А?

Я подняла глаза. Моим кассиром был Трей.

– Ты тут работаешь?

Он кивнул.

– Должен как-то зарабатывать.

Я протянула ему деньги и заметила, что он взял с меня только половину цены.

– Не пойми меня неправильно, но ты не очень хорошо выглядишь, – сказала я.

Трейд казался усталым и вымотанным. Присмотревшись повнимательней, я заметила у него синяки и ссадины.

– Просто вчера был нелегкий денек.

Я поколебалась. То была реплика, приглашавшая к беседе. Впрочем, очереди за мной не было.

– А что случилось? – спросила я, зная, что от меня ожидают такого вопроса.

Трейд нахмурился.

– Этот засранец Грег Слейд вчера отличился на футбольных тренировках. В смысле, результаты еще не огласили, но и так уже ясно, что его назначат квотербеком. Он был как машина, просто проламывался сквозь оборону.

Трейд вытянул левую руку – пальцы его были перевязаны.

– И наступил мне на руку.

Я вздрогнула, вспоминая неконтролируемую энергию Слейда на занятиях физкультурой. Меня не интересовала футбольная политика школы и кто там будет квотербеком. Да, я жалела Трея, но интересовало меня другое – откуда берутся татуировки. Предупреждение Кита о том, чтобы я не создавала проблем, прозвенело в моем мозгу, но я не смогла удержаться.

– Я знаю о татуировках, – сказала я. – Джулия и Кристин мне рассказали. И теперь я понимаю, почему ты подозрительно отнесся к моей татушке, – но это не то, что ты думаешь. Правда.

– А я слышал другое. Большинство считают, что ты просто не хочешь рассказывать, откуда у тебя татуировка.

Это слегка меня смутило. Я была уверена, что Джулия и Кристин поверили мне. А теперь они распространяют совсем другие слухи?

– Не знала об этом.

Трейд с легкой улыбкой пожал плечами.

– Не беспокойся. Я тебе верю. В тебе есть какое-то простодушное обаяние. Похоже, ты не из тех, кто жульничает.

– Эй! – Я нахмурилась. – Я не простодушная.

– Это был комплимент.

– И давно тут появились татуировки? – спросила я, решив, что лучше продвинуться в нашей беседе дальше. – Говорят, с прошлого года.

Трейд протянул мне кофе, размышляя.

– Да, но только с конца года. Учебного года, я имею в виду.

– И их делают в заведении под названием «Невермор»?

– Насколько мне известно.

Трейд подозрительно посмотрел на меня.

– А что?

– Просто любопытно. – Я пустила в ход самую очаровательную свою улыбку.

Двое учеников, одетых как богатые туристы, встали за мной в очередь и принялись нетерпеливо топтаться.

– Нас тут обслужат?

Трей натянуто им улыбнулся, а когда я двинулась прочь, скосил глаза на меня.

– Увидимся, Мельбурн.

Я отправилась обратно в Амбервуд и принесла миссис Тервиллигер ее кофе. У меня не было желания оставаться у нее на привязи весь день, поэтому я спросила, можно ли пойти куда-нибудь в другое место, если при мне будет мобильник. Она согласилась. Сегодня в библиотеке было для меня слишком многолюдно и – по иронии судьбы – слишком шумно. Мне хотелось уединения своей комнаты.

Проходя по лужайке, чтобы сесть на автобус, я заметила за группой деревьев знакомые силуэты. Изменив направление, я обнаружила на маленькой прогалине Джил и Эдди, стоящих в боевых стойках. На земле, скрестив ноги, сидел Мика и внимательно наблюдал. Когда я приблизилась, он помахал мне.

– Я и не знал, что твой брат – мастер кун-фу, – заметил он.

– Это не кун-фу, – мрачно проговорил Эдди, не сводя глаз с Джил.

– Какая разница, – ответил Мика. – Все равно порядком круто.

Эдди сделал обманное движение, как будто собирался ударить Джил в бок. Она очень проворно поставила блок, хотя и недостаточно быстро, чтобы за ним поспеть. Если бы Эдди бил всерьез, он бы в нее попал. И все равно, похоже, он остался доволен ее реакцией.

– Хорошо. Ты отклонила удар, хотя все равно его почувствовала. Лучше всего пригнуться и полностью увернуться, но на отработывание этого уйдет чуть больше времени.

Джил послушно кивнула.

– Когда мы сможем над этим поработать?

Эдди с гордостью посмотрел на нее. Спустя несколько мгновений выражение его лица смягчилось.

– Не сегодня. Слишком много солнца.

Джил начала протестовать, но потом оборвала себя на полуслове. У нее снова был измученный вид, как всегда, когда она бывала на солнце, и она сильно вспотела. На мгновение Джил взглянула на небо, словно умоляла его прикрыть нас облаками. Небо не отозвалось, и Джил кивнула

Эдди.

– Хорошо. Давай завтра в то же время? Или, может быть, пораньше. А может, вечером? А можно и утром, и вечером? Потренируемся сегодня, когда солнце будет садиться, а утром снова? Ты не возражаешь?

Эдди ухмыльнулся; его забавлял ее энтузиазм.

– Да когда захочешь.

Ответив улыбкой на его улыбку, Джил села рядом со мной, как можно глубже забравшись в тень. Эдди выжидающе смотрел на меня.

– Что?

– Ты не собираешься поучиться наносить удар?

Я закатила глаза.

– Нет. Когда мне вообще может такое понадобиться?

Джил подтолкнула меня.

– Давай, Сидни!

Я нехотя позволила Эдди дать мне краткий урок – как нанести удар, не повредив при этом собственную руку. Я почти не обращала внимания на его наставления и чувствовала себя так, будто по большей части развлекаю остальных.

Когда Эдди закончил, Мика спросил:

– Может, ты и мне покажешь кое-какие приемчики ниндзя?

– Они не имеют никакого отношения к ниндзя, – с улыбкой запротестовал Эдди. – Давай вставай.

Мика поднялся, и Эдди объяснил ему некоторые простейшие приемы. Похоже, он скорее оценивал Мику и его возможности. Спустя некоторое время Эдди решил, что можно научить парня нескольким хитрым приемчикам защиты.

– Ты что! – вскрикнула Джил, когда Эдди пнул Мику.

Мика лишь поморщился, как и подобает мужчине.

– Нечестно! – сказала Джил. – Ты не бил меня, когда мы упражнялись.

Эдди отвлекся на нее на секунду, но этого времени хватило, чтобы Мика по-настоящему его ударил. Эдди посмотрел на него со сдержанным уважением, а потом ответил Джил:

– Это разные вещи.

– Потому что я девушка? – спросила она. – Ты никогда не сдерживался с Розой.

– Кто такая Роза? – поинтересовался Мика.

– Еще одна подруга, – объяснил Эдди. А Джил ответил: – И у Розы многолетний опыт в отличие от тебя.

– И в отличие от Мики. Ты мне поддавался!

Эдди покраснел, не сводя глаз с Мики.

– Я не поддавался.

– Еще как поддавался, – пробормотала Джил.

А когда парни снова начали спарринг, она тихо обратилась ко мне:

– Как я когда-нибудь научусь, если он боится мне навредить?

Я наблюдала за парнями, анализируя то, что успела узнать про Эдди.

– Думаю, тут все сложнее. Наверное, он просто тоже считает, что ты не должна рисковать, – если он будет хорошо справляться со своей работой, тебе не придется защищаться.

– Он отлично справляется со своей работой. Видела бы ты его в атаке!

На лице Джил появилось затравленное выражение, как и всякий раз, когда разговор заходил про покушение, загнавшее ее в это убежище.

– Но мне все равно нужно учиться, – сказала Джил и еще больше понизила голос: – А еще я очень хочу научиться использовать в бою свою магию... Хотя непохоже, чтобы в этой пустыне у меня было много возможностей для тренировок.

Я вздрогнула, вспомнив ее вчерашнее магическое представление.

– Время еще будет, – неопределенно ответила я, а потом встала, сказав, что меня ждет работа.

Мика спросил Эдди и Джил, не хотят ли те пообедать. Эдди тут же согласился, а Джил вопросительно посмотрела на меня.

– Это всего лишь обед, – многозначительно проговорил Эдди.

Он по-прежнему считал Мику безобидным. В общем-то, после того как я убедилась, что Джил втрескалась в Ли, я была уверена: Мике придется предпринять самые энергичные шаги, чтобы иметь хоть какой-то успех у Джил.

– Хорошая идея, – успокоила я Джил.

Судя по виду Джил, она почувствовала облегчение, и вся троица двинулась прочь.

Я провела день, заканчивая конспект гримуара для миссис Тервиллигер. Я все еще считала, что дословно переписывать древние заклинания – пустая трата времени.

В такой работе можно было усмотреть единственный смысл: если преподавательнице понадобится ссылка на факты в своем исследовании, ей будет легче проверить компьютерный файл, не рискуя повредить старинную книгу.

К тому времени, как я покончила с книгой и со своей домашней работой, уже наступил вечер. Джил все еще не вернулась, и я решила воспользоваться возможностью и проверить то, что меня беспокоило.

Сегодня Джил упомянула, что Эдди защищал ее во время покушения. С самого начала у меня было ощущение, что в этом нападении есть нечто странное, о чем мне не говорят. Поэтому я вошла в сеть алхимиков и поискала все относящееся к мятежникам. Естественно, документов было множество. Мы должны были отслеживать значительные события среди мороев, а это событие, несомненно, числилось в списке важнейших. Каким-то образом алхимики получили снимки двора мороев, где были видны протестующие, выстроившиеся возле одного из административных зданий. Стражей-дампиров легко было распознать – они смешались с протестующими, поддерживая порядок. К своему удивлению, я узнала Дмитрия Беликова – бойфренда Розы – среди тех, кто контролировал толпу. Его нетрудно было разглядеть, поскольку он всегда был выше окружающих. Дампиры очень похожи на людей, и даже я могла признать, что Дмитрий очень симпатичный. Он обладал суровой красотой, и даже на статичном фотоснимке видна была свирепость, с которой он наблюдал за толпой.

Другие снимки подтвердили то, что я уже знала. Большинство людей поддерживали юную королеву. Выступавших против нее было меньшинство – но очень громогласное и опасное меньшинство. Видеозапись из человеческой программы новостей в Денвере показала, как два парня-мороя чуть не подрались в баре. Они кричали о королевах и правосудии – это по большей части не имело смысла для человеческого обозревателя. Видео выделялось тем, что снявший его парень (случайный человек с мобильным телефоном) заявил, будто видел клыки обоих спорщиков. По его утверждению, он стал свидетелем ссоры вампиров, но ему не слишком поверили. Запись была слишком некачественной, чтобы разглядеть детали. И все-таки она служила напоминанием о том, что могло бы случиться, если бы моройская ситуация вышла из-под контроля.

Изучив нынешнюю ситуацию, я поняла, что королева Василиса и вправду пытается продвинуть закон, который позволил бы правителю оставаться на троне вне зависимости от того, имеются ли в королевской семье другие члены. Эксперты алхимиков считали, что на это уйдет три месяца, примерно о таком сроке говорила и Роза. Число угрожающе засело у меня в голове наподобие тикающей бомбы. Нам нужно будет заботиться о безопасности Джил в течение трех месяцев. И все эти три месяца враги Василисы будут как никогда отчаянно пытаться добраться до Джил. Если Джил умрет, царствию Василисы придет конец – вместе с ее попытками исправить систему.

Однако не ради всего этого я взялась за исследования. Мне хотелось

узнать о покушении на Джил – о том нападении, о котором никто не говорил. Собранные мною факты не слишком-то помогли. Конечно, при покушении не присутствовал ни один алхимик, поэтому наша информация основывалась на морейских источниках. Мы знали только, что «на сестру королевы злобно и жестоко напали, но она полностью оправилась».

Судя по моим наблюдениям, это абсолютно соответствовало истине. Я не видела у Джил никаких следов ранений или травм, хотя нападение произошло всего за неделю до того, как она явилась в Палм-Спрингсе. Но что касается душевного состояния... Достаточно ли этого времени, чтобы прийти в себя после «злобного и жестокого нападения»? И может ли такое нападение быть причиной того, что она просыпается с криком и в слезах?

Этого я не знала, но все еще не могла избавиться от возникших у меня подозрений.

Когда пришла Джил, она была в прекрасном настроении, и у меня не хватило духу ее расспрашивать. А еще я слишком поздно вспомнила, что собиралась расследовать и случай с племянницей Кларенса, ее странную смерть с перерезанным горлом. Ситуация с Джил меня отвлекла.

Я отложила все на потом и рано легла спать.

«Завтра, – сонно подумала я. – Я сделаю все завтра».

Завтра наступило быстрее, чем я ожидала. Я пробудилась от тяжелого сна, потому что кто-то меня тряс, и на долю секунды вернулся старый кошмар, в котором алхимики уносили меня в ночи. Узнав Джил, я с трудом удержалась от крика.

– Ну, ну, – ворчливо сказала я. Снаружи светлело, но свет был с пурпурным оттенком – едва занялся рассвет. – Что происходит? В чем дело?

Мрачная Джил смотрела на меня широко раскрытыми от страха глазами.

– Адриан. Ты должна его спасти.

Глава четырнадцатая

– От самого себя?

Я просто не смогла удержаться. Шутка вырвалась прежде, чем я спохватилась.

– Нет!

Джил присела на краешек моей кровати и прикусила нижнюю губу.

– Может, «спасти» неверное слово. Но мы должны отправиться за ним. Он застрял в Лос-Анджелесе.

Усевшись, я потеряла глаза, а потом немного подождала, просто на случай, если все еще сплю. Нет. Ничего не изменилось. Я взяла с тумбочки свой мобильник и застонала, увидев цифры на дисплее.

– Джил, еще нет и шести часов!

Я начала было спрашивать, бодрствует ли в такой ранний час Адриан, но потом вспомнила, что он, наверное, придерживается сейчас ночного расписания. Предоставленные самим себе, морои отправляются в постель примерно в то время, которое для нас является ранним утром.

– Знаю, – негромко сказала Джил. – Прости. Я бы не просила, если бы это не было важно. Он поехал туда прошлой ночью, потому что хотел снова повидаться с теми... С теми моройскими девушками. Ли тоже полагалось быть в Лос-Анджелесе, поэтому Адриан решил, что Ли сможет подвезти его домой. Вот только ему никак с ним не связаться, поэтому и не вернуться. Адриану, в смысле. Он на мели, и у него похмелье.

Я начала ложиться.

– Чему я не очень сочувствую. Может, это послужит ему уроком.

– Сидни, пожалуйста.

Я закрыла глаза рукой. Возможно, если я буду выглядеть спящей, она оставит меня в покое. Внезапно у меня возник вопрос, и я рывком убрала руку.

– А откуда ты обо всем знаешь? Он позвонил?

Я спала не очень чутко, но все равно услышала бы телефонный звонок.

Джил отвела взгляд. Нахмурившись, я снова села.

– Джил? Откуда ты все это знаешь?

– Пожалуйста, – прошептала она. – Мы можем просто отправиться за ним?

– Нет – пока ты не расскажешь, что происходит.

По коже у меня побежали мурашки от странного предчувствия. Уже некоторое время я чувствовала, что меня не подпускают к чему-то важному, а теперь внезапно поняла: вот-вот выяснится, какую же правду скрывают от меня морои.

– Ты никому об этом не расскажешь, – не спросила, а приказала Джил, в конце концов снова встретившись со мной глазами.

Я постучала по татуировке у себя на щеке.

– С этим я вряд ли могу кому-то что-то рассказать.

– Нет, не кому-то. Алхимикам. Киту. Любому морю и дампиру кроме тех, которые уже знают.

Не рассказывать алхимикам? Это будет нелегко. Какие бы безумные события ни происходили в моей жизни, как бы сильно ни бесили меня задания и сколько бы времени я ни проводила с вампирами, я никогда не ставила под сомнение, кому именно храню верность. Если что-то происходит с Джил и с остальными, я должна рассказать алхимикам. То был мой долг перед ними, перед человечеством.

Но ведь мой долг перед алхимиками заключался и в том, чтобы присматривать за Джил, а что бы сейчас ее ни мучило, это имело прямое отношение к ее благополучию.

На долю секунды я прикинула – не соврать ли ей, но тут же отбросила эту мысль. Я не могла так поступить. Если я собираюсь хранить секрет, так тому и быть. Если не собираюсь его хранить, то откровенно дам это понять.

– Я не расскажу, – пообещала я.

Кажется, эти слова удивили меня саму так же, как Джил. Она внимательно посмотрела на меня в тусклом свете и, должно быть, в конце концов решила, что я говорю правду. Она медленно кивнула.

– Между мной и Адрианом есть связь. В смысле, духовная связь.

Я почувствовала, как глаза мои недоверчиво распахнулись.

– Как такое...

Внезапно все встало на свои места, все недостающие части головоломки.

– Покушение. Ты... Ты...

– Погибла, – напрямик заявила Джил. – Когда явились убийцы-морои, началась слишком большая суматоха. Все думали, что они нацелились на Лиссу, поэтому большинство стражей окружили ее. Только Эдди бросился ко мне, но действовал недостаточно быстро. Тот человек, он...

Джил прикоснулась к середине своей груди и содрогнулась.

– Он пырнул меня. Он... он убил меня. Тогда и появился Адриан. Он использовал дух, чтобы исцелить меня и вернуть, и теперь мы связаны. Все

случилось так быстро. Никто даже не понял, что он сделал.

У меня даже голова закружилась. Связь духа. Дух был проблемной стихией для алхимиков, в основном потому, что мы знали о нем так мало. Нашим миром являлись документы и знания, поэтому любой пробел заставлял нас чувствовать свою слабость. Свидетельства использования духа записывались в течение столетий, но никогда записи не делал тот, кто по-настоящему понимал, что дух – его стихия. Такие события отмечались как случайные магические феномены. И только недавно, когда стало известно о Василисе Драгомир, дух был заново открыт вместе с мириадами его магических эффектов. У Василисы с Розой была особая внутренняя связь, единственный задокументированный алхимиками случай в наши времена. Исцеления – одни из самых выдающихся свойств стихии духа, и Василиса воскресила Розу после автомобильной катастрофы. Это выковало между ними психическую связь, которая разрушилась только тогда, когда Роза во второй раз чуть не погибла.

– Ты можешь видеть, что происходит у него в голове, – выдохнула я. – Его мысли. Его чувства.

Столько всего начало проясняться. Например, почему Джил всегда все знала об Адриане, хотя тот и заявлял, что не говорил ей ничего подобного.

Джил кивнула.

– Я не хочу знать. Поверь мне. Но это от меня не зависит. Роза сказала, что со временем я овладею самоконтролем, научусь не воспринимать его чувства, но сейчас я этого не умею. А в нем их так много, Сидни. Так много чувств. Он переживает все очень сильно – любовь, горе, гнев. Его эмоции мечутся вверх и вниз, во все стороны. То, что случилось между ним и Розой... Это рвет его на части. Иногда мне трудно на чем-то сосредоточиться из-за всего того, что в нем происходит. Правда, такое бывает только время от времени. Но я не могу как следует сохранять самоконтроль, когда происходит нечто подобное.

Хотя я не сказала этого вслух, но задумалась – не являются ли такие неистовые эмоции проявлением тенденции духа сводить своих пользователей с ума? Или, может, это просто свойство врожденной личности Адриана? Но сейчас все это не имело отношения к делу.

– Но он не может чувствовать тебя, верно? Это работает только в одну сторону? – спросила я.

Роза могла читать мысли Василисы и видеть, что та испытывает в повседневной жизни, – но не наоборот. Как я решила, теперь дело обстояло точно так же, но, когда речь идет о духе, ничего нельзя сказать наверняка.

– Верно, – согласилась Джил.

– Так вот почему... Вот почему ты всегда о нем знаешь. Например, о моих визитах. Или когда ему хотелось пиццы. Вот почему он здесь, вот почему Эйбу нужно, чтобы он был здесь.

Джил нахмурилась.

– Эйбу? Нет, это было общее решение – послать Адриана с нами. Роза и Лисса думали – будет лучше, если мы с ним побудем вместе до тех пор, пока не привыкнем к связи. И я тоже хотела, чтобы он был рядом. А почему ты думаешь, что в дело впутан Эйб?

– Э-э... так просто, – ответила я.

Должно быть, Джил не заметила, как Эйб настаивал, чтобы Адриан оставался у Кларенса.

– Я просто что-то напутала.

– Теперь мы можем поехать? – умоляюще спросила Джил. – Я ответила на твои вопросы.

– Позволь мне сперва убедиться, что я все правильно поняла, – сказала я. – Объясни, каким образом Адриан очутился в Лос-Анджелесе и почему он там застрял.

Джил сжала руки и снова отвела взгляд – эта привычка начала ассоциироваться у меня с теми случаями, когда у нее имелась информация, которую, как она знала, не воспримут хорошо.

– Он... э-э... прошлой ночью сбежал от Кларенса. Потому что ему было скучно. Он добрался автостопом до Палм-Спрингса, а потом присоединился к тусовщикам, которые как раз направлялись в Лос-Анджелес. А пока был в клубе, нашел тех девушек – морейских девушек – и поехал к ним домой. А потом ночь кончилась, и он вроде как отрубился. А теперь проснулся. И хочет домой. В дом Кларенса.

Со всеми этими разговорами о клубах и девушках в голову мне пришла пугающая мысль.

– Джил, а как много из всего этого ты переживаешь?

Она все еще избегала моего взгляда.

– Неважно.

– Для меня важно, – ответила я.

Та ночь, когда Джил проснулась в слезах... Это было, когда Адриан тоже проводил время с теми девушками. Она живет его сексуальной жизнью?

– О чем он только думает? Он знает, что ты там, и ты переживаешь все то же, что и он, но ни разу не остановился, чтобы... Ох... Господи. Первый день в школе. Мисс Чанг была права? У тебя было похмелье. Хоть и необычное...

И почти каждое утро Джил просыпалась, чувствуя себя почти больной – потому что у Адриана опять-таки было похмелье.

Джил кивнула.

– Не было никаких физических данных, которые они могли бы проверить (вроде крови или еще чего-нибудь), чтобы доказать свою правоту, но – да. С тем же успехом похмелье могло быть у меня самой. Я очень хорошо его чувствовала. Это было ужасно.

Я протянула руку и повернула к себе лицо Джил, чтобы ей пришлось посмотреть на меня.

– И сейчас у тебя тоже похмелье.

Теперь, когда солнце поднялось выше, в комнате стало больше света, и я снова могла видеть ясные признаки: болезненную бледность и налитые кровью глаза. Я бы не удивилась, если бы оказалось, что в придачу у Джил болят голова и живот.

Я уронила руку и с отвращением покачала головой.

– Он может остаться там.

– Сидни!

– Он этого заслуживает. Я знаю, что ты испытываешь... К нему... Кое-какие чувства.

Была ли это романтическая или сестринская привязанность, вообще-то не имело значения.

– Но ты не можешь потакать Адриану и мчаться к нему по свистку, выполняя каждую просьбу, которую он тебе передает.

– Я бы не назвала это просьбами. Я просто чувствую, что именно ему надо.

– Ну так ему стоило подумать об этом, прежде чем впутываться во все это. Теперь пусть сам и выпутывается.

– У него разрядился мобильник.

– Он может одолжить другой у своих новых «друзей».

– Ему ужасно плохо, – сказала Джил.

– Такова жизнь, – ответила я.

– Мне ужасно плохо.

Я вздохнула.

– Джил...

– Нет, я серьезно. И дело не только в похмелье. В смысле – да, отчасти в похмелье. И пока он болен и ничего не принимает, я тоже больна! К тому же... Его мысли. Брр!

Джил опустила голову на руки.

– Я не могу избавиться от его депрессивных мыслей. Это будто...

будто молот, колотящий меня по голове. Я не могу от этого убежать. Все, что у меня получается, – это думать о том, как он несчастен! И из-за этого становлюсь несчастной я. Или поневоле считаю себя несчастной. Не знаю. – Джил вздохнула. – Пожалуйста, Сидни. Мы можем поехать?

– Ты знаешь, где он? – спросила я.

– Да.

– Что ж, ладно. Я иду.

Я соскользнула с кровати. Джил встала вместе со мной.

– Я тоже поеду.

– Нет. Возвращайся в постель. Прими аспирин. Может, хоть немного придешь в себя.

К тому же мне хотелось кое-что сказать Адриану с глазу на глаз. Правда, если у Джил с ним непрерывная связь, она «подслушает» нашу беседу. Но все равно будет гораздо легче говорить с ним, когда Джил не станет присутствовать там во плоти, глядя на меня большими глазами.

– Но как ты...

– Я не хочу, чтобы тебя стошнило в машине. Просто позвони, если что-нибудь изменится, если он уедет или еще что-то случится.

Дальнейшие протесты Джил были вялыми, то ли потому, что она не в состоянии была энергично протестовать, то ли потому, что просто хотела выказать благодарность любому, кто «спасет» Адриана. Она не знала точного адреса, но очень подробно описала многоквартирный дом, в котором находился Адриан, – как раз рядом с заметным отелем. Поискав в справочнике, я увидела, что отель находится вообще-то на Лонг-Бич, значит, мне придется миновать черту Лос-Анджелеса. Меня ожидала двухчасовая поездка. Понадобится кофе.

Хорошо хоть погода была неплохой, и таким ранним воскресным утром на дороге почти не было машин.

Глядя на солнце и голубое небо, я все время думала – ехать бы сейчас в обратном направлении, в машине с опущенным верхом. А еще лучше – иметь любую другую цель поездки кроме возвращения домой севшего на мель беспутного вампира.

Мне все еще нелегко было свыкнуться с мыслью о духовной связи между Джил и Адрианом. Идея о том, что кто-то возвращает другого из мертвых, не очень хорошо сочеталась с моими религиозными воззрениями. Это беспокоило меня так же сильно, как еще одно проявление магии духа: возрождение стригоя. Нам были известны два случая, когда пользователи духа изменили двух стригоев, вернув им прежний облик. Одним таким стригоем была женщина по имени Соня Карп. Вторым – Дмитрий Беликов.

Из-за подобных случаев и всех этих воскрешений стихия духа начинала сильно меня пугать. Такая невообразимая мощь просто казалась неправильной.

Я добралась до Лонг-Бич именно тогда, когда рассчитывала, и без труда нашла многоквартирный дом. Он находился прямо напротив прибрежного отеля под названием «Каскадия».

Поскольку Джил не позвонила и не сообщила, что Адриан сменил местонахождение, я решила – он все еще отсиживается там. В это время дня было нетрудно найти на улице место для парковки, и я помедлила снаружи отеля, пристально глядя на голубовато-серый простор Тихого океана на западном горизонте. Океан был бесподобен, особенно после первой недели, проведенной в пустыне Палм-Спрингса. Я почти пожалела, что Джил не поехала со мной. Может, она почувствовала бы себя лучше возле такой массы воды.

Квартиры располагались в оштукатуренном трехэтажном здании персикового цвета – по две на каждом этаже. Из воспоминаний Адриана Джил уяснила, как он поднялся на самый верх и повернул направо. Я повторила его путь и очутилась у голубой двери с тяжелым медным дверным молотком. Постучала.

Прошла почти минута, а ответа не последовало, и я попыталась снова, погромче. Я уже собиралась сделать третью попытку, когда услышала, как отпирают замок. Дверь слегка приоткрылась, в щель выглянула девушка.

Это явно была моройка, со сложением анорексичной топ-модели и с бледной, идеальной кожей, которая сегодня особенно меня раздражала, ведь я была почти уверена, что на лбу у меня скоро выскочит прыщ. Моройка была моего возраста, может, чуть старше, с черными гладкими волосами и глубокими голубыми глазами. Она смахивала на какую-то потустороннюю куклу. А еще она была полусонной.

– Да? – Девушка окинула меня взглядом. – Вы что-то продаете?

Рядом с этой высокой, идеальной моройкой я внезапно почувствовала себя неловкой и неряшливой в своей льняной юбке и топе на пуговицах.

– Адриан здесь?

– Кто?

– Адриан. Высокий. Каштановые волосы. Зеленые глаза.

Она нахмурилась.

– Вы имеете в виду Джета?

– Я... Я не уверена. Он дымит как паровоз?

Девушка глубокомысленно кивнула.

– Угу. Должно быть, вы про Джета.

Она оглянулась и крикнула:

– Эй, Джет! Тут какая-то торговка хочет тебя видеть.

– Выгони ее, – отозвался знакомый голос.

Моройка открыла дверь шире и поманила меня.

– Он на балконе.

Я прошла через гостиную, которая красноречиво свидетельствовала о том, что произойдет, если мы с Джил утратим все навыки ведения домашнего хозяйства и самоуважение. Квартира была ужасной. Девушка была ужасной. На полу валялись груды грязного белья, немытые тарелки покрывали каждый квадратный дюйм пространства, не занятого пустыми пивными бутылками. Из-за опрокинутого пузырька с лаком для ногтей на ковре образовалось розовое, как жвачка, пятно. Завернувшись в одеяла светловолосая девушка-моройка сонно взгляделась в меня и снова уснула.

Обойдя все это, я добралась до Адриана через дверь патио. Он стоял на балконе, облокотившись на перила, спиной ко мне. Утренний воздух был чистым и теплым, поэтому, само собой, он пытался его испоганить, куря сигарету.

– Вот скажи мне, Сейдж, – проговорил он, не оборачиваясь, – почему, к дьяволу, кто-то строит возле океана дом без балконов, выходящих на океан? Дом сориентировали так, чтобы он смотрел на холмы. Если соседи не начнут заниматься чем-нибудь интересным, я готов объявить, что это сооружение – пустая трата места.

Я скрестила руки на груди и сердито уставилась ему в спину.

– Я так рада, что услышала твое ценное мнение. Обязательно упомяну о нем, когда подам жалобу в городской совет на неуважение к океанским видам.

Адриан повернулся; его губы тронул намек на улыбку.

– Что ты тут делаешь? Мне казалось, ты должна быть в церкви или еще где-нибудь в том же духе.

– А как ты думаешь, что я тут делаю? Я тут по просьбе пятнадцатилетней девочки, которая не заслуживает того, через что ты заставляешь ее пройти.

Улыбка полностью исчезла с его лица.

– О! Она тебе рассказала.

Адриан снова отвернулся.

– Да, и вы все должны были рассказать мне раньше!

Это очень серьезно... Необычайно – и, без сомнения, алхимикам хотелось бы это изучить.

Я отлично могла вообразить его презрительную усмешку.

– Я пообещала Джил, что ничего не расскажу. Но все равно вы должны были мне сообщить. Такого рода информация важна, раз уж именно мне приходится присматривать за всеми вами, как за детьми.

– «Присматривать, как за детьми» – преувеличение, Сейдж.

– Принимая во внимание текущую ситуацию? Никакого преувеличения.

Адриан ничего не сказал, и я окинула его быстрым оценивающим взглядом. На нем были отличные темные, намеренно вытертые джинсы и красная хлопковая рубашка, в которой он, судя по измятости, спал. И он был босиком.

– Ты привез с собой пальто? – спросила я.

– Нет.

Я ушла в квартиру и поискала среди кавардака. Светловолосая девушка-моройка крепко спала, а та, которая меня впустила, растянулась на неприбранной кровати в другой комнате. В конце концов я нашла носки и обувь, которые Адриан швырнул в угол. Я быстро забрала их, а потом вернулась и бросила рядом с ним на балкон.

– Надень. Мы уезжаем.

– Ты не моя мама.

– Да, твоя мама отбывает приговор за клятвопреступление и воровство, если мне не изменяет память.

Это было низко, низко так говорить. Но это была правда. И мои слова возымели действие.

Адриан резко повернул голову. Гнев вспыхнул в глубине его зеленых глаз; я впервые видела его в таком состоянии.

– Никогда больше о ней не упоминай! Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Его ярость была устрашающей, но я не отступила.

– Вообще-то это я отвечала за то, чтобы выследить записи, которые она украла.

– У нее были на то причины, – сквозь стиснутые зубы процедил Адриан.

– Ты так рвешься защищать осужденную за преступление, однако совсем не считаешься с Джил, которая ничего не сделала!

– Еще как считаюсь!

Он помолчал, чтобы дрожащими руками зажечь сигарету. Я подозревала, что в то же время Адриан пытается совладать со своими эмоциями.

– Я думаю о ней постоянно. Как я могу о ней не думать? Она здесь...

Я этого не ощущаю, но она всегда здесь, всегда знает, что творится в моей голове, слушает то, чего я сам не хочу слышать. Чувствует то, чего я не хочу чувствовать.

Адриан затянулся сигаретой и повернулся, чтобы посмотреть на открывающийся с балкона вид, хотя я сомневалась, что он на самом деле его замечает.

– Если ты это осознаешь, так почему все это вытворяешь? – Я повела вокруг рукой. – Как ты мог пить, зная, что это подействует и на нее тоже? Как ты мог...

Я поморщилась.

– Как ты мог развлекаться с теми девушками, зная, что она может это «видеть»? Ей всего пятнадцать!

– Знаю, знаю. Я не знал насчет выпивки – сначала. Когда она пришла в тот день, после школы, и рассказала мне, я перестал пить. Правда перестал. Но потом... когда вы с ней приехали в пятницу, она велела мне не стесняться, раз уж уик-энд. Думаю, она не слишком беспокоилась о том, что ей станет плохо. Поэтому я сказал себе: «Я просто пропущу парочку бокалов». Только прошлой ночью это обернулось больше чем парочкой. А потом все просто вошло в штопор, и я оказался здесь, и... Что я делаю? Я не должен перед тобой оправдываться.

– Не думаю, что ты перед кем-то можешь оправдаться.

Я была в ярости, кровь моя кипела.

– Сейдж, ты, конечно, умеешь убедительно говорить. – Он обвиняюще показал на меня пальцем. – А я худо-бедно действую. Ты же просто миришься со множеством вещей. Ты позволяла этому засранцу Киту обращаться с тобой как с дерьмом и просто кивала и улыбалась. В тебе нет решительности. Ты не даешь сдачи. Даже старикан Эйб, похоже, крутит тобой по своему усмотрению. Роза права – у него на тебя что-то есть? Или он просто один из тех, кому ты не даешь отпора?

Я очень старалась не показать, насколько глубоко меня ранили его слова.

– Ты ничегошеньки обо мне не знаешь, Адриан Ивашков. Я очень часто даю отпор.

– Да, как же, уже поверил.

Я натянуто улыбнулась.

– Просто я не красуюсь, когда так поступаю. Это называется вести себя ответственно.

– Как скажешь. Все, что угодно, лишь бы это помогло тебе спать ночью.

Я вскинула руки.

– Ну так вот в чем дело: я уже не сплю ночью! Потому что мне приходится спасать тебя от твоего же собственного идиотизма. А теперь мы можем уехать? Пожалуйста.

Вместо ответа Адриан загасил сигарету и начал надевать носки и обувь. Занимаясь этим, он смотрел на меня; его гнев полностью прошел. Настроение Адриана менялось так же легко, как свет и тьма сменяют друг друга с поворотом выключателя.

– Ты должна вытащить меня оттуда. Из дома Кларенса. – Он говорил ровным и серьезным тоном. – Он довольно милый старик, но я превращусь в психа, если там останусь.

– И тогда твое поведение будет сильно отличаться от того превосходного поведения, когда ты не у Кларенса?

Я оглянулась на квартиру.

– Может, у двух твоих фанаток найдется для тебя местечко.

– Эй, выкажи немного уважения. Они реальные люди, у них есть имена. Карла и Крисси.

Он нахмурился.

– Или Мисси?

Я вздохнула.

– Я уже сказала, что твое проживание у Кларенса не моя забота. Тебе что, так трудно раздобыть собственное жилье? Зачем тебе нужна я?

– Затем, что у меня почти нет денег, Сейдж. Мой старик перекрыл мне кислород. Он выплачивает мне содержание, которого едва хватает на сигареты.

Я подумала, не предложить ли Адриану завязать с курением, но это, наверное, не пошло бы на пользу беседе.

– Мне жаль. Действительно жаль. Если я что-нибудь придумаю, дам тебе знать. Но, помимо всего прочего, разве Эйб не хочет, чтобы ты оставался там?

Я решила признаться.

– Я подслушала вас двоих в первый день. Слышала, как он хотел, чтобы ты что-то для него сделал.

Адриан выпрямился, завязав шнурки.

– Да, хотел, и я не знаю, с чего бы это. Ты слышала, насколько туманно он выражался? Думаю, он просто пытается влезть в мои дела, чем-то меня занять. Потому что где-то в глубине своего испорченного сердца он переживает из-за того, что случилось с...

Адриан оборвал себя, но я как будто расслышала произнесенное

имя: Роза. Глубокая печаль промелькнула на его лице, взгляд стал потерянным. Я вспомнила – когда я ехала в машине с Джил, она упомянула о том, насколько воспоминания о Розе терзают Адриана.

Теперь, зная о связи Джил с Адрианом, я чувствовала, что в тех словах было очень мало самой Джил. Они исходили от Адриана. Глядя на него, я с трудом могла постичь глубину его боли и не знала, как помочь. Просто внезапно чуть яснее поняла, почему он так сильно хочет утопить свою печаль. Хотя от этого его поступки не становились благовиднее.

– Адриан, – неловко проговорила я. – Я...

– Забудь, – сказал он. – Ты не знаешь, каково это – настолько любить кого-то, а потом, когда твою любовь швыряют тебе в лицо...

Внезапно раздался оглушительный вопль. Адриан вздрогнул сильнее меня, подтвердив отрицательную сторону вампирского слуха: резкие звуки раздражали его гораздо больше.

Мы вместе поспешили обратно в квартиру. Светловолосая девушка сидела на кушетке, такая же испуганная, как мы. Вторая, та, что меня впустила, стояла в дверях спальни, смертельно бледная, зажав в руке мобильный телефон.

– В чем дело? – спросила я.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но потом снова взглянула на меня, похоже вспомнив, что я – человек.

– Все в порядке, Карла, – сказал Адриан. – Она о нас знает. Ей можно доверять.

Это было все, что требовалось Карле. Она бросилась в объятия Адриана и безудержно зарыдала.

– Ох, Джет, – между всхлипываниями выговорила она. – Не могу поверить, что с ней такое случилось. Как это могло произойти?

– Что случилось? – спросила вторая морейка, с трудом вставая.

Подобно Адриану, она выглядела так, будто спала в одежде. Я робко понадеялась, что Джил не приходится часто переживать разные неприличные моменты, как я сперва вообразила.

– Расскажи, в чем дело, Карла, – попросил Адриан тем ласковым голосом, какой я раньше слышала от него только во время разговоров с Джил.

– Я – Крисси. – Она шмыгнула носом. – И наша подруга... наша подруга...

Девушка вытерла глаза: они снова были полны слез.

– ...Мне только что позвонили. Наша подруга... Еще одна морейка, которая ходит в наш колледж... Она мертва.

Крисси посмотрела на вторую девушку – как я теперь догадалась, ее звали Карла.

– Это Мелоди. Вчера вечером ее убили стригои.

Карла задохнулась и заплакала, отчего Крисси тоже снова ударилась в слезы. Я встретилась глазами с Адрианом; мы оба были в ужасе. Хотя я понятия не имела, кто такая Мелоди, ее гибель по вине стригоев все равно ужаснула меня.

Во мне тут же заговорил разум алхимика. Мне следовало позаботиться о том, чтобы место преступления надежно охранялось и чтобы истинные обстоятельства убийства остались тайной для людей.

– Где? – спросила я. – Где это случилось?

– В Западном Голливуде^[14], – сказала Карла. – За каким-то клубом.

Я слегка расслабилась, хотя все равно была потрясена трагедией. Это произошло в многолюдном месте, одном из тех, что наверняка находились под наблюдением алхимиков. Если о случившемся узнали люди, значит, алхимики уже давно обо всем позаботились.

– По крайней мере, ее не обратили, – с несчастным видом сказала Карла. – Она может упокоиться в мире. Конечно, эти монстры все равно не могли уйти, не изувечив сперва ее тело.

Я уставилась на нее. Меня внезапно обдало холодом.

– Что ты имеешь в виду?

Она потерлась носом о рубашку Адриана.

– Мелоди. Они не просто пили из нее. Они перерезали ей горло.

Глава пятнадцатая

Адриан проспал почти всю дорогу до Палм-Спрингса. Очевидно, из-за того, что допоздна кутил с Карлой и Крисси. При мысли об этом мне стало неловко. А подумав, что пережила «через» Адриана Джил, я почувствовала дурноту.

Мы мало что могли сделать для Карлы и Крисси, разве только выразить наши соболезнования. Нападения стригоев продолжались. Это было трагично и ужасно. Большинство мороев могли уберечь себя, лишь соблюдая крайнюю осторожность, найдя безопасное жилище и находясь постоянно рядом со стражами. У мороев некоролевской крови, живущих в обычном мире и посещающих обычную школу, как это делали Карла и Крисси, стражей не было. Много мороев так жили, и им просто приходилось быть начеку.

Девушки считали обстоятельства смерти своей подруги ужасными. Так оно и было. Но ни одна из девушек не сделала следующего мысленного шага и не подумала, что в перерезанном горле есть нечто странное. Я бы тоже ничего такого не заподозрила и не почувствовала, если бы не слышала мнение Кларенса о смерти его племянницы.

Я привезла Адриана в Амбервуд и кратко представила его как своего гостя, решив, что Джил почувствует себя лучше, если увидит его во плоти. Так и есть – когда мы появились, она ожидала нас в общежитии. Джил обняла Адриана и бросила на меня благодарный взгляд. С ней был Эдди, и, хотя он ничего не сказал, его раздраженный вид говорил, что не только я считаю поведение Адриана нелепым.

– Я так беспокоилась, – сказала Джил.

Адриан взъерошил ее волосы, и она отклонилась.

– Не о чем беспокоиться, малолетка. Кроме помятой рубашки – никакого вреда.

«Никакого вреда!» – подумала я, чувствуя растущий в душе гнев.

Вреда совсем никакого – если не считать того, что Джил пришлось наблюдать Адриана с теми девушками, пришлось вынести его пьянку. Пусть даже чувства к Ли вытеснили ее старую влюбленность в Адриана, Джил была слишком юна, чтобы видеть подобные вещи. Адриан вел себя эгоистично.

– А теперь, – продолжал Адриан, – если Сейдж будет так любезна и дальше исполнять роль шофера, я отвезу нас всех на обед.

– Кажется, ты говорил, у тебя нет денег, – заметила я.

– У меня нет больших денег.

Джил и Эдди переглянулись.

– Мы... э-э... собирались встретиться за обедом с Микой, – сказала Джил.

– Берите его с собой, – заявил Адриан. – Он может пообщаться с семьей.

Вскоре после этого появился Мика и был счастлив познакомиться с еще одним нашим «братом». Он пожал Адриану руку и улыбнулся.

– Теперь я вижу некоторое фамильное сходство. А то уже начал гадать, не удочеренная ли Джил, но вы с ней вроде бы похожи друг на друга.

– Как и на нашего почтальона в Северной Дакоте, – сказал Адриан.

– В Южной, – поправила я.

К счастью, эта оговорка, похоже, не показалась Мике странной.

– Верно, – согласился Адриан.

Он задумчиво рассматривал Мику.

– Что-то в тебе есть знакомое. Мы встречались?

Мика покачал головой.

– Я никогда не бывал в Южной Дакоте.

Я была почти уверена, что мне не послышалось бормотание Адриана:

– Ты не один здесь такой.

– Пора ехать, – торопливо сказал Эдди, двинувшись к двери общежития. – Мне еще надо доделать домашние задания.

Я нахмурилась, озадаченная его изменившимся поведением. Эдди вовсе не был плохим учеником, но со времени нашего появления в Амбервуде мне стало ясно, что он, в отличие от меня, не слишком интересуется учебой. Для него школа стала повторением пройденного, и он довольствовался тем, что подыгрывал ситуации и делал лишь необходимое, чтобы оставаться на хорошем счету.

Если кто-то и посчитал поведение Эдди странным, то не подал виду. Мика уже разговаривал с Джил, а Адриан все еще как будто пытался оценить Мику.

Щедрое предложение Адриана угостить нас обедом распространялось только на фастфуд, поэтому засиживаться долго нам не пришлось. Но после недельного питания в кафетерии общежития я была и этому рада, а Адриан давно уже ясно высказал свое мнение о «здоровой» стряпне Дороти.

– Тебе надо было взять детскую порцию, – сказал Адриан, показывая на не доеденные мною бургер и картошку фри. – Сэкономила бы мне много денег. И получила игрушку.

– «Много» – преувеличение, – ответила я. – Кроме того, эти остатки помогут тебе продержаться у Кларенса.

Он закатил глаза и стащил картошку с моей тарелки.

– Это тебе следует взять домой остатки. Как ты вообще остаешься работоспособной на таких крохах? – спросил Адриан. – Однажды тебя просто сдует ветром.

– Прекрати, – сказала я.

– Просто констатирую факт, – отозвался он, пожав плечами. – Тебе бы не помешало прибавить фунтов десять.

Я недоверчиво уставилась на него, слишком изумленная, чтобы ответить. Что морои знают о прибавке веса? У них идеальные фигуры. Они не представляют, каково это – смотреться в зеркало и видеть свое несоответствие нормам; никогда не чувствовать себя достаточно хорошо. Им это давалось без усилий, тогда как я (сколько ни трудилась) никогда не дотягивала до их нечеловеческого совершенства.

Взгляд Адриана устремился туда, где Джил, Эдди и Мика оживленно обсуждали, как бы им вместе поупражняться в приемах самозащиты.

– Они, в общем-то, неплохо смотрятся, – сказал Адриан, понизив голос, чтобы его слышала только я. Он играл с соломинкой, рассматривая компанию. – Может, Кастиль не зря считал, что можно позволить ей встречаться с парнем из школы.

– Адриан! – простонала я.

– Шучу, – ухмыльнулся он. – Ли, наверное, вызвал бы его на дуэль. Знаешь, он не может перестать о ней говорить. Когда мы вернулись с мини-гольфа, он продолжал твердить: «Когда мы все сможем выбраться снова?» Однако он исчез в Лос-Анджелесе, когда был мне нужен.

– А вы с ним планировали встретиться? – спросила я. – Он согласился отвезти тебя домой?

– Нет, – признался Адриан. – Но чем еще он там занимается?

В этот миг седоволосый мужчина, проходя мимо и балансируя подносом с гамбургерами и содовой, врезался в кресло Джил.

С подноса ничего не упало, но Эдди с молниеносной быстротой вскочил, готовый подлететь к другой стороне стола и защитить девушку. Мужчина отпрянул и пробормотал извинения.

Адриан удивленно покачал головой.

– Послать Эдди в качестве сопровождающего Джил, когда она отправится на свидание, – и нам больше ни о чем не надо будет беспокоиться.

Зная теперь о связи Адриана и Джил, я по-другому относилась к

стремлению Эдди ее защищать. О, конечно, мне было известно, что Эдди – страж, и это у него в крови, но все же мне казалось, будто им двигает нечто более сильное. Почти... личное. Сперва я гадала – не ведет ли он себя так, поскольку Джил входит в обширный круг его друзей, как и Роза. Но теперь я все время возвращалась к мысли о том, что корни такого поведения уходят еще глубже. По словам Джил, Эдди единственный пытался защитить ее в ночь нападения. Он потерпел неудачу, скорее всего, из-за нехватки времени, а не из-за недостатка умения.

Но какой отпечаток это должно было на него наложить? Единственной жизненной целью Эдди было защищать других – и ему пришлось быть свидетелем чьей-то смерти, когда он находился на посту. Не стало ли для Эдди чем-то вроде второго шанса то, что Адриан оживил Джил? Возможностью искупить случившееся? Может, поэтому он был таким бдительным.

– Ты выглядишь озадаченной, – сказал Адриан.

Я покачала головой и вздохнула.

– Наверное, я слишком тщательно все анализирую.

Он серьезно кивнул.

– Вот почему я никогда не пытаюсь этого делать.

Я вдруг вспомнила о ранее возникшем у меня вопросе.

– Да, а почему ты сказал тем девушкам, что тебя зовут Джет?

– Обычное дело, Сейдж, если не хочешь, чтобы девочки тебя потом нашли. Кроме того, я считал, что защищаю нашу здешнюю миссию.

– Да, но почему Джет? Почему не... Не знаю... Трэвис или Джон?

Адриан посмотрел на меня взглядом, говорившим, что я напрасно теряю время.

– Потому что «Джет» звучит круто.

После обеда мы отвезли Адриана в дом Кларенса, а остальные вернулись в Амбервуд. Джил и Мика отправились по своим делам, а я убедила Эдди пойти со мной в библиотеку. Там мы заняли стол, и я вытащила ноутбук.

– Знаешь, когда я заехала сегодня за Адрианом, выяснилось кое-что интересное, – сказала я негромким, «библиотечным», голосом.

Эдди искоса взглянул на меня.

– Думаю, вся история о том, как ты заехала за Адрианом, была интересной – по крайней мере, если судить по рассказу Джил.

– Могло быть и хуже, – хмыкнула я. – Когда я там оказалась, Адриан хотя бы был одет. И кроме него там были всего две моройки. Я не наткнулась на целый университетский женский клуб мороек или на что-

нибудь другое в том же духе.

Эдди невольно рассмеялся.

– Если бы дело обстояло так, тебе было бы труднее вытащить Адриана оттуда.

Дисплей ноутбука засветился и ожил, и я начала сложный процесс входа в мегасекретную базу данных алхимиков.

– Так вот, когда мы уже уходили, девушки узнали, что минувшей ночью их подругу убили стригои.

Все следы улыбки исчезли с лица Эдди. Глаза его стали жесткими.

– Где?

– В Лос-Анджелесе, не здесь.

Зря я начала подобную беседу, не объяснив сперва, что Эдди не нужно выискивать по кампусу стригоев.

– Насколько нам известно, предположение, что стригои не хотят болтаться в Палм-Спрингсе, совершенно справедливо.

Эдди чуть расслабился – примерно на один процент.

– Но вот что интересно, – продолжала я. – Эта девушка-моройка... эта их подруга... Ее якобы убили так же, как племянницу Кларенса.

Эдди приподнял брови.

– Перерезали горло?

Я кивнула.

– Странно. Ты уверена, что именно это произошло – с ними обеими? Я имею в виду, мы же только-только разобрались с рапортом Кларенса, верно?

Размышляя, Эдди начал постукивать карандашом по столу.

– Кларенс довольно приятный, но... Да ладно! Все мы знаем, что у него не все дома.

– Вот почему я и привела тебя сюда. И вот почему захотела проверить базу данных. Мы отслеживаем большинство связанных со стригоями событий.

Эдди заглядывал мне через плечо, пока я вводила «Тамара Донахью» в поисках событий пятилетней давности. Так и есть, ее нашли с перерезанным горлом. Результатом еще одного запроса, касающегося Мелоди Крофт – подружки Крисси и Карлы, – был рапорт прошлой ночи. Наши люди побывали на месте преступления и уже ввели информацию в базу. Мелоди тоже перерезали горло. Имелся рапорт о еще одном совершенном стригоями убийстве в Лос-Анджелесе – в конце концов, это был большой город, – но только два дела представляли для нас интерес.

– Ты все еще думаешь о том, что сказал Кларенс, – об охотниках на

вампиров? – спросил Эдди.

– Не знаю. Мне просто кажется, что это стоит проверить.

– Стражи сопоставили оба случая, – сказал Эдди, показывая на экран. – Они тоже объявили, что это нападение стригоев – у обеих девушек пили кровь. Это обычно для стригоев. Я не знаю, как поступают охотники на вампиров, но не думаю, что они пьют кровь.

– Я тоже так не думаю. Но ни одну из девушек не обескровили досуха.

– Стригои не всегда выпивают свои жертвы досуха. Особенно если им мешают. Та девушка, Мелоди, была убита возле клуба. Я имею в виду – если убийцы услышали, что кто-то идет, они просто сбежали.

– Положим. Но как насчет перерезанного горла?

Эдди пожал плечами.

– У нас есть куча описаний тех случаев, когда стригои творили что-то невообразимое. Посмотри только на Кита и его глаз. Они – зло. К ним нельзя подходить с точки зрения логики.

– Давай не приплетать сюда его глаз.

Случай с Китом был не из тех, какие мне хотелось вспоминать. Я откинулась на спинку кресла и вздохнула.

– Просто есть в этих убийствах нечто такое, что меня настораживает. Выпиты не до конца. Глотки перерезаны. Когда и то и другое случается одновременно – это странно. А мне не нравятся странности.

– Тогда ты выбрала не ту профессию, – заметил Эдди.

Его улыбка вернулась.

Я улыбнулась в ответ, все еще обдумывая разные версии.

– Положим.

Больше я ничего не сказала, и Эдди удивленно взглянул на меня.

– Ты ведь не... Ты ведь не думаешь, что на самом деле существуют охотники на вампиров?

– Нет. Не думаю. У нас нет доказательств их существования.

– Но... – подтолкнул меня Эдди.

– Но... Разве сама мысль об этом не заставляет тебя слегка нервничать? Я имею в виду – в данный момент ты знаешь, кого высматривать. Других мороев. Стригоев. Их всегда можно распознать. Но человек – охотник на вампиров?

Я показала на студентов, занимавшихся в библиотеке.

– Ты не знаешь, кто именно из них является угрозой.

Эдди покачал головой.

– Вообще-то это довольно легко. Я просто рассматриваю каждого как угрозу.

Я не могла решить, успокаивает меня это или нет.

Когда позже я вернулась в наше общежитие, меня окликнула миссис Везерс.

– Миссис Тервиллигер оставила для вас кое-что.

– Она мне что-то принесла? – удивленно спросила я. – Может, деньги?

Пока мне не возместили стоимость ни одного заказанного ею кофе.

Вместо ответа миссис Везерс протянула мне книгу в кожаном переплете. Сперва я подумала, что это одна из тех, которые я законспектировала. Потом внимательнее присмотрелась к обложке и прочитала: «Том второй». К книге была прилеплен клейкий желтый листочек, на котором тонким неразборчивым почерком миссис Тервиллигер было написано: «Следующая».

Я вздохнула и поблагодарила миссис Везерс. Я бы выполнила любое задание своей преподавательницы, но надеялась, что она вручила мне книгу, где больше исторических отчетов, чем прописей заклинаний.

Идя по коридору, я услышала доносящиеся из дальнего конца тревожные голоса. Там возле открытой двери сгрудились несколько человек.

Торопливо пройдя мимо собственных дверей, я подошла, чтобы узнать, в чем дело. То была комната Джулии и Кристин. Хотя и не была уверена, что имею на это право, я протиснулась мимо испуганных зрителей. Никто меня не остановил.

Я увидела лежащую на кровати Кристин: девушка неистово дергалась и обливалась потом, зрачки ее были такими большими, что радужки стали почти неразличимы. Джулия сидела рядом с ней на кровати вместе с двумя незнакомыми мне девушками. Когда я подошла, Джулия подняла на меня взгляд; лицо ее было искажено ужасом.

– Кристин? – крикнула я. – Кристин, ты в порядке?

Не дождавшись ответа, я повернулась к остальным.

– Что с ней такое?

Джулия дрожащими руками развернула, а потом снова свернула влажную тряпку и положила ее на лоб Кристин.

– Мы не знаем. Это с ней с утра.

Я недоверчиво уставилась на Джулию.

– Тогда ее нужно показать доктору! Придется немедленно кого-нибудь позвать. Я схожу за миссис Везерс...

– Нет!

Джулия вскочила и поймала меня за руку.

– Не надо. Это творится с ней потому... Ну, мы думаем, что это из-за

татуировки.

– Татуировки?

Одна из девушек схватила Кристин за запястье и повернула ее руку так, чтобы я могла рассмотреть внутреннюю сторону. Там, на темной коже, была вытатуирована поблескивающими медными чернилами маргаритка. Я вспомнила, как мечтала Кристин сделать себе небесную татуировку, но вроде пока не могла себе ее позволить.

– Когда она ее сделала?

– Сегодня рано утром, – сказала Джулия.

У нее был смущенный вид.

– Я одолжила ей денег.

Я уставилась на блестящий цветок, такой красивый и безобидный с виду. У меня не было сомнений, что припадок именно из-за него. Что бы там ни подмешали в чернила, чтобы вызвать кайф, организм Кристин не перенес это.

– Ей нужен врач, – твердо сказала я.

– Нельзя. Нам придется рассказать про татуировки, – сказала девушка, которая держала Кристин за руку. – Никто не поверил Трею, но если увидят такое... Ну, тогда весь «Невермор» могут прикрыть.

«И хорошо!» – подумала я.

Но, к моему удивлению, остальные собравшиеся утвердительно закивали. Они что, чокнутые? У скольких из них есть эти нелепые татуировки? И неужели защитить свои украшения для них важнее жизни Кристин?

Джулия сглотнула и снова села на краешек кровати.

– Мы надеялись, что это пройдет. Может быть, ей нужно немножко времени, чтобы приспособиться.

Кристин застонала. Ее нога задрожала так, будто у нее были мышечные спазмы, потом застыла. Глаза с расширенными зрачками смотрели в никуда, дыхание было поверхностным.

– И это целый день! – ужаснулась я. – Да она может умереть!

– Откуда ты знаешь? – удивленно спросила Джулия.

Я не знала, во всяком случае не знала наверняка. Но время от времени татуировки алхимиков тоже отторгались. В девяноста девяти процентах случаев человеческий организм принимал вампирскую кровь, использовавшуюся в татуировках алхимиков, и позволял ее компонентам слиться со своими – человек словно становился чуть-чуть вампиром. В результате мы получали хороший запас жизненных сил и долголетие, хотя вряд ли приобретали те удивительные физические возможности, которыми

отличались дампирь. И все-таки бывали случаи, когда человек заболел из-за алхимической татуировки. Кровь вампира действовала на него как яд. Все ухудшалось из-за золота и других химикатов, призванных удерживать в коже введенную кровь. Такие люди были неизлечимы и погибали.

Кровь вампира не вызвала бы эйфории, и я считала, что в этой татуировке ее нет. Но лечение, к которому мы прибегали в случае отторжения алхимических татуировок, основывалось на том, чтобы разбить металлические компоненты, выпустив тем самым вампирскую кровь и позволив телу очиститься естественным путем. Мне оставалось предположить, что данный принцип сработает и сейчас. Вот только я не знала точной формулы алхимического состава и даже не была уверена, разобьет ли он медь так же, как разбивает золото.

Я прикусила губу, подумала и в конце концов приняла решение.

– Я скоро вернусь, – сказала я и ринулась в свою комнату.

Внутренний голос все время бранил меня за глупость. Я не имела никакого права делать то, что собиралась. Мне следовало прямоком отправиться к миссис Везерс.

Вместо этого я открыла дверь в комнату и увидела Джил, сидящую со своим ноутбуком.

– Привет, Сидни, – улыбаясь, сказала она. – Я обмениваюсь посланиями с Ли, и...

Она снова взглянула на меня.

– Что случилось?

Я включила свой ноутбук и поставила на кровать. Пока он загружался, я потянулась за маленьким металлическим чемоданчиком, который тщательно уложила, но не ожидала, что придется им воспользоваться.

– Можешь принести мне воды? Быстро?

Джил заколебалась лишь на мгновение, потом кивнула.

– Сейчас, – сказала она, спрыгивая с кровати.

Пока ее не было, я отперла чемоданчик ключом, который всегда носила с собой. Внутри хранилась дюжина алхимических компонентов – субстанций, которые мы смешиваем для нашей работы. Некоторых ингредиентов (например, тех, которые я использовала, чтобы растворить тела стригоев) у меня было много. От других имелись только образцы.

Мой ноутбук наконец загрузился, и я вошла в базу данных алхимиков. Несколько этапов поиска – и вскоре я выудила формулу антитатуировочного лечения.

В этот момент вернулась Джил, неся полную чашку воды.

– Этого хватит? В другом климате я могла бы извлечь воду прямо из

воздуха.

– Вполне хватит, – ответила я, радуясь, что климат не дает ей пользоваться магией.

Я исследовала формулу, выясняя, как действуют различные ее ингредиенты. Мысленно исключила те, которые наверняка имели специфическое воздействие только на золото. Пары ингредиентов у меня вообще не было, но я была уверена, что они всего лишь успокаивающе воздействуют на кожу и без них можно обойтись. Я начала извлекать вещества из своего набора, тщательно (но все равно действуя как можно быстрее) отмеряя их в другую чашку. Там, где было возможно, я заменяла недостающие компоненты другими веществами, которые наверняка разобьют медь, хотя нужную дозу подбирала интуитивно.

Закончив, я взяла у Джил воду и добавила столько, сколько было сказано в инструкции. Конечным результатом стала жидкость, напоминающая йод.

Я подняла чашку, слегка напоминая себе безумного ученого. Все это время Джил наблюдала за мной, но ничего не говорила, чувствуя, что я тороплюсь. Всем своим видом она выражала участие, но удерживалась от вопросов, которых, как я знала, у нее множество. Когда я вышла из комнаты и снова двинулась к Кристин, Джил поспешила за мной.

У постели Кристин собралось еще больше девушек, и было просто удивительно, как это миссис Везерс до сих пор не услышала гвалт. Для компании, так стремящейся защитить свои драгоценные татуировки, они вели себя не особенно скрытно.

Я снова подошла к кровати Кристин и увидела, что ее состояние не изменилось.

– Поверните опять ее запястье ко мне и держите за руку, чтобы она как можно меньше его шевелила.

Я не отдала эти указания кому-то конкретно, но вложила в них достаточно властности, чтобы не сомневаться – кто-нибудь да послушается. Я оказалась права.

– Если ничего не получится, мы приведем доктора.

Мой тон говорил: спорить тут бесполезно.

Джулия выглядела бледнее Джил, но слабо кивнула в знак согласия. Я взяла тряпку, которую она клала на лоб Кристин, и обмакнула в свою чашку. Вообще-то я еще ни разу не видела, как это делается, и мне приходилось догадываться, как наложить смесь. Я вознесла молчаливую молитву, а потом прижала тряпку к татуировке на запястье Кристин.

Она издала полузадушенный крик и выгнулась всем телом. Пара

стоявших поблизости девушек помогла удерживать ее на кровати. Извилистые струйки дыма поднялись в том месте, где я прижимала ткань, и я почуяла острую, едкую вонь. Выждав нужное, как я надеялась, время, в конце концов я убрала тряпку.

Хорошенькая маленькая маргаритка менялась у нас на глазах. Ее чистые линии начали расплываться и стираться. Медный цвет темнел, переходя в голубовато-зеленый. Прошло немного времени, и уже нельзя было разобрать, что изображено на татуировке. Она превратилась в бесформенное пятно. Вокруг на коже появились красные следы, хотя они казались скорее поверхностным раздражением, чем опасной раной.

И все равно выглядело это пугающе, и я в ужасе уставилась на запястье. Что я натворила?

Все молчали, никто не знал, что делать. Прошла пара минут, но казалось – миновали часы.

Внезапно Кристин перестала дергаться. Она все еще дышала с трудом, но заморгала, и взгляд ее сфокусировался, как будто она впервые видела мир. Зрачки ее по-прежнему были огромными, но она сумела оглядеться по сторонам и наконец сосредоточила взгляд на мне.

– Сидни, – выдохнула Кристин. – Спасибо.

Глава шестнадцатая

Я объяснила свой химический эксперимент тем, что просто держу это вещество под рукой, когда вывожу собственную татуировку – на случай, если у меня будет аллергическая реакция. Я ничем не выдала, что приготовила все сама. Думаю, все купились бы на эту историю, если бы несколько дней спустя я не сумела разыскать формулу вещества, которое помогло вылечить химические ожоги на коже Кристин. Смесь не подействовала на чернильное пятно – похоже, оно останется навсегда, если не убрать его с помощью лазера, – но рубцы немного поблекли.

После этого разнесся слух, что Сидни Мелроуз – новый местный фармацевт. Поскольку после лечения Кристин у меня еще остался лосьон для кожи, я отдала его девушке с сильными прыщами. Лосьон помог и от прыщей. Но это не сыграло мне на руку. Соученики приходили ко мне со всевозможными проблемами и даже предлагали заплатить. Порой просьбы были нелепыми, например вылечить головную боль. Таким девушкам я просто советовала купить аспирин. Другие случаи оказывались за пределами моих возможностей, а с некоторыми я совершенно не хотела связываться – это касалось, например, противозачаточных мер.

Но если не считать всяких дурацких просьб, я не возражала против того, чтобы ежедневный круг моего общения расширялся. Я привыкла к тому, что во мне нуждаются, поэтому чувствовала себя в своей тарелке. Некоторые просто желали узнать побольше обо мне – это было для меня внове и оказалось приятнее, чем я ожидала. Однако зачастую от меня хотели... другого.

– Сидни!

Я ждала, когда начнется урок английского, и вздрогнула, увидев возле своего стола одного из друзей Грега Слейда. Парня звали Брайан, и, хотя я знала о нем немного, он никогда не производил впечатления такого же несносного субъекта, каким был Слейд.

– Да? – отозвалась я, гадая, не хочет ли он одолжить у меня конспект.

Похоже, Брайан нарочно отращивал и не причесывал свои лохматые каштановые волосы и вообще-то был довольно симпатичным. Проведя рукой по шевелюре, он нашел-таки слова:

– Ты что-нибудь знаешь о немых фильмах?

– Конечно, – сказала я. – Первые были выпущены в конце девятнадцатого столетия и иногда имели музыкальный аккомпанемент. Но

только в двадцатых годах двадцатого века звук по-настоящему объединили с изображением, и в результате немые фильмы больше не снимались.

Брайан разинул рот, как будто ответ превзошел его ожидания.

– А! Хорошо. Знаешь, на следующей неделе в центре города будет фестиваль немого кино. Ты не хотела бы пойти?

Я покачала головой.

– Нет, вряд ли. Я уважаю немые фильмы как часть искусства, но это не слишком интересно.

– А! Ну ладно.

Брайан снова пригладил волосы, и я почти увидела, как он нашаривает нужную мысль. Почему это он спрашивает меня о немых фильмах?

– А как насчет «Старшип тридцать»? Премьера в пятницу. Этот фильм тебе хотелось бы посмотреть?

– Вообще-то мне не очень нравится и фантастика, – ответила я.

Я была откровенна: фантастика казалась мне совершенно неправдоподобной.

Брайан, казалось, готов был рвать на себе лохматые волосы.

– В городе идет какой-нибудь фильм, который тебе хотелось бы посмотреть?

Я мысленно пробежала по списку текущих развлечений.

– Нет. Честно говоря, нет.

Прозвенел звонок, и, покачав головой, Брайан вернулся к своему столу.

– Странно, – пробормотала я. – У него плохой вкус по части фильмов.

Я бросила взгляд в сторону и вздрогнула: Джил сидела, опустив голову на стол, и тряслась от беззвучного смеха.

– Что? – спросила я.

– Это, – выдохнула она, – просто умора.

– Что? – снова спросила я. – Почему?

– Сидни, он приглашал тебя на свидание!

Я прокрутила в голове недавнюю беседу.

– Нет, не приглашал. Он задавал вопросы о кинематографе.

Джил засмеялась так, что ей пришлось вытереть слезы.

– Он выяснял, что ты хочешь посмотреть, чтобы повести тебя в кино!

– Так почему же он так прямо и не сказал?

– Ты такая восхитительно непонятливая, – ответила Джил. – Надеюсь, я буду поблизости в тот день, когда ты заметишь-таки парня, который тобой интересуется.

Я все еще была озадачена, а Джил хихикала до конца урока.

В то время как я стала центром всеобщего внимания, популярность

Джил падала. Отчасти из-за ее застенчивости. Джил все еще была тихой и так нервничала из-за своей непохожести на остальных, что решила – другие тоже видят это отличие. Страх удерживал ее от общения, и в результате она производила впечатление неприветливой.

От алхимиков в конце концов пришло «медицинское освобождение» для Джил, и, как ни странно, это еще больше все усугубило. Ей отказали в записи на другой факультатив, который уже начался. А становиться помощниками преподавателей, такими как Трей, новичкам не разрешалось. После консультации с мисс Карсон было наконец решено, что Джил будет участвовать во всех физкультурных занятиях в помещении и получать «альтернативные задания», когда мы будем заниматься на улице. Обычно это означало написание докладов – например, по истории софтбола. К несчастью, то, что Джил просиживала половину занятий одна, еще больше отдалило ее от остальных.

Мика продолжал страдать по ней, даже невзирая на все напасти.

– Ли прислал мне эсэмэску, – однажды сообщила мне Джил за обедом. – Он приглашает меня на обед на выходных. Как думаешь... В смысле, я знаю, что вы тоже должны будете пойти...

Она нерешительно перевела взгляд с меня на Эдди.

– Кто такой Ли? – спросил Мика, только что подсевший к нам.

Несколько мгновений тянулось неловкое молчание.

– Ну... – сказала Джил, отводя глаза. – Он... Наш знакомый. Он не из этой школы. Он занимается в колледже. В Лос-Анджелесе.

Мика подумал.

– Он приглашает тебя на свидание?

– Да. Мы с ним вообще-то уже выбирались кое-куда вместе. Думаю, мы... ну, вроде бы как встречаемся.

– Не всерьез, – вставил Эдди.

Я не была уверена, сказал он это для того, чтобы пощадить чувства Мики, или для того, чтобы помешать Джил слишком сильно с кем-то сблизиться.

Надо отдать Мике должное – он хорошо умел скрывать свои чувства. Подумав еще немного, он в конце концов изобразил улыбку, которая выглядела лишь слегка натянутой.

– Что ж, это здорово. Надеюсь, я смогу с ним познакомиться.

После этого беседа перешла на приближающийся футбольный матч, и никто больше не упоминал Ли.

С тех пор Мика стал вести себя с Джил по-другому, но все равно постоянно болтался с нами. Может, надеялся, что у Ли и Джил случится

разрыв. А может, проводил с нами много времени, поскольку часто общался с Эдди, а Эдди был одним из немногих друзей Джил. Но проблема наша заключалась не в Мике. Она заключалась в Лорел.

Вряд ли Мика заинтересовался бы ею, даже если бы на горизонте не появилась Джил, но все равно Лорел видела в Джил угрозу – и изо всех сил старалась испортить ей жизнь. Разносила о Джил слухи, отпускала язвительные комментарии о ее бледности, росте, худобе – о том, что больше всего заставляло Джил сомневаться в себе.

Порой я слышала, как в коридорах шепотом произносят «вампириша». От этого у меня холодела кровь, сколько бы раз я ни напоминала себе, что это шутка.

– Джил никак не мешает Мике и Лорел быть вместе, – заметила я однажды Джулии и Кристин.

Их развлекали мои постоянные попытки применить логику и рационализм к поведению людей в школе.

– Чепуха какая-то, – продолжала я. – Ему просто не нравится Лорел.

– Да, но ей легче считать, что проблема в Джил, тогда как на самом деле Лорел просто сучка, и Мике это известно, – объяснила Джулия.

После неловкого случая с Брайаном она и Кристин пытались меня просветить, как ведут себя «нормальные» люди.

– К тому же Лорел просто нравится всех задирать, – добавила Кристин.

Она редко заговаривала про татуировку, но после того случая стала серьезной и рассудительной.

– Хорошо, – сказала я, пытаюсь следовать логике, – но ведь это я ее поддела, заявив, что у нее крашенные волосы. А она не ответила мне.

Кристин улыбнулась.

– Тебя задирать неинтересно. Ты даешь отпор. Джил почти не защищается, и ее здесь мало кто поддерживает. Она – легкая мишень.

По крайней мере одна позитивная вещь все же случилась. Адриан не допускал былых выходов со времени происхождения в Лос-Анджелесе, хотя я невольно гадала – сколько это может продлиться. Судя по тому, что я узнала от Джил, он все еще скучал и не находил себе занятия. У Ли свободное время выдавалось не слишком часто, и вообще он в любом случае не подражался присматривать за Адрианом.

Для Джил, похоже, не существовало оптимального решения проблемы. Если Адриан поддавался своим порокам, она страдала от его похмелей и «романтических отношений». Если он не поддавался, то чувствовал себя несчастным, и его депрессия понемногу передавалась Джил. Всем

оставалось лишь надеяться, что Джил рано или поздно научится блокировать от Адриана свой разум. Но судя по тому, что ей рассказала Роза, на это могло уйти много времени.

Когда пришло время следующего «кормления», я была разочарована, увидев припаркованную на подъездной дороге Кларенса машину Кита. Если он не собирался по-настоящему помочь делу, лучше бы ему вообще в это не лезть.

Очевидно, Кит думал, что его «надзирательные» визиты могут сойти за работу, и продолжал оправдывать ими свое присутствие. Вот только когда мы встретились с Адрианом в гостиной, Кита нигде не было видно. И Кларенса тоже.

– Где они? – спросила я Адриана.

Развалившийся на кушетке Адриан положил книгу, которую читал. У меня было ощущение, будто чтение для него – редкое занятие, и мне стало почти неловко оттого, что я его отвлекла.

Адриан подавил зевок. Я нигде не видела спиртного, зато заметила то, что смахивало на три пустые жестянки из-под энергетических напитков.

Адриан пожал плечами:

– Не знаю. Разговаривают где-то. У твоего друга нездоровое чувство юмора. Думаю, он подпитывает паранойю Кларенса насчет охотников на вампиров.

Я кинула беспокойный взгляд на Ли, который сразу начал беседовать с Джил. Оба были так увлечены друг другом, что не слышали, о чем говорят остальные. Я знала, как сильно Ли беспокоят разговоры об охотниках на вампиров. Поощряй их Кит, Ли бы это не оценил.

– А Кларенс знает об убийстве в Лос-Анджелесе? – спросил Эдди.

У Кита не было причин об этом не знать, поскольку убийство не являлось секретной информацией среди алхимиков, но я сомневалась, что он свяжет его с убийством племянницы Кларенса.

– Он о нем не упоминал, – сказал Адриан. – Клянусь, Кит ведет такие разговоры только скуки ради. Даже я не пал бы так низко.

– Теперь у тебя такое развлечение... – спросила я, сев напротив и показав на энергетические напитки.

– Эй, это же не водка, не бренди и не... что-нибудь еще хорошее.

Адриан вздохнул и перевернул банку, выцедив последние капли.

– Так что похвали меня хоть немного.

Эдди взглянул на банки.

– Джил не говорила, что прошлой ночью ей было нелегко уснуть?

– Адриан, – простонала я.

Эдди был прав. Я заметила, что Джил постоянно вертелась и металась на кровати. Все это наверняка объяснялось чужим кофеином.

– Ладно, я пытаюсь, – сказал Адриан. – Если бы ты смогла вытащить меня отсюда, Сейдж, мне бы не пришлось топить свою печаль в таурине и женьшене.

– Она не может вытащить тебя, Адриан, и тебе это прекрасно известно, – отозвался Эдди. – Разве ты не можешь... Ну, не знаю. Найти себе хобби или еще что-нибудь в том же роде?

– Быть очаровательным – вот мое хобби, – сообщил Адриан. – Я душа общества – даже когда не пью. Я не создан для одиночества.

– Ты мог бы найти работу, – проговорил Эдди, устраиваясь на стуле в углу. Он улыбнулся собственному остроумию. – Это разрешило бы обе твои проблемы – и получения денег, и общения с людьми.

Адриан закатил глаза.

– Осторожнее, Кастиль. В этой семье только один комик.

Я выпрямилась.

– Вообще-то неплохая идея.

– Ужасная идея, – сказал Адриан, переводя взгляд с меня на Эдди и обратно.

– А что? – спросила я. – Теперь заявишь, что твои руки не созданы для физического труда?

– Теперь заявлю, что мне нечего предложить обществу, – парировал Адриан.

– Я могла бы тебе помочь, – предложила я.

– Ты собираешься сама выполнять работу и вручать мне зарплату? – с надеждой спросил Адриан. – Потому что это и в самом деле могло бы помочь.

– Я могу отвезти тебя на собеседование, – сказала я. – И могу составить для тебя резюме, с которым тебя примут на любую работу.

Взглянув на него, я пересмотрела свое предложение:

– Ну, в пределах разумного.

Адриан выпрямился.

– Прости, Сейдж. Ну какой из меня работник?

Тут вернулись Кларенс и Кит. Лицо Кларенса было полно воодушевления.

– Спасибо вам, спасибо, – говорил он. – Так приятно побеседовать с тем, кто разделяет мое беспокойство насчет охотников.

Я и не знала, что Кита заботит что-либо, кроме собственных интересов. Ли помрачнел, когда осознал, что Кит поощряет странные идеи

старика. Тем не менее Ли воздержался от замечания, которое, несомненно, вертелось у него на языке. Я впервые увидела на его лице негативные эмоции: похоже, Кит мог подействовать даже на самого жизнерадостного человека.

Кларенс был счастлив видеть нас. Дороти тоже.

Люди, дающие кровь вампирам, отвратительны не только из-за самого этого акта. Ужасно еще и возникающее в результате пристрастие. Вампиры выпускают в кровь тех, из кого они пьют, эндорфины, вызывающие приятный кайф. Люди-кормильцы, живущие среди мороев, проводят под кайфом целые дни, становясь крайне зависимыми от вампиров. Кое-кого вроде Дороти, которая много лет жила только с Кларенсом, кусают не так много, чтобы они стали настоящими наркоманами. Но теперь, когда рядом были Джил и Адриан, Дороти получала все больше удовольствия. Ее глаза загорелись при виде Джил, так она предвкушала новую дозу.

– Слушай, Сейдж, – сказал Адриан, – на собеседование мне не нужно, но не могла бы ты подвезти меня купить сигарет?

Я начала было говорить, что не собираюсь потакать такой плохой привычке, но потом заметила, как многозначительно Адриан смотрит на Дороти.

«Он что, пытается убрать меня отсюда? – задумалась я. – Дает мне предлог, чтобы не находиться поблизости во время “кормления”?»

Судя по имеющимся у меня сведениям, морои не утаивали друг от друга свои «кормления». Джил и Дороти обычно просто покидали комнату, чтобы мне не было неприятно. Наверное, они снова так поступят, но я решила воспользоваться возможностью и уехать. Конечно, я взглянула на Кита, в ожидании его реакции. Я думала, что он начнет протестовать, но Кит только пожал плечами. Похоже, сейчас я заботила его меньше всего.

– Хорошо, – сказала я, вставая. – Пошли.

В машине Адриан повернулся ко мне.

– Я передумал, – сказал он. – Ловлю тебя на слове насчет помощи в поисках работы.

Я чуть было не свернула на встречу. Немногие слова Адриана могли бы удивить меня сильнее – а он регулярно говорил самые удивительные вещи.

– Быстро ты передумал. Ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Ты все еще хочешь мне помочь?

– Конечно. Хотя помочь могу только этим. Я не в силах просто взять и найти тебе работу.

Я просмотрела свой мысленный список того, что знала об Адриане.

– Полагаю, ты сам не представляешь, чем бы по-настоящему хотел заняться?

– Я хочу чего-нибудь увлекательного, – ответил он. Подумал и добавил: – И хочу зарабатывать много денег – но как можно меньше работать.

– Мило, – пробормотала я. – Это сужает круг поисков.

Мы добрались до центра города, и я ухитрилась безупречно припарковаться впритык к другой машине. Это не впечатлило Адриана так, как следовало бы.

Мы находились прямо перед открытым допоздна магазинчиком, и я осталась ждать Адриана снаружи. Смеркалось. Я часто выбиралась из кампуса, но до сих пор мои поездки ограничивались посещениями дома Кларенса, площадок для мини-гольфа и заведений фастфуда. Оказалось, что город Палм-Спрингс довольно симпатичный. Вдоль улиц тянулись бутики и рестораны, и я могла бы провести целые часы, наблюдая за людьми. Пенсионеры в одежде для гольфа прогуливались с юными гламурными дивами. Я знала – тут бывает много праздников, но была слишком далека от мира развлечений, чтобы понимать суть здешних праздников.

– Проклятье! – сказал Адриан, появляясь из магазинчика. – Они подняли цену на марку, которую я всегда покупаю. Пришлось купить какое-то дерьмо.

– Знаешь, – сказала я, – если бы ты бросил курить, это стало бы отличным способом сэкономить...

Я застыла, заметив кое-что дальше по улице. В трех кварталах отсюда, сквозь листья пальм, едва виднелась вывеска с витиеватой надписью готическим шрифтом: «Невермор». Так вот оно – заведение, откуда появляются татуировки, распространившиеся, словно болезнь, по Амбервуду. Со времени происхождения с Кристин мне хотелось получше в этом разобраться, но я не знала – как. Теперь представился случай.

На мгновение мне вспомнилось, что Кит велел не впутываться ни в какие дела, которые могут привлечь ко мне внимание или породить проблемы. Потом я подумала о том, как выглядела Кристин во время передозировки. У меня была возможность действительно что-то предпринять. Я приняла решение.

– Адриан, – сказала я, – мне нужна твоя помощь.

Я потащила его к салону татуировок, на ходу объясняя ситуацию. На мгновение Адриан настолько заинтересовался дающими кайф татуировками, что я уж подумала – он хочет сделать себе такую. Но когда я

рассказала о Кристин, его энтузиазм угас.

– Даже если это не технология алхимиков, они все равно делают что-то опасное, – объяснила я. – Не только в случае с Кристин. То, что вытворяют Слейд и другие парни, используя стероиды, чтобы лучше играть в футбол, – это просто отвратительно. От такого страдают люди.

Внезапно мне вспомнились синяки и ссадины Трея.

Мы остановились в маленьком переулке, отделяющем салон от соседнего ресторана. Сюда выходила задняя дверь салона, и как раз в этот момент она открылась. Вышедший из нее мужчина зажег сигарету и сделал уже два шага, когда еще один человек высунул голову из двери и окликнул:

– Ты надолго?

Я смогла разглядеть за этим вторым человеком полки и столы.

– Сбегаю в магазин, – сказал тот, что с сигаретой. – Буду через десять минут.

Второй парень вернулся в салон, закрыв дверь. Несколько мгновений спустя мы увидели его через окно – он прибирал что-то на столе.

– Я должна туда попасть, – сказала я Адриану. – В заднюю часть салона, вон через ту дверь.

Он выгнул бровь.

– Что, прокрасться тайком? Надо же, настоящая секретная операция. И знаешь ли, опасная и глупая.

– Знаю, – ответила я, удивляясь тому, как спокойно звучит мой голос. – Но я должна кое-что выяснить, и, может быть, это мой единственный шанс.

– Тогда я пойду с тобой на случай, если парень вернется, – со вздохом сказал Адриан. – Никто никогда не скажет, что Адриан Ивашков не помог даме в беде. Кроме того, ты его видела? Он смахивает на безумного байкера. Они оба смахивают.

– Я не хочу, чтобы ты... Подожди.

Меня посетило вдохновение.

– Поговори с тем парнем в салоне.

– А?

– Войди через переднюю дверь. Отвлеки его, чтобы я смогла осмотреться. Поговори с ним о... не знаю о чем. Ты что-нибудь придумаешь.

Мы быстро обсудили план. Я отправила Адриана «на задание», а сама нырнула в переулок и приблизилась к боковой двери. Потянула за ручку и обнаружила, что дверь заперта.

– Само собой, – пробормотала я.

Какое заведение оставило бы дальнюю дверь незапертой и

незащищенной? Мой блестящий план начал рассыпаться на части... Пока я не вспомнила, что в сумочке у меня есть алхимические «предметы первой необходимости».

Мне редко требовалась полное оснащение, если не считать срочных манипуляций по избавлению от прыщей, поэтому я обычно оставляла чемоданчик дома. Алхимики всегда готовы, где бы ни находились, скрыть признаки появления вампира. Поэтому мы всегда держим при себе пару нужных приспособлений. Прежде всего – вещество, способное растворить в течение минуты тело стригоя. И еще одно, почти столь же эффективно растворяющее металл. То была разновидность кислоты, и я держала ее в своей сумке в защищенном флаконе.

Теперь я быстро выудила флакон и отвинтила крышку. В ноздри мне ударил горький запах, заставив меня поморщиться. Держа в руке стеклянную пипетку из флакона, я очень осторожно наклонилась, капнула несколько капель прямо в центр замка и сразу отступила, когда оттуда поднялся белый дымок. В течение тридцати секунд дымок полностью рассеялся, и в центре дверной накладки появилась дыра. У этой субстанции, которую мы называем «жидким огнем», есть одно милое свойство – реакция всегда протекает очень быстро. Теперь вещество стало инертным, и, попади оно мне на кожу, ничего страшного бы не произошло. Я нажала на ручку, и она повернулась.

Я приоткрыла дверь совсем немножко, просто убеждаясь, что никого поблизости нет. Так и было. Пусто.

Я прокралась в дом, тихо затворила за собой дверь и заложила изнутри засов, чтобы ее наверняка никто не открыл.

Как я уже заметила с улицы, тут находилась кладовая, полная всевозможных инструментов для татуировочного ремесла. Еще я увидела три двери – одна вела в ванную, за второй находилась темная комната, а за третьей была передняя часть салона и главная стойка. Из-за третьей двери лился свет и слышался голос Адриана.

– У моего друга есть такая, – говорил он. – Когда я ее заметил, он сказал, что сделал ее здесь. Ну же, не морочьте мне голову.

– Простите, – ответили ему хриплым голосом. – Понятия не имею, о чем вы говорите.

Я начала медленно исследовать стенные шкафы и выдвижные ящики, читая ярлыки и выискивая что-нибудь подозрительное. Тут всего было слишком много, а времени у меня – мало.

– Дело в деньгах? – спросил Адриан. – Денег у меня хватает. Просто скажите, сколько это стоит.

Наступила долгая пауза. Я надеялась, что Адриана не попросят продемонстрировать наличные, поскольку остаток его денег ушел на содействие онкологическим заболеваниям (я имею в виду купленные сигареты).

– Не знаю, – сказал наконец парень. – Если бы я даже мог сделать ту медную татуировку, о которой вы говорите, – а я не утверждаю, что могу, – вам, наверное, не под силу ее себе позволить.

– Я же сказал, – ответил Адриан, – просто назовите цену.

– А что именно вас интересует? – медленно проговорил тот человек. – Просто такой же цвет?

– Думаю, мы оба это знаем, – усмехнулся Адриан. – Мне нужен цвет. И мне нужны «дополнительные эффекты». И мне нужно выглядеть круто. Вы, наверное, даже не сможете выполнить тот рисунок, который я хочу.

– Вот об этом можете не беспокоиться, – возразил парень. – Я занимаюсь этим ремеслом не первый год. И могу изобразить все, что вы захотите.

– Да? А вы можете изобразить скелет на мотоцикле с вырывающимся из мотоцикла пламенем? И я хочу, чтобы на скелете-байкере была пиратская шляпа. А на плече у него – попугай. Скелет попугая. Или, может, скелет попугая-ниндзя? Нет, это было бы уже чересчур. Но здорово было бы, если бы скелет-байкер кидал метательные звезды, как у ниндзя. И чтобы они горели.

Тем временем я все еще не нашла ничего из того, что мне требовалось. Но мне оставалось исследовать еще миллион укромных закутков. Я уже начинала паниковать. Время истекало.

Меня словно потянуло в темную комнату. Кинув быстрый взгляд в сторону передней части магазина, я включила свет и затаила дыхание. Никто, должно быть, ничего не заметил, потому что беседа продолжалась, не прерываясь.

– Наверное, это самая нелепая вещь, о которой я когда-либо слышал, – заявил татуировщик.

– А леди скажут другое, – ответил Адриан.

– Послушай, малыш, – проговорил парень, – дело даже не в деньгах. Дело в материале. На то, о чем ты говоришь, уйдет прорва чернил, а у меня на складе осталось не так уж много.

– Ну, а когда следующие поставки? – спросил Адриан.

Я затаила дыхание, увидев, что нахожусь собственно в комнате, где делали татуировки. Тут стояло удобное кресло – куда удобнее стола, на котором делали татуировку мне, – и маленький приставной столик,

заваленный инструментами. Судя по их виду, последний сеанс был совсем недавно.

– У меня уже целый список желающих. А когда поступят чернила, пока не знаю.

– Вы сможете мне позвонить, когда выясните? – спросил Адриан. – Я вам оставлю свои координаты. Меня зовут Джет Стил^[15].

Если бы не напряженная ситуация, я бы застонала. Джет Стил? В самом деле?

Я перестала об этом думать, когда наконец-то нашла, что искала. У татуировочного пистолета на столике имелся свой резервуар с краской, но рядом стояло несколько пузырьков поменьше. Все они были пусты, но в некоторых оставалось достаточно металлического осадка содержащихся в них ранее ингредиентов, чтобы дать мне ключ к разгадке.

Недолго думая, я начала закупоривать пузырьки и складывать их в свою сумку. Неподалеку я заметила несколько запечатанных пузырьков с темной жидкостью и на мгновение застыла. Потом осторожно взяла один, открыла и понюхала.

Это было то, чего я боялась.

Завинтив крышку, я присоединила пузырьки к уже лежащим у меня в сумке.

И тут я услышала за спиной шум. Кто-то пытался открыть заднюю дверь. Но я заперла ее за собой на засов, и она не подавалась. И все-таки это означало, что у меня больше нет времени тут рыскать. Едва застегнув сумку на молнию, я услышала, как открылась передняя дверь магазина.

– Джоуи, почему заперта задняя дверь? – спросил сердитый голос.

– Она всегда заперта.

– Нет, засов задвинут. Изнутри. Такого не было, когда я уходил.

То был намек, что мне пора сматываться. Я выключила свет и начала торопливо продвигаться обратно к кладовке.

– Подождите! – воскликнул Адриан.

В его голосе слышалось беспокойство, как будто он пытался привлечь чье-то внимание. У меня появилось тревожное чувство, что двое работавших тут парней двинулись за стойку, желая проверить, в чем дело.

– Я еще не закончил, – заявил Адриан. – А можно сделать так, чтобы попугай тоже носил пиратскую шляпу? Такую миниатюрную?

– Минуточку. Нам нужно кое-что проверить.

Этот голос прозвучал громче прежнего. Ближе.

Неловкими руками я нащупала задвижку. Справилась с ней, открыла дверь и поспешила на улицу; позади меня раздавались голоса. Не

задерживаясь, чтобы оглянуться, я закрыла дверь и выбежала в переулок, а потом устремилась по улице туда, где припарковалась. Я была почти уверена, что меня не успели толком рассмотреть. Думаю, для них я была лишь силуэтом, метнувшимся из дверей. И все-таки я была рада сутолоке на улицах. Растворившись в ней, я смогла незаметной, как надеялась, добраться до машины. Руки у меня были влажными и дрожали, пока я возилась с ключами, отпирая дверцу.

Мне очень хотелось оглянуться, но я боялась привлечь внимание тех двоих, если они рыскали по улице. Пока у них нет причин меня подозревать...

Внезапно кто-то схватил меня за руку и дернул. Я задохнулась.

– Это я, – сказал нападавший.

Адриан. Я вздохнула с облегчением.

– Не оборачивайся, – спокойно сказал он. – Просто садись в машину.

Я послушалась. Как только мы оба оказались в безопасности, в салоне, я сделала глубокий вдох, ошеломленная ударами собственного сердца. Рожденный страхом адреналин хлынул в мою грудь с такой силой, что стало больно. Я закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья.

– Еще бы чуть-чуть, – сказала я. – А ты хорошо справился, между прочим.

– Знаю, – гордо ответил Адриан. – И вообще-то теперь я не отказался бы от такой татуировки. Ты нашла, что искала?

Я открыла глаза и вздохнула.

– Нашла. И даже больше того.

– Итак, что же это такое? Они вводят наркотики в татуировки?

– Хуже, – сказала я. – Они используют кровь вампира.

Глава семнадцатая

Мое открытие разом вывело проблемы татуировок на совершенно новый уровень. Раньше я думала, что борюсь с людьми, которые используют технологии, схожие с технологиями алхимиков, и открывают тем самым доступ наркотикам в Амбервуд. Теперь, когда в деле оказалась замешана вампирская кровь, оно перешло в сферу деятельности алхимиков. Нашей главной задачей было оберегать людей от знания о существовании вампиров. Если кто-то незаконно вводит людям вампирскую кровь, он переступает дозволенную черту.

Я знала, что должна немедленно подать рапорт. Если кому-то в руки попала кровь вампира, алхимикам требовалось послать сюда отряд для расследования. Следуй я обычному порядку субординации, мне полагалось бы рассказать обо всем Киту и позволить ему доложить начальству. Но я не сомневалась – в таком случае он присвоит всю честь раскрытия себе.

Не то чтобы мне так уж хотелось прославиться. Но слишком многие алхимики заблуждались, считая Кита честным и прямым человеком. Мне не хотелось подпитывать эту веру.

Но прежде чем что-нибудь предпринять, нужно было изучить содержимое остальных пузырьков. Я могла гадать, что входит в металлический осадок, но не могла знать наверняка – взят ли он прямо из каталога алхимиков, как вампирская кровь, или это просто подделка. А если вещества были взяты из наших формул, с одного взгляда не определишь состав наверняка. Например, серебряный порошок в одном из пузырьков мог представлять собой несколько разных алхимических смесей.

Я собиралась проделать кое-какие эксперименты и прояснить вопрос, но одна из субстанций поставила меня в тупик. То была прозрачная, мутноватая жидкость без заметного запаха. Я полагала, что это наркотик, использовавшийся в небесных татуировках. Кровь вампира не вызвала бы такого кайфа, хотя полностью объяснила бы сумасшедшую энергию так называемых стальных татуировок.

Итак, я начала проводить все возможные эксперименты, в то же время продолжая заниматься обычными школьными делами.

На этой неделе на занятиях физкультурой мы играли в баскетбол в помещении, поэтому Джил участвовала в игре – и стала мишенью для замечаний Лорел. Я то и дело слышала от Лорел колкости наподобие:

– А ведь при ее росте следовало бы ожидать от нее игры получше.

Она, считай, может коснуться корзины, не подпрыгивая. А может, ей превратиться в летучую мышь и взлететь туда?

Услышав это в очередной раз, я вздрогнула. Несмотря на то что я приказывала себе не обращать большого внимания на подкалывания, всякий раз от таких слов меня охватывала паника. Однако приходилось держать себя в руках. Если я хотела помочь Джил, нужно было пресечь всякие шуточки – и не только касающиеся вампиров. Если бы я заостряла внимание на этих репликах, ничего хорошего бы не вышло.

После каждого язвительного замечания Мика пытался утешить Джил, что явно бесило Лорел еще больше.

До моих ушей долетали не только слова Лорел. Со времени набег на салон татуировок я узнала много интересной информации от Слейда и его друзей.

– Ну, он сказал – когда?

Мисс Карсон проверяла посещаемость в группе, а Слейд расспрашивал парня по имени Тим о его недавнем визите в салон.

Тим покачал головой.

– Нет. У них трудности с поставками. Похоже, поставщик получил товар, но не хочет отдавать его по старой цене.

– Проклятье! – прорычал Слейд. – Мою татуировку пора обновить.

– Ага, – сказал Тим. – А как же я? У меня еще не было даже первой.

Уже не в первый раз я слышала, что ученики хотят обновить уже имеющуюся небесную татуировку. Вот вам пагубное пристрастие в действии.

Когда физкультура закончилась, лицо у Джил было непроницаемым, но мне показалось, что она сдерживает слезы. Я попробовала заговорить с ней в раздевалке, но она лишь покачала головой и направилась в душ. Я собиралась и сама туда пойти, как вдруг услышала пронзительный вопль. Те из нас, кто еще стоял у шкафчиков, ринулись в душевую, чтобы посмотреть, что же происходит.

Лорел отдернула занавеску своей кабинки и выбежала, забыв, что она голая. Я разинула рот. Она была покрыта блестящей коркой льда. Капли душа застыли на ее коже и волосах, хотя в жарком пару остальной комнаты уже начали таять. Я взглянула на душ и заметила, что вода, льющаяся из головки душа, тоже застыла, сделавшись твердой.

Услышав вопли Лорел, мисс Карсон вбежала в комнату. Она была потрясена так же, как все остальные, ставшие свидетелями, казалось бы, невозможного события. В конце концов преподавательница объявила, что это какая-то непонятная проблема с трубами и нагревателем.

Типично для человеческой расы. Мы всегда ищем самое притянутое за уши научное объяснение, прежде чем начать искать в области нереального.

Но в данном случае это лишь облегчало мне работу.

Мисс Карсон попыталась заставить Лорел зайти в другую душевую кабинку, чтобы смыть лед, но та отказалась. Она подождала, пока весь лед растает, а потом вытерлась полотенцем. Когда в конце концов Лорел отправилась на занятия, ее волосы выглядели ужасно, и я насмешливо ухмыльнулась. Наверное, сегодня она не будет перебрасывать волосы туда-сюда.

– Джил! – окликнула я, заметив, как моя подопечная пытается смешаться с группой девочек, покидающих раздевалку.

Она виновато оглянулась через плечо, но сделала вид, что не слышала моего оклика. Я вышла сразу же вслед за ней и снова позвала:

– Джил!

Она явно меня избегала.

В коридоре Джил заметила Мику и поспешила к нему. Умно. Она знала, что я не рискну задавать опасные вопросы в его присутствии.

Джил ухитрилась избегать меня весь остаток дня, но я засела в нашей комнате и не выходила до тех пор, пока в конце концов перед самым комендантским часом Джил не вернулась домой.

– Джил, о чем ты только думала? – воскликнула я, как только она вошла.

Джил бросила свои книжки и повернулась ко мне. У меня было ощущение, что не только я заготовила сегодня речь.

– Я думала о том, что до смерти устала выслушивать всякую ерунду от Лорел и ее подружек.

– Поэтому заморозила ее душ? – спросила я. – И как это ее остановит? Не думаю, что этим ты можешь заслужить уважение.

Джил пожала плечами.

– Зато мне стало легче.

– И это тебя извиняет?

Я едва верила своим ушам. Джил всегда казалась такой благоразумной. Она справилась с тем, что стала принцессой, она отчетливо осознала свою смерть. А теперь сломалась.

– Ты знаешь, что рисковала? Мы пытаемся не привлекать к тебе внимания!

– Мисс Карсон это не показалось странным.

– Мисс Карсон придумала шаткое объяснение для самоуспокоения! Вполне в духе людей. Какой-нибудь рабочий внимательно все осмотрит и

объявит, что трубы не замерзают сами собой – тем более в Палм-Спрингсе!

– Ну и что? – спросила Джил. – И следующим логическим шагом будет мысль о вампирской магии?

– Конечно нет, – сказала я. – Но пойдут разговоры. Ты разбудишь подозрения.

Джил внимательно посмотрела на меня.

– Тебя на самом деле беспокоит именно это? Или дело в том, что я вообще пустила в ход магию?

– Разве это не одно и то же?

– Нет. Я имею в виду, ты расстроена, что я использовала магию, поскольку не любишь магию. Тебе не нравится все, имеющее отношение к вампирам. Думаю, это личное. Я знаю, что ты думаешь о нас.

Я застонала.

– Джил, ты мне нравишься. Ты права – магия слегка меня тревожит...

«В общем-то, очень сильно тревожит».

– ...Но не мои личные чувства заставят людей гадать, по какой причине вода могла вот так замерзнуть.

– Я не дам ей снова так вести себя! Это неправильно.

– Знаю. Но ты должна быть лучше нее.

Джил села на кровать и вздохнула. Ее гнев быстро сменился отчаянием.

– Мне невыносимо тут жить. Я мечтаю вернуться в Академию Святого Владимира. Или ко двору. Или в Мичиган. Куда угодно, только бы не торчать здесь.

Она умоляюще посмотрела на меня.

– Неизвестно, когда я смогу вернуться?

– Нет, – ответила я, не желая говорить, что это может случиться еще не скоро.

– Все здесь так хорошо проводят время, – сказала Джил. – Тебе тут нравится. У тебя полно друзей.

– Я не...

– Эдди тоже тут нравится. У него есть Мика и другие парни из их общежития, с которыми он проводит время. К тому же у него есть я, поэтому есть цель – присматривать за мной.

Я никогда не думала об этом с такой точки зрения, но поняла – Джил права.

– А я? Что есть у меня? Ничего, кроме дурацкой связи, которая просто угнетает меня еще больше, когда мне приходится «слушать», как Адриан себя жалеет.

– Завтра я повезу Адриана искать работу, – сообщила я, не уверенная, что это действительно поможет.

Джил безрадостно кивнула.

– Знаю. Теперь, наверное, и у него начнется замечательная жизнь.

Джил погружалась в собственные переживания и тоже начинала себя жалеть, но, если подумать... Я чувствовала, что сейчас она имеет на это право.

– У тебя есть Ли, – напомнила я.

Это вызвало у Джил улыбку.

– Знаю. Он замечательный. Он мне очень нравится, и я поверить не могу... Я имею в виду, кажется просто сумасшествием, что я тоже ему нравлюсь.

– Не таким уж сумасшествием.

Ее оживление угасло.

– Ты знаешь, что, по мнению Ли, я могу быть моделью? Он говорит, что такие фигуры, как у меня, очень нравятся человеческим модельерам и что он знает в городе дизайнера, который ищет модель. Но Эдди считает это кошмарной затеей, ведь я не могу рисковать, позволяя себя фотографировать. Он сказал, если это обнаружится, меня могут найти.

– Он прав, – сказала я. – Как ни крути. У тебя и вправду фигура модели – но это было бы слишком опасно.

Джил с обреченным видом вздохнула.

– Видишь? Ничего у меня не получается.

– Мне жаль, Джил. Правда жаль. Я знаю, что это трудно. Все, о чем я могу просить, – попробуй быть сильной. Пока ты отлично справлялась. Продержись еще немножко, ладно? Просто продолжай думать о Ли.

Даже мне самой эти слова показались неискренними. Я задумалась – не взять ли ее в поездку с Адрианом, но в конце концов отказалась от этой мысли. Вряд ли Адриану пойдет на пользу, если он станет отвлекаться. А еще я сомневалась, что Джил будет это интересно. Если она действительно так жаждет наблюдать, как Адриан проходит собеседования, она может «послушать» с помощью связи.

На следующий день после школы я встретила с Адрианом, и впервые за целую вечность в старом доме не оказалось ни Ли, ни Кита. Однако Кларенс там был и чуть не сбил меня с ног, когда я вошла.

– Ты слышала? – спросил он. – Слышала насчет бедняжки?

– Какой бедняжки? – насторожилась я.

– Той, которую убили в Лос-Анджелесе пару недель назад.

– Да, – ответила я, чувствуя облегчение оттого, что имеется в виду не

новая смерть. – Такая трагедия. Нам повезло, что тут нет стригоев.

Кларенс посмотрел на меня на удивление пронизательным взглядом.

– Это были не стригои! Ты вообще слушала, что я говорю? Это были они. Охотники на вампиров.

– Но у нее выпили кровь, сэр. А разве вы не говорили, что охотники на вампиров – люди? Ни у одного человека не было бы причин пить кровь мороя.

Кларенс отвернулся от меня и начал расхаживать по гостиной. Я огляделась, гадая, где Адриан.

– Все продолжают это твердить! – сердито сказал Кларенс. – Как будто я сам не знаю. Я не могу объяснить, почему они поступают именно так. Они очень странные. Они поклоняются солнцу, и у них необычные представления о зле и чести – даже более необычные, чем у вас.

Ну, это уже кое-что. По крайней мере, он знал, что я – человек. Иногда я сомневалась, понимает ли он это.

– А еще у них странные представления о том, какой вампир должен умереть. Они убивают всех стригоев без разбора. А вот с мороями и дампирями более осторожны.

– Вы явно много о них знаете, – сказала я.

– С тех пор как погибла Тамара, я посвятил себя этому.

Кларенс вздохнул и внезапно стал казаться очень, очень старым.

– По крайней мере, Кит мне верит, – сказал он.

Я постаралась сохранить бесстрастное выражение лица.

– Да?

Кларенс кивнул.

– Он хороший молодой человек. Ты должна дать ему шанс.

Я не сумела совладать с собой и поняла, что сердито хмурюсь.

– Я попытаюсь, сэр.

Тут, к моему большому облегчению, в комнату вошел Адриан. Оставаться наедине с Кларенсом было жутковато, даже когда он не превозносил в открытую Кита Дарнелла.

– Готов? – спросила я.

– Еще бы, – отозвался Адриан. – Не могу дождаться, когда же стану полезным членом общества.

Я окинула его наряд быстрым оценивающим взглядом, и мне пришлось прикусить язык, чтобы воздержаться от комментариев. Конечно, он был одет прекрасно, как и всегда. Джил называла мой гардероб дорогим, но до Адриана мне было далеко. Сегодня он надел черные джинсы и рубашку на пуговицах цвета бургундского вина; причем не заправил ее в

брюки и не застегнул. Волосы его были специально уложены так, словно он недавно встал с постели. Не повезло ему, что его волосы отличались от моих – мои выглядели такими взъерошенными без всякой укладки.

Следует признать, выглядел он отлично – но не так, как будто собирался отправиться на собеседование к работодателю, а словно хотел прошвырнуться по клубам.

Это породило во мне противоречивые чувства. Я поймала себя на том, что восхищаюсь им, и мне снова вспомнилось, что порой я смотрела на Адриана как на произведение искусства. Это слегка смущало, ведь я знала: вампиры не привлекательны в том смысле, в каком бывают привлекательны люди. К счастью, вскоре верх взяла практическая сторона моей натуры и я твердо сказала себе, что неважно, хорошо он выглядит или нет. Так или иначе, но вид у него был совершенно неприемлемый для собеседований. Но меня это не должно было удивлять. Таков уж Адриан Ивашков.

– Ну и какая у нас программа? – спросил он, едва мы отправились в путь. – Думаю, что «председатель Ивашков» звучит отлично.

– На заднем сиденье лежит папка, председатель.

Адриан развернулся и взял папку. Быстро просмотрев содержимое, он объявил:

– Хвалю тебя за разнообразие, Сейдж. Но не думаю, что какая-нибудь из этих работ поможет мне вести тот образ жизни, к которому я привык.

– Там и твое резюме, в самом конце. Я сделала что могла, но нам приходится придерживаться кое-каких ограничений.

Он пролистал бумаги и нашел резюме.

– Ух ты! Я был ассистентом преподавателя в Академии Святого Владимира?

Я пожала плечами.

– Это самое близкое к тому, чем ты занимался.

– И Лисса была моим начальником? Надеюсь, она дала мне хорошие рекомендации.

Когда Василиса и Роза еще учились в школе, Адриан жил там и вместе с Василисой учился использовать стихию духа. «Ассистентом преподавателя», конечно, назвать его можно было лишь с натяжкой, зато эта должность характеризовала Адриана как человека пунктуального и способного справляться с самыми разнообразными задачами.

Он закрыл папку и откинулся на спинку, закрыв глаза.

– Как малолетка? Когда я в последний раз ее видел, она выглядела расстроенной.

Я подумала – не солгать ли, но решила, что Адриан, наверное, рано

или поздно узнает правду, или выяснив все от самой Джил, или вычислив с помощью дедукции. Рассудительность Адриана, может, и была сомнительной, но я поняла, что он превосходно разбирается в людях. Эдди заявлял: это из-за того, что Адриан – пользователь духа и у него есть особая аура. Но я не слишком ему поверила. У алхимиков не было твердых доказательств, что ауры и впрямь существуют.

– Ситуация осложняется, – сказала я, поведав Адриану о случившемся в школе.

– Прodelка с душем была уморительной, – заметил он, выслушав меня.

– Она была безответственной! Почему никто этого не понимает?

– Но та девчонка сама напросилась.

Я вздохнула.

– Ребята, вы забыли, почему мы здесь? Уж от тебя-то никак не ожидала! Ты был свидетелем ее смерти. Разве ты не понимаешь, как важно для нее оставаться в безопасном месте и не высовываться?

Адриан несколько мгновений молчал, и, когда я взглянула на него, лицо его было необычно серьезным.

– Знаю, – сказал он. – Но я не хочу, чтобы она была несчастной. Она... она этого не заслуживает. В отличие от всех нас.

– Не думаю, что и мы это заслуживаем.

– Может, ты и не заслуживаешь, – сказал он с легкой улыбкой. – Из-за своего строгого образа жизни и всякого такого. Не знаю. Джил просто настолько... невинная. Знаешь, поэтому я ее и спас. Я имею в виду, в том числе поэтому.

Я вздрогнула.

– Когда она погибла?

Адриан кивнул; взгляд его выдавал тревогу.

– Когда я увидел ее, окровавленную и неподвижную... Я не думал о последствиях своего поступка. Просто знал, что должен ее спасти. Я действовал безотчетно, даже не уверенный, получится ли у меня.

– Это был отважный поступок.

– Может быть. Не знаю. Зато знаю, что она много выстрадала. И не хочу, чтобы ей приходилось страдать еще больше.

– Я тоже не хочу.

Меня тронуло его участие. Адриан все время продолжал удивлять меня диковинными словами и поступками. Иногда было трудно представить, что его по-настоящему заботят чьи-то проблемы, но, когда он говорил о Джил, неизменно смягчался.

– Я сделаю, что могу. Знаю, я должна была больше с ней разговаривать... Быть для нее подругой получше или даже поддельной сестрой. Просто...

Адриан посмотрел на меня.

– Это и вправду так ужасно – находиться рядом с нами?

Я покраснела.

– Нет. Но... Это сложно. Всю жизнь меня учили определенным вещам. Таким, от которых трудно отмахнуться.

– Самые великие перемены в истории происходили, когда люди были способны отмахнуться от того, что им диктовали другие.

Адриан отвернулся от меня и уставился в окно.

Я почувствовала раздражение, услышав эти слова. Конечно, сказано красиво. Люди зачастую говорят нечто подобное, не понимая толком подтекста. Будь собой, борись с системой! Но те, кто так говорит – вот как Адриан, – никогда не жили моей жизнью. Они не росли в настолько жесткой системе убеждений, что она походила на тюрьму. Их не вынуждали отказаться от самостоятельного мышления и принятия решений.

Я поняла, что его слова не только вызвали во мне раздражение. Они меня разозлили. И пробудили зависть.

Сердито нахмурившись, я выдала реплику, достойную самого Адриана:

– Мне добавить к твоему резюме «мотивационный оратор»?

– Если мне как следует за это заплатят, я согласен. О! – выпрямившись, сказал Адриан. – Наконец-то я с ним разобрался. С тем парнем, Микой, который так тебя беспокоит.

– Разобрался?

– Да. Разобрался, почему он кажется знакомым. Мика как две капли воды похож на Мейсона Эшфорда.

– На кого?

– На дампира из Академии Святого Владимира. Некоторое время он встречался с Розой.

Адриан ухмыльнулся и прижался щекой к стеклу.

– Ну, в том смысле, в каком кто-нибудь вообще с ней встречался. Она сходила с ума по Беликову, даже тогда. Как и в ту пору, когда мы с ней встречались. Не знаю, выяснил ли это Эшфорд или она смогла все время его дурачить. Надеюсь, что смогла. Бедный малый.

Я нахмурилась.

– Почему ты так говоришь?

– Он умер. Точнее, его убили. Ты об этом не знала? В прошлом году стригои захватили целую группу. Роза и Кастиль выжили. Эшфорд – нет.

– Не знала, – сказала я, сделав мысленную заметку – как следует в этом разобраться. – Эдди тоже там был?

– Угу. По крайней мере физически. Стригои все время кормились им, поэтому он был по большей части бесполезен. Хочешь поговорить об эмоциональном ущербе? Далеко ходить не надо.

– Бедный Эдди, – сказала я.

Внезапно очень многое в этом дампире начало обретать для меня смысл.

Мы прибыли в первое намеченное место – юридическую фирму, в которой требовался административный помощник. Сама должность не соответствовала своему эффектному названию, и, наверное, в обязанности работника входило множество поручений, которые мы с Треем выполняли для миссис Тервиллигер. Но из трех рабочих мест, которые я нашла, это давало лучшие перспективы для дальнейшего продвижения.

Фирма явно преуспевала, судя по вестибюлю, в котором мы ожидали собеседования. В огромных, удачно расставленных вазах росли орхидеи, в центре помещения бил фонтан. Вместе с нами в вестибюле ожидали еще трое: хорошо одетая женщина лет за сорок, напротив нее – мужчина примерно того же возраста, а с ним куда более молодая особа, которую вышвырнули бы из Амбервуда за ее блузку с низким вырезом. Каждый раз, когда я смотрела на нее, мне хотелось прикрыть ложбинку между ее грудями кардиганом.

Эти трое были явно знакомы, потому что все время сердито поглядывали друг на друга.

Адриан по очереди разглядел каждого, потом повернулся ко мне.

– Эта юридическая фирма, – негромко проговорил он, – она специализируется на разводах, верно?

– Да, – ответила я.

Он кивнул и несколько мгновений размышлял над информацией. Потом, к моему ужасу, перегнулся через меня и сказал старшей женщине:

– Он дурак, это точно. Вы сногшибательная, стильная женщина. Подождите только. Он еще пожалеет.

– Адриан! – воскликнула я.

Женщина удивленно вздрогнула, но не выглядела такой уж оскорбленной. Тем временем на другом конце комнаты женщина помоложе, прильнувшая к мужчине, выпрямилась.

– Пожалеет? – спросила она. – Это еще что значит?

Я готова была провалиться сквозь землю. К счастью, случилось почти столь же удачное событие: секретарь вызвал троицу на прием к юристу.

– Тебе очень нужно было это говорить? – спросила я, когда они ушли.

– Я сказал то, что думал, Сейдж. Ты не веришь, что нужно говорить правду?

– Конечно, верю. Но всему свое место и время! Не говорить же правду незнакомцам, которые явно находятся в неловком положении.

– Без разницы, – ответил Адриан – судя по виду, он был крайне доволен собой. – Я стопроцентно улучшил леди настроение на целый день.

Тут из кабинета появилась женщина в черном костюме и на очень высоких каблуках.

– Я – Джанет Маккейд, управляющая конторой, – сказала она, нерешительно переводя взгляд с меня на Адриана и обратно.

Потом выбрала меня.

– Вы, должно быть, Адриан?

То, что она не знала, кто из нас Адриан, было понятно, но возникшая путаница не сулила ему ничего хорошего. Я оказалась права в своей оценке его клубного наряда. Моя коричневая юбка и кремовая блузка, вероятно, казались более подходящими для собеседования.

– Это Адриан, – сказала я, показав на него. – А я его сестра. Я здесь для моральной поддержки.

– Очень мило с вашей стороны, – слегка озадаченно сказала Джанет. – Что ж, тогда поговорим, Адриан?

– Конечно!

Адриан встал и пошел за женщиной. Я тоже вскочила.

– Адриан, – прошептала я, схватив его за рукав, – ты хочешь говорить правду? Сделай это там. Не приукрашивай ничего, не делай сумасшедших заявлений, будто был окружным прокурором.

– Усек, – сказал он. – Это будет легче легкого.

Если под «легче легкого» Адриан имел в виду, что все пройдет быстро, он оказался прав. Прошло всего пять минут, а он уже вышел из кабинета.

– Полагаю, тебе не предложили работу только из-за твоего внешнего облика? – спросила я, как только мы очутились в машине.

Адриан смотрел в пространство, но ответил на мои слова ослепительной улыбкой.

– Ой, Сейдж, как ты умеешь льстить!

– Я не это имела в виду! Что там случилось?

Он пожал плечами.

– Я сказал правду.

– Адриан!

– Да серьезно. Она спросила, в чем моя самая сильная сторона. Я ответил, что я хорошо лажу с людьми.

– Неплохо, – признала я.

– Потом она спросила, в чем моя самая слабая сторона. И я сказал: «С чего начать?»

– Адриан!

– Перестань произносить мое имя таким тоном. Я сказал правду. Когда я добрался до четвертого пункта, она заявила, что я могу идти.

Я застонала и подавила желание поколотиться головой о руль.

– Мне следовало тебя натаскать. Это же стандартный вопрос с подвохом. Тебе полагалось дать ответ вроде: «Я слишком увлекаюсь своей работой» или «Я перфекционист».

Адриан фыркнул и скрестил руки на груди.

– Это полная чепуха. Да кто вообще такое говорит?

– Люди, которые получают работу.

Поскольку теперь времени у нас было с запасом, я сделала все, что было в моих силах, чтобы отрепетировать с Адрианом ответы перед следующим собеседованием. Оно намечалось в «Спенсере», и я заставила Трея кое с кем там переговорить. Пока Адриан проходил собеседование в дальней части заведения, я заняла столик и взяла кофе. Минут через пятнадцать меня навестил Трей.

– Он и вправду твой брат? – поинтересовался он.

– Да, – ответила я, надеясь, что говорю убедительным тоном.

– Когда ты сказала, что он ищет работу, я представил мужскую версию тебя. Я решил, ему нравится маркировать химические склянки или что-нибудь еще в том же духе.

– Зачем ты мне это говоришь?

Трей покачал головой.

– Затем, что тебе лучше продолжить поиски работы для него. Я тут подслушал, как он разговаривает с моим менеджером. Она объясняла, что каждый вечер мы тут прибираем и моем. А он сказал что-то насчет своих рук и физического труда.

Я была не из любителей сквернословить, но в тот момент пожалела об этом.

Последнее собеседование было назначено в модном баре в центре города. Я приняла на веру, что Адриан знает любую выпивку в мире, и изготовила для резюме поддельное удостоверение об окончании курсов барменов. Это собеседование я переждала в машине, послав Адриана в бар

одного. Я решила, что здесь у него самые высокие шансы. По крайней мере, здесь оценят его наряд. Когда он вышел спустя десять минут, я пришла в ужас.

– Как?! – спросила я. – Как ты мог облажаться еще и на этом собеседовании?

– Когда я вошел, мне сказали, что менеджер говорит по телефону и будет через несколько минут. Поэтому я сел и заказал выпивку.

На сей раз я и вправду стукнулась лбом о руль.

– Что ты заказал?

– Мартини.

– Мартини. – Я подняла голову. – Ты заказал мартини перед собеседованием.

– Это бар, Сейдж. Я решил, что они отнесутся к этому нормально.

– Нет, ты так не решил! – воскликнула я.

Мой громкий голос удивил нас обоих, и Адриан слегка поежился.

– Ты не тупой, сколько бы ни притворялся тупым! Ты знаешь, что так делать нельзя. Ты поступил так, чтобы от них отделаться. И отделаться от меня. Вот в чем суть. Ты не отнесся ко всему этому серьезно. Ты потратил впустую время тех людей и мое время просто потому, что тебе было нечем заняться!

– Неправда, – сказал он, хотя не очень уверенно. – Я и вправду хочу работать... Только не в тех местах.

– Не в твоей ситуации быть разборчивым. Хочешь съехать от Кларенса? Это были твои билеты на выезд. Ты смог бы получить любую из этих должностей, если бы хоть чуть-чуть постарался. Когда тебе нужно, ты бываешь убедительным и милым. Ты мог бы заговорить всем зубы и добиться, чтобы тебя взяли.

Я завела машину.

– С меня хватит.

– Ты не понимаешь, – сказал Адриан.

– Я понимаю, что у тебя трудные времена. Я понимаю, что тебе больно. – Я отказывалась смотреть на него, обращая внимание только на дорогу. – Но это не дает тебе права играть жизнью других. Попытайся для разнообразия позаботиться о себе сам.

Адриан не отвечал, пока мы снова не оказались у дома Кларенса, и даже тогда я не хотела его слушать.

– Сейдж... – начал он.

– Вон из машины! – отрезала я.

Он заколебался, как будто мог и не согласиться, но в конце концов

уступил и быстро кивнул. Адриан вышел из машины и зашагал к дому, на ходу прикуривая сигарету.

Во мне пылали ярость и разочарование. Как один человек мог постоянно устраивать мне такие эмоциональные качели? Всякий раз, когда Адриан начинал мне нравиться и казалось, что мы с ним действительно нашли общий язык, он выкидывал номер наподобие сегодняшнего. Я ругала себя за то, что вообще позволила себе испытывать к нему дружеские чувства. Неужели я действительно раньше считала его произведением искусства? Да он просто какой-то обломок произведения искусства!

Эмоции все еще бурлили во мне, когда я вернулась в Амбервуд. Я нервничала при мысли о том, что в нашей комнате наткнулась на Джил. Наверняка она знает обо всем, что произошло с Адрианом, а у меня не было желания слушать, как она его защищает.

Но, войдя в общежитие, я продвинулась не дальше вахты. В вестибюле были миссис Везерс, а еще Эдди и офицер охраны. Неподалеку с бледным лицом маячил Мика.

У меня замерло сердце. Эдди ринулся ко мне; было видно, что он в полной панике.

– Вот ты где! Я не мог связаться с тобой через Кита.

– У м-меня был отключен мобильник.

Я посмотрела на миссис Везерс и офицера и увидела на их лицах такое же беспокойство.

– Что случилось?

– Джил, – мрачно проговорил Эдди. – Она исчезла.

Глава восемнадцатая

– Что значит «исчезла»? – спросила я.

– Она должна была встретиться с нами пару часов назад, – объяснил Эдди, переглянувшись с Микой. – Я подумал, она может быть с тобой.

– Я не видела ее после физкультуры.

Я очень старалась пока не поддаваться панике. Существовало слишком много возможных вариантов и слишком мало улик, чтобы прийти к выводу, что Джил похитили сумасшедшие моройские бунтовщики.

– Это очень большое пространство – я имею в виду три кампуса. Ты уверен, что она просто не устроилась где-нибудь позаниматься?

– Мы тщательно все обыскали, – сказал офицер охраны. – И преподаватели, и весь персонал подняты на ноги и ищут ее. Пока безрезультатно.

– И мобильник не отвечает, – добавил Эдди.

В конце концов я перестала сопротивляться страху, и это, должно быть, отразилось на моем лице. Выражение лица офицера смягчилось.

– Не волнуйтесь. Я уверен, что она объявится.

Такие успокаивающие вещи люди его профессии и обязаны говорить членам семьи.

– Но у вас есть еще какие-нибудь идеи насчет того, где она может быть? – продолжал офицер.

– Как насчет других ваших братьев? – спросил Мика.

Я боялась, что до этого дойдет. Я была почти стопроцентно уверена, что она не с Китом, но все равно, наверное, стоило известить его об исчезновении Джил. Придется выслушать очередную нотацию. К тому же в глазах других алхимиков это будет означать мой провал. Я должна была остаться рядом с Джил. В том и заключалась моя работа, верно? Вместо этого я опрометчиво помогала другим решать их мелкие проблемы. Не просто «другим», а вампиру! Так и расценят это алхимики: «подружка вампиров».

– Я только что была с Адрианом, – медленно проговорила я. – Думаю, Джил могла каким-то образом добраться до Кларенса и ждать Адриана там. Я не заходила в дом.

– С Адрианом я тоже пытался связаться, – сказал Эдди. – Он не отвечает.

– Прости, – сказала я. – Мы ездили на собеседования, поэтому он,

наверное, выключил телефон. Не хочешь попытаться снова?

Сама я точно этого не хотела.

Эдди отошел, чтобы позвонить Адриану, пока я разговаривала с миссис Везерс и офицером. Мика, явно нервничая, расхаживал вокруг, и я чувствовала вину из-за того, что всегда хотела держать его подальше от Джил. Конечно, расовые различия были проблемой, но он и вправду волновался за нее.

Я перечислила офицеру места, которые Джил часто посещала в кампусе. Но их все уже проверили.

– Ты с ним связался? – спросила я, когда Эдди вернулся.

Тот кивнул.

– Ее там нет. Но мне как-то неловко – теперь он очень беспокоится. Может, мы должны были подождать и пока ничего ему не говорить?

– Нет... Вообще-то это может помочь.

Я встретила с Эдди взглядом и увидела в его глазах искорку понимания. Когда Адриан испытывал бурные эмоции, они обрушивались на Джил. Если он будет паниковать достаточно сильно, надо надеяться, Джил уловит это беспокойство и объявится. Если предположить, что она прячется или ушла туда, где мы не можем ее найти. Я попыталась не рассматривать альтернативный вариант: что-то случилось там, откуда Джил не смогла с нами связаться.

– Иногда учащиеся просто сбегают, – сказал офицер. – Такое бывает каждый год. Порой они пытаются прокрасться обратно до наступления комендантского часа. Будем надеяться, что теперь именно такой случай. Если она не появится до тех пор – позвоним в полицию.

Мы поблагодарили его за помощь, и он отошел, чтобы устроить переключку остальным охранникам по рации. Миссис Везерс вернулась за свою стойку в вестибюле, но было ясно, что она сильно встревожена. Иногда она казалась ворчливой, но я чувствовала, как искренне она заботится о своих ученицах. Мика тем временем отправился к своим друзьям, работавшим в кампусе, на тот случай, если они что-нибудь видели.

Оставшись вдвоем, мы с Эдди, не сговариваясь, повернули к стоявшим в вестибюле стульям. Думаю, Эдди, как и мне, хотелось не выпускать из поля зрения дверь, чтобы заметить Джил в то мгновение, когда она появится.

– Я не должен был ее оставлять, – сказал он.

– У тебя не было выбора, – резонно ответила я. – Ты не можешь быть с ней во время занятий или в ее комнате.

– Поселиться в этом месте было плохой затеей. Оно слишком большое. Слишком трудно позаботиться о безопасности. – Эдди вздохнул. – Поверить не могу.

– Нет... Затея была хорошая. Джил нуждается в видимости нормальной жизни. Ты смог бы запереть ее в какой-нибудь в комнате и отрезать от всего внешнего мира, но что хорошего это бы дало? Ей нужно ходить в школу и быть с людьми.

– Большая же ей от этого польза.

– Да, – признала я. – Ей приходилось туго. Я все время надеялась, что потом станет легче.

– Я просто хотел, чтобы она была счастлива.

– Я тоже.

Меня пронзила тревожная мысль, и я выпрямилась.

– Ты не думаешь... Ты не думаешь, что она убежала и вернулась к своей матери? Или ко двору? Или еще куда-нибудь?

Эдди еще больше помрачнел.

– Надеюсь, она этого не сделала. Ты считаешь, что все настолько плохо?

Я вспомнила, как поспорила с Джил после случая с душем.

– Не знаю. Возможно.

Эдди уткнулся лицом в ладони.

– Поверить не могу, – повторил он. – Для меня это просто провал.

Когда дело касалось Джил, Эдди был жестким и решительным. Я еще никогда еще не видела его столь близким к отчаянию. Я боялась собственного провала с тех пор, как приехала в Палм-Спрингс, но только теперь поняла: Эдди поставил на кон ничуть не меньше. Я вспомнила слова Адриана об Эдди и его друге Мейсоне, о том, что Эдди чувствует себя в ответе за случившееся. Если Джил не вернется, не повторится ли та же история? Не станет ли это для Эдди еще одной потерей? Я подумала, что его миссия могла бы стать для него искуплением. Вместо этого теперь она могла превратиться в повторение случая с Мейсоном.

– Это не провал, – уверила его я. – Ты отвечал за ее защиту и справился с этим. Не в твоей власти даровать ей счастье. Если уж кого и надо обвинять, то только меня. Я прочитала ей нотацию за случай с душем.

– Да, но я лишил ее надежды, когда сказал, что из затеи Ли с модельным бизнесом ничего не выйдет.

– Но тут ты был прав... Ли! – задохнулась я. – Вот оно! Вот где Джил. Она с Ли, я уверена. У тебя есть его телефон?

Эдди застонал.

– Какой же я идиот!

Он достал мобильник и искал в нем номер.

– Я должен был догадаться.

Я прикоснулась к кресту у себя на шее, помолившись про себя, чтобы все разрешилось так просто. Если Джил жива и здорова, я могла перенести ее побег с Ли.

– Ли, привет! Это Эдди. Джил с тобой?

Последовала пауза, пока Эдди слушал ответ. Я не успела разобрать ни слова, как по позе Эдди уже все поняла. Он расслабился, по его лицу было видно, что его захлестнуло облегчение.

– Хорошо, – спустя несколько мгновений сказал он. – Пожалуйста, привези ее обратно. Немедленно. Все ее ищут.

Снова пауза. Лицо Эдди посуровело.

– Мы можем поговорить об этом позже.

Он дал отбой и повернулся ко мне.

– Она в порядке.

– Слава богу! – выдохнула я и встала, только теперь осознав, насколько была напряжена. – Скоро вернусь.

Я нашла миссис Везерс и офицера охраны и передала им новости. Офицер немедленно дал знать своим коллегам и вскоре ушел. К моему удивлению, миссис Везерс как будто с трудом удержалась от слез.

– С вами все нормально? – встревожилась я.

– Да, да.

Она засуетилась, смущенная своими эмоциями.

– Я просто так беспокоилась. Я... Я не хотела ничего говорить и вас всех пугать, но каждый раз, когда пропадает ученица... Понимаете, несколько лет назад отсюда исчезла одна девушка. Мы думали, она просто тайком улизнула – как сказал Мэтт, такое случается. Но оказалось...

Миссис Везерс сморщилась и отвернулась.

– Я не должна была вам этого говорить.

Как будто она могла промолчать после такого-то вступления.

– Нет, пожалуйста, расскажите.

Она вздохнула.

– Пару дней спустя ее нашла полиция – мертвой. Ее похитили и убили. Это было ужасно, и убийцу так и не поймали. И теперь, когда кто-нибудь исчезает, я просто вспоминаю об этом. Конечно, такого больше никогда не случилось. Но похожие происшествия пугают.

Нетрудно представить.

Вернувшись к Эдди, я снова подумала о нем и Мейсоне. Казалось, все

несли в душе груз прежних событий. Уж я-то – точно. Теперь, когда не приходилось больше тревожиться о том, в безопасности ли Джил, я думала только об одном: что скажут алхимики? Как прореагирует мой отец?

Когда я приблизилась к Эдди, он только что закончил очередной телефонный разговор.

– Я позвонил Мике и успокоил его, – объяснил Эдди. – Он не на шутку волновался.

Все свидетельства былой душевной травмы миссис Везерс исчезли в то мгновение, когда в дверь вошли Джил и Ли. Джил казалась довольно жизнерадостной, пока не увидела наши лица. Это заставило ее остановиться. Ли рядом с ней уже был мрачен. Думаю, он знал, что надвигается.

Мы с Эдди поспешили к ним, но нам не дали шанса сразу же заговорить. Миссис Везерс немедленно потребовала, чтобы ей объяснили, где они были. Джил не стала отпираться и рассказала правду: они с Ли покинули кампус и уехали в Палм-Спрингс.

Джил позаботилась о том, чтобы против Ли не выдвинули обвинений в похищении, поклявшись, что он не знал о запрете для нее выезжать без согласия членов семьи. Я это подтвердила – хотя в моих глазах это вряд ли выгораживало Ли.

– Ты подождешь снаружи? – вежливо спросила я его. – Мне бы хотелось побеседовать с тобой с глазу на глаз.

Ли послушался было, сперва бросив на Джил извиняющийся взгляд. Он слегка коснулся ее руки на прощание и повернулся, чтобы уйти, но его остановила миссис Везерс.

– Подождите, – сказала она, с любопытством вглядываясь в него. – Я вас знаю?

У Ли сделался испуганный вид.

– Не думаю. Я никогда раньше здесь не бывал.

– В вас есть что-то знакомое, – настаивала она.

Несколько мгновений спустя она нахмурилась еще сильнее. И наконец пожала плечами.

– Не может быть. Я, должно быть, ошиблась.

Ли кивнул, снова сочувственно встретился глазами с Джил и ушел.

Миссис Везерс все не отпускала Джил. Она принялась читать ей нотацию по поводу безответственного поведения.

– Если вам понадобилось выехать из кампуса и нарушить правила, вы могли бы, по крайней мере, сообщить братьям и сестре. Они до смерти за вас перепугались.

Совет нарушать правила «ответственно» был почти забавным. Но, учитывая мою недавнюю панику, было трудно найти в этом что-то веселое. Миссис Везерс пообещала Джил, что будет подан рапорт о ее нарушении и ее ждет наказание.

– А сейчас, – закончила Везерс, – оставайтесь в своей комнате до утра. После завтрака приходите повидаться со мной, и мы выясним, считает ли директор школы, что из-за вашего поступка стоит отстранить вас от занятий.

– Извините, – сказал Эдди. – Можно нам несколько минут побыть с ней наедине, перед тем как она поднимется наверх? Мне бы хотелось с ней поговорить.

Миссис Везерс заколебалась, очевидно желая наказать Джил немедленно. Потом снова взглянула на Эдди. Взгляд его был суровым, и, думаю, миссис Везерс поняла, что старший брат Джил тоже не развлекаться ее зовет.

– Пять минут, – сказала миссис Везерс, постукивая по своим часам.

– Не надо, – сказала Джил, как только мы остались втроем.

В лице ее читалась смесь страха и непокорности.

– Я знаю, что поступила неправильно. Ни к чему читать мне лекции.

– Да неужто знаешь? – вспыхнула я. – Если бы ты знала, что поступаешь неправильно, ты бы так не поступила!

Джил скрестила руки на груди.

– Мне нужно было выбраться отсюда. Таким способом, каким я сама захотела. А не вместе с вами, ребята.

От этого замечания я отмахнулась. Оно казалось мелочным и детским. Но, к моему удивлению, Эдди не на шутку обиделся.

– Ты о чем? – спросил он.

– О том, что мне просто хотелось провести время подальше отсюда без того, чтобы ты все время говорила мне, будто я поступаю неправильно.

Эти слова были обращены ко мне.

– А ты шарахаешься от каждой тени.

Это, конечно, было адресовано Эдди.

– Я просто хочу тебя защитить, – раздосадованно сказал Эдди. – Я не пытаюсь опекать тебя слишком сильно, но не могу допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Снова.

– Для меня Лорел опаснее, чем любой наемный убийца! – воскликнула Джил. – Ты хоть знаешь, что она сегодня сделала? Мы работали в компьютерном кабинете, и она «нечаянно» споткнулась о мой шнур. У меня не сохранилась половина работы, и я не закончила вовремя, поэтому

теперь получу плохую отметку.

Наверное, урок на тему резервного копирования был бы сейчас неуместен.

– Послушай, это и вправду ужасно, – сказала я. – Но далеко не так ужасно, как быть убитой. Куда именно вы отправились?

Мгновение Джил глядела на меня так, будто не собиралась об этом сообщать. Но в конце концов ответила:

– Ли отвез меня к Соленому морю.

Видя наши непонимающие взгляды, Джил добавила:

– Это озеро за городом. Там было замечательно.

На лице ее мелькнуло почти мечтательное выражение.

– Я слишком долго не была рядом с такой большой водой. А потом мы отправились в центр и просто гуляли, ходили по магазинам и ели мороженое. Он отвел меня в тот бутик, дизайнер которого ищет модель, и...

– Джил, – перебила я, – мне плевать, насколько потрясюще ты провела день. Ты нас перепугала. Как ты этого не понимаешь?

– Ли не должен был так поступать! – прорычал Эдди.

– Не обвиняй его, – ответила Джил. – Я его на это подговорила – убедила, что вы не будете возражать. И он не знает настоящей причины, по которой я здесь, не знает, какая опасность мне грозит.

– Может, твои встречи с парнем были плохой затеей, – пробормотала я.

– Ли – лучшее, что со мной тут случилось! – сердито сказала Джил. – Я заслужила возможность выбираться и развлекаться, как это делаете вы.

– «Развлекаться»? Ты слегка преувеличиваешь, – сказала я, вспоминая день, проведенный с Адрианом.

Но Джил нужно было на кого-то выплеснуть расстроенные чувства, и эта участь досталась мне.

– А мне так не кажется! Ты все время уезжаешь. А когда не уезжаешь, просто говоришь, что я неправильно себя веду. Как будто ты моя мама.

До сих пор я выносила все спокойно, но при этом замечании во мне что-то внезапно надломилось. Я утратила обычный самоконтроль и взвилась:

– Знаешь что? Я вообще-то чувствую то же самое. Ведь насколько я могу судить, только я в этой компании и веду себя по-взрослому. Думаешь, я здесь ради того, чтобы развлекаться? Все, что я делаю, – это опекаю вас, как детей, и разгребаю ваши проблемы. Я провела день – зря потратила день! – таская повсюду Адриана, чтобы он мог завалить собеседования, которые я ему устроила. Потом явилась сюда, и мне пришлось иметь дело с последствиями твоей «ученической практики». Я понимаю, Лорел

невыносима, хотя, возможно, если бы Мике с самого начала велели держаться от тебя подальше, проблемы с Лорел никогда бы не возникло!

Последнее замечание я адресовала Эдди.

– Не понимаю, почему я одна вижу серьезность ситуации. Свидания человека и вампира. Речь идет о ваших жизнях. С такими вещами нельзя забавляться! А пока... Пока, похоже, вы именно забавляетесь. Вы оставляете мне самую трудную работу – расхлебывать то, что натворили... И все это время в затылок мне дышит Кит и другие алхимики, только и ожидая, когда я оступлюсь! Потому что никто не доверяет мне с тех пор, как я помогла вашей подруге Розе. Думаете, это забавно? Хотите пожить моей жизнью? Так давайте! Не стесняйтесь, вперед – и тогда для разнообразия вам придется брать ответственность на себя.

Я не кричала, но явно говорила на повышенных тонах. Я произнесла почти всю речь на едином дыхании и теперь сделала паузу, чтобы набрать в грудь немного воздуха. Эдди и Джил глядели на меня широко раскрытыми глазами, как будто впервые увидели.

Именно в этот миг вернулась миссис Везерс.

– На сегодня достаточно. Теперь, пожалуйста, поднимайтесь в свою комнату, – сказала она Джил.

Джил кивнула все еще со слегка ошарашенным видом и поспешила прочь, не попрощавшись ни со мной, ни с Эдди. Миссис Везерс проводила ее до лестницы, а Эдди повернулся ко мне. Лицо его было бледным и серьезным.

– Ты права, – сказал он. – Я не выполнял свою часть работы.

Я вздохнула, внезапно почувствовав огромную усталость.

– Ты еще лучше, чем остальные.

Он покачал головой.

– И все равно. Может, ты права насчет Мики. Может, если бы я с ним поговорил, он держался бы на расстоянии, и тогда Лорел не цеплялась бы к Джил. Сегодня я его попрошу. Но...

Эдди нахмурился, осторожно подбирая слова.

– Попытайся не быть слишком суровой с Адрианом и Джил. Для нее такая жизнь – стресс, и иногда я думаю, что через духовную связь с Адрианом Джил передалась частица его характера. Я уверен, именно поэтому она сегодня и убежала. В ее положении он бы поступил именно так.

– Никто не заставлял ее сбегать, – ответила я. – Тем более Адриан. Она уговорила Ли и ничего нам не сказала, значит, понимала, что поступает нехорошо. Это был ее выбор. А Адриана вообще ничто не оправдывает.

– Да... Но это же Адриан, – неубедительно проговорил Эдди. – Иногда я не знаю, сколько в его поступках его самого, а сколько – духа.

– Пользователи духа принимают антидепрессанты, верно? Если бы его беспокоила сложившаяся ситуация, мог бы взять себя в руки и сделать что-нибудь. У него был выбор. Он не беспомощен. И никто из них – не жертва.

Эдди несколько секунд внимательно смотрел на меня.

– А мне-то казалось, это я сурово отношусь к жизни.

– У тебя суровая жизнь, – поправила я. – И основана она на идее, что ты всегда должен заботиться о других. Меня же воспитали в том духе, что иногда заботиться необходимо, но все равно всем нужно пытаться справляться самим.

– И однако ты здесь.

– Давай, давай, напомни мне еще раз об этом! Скажи лучше, хочешь вместе со мной поговорить с Ли?

С лица Эдди исчезло извиняющееся выражение.

– Да, – свирепо сказал он.

Мы нашли Ли на улице – он с несчастным видом сидел на скамье. Когда мы приблизились, он вскочил.

– Пожалуйста, простите! Я не должен был так поступать. Просто у нее был такой печальный и потерянный голос, что мне захотелось...

– Ты знаешь, как мы ее оберегаем, – сказала я. – Неужели ты не подумал о том, что мы будем сходить с ума?

– И она несовершеннолетняя, – добавил Эдди. – Ты не можешь просто увозить ее и делать с ней все, что захочешь!

Должна признать, я слегка удивилась, что Эдди решил затронуть вопрос об угрозе целомудрию Джил. Не поймите меня неправильно. Я тоже помнила, сколько ей лет. Но после того как она, в буквальном смысле слова, наблюдала собственную смерть, мне казалось, что Эдди не будет беспокоиться о такой житейской вещи, как секс.

Серые глаза Ли широко распахнулись.

– Ничего не было! Я бы никогда не посмел. Честное слово! Как можно воспользоваться своим преимуществом перед тем, кто настолько доверчив! Я не могу погубить это доверие. Она значит для меня больше, чем любая другая девушка из всех, с кем я встречался. Я хочу, чтобы мы навсегда остались вместе.

Я подумала, что «навсегда вместе» в их возрасте – чересчур, но в глазах Ли была трогательная искренность. И все же это не оправдывало его поступков.

Ли серьезно отнесся к нашим нотациям и пообещал, что такого

никогда больше не повторится.

– Но прошу... Я могу все-таки видаться с ней хотя бы в вашем присутствии? Давайте будем выбираться куда-нибудь всей компанией!

Мы с Эдди переглянулись.

– Если ей вообще теперь позволят покинуть кампус, – сказала я. – Я и вправду не знаю, что дальше будет.

Еще несколько раз извинившись, Ли ушел, и Эдди вернулся в свое общежитие. Я поднималась по лестнице, когда мой мобильник зазвонил. Бросив на него взгляд, я с испугом увидела номер моих родителей в Солт-Лейк-Сити.

– Да? – с колотящимся сердцем сказала я.

На один отчаянный миг я подумала, что это Зоя.

– Сидни.

Отец. В животе моем все перевернулось от ужаса.

– Нам нужно поговорить о случившемся.

Меня охватила паника. Как он успел узнать об исчезновении Джил? Ответ напрашивался сам собой – винить в этом следует Кита. Но откуда узнал Кит? Он что, был у Кларенса, когда Эдди позвонил Адриану? Несмотря на недостатки Адриана, я не могла представить, чтобы он рассказал Киту о случившемся.

– Поговорить о чем? – спросила я, выгадывая время.

– О твоём поведении. Прошлым вечером Кит позвонил мне, и, должен сказать, я очень разочарован.

– Прошлым вечером?

Он звонил не из-за исчезновения Джил. Тогда из-за чего же?

– Тебе полагалось координировать усилия, которые помогли бы той моройке затеряться среди людей. Ты не должна была разъезжать с ними, водить с ними дружбу, хорошо проводить с ними время! Я едва поверил своим ушам, когда Кит сказал, что ты повезла их играть в шары!

– В мини-гольф, и Кит это одобрил! Я сперва спросила у него.

– А потом я слышу, как ты помогаешь всем этим вампирам с их делишками и всякой всячиной. У тебя есть обязательства только по отношению к девушке, и обязательства эти ограничиваются тем, что необходимо для ее выживания... А ты, насколько мне известно, не выполняешь своего долга. Кит поведал о некоем инциденте, когда ты не справилась надлежащим образом с ее проблемами из-за солнечного света...

– Я немедленно сообщила об этих проблемах! – закричала я.

Могла бы догадаться, что Кит использует это против меня.

– Кит...

Я помедлила, думая о том, как лучше всего объяснить.

– ...Кит неверно истолковал мой первоначальный рапорт.

Кит отказался дать ход моему первоначальному рапорту, но, если бы я сказала отцу, что его протеже солгал, отец встал бы на его защиту. Он бы мне не поверил.

– И уж не Киту бы говорить! Он все время болтается у Кларенса и не рассказывает почему!

– Наверное, чтобы убедиться – ему не стало хуже. Я так понимаю, у старика не все дома.

– Старик бредит охотниками на вампиров, – объяснила я. – Он думает, что есть люди, которые убили его племянницу.

– Что ж, – сказал отец. – Есть люди, осведомленные насчет вампиров. Люди, которых мы не можем разубедить. Вряд ли это охотники. Кит исполняет свой долг, просвещая Кларенса. А ты действуешь неправильно.

– Это нечестное сравнение!

– По правде сказать, я виню самого себя, – сказал отец.

Я почему-то сомневалась, что он себя винит.

– Я не должен был тебя отпускать. Ты была не готова к заданию после всего, через что прошла. Пребывание с этими вампирами сбilo тебя с толку. Вот почему я тебя отзываю.

– Что?!

– Если уж делать по-моему, то прямо сейчас. К сожалению, Зоя еще пару недель не будет готова. Алхимики хотят, чтобы она прошла кое-какие испытания, прежде чем ей сделают татуировку. Когда все будет улажено, мы пошлем ее на твое место и предоставим тебе... необходимую помощь.

– Отец! Это безумие. Я прекрасно здесь справляюсь. Пожалуйста, не посылай Зою...

– Прости, Сидни, – сказал он. – Ты не оставила мне выбора. Пожалуйста, за оставшееся время не попади в беду.

Он отключился, а я с упавшим сердцем осталась стоять в коридоре. Две недели! Две недели – и они пошлют сюда Зою. А я... Куда отправят меня? Я не хотела об этом думать, но знала куда. Нужно было этому помешать.

Я напряженно раздумывала над ситуацией.

«Татуировки», – внезапно дошло до меня.

Если бы я смогла закончить проверку украденных субстанций и выяснить, кто поставляет кровь, я бы заслужила одобрение алхимиков – надо надеяться, достаточное, чтобы оправдаться от наговора Кита.

Но почему он это сделал? Почему теперь? Я знала – он никогда не

хотел брать меня с собой. Может, он просто выжидал, собирая негативную информацию обо мне и готовясь одним махом меня устранить. Но я не позволю ему так поступить. Я раскрою дело с татуировками и докажу, кто среди алхимиков является предателем. Теперь у меня было достаточно улик, чтобы привлечь внимание начальства. А если в течение недели не обнаружится ничего нового, я просто выложу те факты, какими уже располагаю.

Приняв решение, я преисполнилась отваги. Но все равно, когда улеглась в постель, уснуть было нелегко. Надо мной висела отцовская угроза и страх попасть в центр переобучения.

Проворочавшись и прометавшись около часа, я в конце концов задремала. Но все-таки сон мой был чутким и беспокойным. Спустя всего несколько часов я проснулась, потом задремала снова.

На этот раз я увидела сон.

Во сне я оказалась в гостиной Кларенса. Все там было прибрано, расставлено по местам, темное дерево и старинная мебель придавали комнате обычный мрачный колорит. Детали сновидения были удивительно яркими, я как будто чуяла даже пыльные книги и кожаную обивку.

– Ха. Сработало. Я не был уверен, что с человеком получится.

Я резко обернулась и увидела Адриана, который стоял, прислонившись к стене. Мгновение назад его тут не было, и я почувствовала вспышку детского страха перед вампирами, появляющимися ниоткуда. Потом вспомнила, что это сон и что во сне всякое случается.

– В чем ты не был уверен? – спросила я.

Он повел рукой вокруг.

– Смогу ли до тебя дотянуться. Привести тебя сюда, в этот сон.

Я не совсем уловила его мысль и ничего не сказала. Адриан выгнул бровь.

– Ты не знаешь, верно? Где ты?

– У Кларенса, – рассудительно ответила я. – Ну, в реальной жизни я сплю в своей кровати. А это просто сон.

– Ты права наполовину, – сказал он. – Это сон духа. И это реально.

Я нахмурилась. Сон духа. Поскольку информация о духе была в основном поверхностной, мы почти ничего не знали о подобных снах. Большую часть из того, что мне было о них известно, я выяснила у Розы, которая часто посещала в таких сновидениях Адриана. Если верить Розе, спящий и пользователь духа в самом деле были вместе, встречаясь в уме и общаясь на больших расстояниях. Мне было трудно полностью это уяснить, но я видела, как Роза, просыпаясь, владела информацией, которую

не могла получить никаким другим способом. И все равно у меня не было доказательств, что сейчас я действительно нахожусь во сне духа.

– Это обычный сон, – возразила я.

– Ты уверена? – спросил Адриан. – Осмотрись. Сосредоточься. Разве ты не чувствуешь разницы? Точно сон... но не совсем сон... и не совсем реальная жизнь. Называй это как хочешь, но в следующий раз, когда мы увидимся в мире бодрствующих, я смогу в точности рассказать тебе, что тут случилось.

Я оглядела комнату, изучая ее, как и предложил Адриан. И снова меня поразила яркость даже мельчайших деталей. Все определенно ощущалось реальным, но так часто бывает и во снах... Ты обычно никогда не знаешь, спишь ли ты, пока не проснешься.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. И внезапно я это почувствовала. Не совсем сон. Не совсем реальная жизнь.

Мои глаза распахнулись.

– Прекрати! – крикнула я, попятившись от Адриана. – Пусть это закончится! Вытащи меня отсюда!

Конечно, признавая, что это и впрямь сон духа, я должна была признать и еще кое-что: меня окружала вампирская магия. Мой разум попался в ее ловушку. Я почувствовала приступ клаустрофобии. Магия давила на меня, вытесняя воздух.

– Пожалуйста! – умоляла я все отчаяннее. – Пожалуйста, отпусти меня.

Адриан с удивленным видом выпрямился.

– Да что ты, Сейдж. Успокойся. Все в порядке.

– Нет. Не в порядке. Я этого не хочу! Я не хочу, чтобы меня касалась магия.

– Она не причинит тебе зла. Ничего страшного.

– Она дурная, – прошептала я. – Адриан, пусть это прекратится.

Он протянул руку, словно чтобы утешить меня, потом передумал.

– Она не причинит тебе зла, – повторил он. – Просто выслушай меня, а после я все рассею. Честное слово.

Даже во сне мое сердце бешено колотилось. Я обхватила себя руками, попятилась и прижалась спиной к стене, пытаюсь сделаться меньше.

– Ладно, – прошептала я. – Поторопись.

– Я просто хотел сказать...

Он сунул руки в карманы и смущенно потупился, прежде чем опять на меня взглянуть. Глаза у него вроде были зеленее, чем в реальной жизни. Или это просто мое воображение?

– Я хотел... Хотел извиниться.

– За что? – спросила я.

Я не могла думать ни о чем, кроме своего ужаса.

– За то, что сделал. Ты была права. Я зря потратил сегодня твое время и твои труды.

Я заставила себя вспомнить, что случилось в этот день.

– Спасибо, – сказала я просто.

– Я сам не знаю, почему поступаю так, – добавил Адриан. – Просто не могу удержаться.

Я все еще была в ужасе, задыхалась от окружавшей меня магии. Каким-то образом я ухитрилась эхом повторить свои слова, сказанные во время недавней беседы с Эдди.

– Ты можешь себя контролировать. Ты не жертва.

Адриан смотрел в пространство, явно погрузившись в свои мысли. Потом снова быстро взглянул на меня.

– В точности как Роза.

– Что?

Адриан протянул руку, и в ней внезапно материализовалась шипастая красная роза. Я ахнула и попыталась отодвинуться еще дальше. Адриан крутанул стебель, осторожно, чтобы не уколоть пальцы.

– Она так сказала. Что я играю в жертву. Я действительно так жалок?

У меня на глазах роза поникла и съежилась, превратившись в пыль, а потом и вовсе исчезла. Я нарисовала на своем плече знак, защищающий от зла, и попыталась вспомнить, о чем мы говорили.

– «Жалкий» – я бы так не сказала.

– А как бы ты сказала?

В голове у меня было пусто.

– Не знаю. Запутавшийся?

Адриан улыбнулся.

– Это преуменьшение.

– Я сверюсь со словарем, когда проснусь и вернусь к тебе. А теперь не мог бы ты с этим покончить?

Улыбка его поблекла, сменившись удивлением.

– Ты и вправду так боишься?

Я позволила молчанию ответить за меня.

– Хорошо, тогда последнее. Я придумал еще один способ выбраться из дома Кларенса и получить кое-какие деньги. Я читал насчет колледжа и стипендии. Как думаешь, если я буду где-нибудь учиться, то смогу получать достаточно, чтобы на это существовать?

То был конкретный вопрос, на который я могла ответить.

– Возможно. Но в этом году слишком поздно. Занятия везде уже начались.

– Я нашел одно место по Интернету. Карлтон. Колледж на другом конце города, и там учебный год еще не начался. Но все равно нужно действовать быстро, и... Я не знаю, что надо делать. С бумагами. С процедурами. Но в этом ты специалист, верно?

– Печально, но факт, – сказала я.

Мне казалось, что «Карлтон» звучит знакомо, но я не могла вспомнить почему.

Адриан сделал глубокий вдох.

– Ты мне поможешь? Я знаю, это снова сделает тебя нянькой, но не представляю, с чего начать. Просто обещаю выполнить свою часть работы. Скажи, что нужно сделать, и я это сделаю.

«Нянька». Он говорил с Джил, или с Эдди, или с ними обоими. Но это был разумный поступок. Адриан хотел знать, что с Джил все в порядке. Я могла только вообразить, как ему пересказали мою тираду.

– Ты раньше уже был в колледже, – сказала я, припоминая его дело.

Я проштудировала его, пока составляла то злосчастное резюме.

Адриан кивнул.

– Был.

– Откуда мне знать, что ты не поступишь так снова? Откуда мне знать, что не потратишь опять мое время впустую?

– Ты не можешь этого знать, Сейдж, – признался он. – И я тебя не обвиняю. Могу просить только об одном – чтобы ты дала мне еще шанс. Попытайся поверить мне, когда я говорю, что завершу начатое. Поверь, что я серьезен. Просто поверь мне.

Молчание затянулось. Я слегка расслабилась, сама того не сознавая, хотя все еще стояла, прижавшись к стене. Я внимательно рассматривала Адриана, мечтая, чтобы мне удавалось легче разбираться в людях. Глаза у него такие же зеленые и в реальной жизни, решила я. Просто обычно я не смотрела в них так внимательно.

– Хорошо, – сказала я. – Я тебе доверяю.

На лице его отобразилось полное потрясение.

– Доверяешь?

Я не лучше разбиралась в людях, чем десять секунд назад, но в тот момент внезапно поняла загадку по имени Адриан Ивашков. Люди не часто ему доверяли. От него немногого ожидали, поэтому он таким и был. Даже Эдди произносил пренебрежительно: «Это же Адриан». Словно тут уж

ничего нельзя было поделаться.

А еще я внезапно поняла, что, каким бы маловероятным это ни казалось, у меня и Адриана много общего. Нас обоих постоянно пытались втиснуть в привычные рамки. Неважно, что люди ожидали от меня всего, а от него – ничего. Все равно мы были очень похожи, оба непрерывно пытались переступить границы, определенные для нас другими. Адриан Ивашков – легкомысленный вампир – был похож на меня больше, чем любой из известных мне людей.

Мысль об этом была настолько пугающей, что я даже не сразу смогла ему ответить.

– Доверяю, – подтвердила я наконец. – Я тебе помогу.

Меня начало трясти. Страх перед сном вернулся, и мне отчаянно хотелось, чтобы это закончилось. Я бы согласилась на что угодно, лишь бы вернуться в свою немагическую кровать.

– Но не здесь. Пожалуйста... Ты пошлешь меня назад? Или покончишь с этим? Или что угодно?

Адриан медленно кивнул, по-прежнему с изумленным видом. Гостиная начала блекнуть, ее цвета и очертания расплывались, как и картины в комнате. Вскоре все померкло, сделалось черным, и я обнаружила себя в собственной кровати, в общежитии. И, проснувшись, с трудом уловила прозвучавший в моей голове голос: «Спасибо, Сейдж».

Глава девятнадцатая

Если раньше мне плохо спалось, то сон, в который меня втянул Адриан, еще больше все усугубил. Хотя я находилась в безопасности, снова в своей постели, я не могла избавиться от ощущения, будто меня запачкали. По моей коже как будто бежали мурашки от налета магии. Мне не терпелось выбраться из сна, и я почти не осознавала, на что соглашаюсь. Я уважала желание Адриана попасть в колледж, но теперь гадала, должна ли и вправду ему помогать – после выволочки отца по поводу моей «дружбы» с вампирами.

Я была не в самом хорошем настроении, когда через несколько часов поднялась-таки с кровати. Пока мы с Джил готовились к занятиям, в нашей комнате висело осязаемое напряжение. От вчерашней непокорности Джил не осталось и следа, и девушка все время нервно наблюдала за мной, когда думала, что я этого не замечаю. Сперва я решила, будто она тревожится из-за моей вспышки гнева прошлым вечером. Но когда мы вышли из комнаты для завтрака, я поняла, что дело не только в этом.

– Что? – напрямик спросила я, наконец-то прервав молчание. – Что ты хочешь у меня спросить?

Джил бросила на меня осторожный взгляд; тем временем мы присоединились к группе других девушек, сбегających по лестнице.

– Понимаешь, вчера кое-что произошло.

«Многое произошло вчера», – подумала я.

Во мне говорила усталость, и я знала – Джил ведет не к тому.

– Например? – спросила я.

– Ну... Я начала рассказывать вам о том, как Ли отвел меня в тот магазин. В бутик, где у него знакомая хозяйка. Ее зовут Лия Ди Стефано. Мы поговорили, и она... э-э... предложила мне работу. Вроде того.

– Работу модели?

Подошла наша очередь в кафетерии, и, хотя у меня не было аппетита, я выбрала йогурт. Он выглядел грустным и одиноким посреди моего почти пустого подноса.

– Мы уже говорили об этом. Это небезопасно.

Вот ведь какая ирония судьбы – при случайном визите Джил могла получить работу, а три официальных собеседования оказались провальными для Адриана.

– Но это не ради фотографий, которые появятся в журнале или еще

где-нибудь. Это показ коллекций местных дизайнеров. Мы рассказали ей историю о том, что исповедуем религию, в которой есть запреты насчет фотографий и опознания. Лия сказала, что вообще-то подумывает заставить своих моделей носить полумаски. Вроде той, какую ты носила на маскараде. С маской да со вспышками, и в движении... ну, было бы трудно установить мою личность, если даже напечатают какой-нибудь снимок. Показ будет только один раз, но мне придется повидаться с ней заранее для примерок... и чтобы поупражняться. И она мне заплатит, но нужно, чтобы меня туда привезли. Еще требуется согласие родителей.

Мы сели, и я слишком долго помешивала свой йогурт, размышляя над словами Джил. И все время чувствовала на себе ее взгляд.

– Думаю, это довольно глупо, – продолжала она, не дождавшись ответа. – Я имею в виду – у меня совсем нет опыта. И я даже не знаю, почему я ей понадобилась. Может, она стремится к чему-то новенькому. К странноватым моделям, к чему-то вроде этого.

В конце концов я попробовала йогурт и подняла на нее глаза.

– Ты не странноватая, Джил. У тебя идеальное телосложение для модели. Такое трудно отыскать. По крайней мере, среди людей.

Я пыталась не думать о том, как трудно нам, людям, тянуться за их морейским совершенством. Много лет назад отец раскритиковал мою фигуру и сказал: «Если те монстры могут такого добиться, почему ты не можешь?»

– Но все равно ты думаешь, что это плохая затея, – сказала Джил.

Я не ответила. Я знала, чего хочет Джил. Но она не могла заставить себя попросить об этом напрямую. А я пока не могла с легкостью дать ей то, чего она желала. Я была слишком расстроена из-за вчерашнего и не хотела делать одолжение. С другой стороны, я не могла и отказать ей. Пока. Несмотря на безответственное поведение Джил, ее слова о том, как она здесь несчастна, произвели на меня гнетущее впечатление. Может, пусть займется чем-то позитивным и хорошим. Заодно повысит свою самооценку, в чем она так сильно нуждалась. Лорел удалось обратить против Джил ее необычную внешность; Джил пошло бы на пользу, если бы она увидела, что другие оценивают эту внешность положительно. Ей нужно было осознать, что она особенная и замечательная. Я не знала, проклинать Ли или благодарить за эту возможность.

– Вряд ли мы сможем что-нибудь решить, пока не поговорим с миссис Везерс, – наконец сказала я и посмотрела на ближайшие часы. – Вообще-то сейчас нам нужно с ней встретиться.

Я проглотила еще несколько ложек йогурта, прежде чем отставить его.

Джил взяла с собой пончик.

Когда мы вернулись в наш вестибюль, то обнаружили, что для Джил доставили букет красных роз и записку с извинениями от Ли. Джил расчувствовалась, лицо ее выразило восторг подобным поступком. Даже меня восхитила такая романтичность, хотя некий раздраженный внутренний голосок нашептывал, что Ли вместо этого следовало бы послать цветы мне и Эдди. Это перед нами он должен был извиниться. Как бы то ни было, мы быстро забыли про цветы, сидя в кабинете миссис Везерс и выслушивая вынесенный вердикт.

– Я поговорила с директором. Вас не отстранят от занятий, – сказала она Джил. – Но в течение следующего месяца в свободное от учебы время вы должны будете находиться в общежитии. После окончания уроков вам следует немедленно докладывать мне, чтобы я знала, что вы здесь. Вы можете питаться в кафетерии – но только в кафетерии нашего общежития, а не в том, который в Западном кампусе. Единственное исключение из этого правила – когда задания вашего преподавателя потребуют вашего присутствия в других местах вне учебных часов... Например, в библиотеке.

Мы с Джил кивнули, и на мгновение я почувствовала облегчение, узнав, что Джил не исключат. Потом до меня дошло, в чем настоящая проблема, и это ударило меня, как пощечина. Я сказала Джил, что эта встреча повлияет на ее решение о модельном бизнесе, но сейчас речь шла о реальной опасности.

– Если она будет под домашним арестом в общежитии, она не сможет покидать школу, – сказала я.

Миссис Везерс криво улыбнулась.

– Да, мисс Мелроуз. Именно для того и существует домашний арест.

– Но она должна покидать школу, мэм, – заспорила я. – Дважды в неделю у нас проходят семейные встречи.

В общем-то, они проходили чаще, но я надеялась, что заниженная цифра может купить нам свободу. Для Джил было жизненно необходимо получать кровь, а два дня в неделю – это минимум, на котором может выжить вампир.

– Сожалею, но правила есть правила, и, нарушив их, ваша сестра потеряла эту привилегию.

– Это религиозные встречи, – сказала я.

Я терпеть не могла ссылаться на религию, но такому доводу школе было бы трудно воспротивиться. И между прочим, с тем дизайнером похожий предлог сработал.

– В такие дни мы всей семьей отправляемся в церковь – мы и наши

братья.

Судя по лицу миссис Везерс, я и вправду только что отвоевала кое-какие позиции.

– Нам требуется письмо с подписью ваших родителей, – в конце концов сказала она.

Просто здорово. Ведь в деле с физкультурой у нас все сработало с подобным письмом.

– А как насчет нашего брата? В Палм-Спрингсе он наш законный опекун.

Наверняка Кит не сможет в данном случае тянуть резину, ведь речь идет о крови.

Миссис Везерс подумала.

– Да. Это может подойти.

– Мне жаль, – сказала я Джил, когда мы вышли, чтобы сесть на автобус. – Жаль, что так вышло с твоей работой. Нам и без того нелегко будет раздобыть для тебя разрешение уезжать на «кормления».

Джил кивнула, не делая попыток скрыть разочарование.

– Когда показ? – спросила я, думая, что она могла бы отправиться на него, когда срок наказания истечет.

– Через две недели.

Вот и надейся на лучшее.

– Мне жаль.

К моему удивлению, Джил искренне рассмеялась.

– У тебя нет причин сожалеть. После всего, что я сделала. Это я должна жалеть. И я сожалею и насчет Адриана... Насчет его собеседований.

– Вот насчет этого тебе точно нечего жалеть.

Меня снова поразило, с какой легкостью все находили для него оправдание. Джил доказала это своей следующей репликой:

– Он не может удержаться. Таков уж он.

«Он может удержаться», – подумала я. Но вместо этого сказала:

– Просто подожди, хорошо? Я заставлю Кита подписаться под письмом о наших религиозных встречах.

Джил улыбнулась.

– Спасибо, Сидни.

Обычно, когда автобус приезжал в Центральный кампус, мы с Джил шли каждая своей дорогой, но по прибытии она замешкалась. Я поняла: она хочет еще что-то сказать, но ей нелегко набраться храбрости.

– Да? – подтолкнула я ее.

– Я... Я просто хотела сказать: мне действительно очень жаль, что я приношу тебе столько неприятностей. Ты много для нас делаешь. Правда. И расстраиваешься, потому что тебе... Ну, я знаю, что тебе не все равно. А это больше, чем я могу сказать про тех, которые при дворе.

– Неправда, – возразила я. – Им не все равно. Они столкнулись с большими проблемами, доставляя тебя сюда и заботясь о твоей безопасности.

– И все равно я чувствую, что это делается скорее ради Лиссы, чем ради меня, – печально произнесла Джил. – И моя мама не очень-то сопротивлялась, когда ей сказали о моем отъезде.

– Тебя отослали в безопасное место. Это означает, что нужно было принять нелегкое решение. Нелегкое и для них тоже.

Джил кивнула, но я не знала, поверила ли она.

Добравшись до кабинета истории, я отдала Эдди утренний рапорт. По мере того как я рассказывала, на лице его одна за другой сменялись разнообразные эмоции.

– Думаешь, Кит это сделает? – негромко спросил он.

– Должен сделать. Цель нашего пребывания здесь – сохранить ей жизнь. Если она умрет с голоду, это перечеркнет наши усилия.

Я не потрудилась рассказать Эдди, что у меня проблема с отцом и алхимиками и что через две недели меня, скорее всего, тут уже не будет. Эдди и так расстраивался из-за Джил, и я не хотела, чтобы ему пришлось беспокоиться еще и о другом.

Встретившись в конце дня с миссис Тервиллигер, я отдала последние сделанные конспекты. Устроившись за столом, я заметила на столе папку с вытисненными золотыми буквами: «Колледж Карлтон». Теперь я вспомнила, почему название показалось мне знакомым, когда его упомянул Адриан.

– Миссис Тервиллигер... Вы говорили, что знаете кого-то в колледже Карлтон?

Она посмотрела на меня из-за компьютера.

– Мм? А, да. Можно сказать, знаю. Я играю в покер с половиной исторического факультета. Летом я даже там преподаю. В смысле, историю. Не покер.

– А вы не знаете кого-нибудь из приемной комиссии? – спросила я.

– Не очень близко. Знакома с несколькими людьми, которые знакомы с членами приемной комиссии.

Миссис Тервиллигер снова сосредоточилась на экране. Я молчала, и спустя несколько минут она опять посмотрела на меня.

– А почему вы спрашиваете?

– Просто так.

– Конечно, не просто так. Вас интересует посещение лекций? Конечно, там вы получите больше, чем здесь. Конечно, если не считать моих занятий.

– Нет, мэм, – сказала я. – Но мой брат хочет туда поступить. Он слышал, что занятия там еще не начались, но не уверен, зачислят ли его, ведь времени осталось очень мало.

– И вправду очень мало, – согласилась миссис Тервиллигер. Она внимательно рассматривала меня. – Вам бы хотелось, чтобы я навела справки?

– О... О нет, мэм. Я просто надеялась узнать имена людей, с которыми могла бы связаться. Я бы никогда не попросила вас сделать что-нибудь подобное...

Она приподняла брови.

– А почему никогда не попросили бы?

Я растерялась. Иногда ее было так трудно понять.

– Потому что... У вас нет причин так поступать.

– Я могла бы сделать это в порядке одолжения вам.

На это я не смогла найти ответ и молча уставилась на нее. Она улыбнулась и поправила очки.

– Не можете в такое поверить? Что кто-то сделает вам одолжение.

– Я... Ну, в смысле...

Я замолчала, все еще не зная, что сказать.

– Вы мой преподаватель. Ваша работа, ну... учить меня. Вот и все.

– А ваша работа, – сказала миссис Тервиллигер, – являться в эту комнату весь последний семестр за любым заданием, какое у меня для вас найдется. От вас никоим образом не требуется приносить мне кофе, приходить в вечернее время, организовывать мою жизнь или полностью перестраивать собственную из-за моих нелепых поручений.

– Я... Я не возражаю против такого, – сказала я. – И все это необходимо.

Миссис Тервиллигер усмехнулась.

– Да. И вы настаиваете на том, чтобы делать то, что не входит в ваши обязанности? Неважно, как бы вас это ни затрудняло.

Я пожала плечами.

– Мне нравится хорошо справляться с работой, мэм.

– Вы великолепно справляетесь с работой. Куда лучше, чем требуется. И вы выполняете ее без жалоб или нытья. Таким образом, меньшее, что я

могу, – это сделать ради вас несколько телефонных звонков.

Она снова засмеялась.

– Это вас больше всего пугает? Когда кто-то вас хвалит.

– О нет, – неубедительно сказала я. – Я имею в виду, такое случается.

Миссис Тервиллигер сняла очки и внимательно посмотрела на меня. Она больше не смеялась.

– Нет, не думаю, чтобы такое случилось. Я не знаю подробностей вашей жизни, но я знавала многих учащихся вроде вас – тех, кого родители вот так же отсылали в школу. Хотя я ценю стремление к высшему образованию, мне понятно, что в большинстве случаев родители наших учеников просто не имеют времени или склонности принимать участие в жизни своих детей... Или даже обращать внимание на эту жизнь.

Мы вторгались в одну из личных тем, и я почувствовала себя неловко. Тем более что в этих словах была доля правды.

– Все гораздо сложнее, мэм.

– Не сомневаюсь.

Выражение лица миссис Тервиллигер стало суровым, теперь она очень отличалась от той рассеянной преподавательницы, какой я ее знала.

– Но послушайте, что я скажу. Вы необыкновенная, талантливая и выдающаяся девушка. Не позволяйте никогда и никому принижать вас, заставлять чувствовать себя незаметной. Не позволяйте никогда и никому – даже преподавательнице, которая постоянно посылает вас за кофе, – третировать вас.

Миссис Тервиллигер снова надела очки и начала беспорядочно приподнимать листы бумаги. Наконец нашла ручку и торжествующе улыбнулась.

– Ну, а теперь... Как зовут вашего брата?

– Адриан, мэм.

– Правильно, итак... – Она взяла листок и тщательно записала имя. – Адриан Мельбурн.

– Мелроуз, мэм.

– Правильно. Конечно.

Она зачеркнула ошибку, бормоча себе под нос:

– Я рада, что его зовут не Хобарт^[16].

Закончив, она откинулась на спинку кресла.

– Теперь, раз уж вы об этом упомянули, мне бы хотелось, чтобы вы кое-что сделали.

– Только скажите, – ответила я.

– Я хочу, чтобы вы сотворили одно из заклинаний из той первой книги.

– Прошу прощения. Вы сказали – сотворить заклинание?

Миссис Тервиллигер помахала рукой.

– О, не беспокойтесь. Я не прошу вас размахивать волшебной палочкой или приносить в жертву животных. Но меня ужасно заинтриговало то, насколько сложными были некоторые из формул и составляющих заклинаний. Я невольно задумалась – в самом ли деле люди следовали им с такой дотошной скрупулезностью. Некоторые из них очень сложны.

– Знаю, – сухо проговорила я. – Я перепечатала их все.

– Именно. Итак, я хочу, чтобы вы сотворили одно заклинание. Поэтапно. Выясним, сколько времени на это уйдет. Посмотрим, возможна ли вообще хоть половина требуемых действий. Потом составьте отчет. Я знаю, что по этой части вы великолепны.

Я не знала, что сказать. Миссис Тервиллигер не просила меня и впрямь использовать магию, и уж конечно, не так, как ею пользовались вампиры. Такое было просто невозможно. Магия не относится к сферам человеческой деятельности. Она противоестественно, она идет вразрез с законами мироздания. То, чем занимались алхимики, основывалось на науке и химии. В татуировках присутствовала магия, но она подчинялась нашей воле, а не была самостоятельным волшебством. Ближе всего к сверхъестественному стояли благословения, которые мы призывали на наши снадобья. Миссис Тервиллигер просила меня просто восстановить ритуал сотворения заклинаний. Это будет не по-настоящему. Никакого вреда. И все же... Почему я ощущала такое беспокойство? Меня как будто просили солгать или украсть.

– В чем дело? – спросила преподавательница.

На мгновение я заколебалась – не сослаться ли снова на религию, но потом отвергла эту мысль. Такой предлог сегодня был задействован слишком часто, хотя на сей раз он и в самом деле был бы почти правдивым.

– Ничего, мэм. Просто немного необычно.

Он взяла первый том в кожаном переплете и пролистала его до середины.

– Вот. Попробуйте это заклинание – воспламеняющий амулет. Оно сложное, но, по крайней мере, когда закончите работу, у вас будет готовый проект по декоративно-прикладному искусству. И большинство ингредиентов можно легко раздобыть.

Я взяла книгу и изучила заклинание.

– А где мне достать крапиву?

– Попросите мистера Карнеса. Рядом с его классом есть сад. Уверена,

остальное вы сможете купить. И знаете, можете приносить мне чеки. Я верну вам деньги за все, за чем вас посылала. Должно быть, вы потратили на кофе целое состояние.

Я почувствовала себя немного лучше, когда увидела, что ингредиенты – просто обыденные предметы. Крапива. Агат. Кусок шелка. Там даже не было ничего легковоспламеняющегося. Полная чушь.

Кивнув, я пообещала начать завтра.

А пока я напечатала официальное письмо в Амбервуд от имени Кита. Я объяснила, что по религиозным соображениям наша семья дважды в неделю должна посещать церковь и Джил следует на это время освободить от наказания. Еще там было обещание, что Джил будет отмечаться у миссис Везерс до и после таких семейных поездок.

Закончив, я осталась довольна своей работой. Я чувствовала, что благодаря мне Кит стал куда более красноречивым, чем был на самом деле.

После занятий я позвонила ему и коротко изложила, что произошло с Джил. Само собой, именно меня и обвинили во всем случившемся.

– Тебе полагается приглядывать за ней, Сидни! – воскликнул Кит.

– А еще мне полагается изображать ученицу, и я не могу проводить с ней каждую секунду.

Не стоило упоминать о том, что я вообще-то уезжала с Адрианом, когда Джил сбежала, – хотя Кит не смог бы подложить мне еще большую свинью, чем уже подложил.

– И вот теперь я должен все это расхлебывать, – сказал он донельзя утомленным голосом. – Вечно страдаю из-за твоей некомпетентности.

– Страдаешь? Все, что тебе нужно сделать, – это подписать письмо, которое я за тебя составила. Ты сейчас дома? Или будешь дома? Я завезу его тебе.

Видя, насколько раздражает Кита этот вопрос, я считала, что он ухватится за мое предложение. Поэтому удивилась, когда он ответил:

– Нет, не надо. Я сам к тебе приеду.

– Да мне нетрудно. Я могу быть рядом с твоим домом меньше чем через десять минут.

Мне не хотелось давать ему лишние поводы все твердить и твердить о том, сколько неудобств я ему причиняю. И поводы жаловаться алхимикам.

– Нет, – отрезал Кит. – Я приеду к тебе сам. Уже выезжаю. Встретимся у главного офиса?

– Хорошо, – ответила я, совершенно сбитая с толку этим резким поворотом.

Может, он хочет устроить мне проверку или что-то в этом роде?

Собирается меня инспектировать?

– Скоро увидимся, – сказала я.

Я уже находилась в Центральном кампусе, поэтому мне не потребовалось много времени, чтобы добраться до главного офиса. Я села снаружи на изукрашенную скамью с хорошим видом на парковку для посетителей и стала ждать. Было, как обычно, жарко, но я сидела в тени, поэтому погода казалась даже приятной. Скамейка стояла на небольшой лужайке, в окружении цветущих растений; табличка гласила: «Мемориальный сад Келли Хейз». Табличка выглядела новой.

– Привет, Сидни!

Кристин и Джулия вышли из здания и направились ко мне. Сев рядом, они поинтересовались, что я тут делаю.

– Жду брата.

– Он симпатичный? – с надеждой спросила Кристин.

– Нет, – ответила я. – Вовсе нет.

– Нет, симпатичный, – возразила Джулия. – Я видела его в вашем общежитии в прошлый уик-энд. Когда вы все отправлялись на обед.

У меня ушла секунда на то, чтобы понять – она имеет в виду Адриана.

– А! Другой брат. У них мало общего.

– Это правда, что у твоей сестры большие неприятности? – спросила Джулия.

Я пожала плечами.

– Всего лишь небольшие неприятности. Она не может покидать кампус, за исключением семейных обстоятельств. Могло быть хуже. Хотя... Это стоило ей модельной карьеры, поэтому она огорчена.

– У кого она хотела работать? – спросила Кристин.

Я порылась в памяти.

– У Лии Ди Стефано. Через две недели будет показ мод, и она хотела, чтобы в нем участвовала Джил. Но Джил не сможет подготовиться, потому что ей нужно оставаться здесь.

Девушки широко раскрыли глаза.

– У Лии изумительная одежда! – сказала Джулия. – Джил должна у нее выступить. Она может получить бесплатные шмотки.

– Я же тебе сказала. Она не может.

Кристин задумчиво склонила голову набок.

– А если это будет для школы? Например, для дел, как-то связанных с карьерой или профессией?

Она повернулась к Джулии.

– Швейный клуб все еще существует?

– Кажется, да, – ответила Джулия, с энтузиазмом кивая. – Это хорошая идея. Джил чем-нибудь занимается?

Амбервуд требовал, чтобы наряду со спортивными упражнениями его всесторонне развитые учащиеся имели хобби и занимались различными видами деятельности вне школьной программы.

– Есть швейный клуб, куда она могла бы вступить... И держу пари, что работа у Лии могла бы засчитаться ей как специальное самостоятельное занятие.

Однажды, пытаясь поднять спустившиеся петли своего кардигана, Джил чуть весь его не распустила.

– Не думаю, что это подходит Джил.

– Неважно, – сказала Кристин. – Большинство людей в том клубе все равно не шьют. Но каждый год клуб предлагает свои услуги местным дизайнерам. Мисс Ямани наверняка засчитает выступление на подиуме за такие услуги. Ей очень нравится Лия Ди Стефано.

– И Джил должны разрешить поехать, – сказала Джулия с торжествующим видом. – Потому что это будет для учебы.

– Интересно, – сказала я, гадая, есть ли хоть какой-то шанс, что это сработает. – Я расскажу Джил.

Знакомая голубая машина вырулила на подъездную дорогу, и я встала.

– Вот он.

Кит припарковался и вышел, оглядываясь в поисках меня. Кристин издала тихий одобрителный взглас.

– А ничего!

– Верь мне, ты не захочешь иметь с ним дела, – сказала я и зашагала ему навстречу.

Кит одарил девушек улыбкой, которой, вероятно, полагалось быть очаровательной, и даже подмигнул им. Как только они ушли, улыбка его исчезла. Он был весь нетерпение – удивительно, что не притопывал ногой.

– Что там надо сделать? Давай побыстрее, – сказал он.

– Если ты так торопишься, надо было позволить мне самой заглянуть, когда у тебя будет больше времени.

Я вынула папку с письмом и протянула ее вместе с ручкой. Кит подписал не глядя и отдал бумаги обратно.

– Еще что-нибудь? – спросил он.

– Нет.

– И больше ни во что не впутывайся, – сказал он. – У меня нет времени постоянно тебя покрывать.

– Какое это имеет значение? – с вызовом отозвалась я. – Ты уже сделал

все, что мог, чтобы от меня избавиться.

Кит холодно улыбнулся.

– Тебе не следовало заступать мне путь. Ни сейчас, ни тогда, раньше.

Усмехнувшись, он повернулся и двинулся прочь. Я уставилась ему вслед, не в силах поверить в такое нахальство. Кит впервые прямо упомянул о том, что случилось несколько лет назад.

– Между прочим, тогда, раньше, я не заступала тебе путь! – крикнула я ему в спину. – Ты легко отделался. Больше такого не будет! Думаешь, я боюсь тебя? Это тебе нужно опасаться меня!

Кит резко остановился, потом медленно повернулся с изумленным видом. Я его не винила. Честно говоря, я изумилась сама себе. Я вообще не могла припомнить, когда так открыто дерзила занимавшему вышестоящую должность и вдобавок способному весьма ухудшить мое положение.

– Посмотрим, – наконец сказал Кит. – Я могу сделать твою жизнь незавидной.

Я улыбнулась ледяной улыбкой.

– Ты уже сделал ее такой, вот почему у меня перед тобой преимущество. Ты уже сделал все, что мог, – но еще не знаешь, что могу сделать я.

С моей стороны это было блефом, особенно потому, что я почти не сомневалась – Кит может сделать еще больше. Судя по всему, он мог завтра же доставить сюда Зою. Он мог в мгновение ока добиться того, чтобы меня послали в центр переобучения. Но если я провалю задание? Тогда это станет и его провалом тоже.

Кит несколько мгновений стоял, недоверчиво глядя на меня. Я не знала, в самом ли деле его напугала, или же он решил не удостаивать меня ответом, но в конце концов он повернулся и сел в машину, больше не посмотрев в мою сторону.

Взбешенная, я вернулась в здание, чтобы отнести письмо в администрацию. Секретарь в приемной, миссис Даусон, шлепнула на него печать, а потом сняла копию, чтобы я отдала ее миссис Везерс. Когда секретарь протянула мне копию, я спросила:

– Кто такая Келли Хейз?

Обычно улыбчивая миссис Даусон внезапно погрустнела.

– А, та бедняжка... Несколько лет назад она здесь училась.

Я вдруг кое-что вспомнила.

– Это о ней упоминала миссис Везерс? О девушке, которая пропала?

Миссис Даусон кивнула.

– Это было ужасно. И такая милая девушка. Такая юная. Она не

заслуживала подобной смерти. Она вообще не заслуживала смерти.

Мне очень не хотелось задавать подобный вопрос, но это нужно было сделать.

– Как она умерла? Я знаю, что ее убили, но не слышала подробностей.

– Наверное, и к лучшему. Это было так ужасно.

Миссис Даусон огляделась по сторонам, как будто боялась, что у нее будут неприятности из-за доверительных разговоров с ученицей. Потом с мрачным лицом перегнулась ко мне через стол.

– Бедняжка истекла кровью. Ей перерезали горло.

Глава двадцатая

Я чуть было не спросила: «Вы серьезно?»

Но надо посмотреть правде в глаза: вряд ли она стала бы шутить насчет подобных вещей. Тем более лицо у нее было такое мрачное.

У меня возникли другие вопросы, но я прикусила язык. Вопросы были не такими уж странными, но мне не хотелось привлекать к себе внимание, проявляя необычный интерес к жуткому убийству. Вместо этого я просто поблагодарила миссис Даусон за помощь с письмом и вернулась в Восточный кампус.

Миссис Везерс сидела за своим столом, когда я вошла в вестибюль. Я отдала ей письмо, и она прочитала его дважды, прежде чем убрать в подшивку документов.

– Хорошо, – сказала она. – Только позаботьтесь о том, чтобы ваша сестра каждый раз расписывалась при уходе и возвращении.

– Я так и сделаю, мэм. Благодарю вас.

Я колебалась, разрываясь на части: то ли уйти, то ли задать вопросы, которые появились у меня после разговора с миссис Даусон. И решила остаться.

– Миссис Везерс... После этого случая с Джил я все время вспоминаю о той девушке, о которой вы говорили. Погибшей. Я все время думаю, что это могла быть Джил.

Лицо миссис Везерс смягчилось.

– Джил в порядке. Я не должна была вам этого рассказывать. Не хотела вас напугать.

– Это правда, что той девушке перерезали горло?

– Да. – Миссис Везерс печально покачала головой. – Ужасно. Просто ужасно. Не знаю, кто на такое способен.

– Удалось выяснить, почему это произошло? В смысле, в ней было что-нибудь необычное?

– Необычное? Вообще-то нет. Я имею в виду, она была милой девушкой. Умной, красивой, общительной. Хорошей... нет, отличной спортсменкой. У нее были подруги, и парень был. Но в ней не чувствовалось ничего особенного, что делало бы ее возможной жертвой. Конечно, людям, совершающим такие ужасные вещи, причина не нужна.

– Верно, – пробормотала я.

Я поднялась в свою комнату, жалея, что миссис Везерс не рассказала

чуть подробнее о красоте Келли. На самом деле мне хотелось знать, не была ли Келли моройкой. Если бы миссис Везерс упомянула ее высокий рост и бледность, это сразу стало бы понятно. Вообще-то, судя по сообщениям Кларенса и других алхимиков, в Палм-Спрингсе не был зарегистрирован ни один морой. Но это не означало, что никто из них не мог проскользнуть сюда тайком. Ладно, придется мне самой найти ответы на свои вопросы.

Если Келли была моройкой, тогда получалось, что три юные моройские женщины были убиты так же, как в Южной Каролине, за относительно короткий промежуток времени. Кларенс мог приводить доводы в пользу своей теории охотников на вампиров, но для меня этот схожий почерк был серьезным доказательством, что тут поработали стригои.

Джил была в нашей комнате, отбывая свой домашний арест. Чем больше проходило времени, тем меньше я на нее сердилась. Помогло и то, что мне удалось уладить проблему с «кормлением». Я была бы расстроена куда больше, если бы мы не смогли вытащить Джил из кампуса.

– Что случилось? – спросила она, поднимая взгляд от своего ноутбука.

– С чего ты взяла, будто что-то случилось?

Джил улыбнулась.

– Потому что у тебя такой вид. Когда ты над чем-то размышляешь, у тебя появляется такая тоненькая складочка между бровями.

Я покачала головой.

– Пустяки.

– Знаешь, может, все эти твои обязанности были бы не так трудны, если бы ты поговорила о них и позволила другим тебе помочь.

– Все не совсем так. Просто я и вправду пытаюсь кое в чем разобраться.

– Расскажи мне, – умоляюще проговорила Джил. – Ты можешь мне довериться.

Дело было не в доверии. Мне не хотелось беспокоить ее понапрасну. Миссис Везерс боялась, что напугала меня, но, если кто-то убивал мороек, опасность грозила не мне.

Посмотрев на Джил, встретившись с ее пристальным взглядом, я решила: раз уж она смогла перенести нападение со стороны соплеменников, сможет справиться и с этим. И кратко пересказала то, что знала.

Как только я закончила, Джил заметила:

– Но ты не знаешь, была ли Келли моройкой.

– Не знаю. А это решающий момент.

Я села, скрестив ноги, на кровати и открыла свой ноутбук.

– Я собираюсь проверить наши записи и местные газеты, вдруг найду ее фотографию. У миссис Везерс мне удалось выяснить только, что Келли была отличной спортсменкой.

– Это может как раз значить, что она не моройка, – ответила Джил. – Я имею в виду... Посмотри, насколько мне плохо на солнце. А если она не моройка? У тебя множество теорий, основанных на том, что она была моройкой. Но если она была человеком? Мы сможем просто обо всем забыть? Все равно это может быть делом рук одного убийцы. Но если он убил двух мороек и одного человека, о чем это говорит?

В словах Джил была логика.

– Я пока мало что понимаю, – признала я.

Мое расследование длилось недолго. У алхимиков не нашлось записей об этом убийстве, но, с другой стороны, зачем его фиксировать, если Келли была человеком. О ней писали множество газет, но я не увидела ни одной фотографии.

– А как насчет школьного ежегодника? – спросила Джил. – Кто-то здесь должен их хранить.

– Просто гениально, – сказала я.

– Видишь? Я же говорила, что пригожусь.

Я улыбнулась, а потом кое о чем вспомнила.

– О, у меня есть для тебя хорошие новости. Возможно.

Я коротко пересказала «план» Кристин и Джулии насчет того, чтобы Джил вступила в швейный клуб.

Джил просияла, но все еще не очень верила в подобную возможность.

– Ты и вправду думаешь, что это сработает?

– Если только один способ проверить.

– Я никогда в жизни не прикасалась к швейной машинке.

– Вот и научись. А может, остальные девочки будут рады принять тебя в клуб просто для того, чтобы в их группе была модель.

Джил ухмыльнулась.

– Откуда ты знаешь, что хоть одна девушка подпишется на такое?

– Этого я не знаю, – призналась я. – Наверное, просто основываюсь на стереотипных представлениях о женском поле.

Мой мобильник зазвонил, и на дисплее высветился номер миссис Тервиллигер. Я ответила на звонок, приготовившись к походу за кофе.

– Мисс Мельбурн? Если вы и ваш брат будете в Карлтоне в течение часа, то сможете до закрытия поговорить с сотрудником отдела кадров. Вы

успеете?

Я посмотрела на часы и понадеялась, что Адриан не занят важными делами.

– Э-э... да. Да, конечно, мэм. Спасибо. Спасибо вам большое.

– Человека, с которым вам нужно будет поговорить, зовут Уиз Реган.

Миссис Тервиллигер помолчала.

– И не могли бы вы на обратном пути захватить для меня капучино?

Я заверила, что смогу, а потом позвонила Адриану и велела быть готовым к моему приезду. Я быстро переоделась, сменив форму на юбку из твила и блузку, посмотрела в зеркало и поняла, что Адриан прав. Между амбервудским нарядом и моим обычным гардеробом не было большой разницы.

– Жаль, что я не могу с тобой поехать, – печально сказала Джил. – Мне бы хотелось снова повидать Адриана.

– Разве ты не видишь его каждый день – в некотором роде?

– Верно. Хотя пока не всегда могу проникнуть в его голову, когда хочу. Это просто случается само собой. И как бы то ни было, это не одно и то же. Он не может разговаривать со мной с помощью нашей связи.

Я чуть было не ответила, что так оно лучше, чем быть рядом с ним во плоти, но поняла, что это делу не поможет.

Когда я добралась до дома Кларенса, Адриан был готов к выходу, возбужденный и рвущийся в бой.

– Ты только что разминулась со своим другом, – сказал он, когда мы сели в Латте.

– С кем?

– С Китом.

Я сделала гримасу.

– Вообще-то он мне не друг.

– О, ты так думаешь? Большинство из нас догадались об этом в первый же день, Сейдж.

Я почувствовала себя слегка неловко. Конечно, я не должна была смешивать свои личные чувства к Киту с делами. Мы были в некотором роде сослуживцами, выступающими дружным профессиональным фронтом. В то же самое время я, можно сказать, была рада, что эти люди – хотя они и были вампирами и дампирами – не считают нас с Китом друзьями. Я не хотела, чтобы они думали, будто у нас с Китом много общего. Да, я точно не хотела иметь с ним много общего.

Внезапно до меня полностью дошел смысл слов Адриана.

– Подожди. Кит только что был здесь?

– Полчаса назад.

Наверное, явился сюда прямо из школы. Мне повезло разминуться с ним. Что-то подсказывало мне: Кит не оценил бы моей помощи Адриану в его дальнейшем образовании.

– Зачем он приходил?

– Понятия не имею. Думаю, навещал Кларенса. Старик не очень хорошо себя чувствует.

Адриан вытащил из кармана сигареты.

– Не возражаешь?

– Возражаю, – ответила я. – А что такое с Кларенсом?

– Не знаю, но он много спит, отчего тут стало еще скучнее. В смысле, он не такой уж замечательный собеседник, но некоторые из его сумасшедших историй интересны.

Адриан призадумался.

– Особенно если запивать их скотчем.

– Держи меня в курсе того, как у него дела, – пробормотала я.

Интересно, не потому ли Кит недавно так торопился? Если Кларенс серьезно болен, нам придется договариваться с морейским доктором. Это усложнит наше положение в Палм-Спрингсе, так как нам или придется перевозить отсюда Кларенса, или кого-нибудь привозить к нему. Если Кит занимается этим, мне самой не стоит беспокоиться... Но я просто не верила, что он может управиться хорошо хоть с какой-то работой.

– Не знаю, как ты с ним миришься, – продолжал Адриан. – Раньше я думал, что ты слабая и просто не даешь сдачи... Но теперь, честно говоря, считаю тебя очень даже крутой. Нужна чертовская сила воли, чтобы не пожаловаться и не разразиться бранью. У меня нет такого самоконтроля.

– У тебя есть больше, чем ты думаешь, – ответила я, слегка взволнованная комплиментом.

Я так часто сердилась на себя за то, что казалось мне неумением давать сдачи, что впервые осознала – такая сдержанность требует особой внутренней силы. А еще больше меня удивило, что на это мне указал Адриан.

– Я часто хожу по краю. Мой отец – и остальные алхимики – очень серьезно относятся к вопросам повиновения, к тому, что надо выполнять распоряжения старших. Я, считай, угодила в двойной переплет, ведь у меня с ними сложные отношения. Поэтому мне особенно важно не привлекать к себе внимания.

– У тебя проблемы из-за Розы?

Адриан говорил очень сдержанным тоном.

Я кивнула.

– Угу. То, что я сделала, в их глазах равносильно предательству.

– Не знаю, что означает «равносильно», но, похоже, дело серьезное.

Я видела, как Адриан изучает меня краешком глаза.

– А оно того стоило?

– Пока – да.

Было легко так говорить, раз у Зои еще нет татуировки, а меня не отправили в центр переобучения. Если это изменится, я буду отвечать уже по-другому.

– Я действовала как должна была. Думаю, это оправдывает всякие неожиданные поступки.

– Я тоже нарушил много правил, чтобы ей помочь, – беспокойно сказал Адриан. – Я сделал это ради любви. Не знаю, благородны ли мои мотивы так же, как твои, тем более что она влюблена в другого. Большую часть «неожиданных поступков» я совершал по самым разным причинам, чаще всего – чтобы позлить родителей.

Я поняла, что слегка завидую этому. Я не могла даже представить себе, как нарочно пытаюсь раздражить отца, хотя мне, конечно, хотелось так поступить.

– Думаю, любовь – благородный мотив, – сказала я.

Конечно, это было умозрительное суждение. Я ни разу не влюблялась, и мне не на что было опираться для столь громкого высказывания. Наблюдая за другими, я решила, что любовь – это прекрасно... Но в данный момент я была чересчур занята работой, чтобы переживать из-за отсутствия влюбленности. Интересно, должна ли я чувствовать разочарование по этому поводу.

– И думаю, у тебя есть масса времени, чтобы совершить другие благородные поступки.

Адриан захихикал.

– Никогда не думал, что самым рьяным членом моей команды поддержки станет девушка, считающая меня дурным и бессердечным.

Значит, мы с ним два сапога пара. Поколебавшись, я заставила себя задать вопрос, который не давал мне покоя:

– Ты все еще любишь ее? Розу?

Поскольку я не знала, каково это – быть влюбленным, то не знала и сколько времени должно пройти, чтобы избавиться от любви.

Улыбка Адриана погасла. Взгляд стал отсутствующим.

– Да. Нет. Трудно покончить с чем-то вроде этого. Она так сильно на меня повлияла, и в хорошую, и в плохую сторону. Такое трудно оставить в

прошлом. Я стараюсь не очень думать о любви или ненависти к ней. Просто пытаюсь жить, как жил до нашей встречи. К несчастью, с переменным успехом.

Вскоре мы добрались до колледжа. Уиз Реган оказался крупным мужчиной с бородой, в которой виднелась проседь. Однажды летом миссис Тервиллигер бесплатно учила его племянницу, и Уиз чувствовал себя обязанным ей.

– Вот в чем дело... – начал он, как только мы уселись напротив.

Адриан был в брюках цвета хаки и рубашке шалфейного цвета; такой наряд отлично подошел бы для собеседования с работодателем... Поздновато он так оделся.

– Я не могу просто взять и внести вас в список. Чтобы принять заявление о зачислении в колледж, требуется много времени и проверок, и мы никоим образом не можем успеть все за два дня. Что я в силах сделать – так это зачислить вас в качестве вольнослушателя.

– Это что еще такое? – спросил Адриан.

– Быть вольнослушателем – значит присутствовать на занятиях и выполнять задания, но не получать за это отметок.

Адриан открыл рот, чтобы заговорить, и я могла лишь вообразить, какой комментарий он собирается отпустить насчет такой добровольной работы. Я быстро вмешалась:

– А что потом?

– Потом, если вы сможете собрать документы, через... скажем, через неделю или две – если эти документы примут, – я смогу задним числом изменить статус вольнослушателя на статус студента.

– А как насчет стипендии? – спросил Адриан, подавшись вперед. – Я смогу получить деньги?

– Если вы имеете на это право, – сказал Уиз. – Но, честно говоря, вы не можете подать заявление на стипендию, пока вас не примут в колледж.

Адриан снова откинулся назад, и я догадалась, о чем он думает. Если на зачисление в колледж уйдет пара недель, тогда и стипендию, без сомнения, оформят не сразу. Адриану предстоял по крайней мере еще один месяц проживания у Кларенса – в лучшем случае. Я приготовилась к тому, что Адриан откажется от всего, но вместо этого увидела на его лице выражение решимости. Он кивнул.

– Хорошо. Давайте для начала зачислите меня вольнослушателем.

Это меня порадовало.

Мне удалось внушить себе, что я довольна занятиями в Амбервуде, но, взглянув на расписание настоящего колледжа, я увидела, какая пропасть

разделяет эти два учебных заведения. История здесь изучалась куда более глубоко, чем я могла себе вообразить. Однако Адриана история не интересовала. Он немедленно сосредоточился на факультете искусства.

В конце концов он записался на два вводных курса по живописи и рисунку. Занятия шли три раза в неделю и – что удобно – друг за другом.

– Поменьше придется ездить на автобусе туда-сюда, – объяснил Адриан, когда мы уходили.

Я изумленно взглянула на него.

– Ты собираешься ездить на автобусе?

Похоже, его позабавило мое удивление.

– А как же иначе? Занятия идут днем. Ты не сможешь меня возить.

Я подумала о находящемся бог знает на каком отшибе доме Кларенса.

– Да где ты вообще найдешь там автобус?

– Примерно в полумиле от дома есть остановка. Тот автобус подбросит меня до другого, который идет до Карлтона. На всю поездку уйдет примерно час.

Признаюсь, я утратила дар речи. Надо же, Адриан все это разузнал, не говоря уж о том, что готов был пойти на такие неудобства. Однако на обратном пути он ни словом не обмолвился о будущих трудностях или о том, что ему еще не скоро удастся выехать от Кларенса.

По возвращении в Амбервуд мне не терпелось рассказать Джил об успехе нашего дела. Не то чтобы она нуждалась в моем рассказе. Благодаря связи с Адрианом Джил, наверное, знала об этом больше меня. И все равно она всегда о нем беспокоилась и, без сомнения, была бы довольна, выяснив, что дела у него налаживаются.

Когда я вернулась, Джил в нашей комнате не оказалось, но в записке говорилось, что она занимается где-то в общежитии. Единственной положительной стороной ее наказания являлось то, что ей не дозволялось находиться где угодно и когда угодно.

Я решила воспользоваться возможностью и заняться этим несчастным амулетом для миссис Тервиллигер. В течение последних двух дней я собирала ингредиенты, и, с согласия преподавательницы биологии, миссис Тервиллигер обеспечила мне доступ в одну из химических лабораторий. В тот вечерний час там никого не было, потому я могла смешать варево в тишине и покое.

Как я уже говорила, указания были крайне подробными и – с моей точки зрения – чрезмерными. Недостаточно было просто отмерить листья крапивы. В указаниях говорилось, что их надо «оставить в покое на час», и в течение этого времени мне полагалось каждые десять минут говорить:

«Да вдыхаю я в тебя пламя». А еще я должна была прокипятить агат, чтобы «пробудить в нем жар». Остальные инструкции были того же рода, и я знала, что миссис Тервиллигер никоим образом не сможет узнать, в самом ли деле я в точности им следовала – особенно что касается всяких фраз. И все равно я проделывала все прописанное, чтобы доложить, каково это – быть древним практиком. Итак, я послушно следовала инструкциям и так сосредоточилась на точном выполнении каждого этапа, что вскоре эта процедура полностью заморозила меня саму.

Закончив два часа спустя, я удивилась тому, насколько устала. Конечный результат явно не оправдал затраченные силы. Я осталась с шелковым мешочком на кожаном ремешке, полным листьев и камней. Я понесла его и свои заметки в комнату, собираясь написать отчет для миссис Тервиллигер и покончить с этим заданием, но, добравшись до комнаты, разинула рот при виде нашей двери. Кто-то принес красную краску и разрисовал всю дверь летучими мышами и клыкастыми рожами. Поперек этого большими печатными буквами было написано слово «ВАМПИРША».

Я в панике ворвалась в комнату. Джил была там, а миссис Везерс и незнакомая учительница рылись в наших вещах.

Я в изумлении уставилась на эту сцену.

– Что происходит?

Джил подняла голову. Лицо ее было донельзя огорченным, и она не смогла ничего ответить. Наверное, я появилась в конце обыска, потому что миссис Везерс и ее помощница вскоре закончили и подошли к двери.

Я была рада, что нынче вечером взяла алхимические припасы с собой в лабораторию. В моем чемоданчике имелось несколько измерительных инструментов, которые, как я подумала, могут мне пригодиться. Мне совершенно не хотелось объяснять администрации общежития, откуда у меня коллекция химических препаратов.

– Что ж, – сурово сказала миссис Везерс. – Не вижу ничего особенного, но позже я могу сделать еще одну выборочную проверку – поэтому не расслабляйтесь. У вас и так уже достаточно неприятностей; не усугубляйте их.

Она вздохнула и покачала головой, глядя на Джил.

– Я очень разочарована в вас, мисс Мелроуз.

Джил побелела.

– Я же говорю вам, все это ошибка!

– Будем надеяться, – зловеще проговорила миссис Везерс. – Будем надеяться. Я подумываю о том, чтобы заставить вас самостоятельно стирать с двери этот вандализм, но, поскольку твердых доказательств нет...

Что ж, завтра попросим уборщицу.

Как только гости ушли, я немедленно кинулась к Джил:

– Что случилось?

Джил рухнула спиной на кровать и застонала.

– Случилась Лорел.

Я села.

– Объясни.

– Ну, я позвонила в библиотеку, чтобы проверить, нет ли у них школьных ежегодников... Хотела найти фотографию Келли Хейз. Оказалось, что вообще-то они есть, но сейчас на руках у школьной редколлегии для какого-то амбервудского ежегодного издания. И ты никогда не поверишь, кто возглавляет этот проект. Лорел.

– Ты права, – сказала я. – Такого я и предположить не могла. Разве у нее не начальный курс английского?

Вообще-то Лорел была старшеклассницей.

– Угу.

– Думаю, всем нужна практика, – пробормотала я.

Джил кивнула.

– Как бы то ни было, мисс Ямани была в здании, поэтому я пошла узнать у нее насчет вступления в швейный клуб и насчет моей работы на Лию. Она очень вдохновилась и сказала, что поможет мне в этом.

– Ну, уже кое-что, – осторожно сказала я, все еще не уверенная, каким образом это ведет к акту вандализма и обыску в нашей комнате.

– Когда я шла обратно, то увидела Лорел в коридоре. Я решила воспользоваться случаем... Поравнялась с ней и сказала: «Послушай, я знаю, что у нас с тобой есть разногласия, но мне очень не помешала бы помощь». Потом объяснила, что мне нужны ежегодники, и спросила, не могу ли я их взять всего на одну ночь. А потом сразу же отдам.

На сей раз я ничего не сказала. Это явно было благородным поступком, тем более после того, как я побуждала Джил не скатываться до уровня Лорел. К несчастью, я сомневалась, что Лорел ответит на это таким же обдуманном поступком. И я оказалась права.

– Она сказала мне в... ну, в очень неприличных выражениях, что я никогда не получу эти ежегодники. – Джил нахмурилась. – Она сказала и еще кое-что. Потом я... э-э... назвала ее бесноватой сукой. Наверное, я не должна была так ее называть, но она... Ну, она это заслужила! В общем, она отправилась к миссис Везерс с бутылкой... не знаю чего. Думаю, то была малиновая настойка. Она заявила, будто я ей это продала и в комнате у меня есть еще. Миссис Везерс не смогла наказать меня без твердых

доказательств, но после того, как в первый день мисс Чанг обвинила меня в похмелье, миссис Везерс решила, что этого достаточно для обыска в комнате.

Я покачала головой, не в силах поверить в произошедшее и чувствуя, как вскипает во мне ярость.

– Для такого элитного, престижного заведения эта школа слишком торопится ухватиться за любое подвернувшееся обвинение! Я имею в виду – они верят всему, что о тебе говорят! И откуда взялась та надпись на двери?

На глазах Джил заблестели слезы.

– Да Лорел, конечно. Или одна из ее подруг. Это случилось, пока Лорел разговаривала с миссис Везерс, поэтому, конечно, у нее есть алиби. Ты не думаешь... Ты не думаешь, что кто-нибудь слишком осведомлен? Ты раньше сказала, что это просто злая шутка... и люди даже не верят в нас... верно?

– Верно, – машинально подтвердила я.

Но сама я начинала задумываться. С тех пор как позвонил отец, с тех пор, как он упомянул, что есть люди, которые кое о чем подозревают и не станут молчать, я гадала – не слишком ли поспешно отмахнулась от издевательских реплик Лорел. Она просто нашла жестокую шутку, которую можно всячески эксплуатировать? Или она из тех, кто подозревает о мире вампиров и может поднять большой шум? Я сомневалась, что кто-нибудь ей поверит, но мы не могли рисковать привлечь внимание. А если Лорел и впрямь считает Джил вампиром?

Несчастное выражение лица Джил сменилось сердитым.

– Может, мне что-нибудь сделать с Лорел? Есть и другие способы отплатить ей, кроме замерзшей воды.

– Нет, – быстро сказала я. – Не опускайся до такого. Месть – это мелко, будь выше.

«К тому же, – подумала я, – еще немного сверхъестественных событий, и Лорел может понять, что ее дразнилки оказывают больший эффект, чем она ожидала».

Джил печально улыбнулась.

– Ты все время так говоришь. Но разве ты не считаешь, что надо что-то предпринять?

О да. Я определенно так считала. Дело зашло слишком далеко, и я напрасно пустила все на самотек. Джил была права насчет того, что есть и другие способы досадить обидчице. А я была права насчет того, что месть – это низко и Джил не должна себя ею пятнать. Вот почему я сама

собиралась этим заняться.

– Я обо всем позабочусь, – уверила я Джил. – Я... Я заставлю алхимиков подать жалобу от имени наших родителей.

Джил с сомнением посмотрела на меня.

– Думаешь, это поможет?

– Несомненно, – ответила я.

Потому что такая жалоба возымеет большую силу.

Взглянув на часы, я поняла, что уже слишком поздно возвращаться в лабораторию. Ничего страшного. Я просто поставила будильник на более раннее время, собираясь отправиться туда перед занятиями.

В будущем меня ждал еще один эксперимент, и Лорел будет моей подопытной морской свинкой.

Глава двадцать первая

Приготовить нужную мне смесь удалось легко. Труднее оказалось доставить ее по назначению, на это у меня ушло два дня. Сперва мне пришлось выяснить, каким именно шампунем Лорел пользуется в душевой после физкультуры. Конечно, школа обеспечивала учащихся шампунями и кондиционерами, но Лорел не доверяла свои драгоценные волосы таким обыкновенным средствам. Выяснив марку шампуня, я разыскала нужный флакон в местном парфюмерном магазине и вылила его дорогостоящее содержимое в раковину. Вместо шампуня я налила во флакон приготовленное мною самодельное снадобье. Следующим шагом была подмена этим флаконом шампуня Лорел. Для этого я завербовала Кристин. В физкультурной раздевалке ее шкафчик находился рядом со шкафчиком Лорел, и Кристин очень охотно взялась мне помочь. Отчасти потому, что разделяла нашу с Джил неприязнь к Лорел, но еще и потому, что с тех пор, как я спасла ее от аллергии на татуировку, Кристин ясно дала понять – она передо мной в долгу и выручит при первой же необходимости. Я не хотела считать Кристин своей должницей, но ее помощь пришлась кстати. Улучив момент, когда Лорел отвернулась от своего незапертого шкафчика, Кристин тут же незаметно совершила подмену.

А потом нам просто оставалось ждать, когда Лорел снова воспользуется шампунем, и наблюдать за результатами моей работы.

Тем временем другая моя лабораторная работа дала неожиданные результаты. Миссис Тервиллигер приняла мой отчет, но не амулет.

– Мне он ни к чему, – заметила она, подняв глаза от бумаг, которые я ей вручила.

– Ну... Мне тоже как-то ни к чему, мэм.

Она отложила бумаги.

– Все это правда? Вы в точности выполняли каждый этап? У меня нет возможности проверить, не упустили ли вы какие-нибудь детали.

Я покачала головой.

– Я выполнила каждый этап.

– Что ж. Тогда, похоже, у вас теперь есть амулет, порождающий огонь.

– Мэм, – протестующе проговорила я.

Она усмехнулась.

– Как говорится в указаниях? Бросить его и произнести последнее заклинание? Вы знаете это заклинание?

– Воспламенись, воспламенись, – сразу же сказала я.

После того как я набрала это заклинание на клавиатуре для миссис Тервиллигер, а потом воссоздала в памяти, повторить его было нетрудно.

Согласно книге – содержащей английский перевод латинского текста – язык был неважен, если значение слов оставалось ясным.

– Что ж, вы молодец. Как-нибудь попытайтесь проделать это и посмотрите на результат. Только не подожгите школьное имущество. В принципе это небезопасно.

Я подняла амулет за шнурок.

– Но он не настоящий. Это же чушь. Просто пригоршня всякой ерунды в мешочке.

Миссис Тервиллигер пожала плечами.

– Кто мы такие, чтобы сомневаться в древних?

Я уставилась на нее, пытаюсь понять, шутит она или нет. С самого первого дня я поняла, что миссис Тервиллигер – эксцентричная особа, но при этом она всегда производила впечатление серьезного ученого.

– Не может быть, чтобы вы в это верили. Магия, она... ее не существует.

И, не думая, я добавила:

– А даже если и существует, мэм, она не для того, чтобы люди баловались с подобной силой.

Миссис Тервиллигер несколько мгновений молчала.

– Вы и вправду в это верите?

Я потеревала висящий у меня на шее крест.

– Так меня воспитали.

– Понимаю. Тогда можете делать с амулетом все, что захотите. Выбросьте его, подарите, экспериментируйте с ним. В любом случае для моей книги мне нужен только ваш отчет. Спасибо, что составили его вовремя; вы, как всегда, сделали больше, чем от вас требовалось.

Уходя, я положила амулет в сумку, не очень-то зная, для чего он мне. Однако я потратила на него много времени и была разочарована, что в книге миссис Тервиллигер он не сыграет более важной роли. Все мои усилия были потрачены впустую.

Но на следующий день последний из моих исследовательских проектов весьма продвинулся. На уроке химии Грег Слейд и кое-кто из его друзей вбежали в класс сразу же после звонка. Наша учительница кинула на них предупреждающий взгляд, но они этого даже не заметили. Слейд щеголял своей орлиной татуировкой, ничем ее не прикрывая, чтобы все видели. Чернила снова поблескивали серебром. Рядом с ним один из его

дружков тоже гордо похвалялся серебряной татуировкой. Это был тот самый друг Слейда, который на прошлой неделе беспокоился о том, что не может позволить себе сделать татушку.

Очевидно, с поставками все утряслось. Интересно. Я не торопилась доложить алхимикам, отчасти для того, чтобы проверить, восполнит ли «Невермор» украденное мною.

– Изумительно, – сказал дружок Слейда. – Просто кайф.

– Знаю. – Слейд ткнул его кулаком. – Как раз успели к завтрашнему дню.

Трейд наблюдал за ними с мрачным выражением лица.

– А что будет завтра? – шепотом спросила я его.

Он еще несколько мгновений презрительно смотрел на них, потом снова повернулся ко мне.

– Ты что, с луны упала? Завтра наша первая домашняя игра.

– Конечно, – сказала я.

Мой опыт пребывания в школе не был бы полным без его квинтэссенции – шумихи вокруг футбола.

– Много же мне с этого толку, – пробормотал Трейд.

– Твои повязки уже сняли, – заметила я.

– Да, но тренер все равно не дает мне усердствовать. К тому же я теперь вроде балласта.

Он кивком указал на Слейда и его друга.

– И как они не нажили неприятностей со своими татуировками? И даже не пытаются скрыть их. В этой школе совершенно отсутствует дисциплина. Мы живем практически при анархии.

Я улыбнулась.

– Практически.

– Знаешь, твоему брату следовало бы быть в команде. Я видел его на физкультуре. Он мог бы стать звездой спорта, если бы потрудился попробоваться в разных видах.

– Он не любит привлекать к себе внимание, – объяснила я. – Но наверное, придет посмотреть на игру.

– А ты придешь посмотреть?

– Наверное, нет.

Трейд выгнул бровь.

– Романтическое свидание?

– Нет! Но я просто... ну, не интересуюсь спортивными зрелищами. И чувствую, что должна остаться с Джил.

– Даже подбодрить меня не придешь?

– Тебе не нужны мои подбадривания.

Трей ответил на это разочарованным взглядом.

– Может, это и к лучшему, – сказал он. – Поскольку тебе все равно не довелось бы увидеть, как я играю на пике своей потрясающей грозной силы.

– Это досадно, – согласилась я.

– Ох, оставь свой сарказм при себе.

Он вздохнул.

– Отец расстроится больше всех. Я ведь надежда всей семьи.

Что ж, это я могла понять.

– Он тоже футболист?

– Не-а, тут дело не столько в футболе, сколько в том, чтобы я поддерживал отличную физическую форму. Чтобы был непревзойденным. Готовым к чему угодно в мгновение ока. Стать лучшим в команде – то был способ заставить его мной гордиться... Пока не появились эти татуировки.

– Ты хорош и без помощи татуировок. Он все равно должен тобой гордиться.

– Ты не знаешь моего отца.

– Да, но, думается, знаю кое-кого, в точности похожего на него. – Я улыбнулась. – Вообще-то, может, мне и вправду нужно сходить на футбольный матч.

Трей лишь молча улыбнулся в ответ, поскольку начался урок.

День прошел спокойно, но, как только я вышла из физкультурной раздевалки, ко мне подбежала Джил.

– Я получила сообщение от Лии! Она спрашивает, смогу ли я приехать сегодня вечером. С другими моделями она ведет регулярные занятия, но считает, что мне лучше тренироваться индивидуально, поскольку у меня вообще нет опыта. Конечно, дело в том, что мне... Ну, ты знаешь, мне нужно, чтобы меня отвозили. Как ты думаешь... Я имею в виду, ты не могла бы...

– Конечно, – сказала я. – Именно для этого я здесь.

– Спасибо, Сидни!

К моему большому изумлению, она забросила руки мне на шею.

– Я знаю, у тебя вообще нет причин помогать мне после всего, что я натворила, но...

– Да все в порядке, все в порядке, – сказала я, неловко похлопывая ее по плечу.

«Думай о том, что тебя обнимает Джил, – посоветовала я самой себе. – Не о том, что тебя обнимает вампир».

– Рада помочь, – сказала я.

– Вам двоим хотелось бы побыть наедине? – издевательски ухмыльнулась Лорел, входя со своей свитой. – Мне всегда казалось, что ваша семейка какая-то странная.

Мы с Джил отодвинулись друг от друга, и Джил покраснела, что лишь заставило девушек снова захихикать.

– Господи, я их ненавижу, – сказала Джил, когда они оказались там, откуда не могли нас услышать. – Мне и вправду хочется им отплатить.

– Терпение, – пробормотала я. – Однажды они получают то, на что напрашиваются.

Глядя на шкафчик Лорел, я подумала, что «однажды» может случиться довольно скоро.

Джил удивленно покачала головой.

– Не знаю, почему ты такая всепрощающая, Сидни. С тебя просто все как с гуся вода.

Я улыбнулась, гадая, что бы подумала Джил, если бы знала правду – что я вовсе не такая «всепрощающая», какой кажусь. И не только тогда, когда дело касается Лорел. Но если Джил хочется считать меня такой, пусть так и будет.

Само собой, мой имидж добродушного, склонного подставлять другую щеку человека дал трещину, когда часом позже по раздевалке пронесся пронзительный вопль Лорел.

Это было почти повторением случая со льдом. Лорел выскочила из душа, завернувшись в полотенце. Она в ужасе подбежала к зеркалу и стала рассматривать свои волосы.

– Что с тобой? – спросила одна из ее подружек.

– А ты не видишь? – закричала Лорел. – Тут что-то не так... они на ощупь не такие. Это масло... Или не знаю что!

Она вытащила фен и высушила прядь волос, пока все мы с интересом наблюдали за ней. Спустя несколько минут длинные пряди стали сухими, что по их виду было незаметно. Волосы Лорел и вправду как будто были покрыты маслом или жиром, словно она неделями их не мыла. Обычно блестящие и упругие, теперь они повисли тонкими уродливыми веревками. И цвет их тоже слегка изменился. Из ярких, огненно-рыжих они стали болезненного желтоватого оттенка.

– И пахнут тоже странно! – воскликнула Лорел.

– Вымой их снова, – предложила другая ее подруга.

Лорел так и сделала, но это не помогло. Даже когда она догадалась, что проблема в шампуне, эта штука не желала так легко смываться с волос.

Вода продолжала подпитывать реакцию, и пришлось оттирать волосы много-много раз, прежде чем Лорел хоть чуть-чуть отмыла зловерное средство.

Джил изумленно взглянула на меня.

– Сидни? – прошептала она, вкладывая в мое имя миллион вопросов.

– Терпение, – заверила я ее. – Это только первый номер программы.

Тем вечером я отвезла Джил в бутик Лии Ди Стефано. Конечно же, Эдди поехал с нами. Лия была всего на несколько лет старше меня и почти на фут короче. Несмотря на ее миниатюрность, в этой девушке ощущалась большая сила, стоило только немного пообщаться с ней.

Магазин был заполнен элегантными платьями и костюмами, но сама Лия была одета простецки – в рваные джинсы и слишком большую для нее блузку без рукавов. Она перевернула табличку на двери так, что теперь она гласила «ЗАКРЫТО», а потом, подбоченясь, встала перед нами.

– Итак, Джиллиан Мелроуз, – начала она, – у нас есть меньше двух недель на то, чтобы сделать из тебя модель.

Взгляд ее упал на меня.

– А ты будешь помогать.

– Я? – воскликнула я. – Я всего лишь привожу ее на машине.

– Нет – если хотите, чтобы ваша сестра сверкала в моем шоу.

Лия снова уставилась на Джил; их разница в росте была почти комической.

– Ты должна есть, пить и дышать как модель, если собираешься добиться успеха. И все это ты должна делать... в них.

Лия схватила ближайшую обувную коробку и вынула оттуда пару блестящих фиолетовых туфель на каблучках, наверное, не меньше пяти дюймов.

Джил и я уставились на туфли.

– Разве она недостаточно высокая? – наконец спросила я.

Лия фыркнула и сунула туфли в руки Джил.

– Они не для дефиле. Но как только ты научишься на них ходить, будешь готова к чему угодно.

Джил робко взяла туфли и подняла повыше, чтобы рассмотреть. Каблуки напомнили мне серебряные колья, с помощью которых Роза и Эдди убивали стригов. Если Джил в самом деле хотела подготовиться к любому повороту событий, она могла просто держать под рукой эти туфли.

Стесняясь наших испытующих взглядов, Джил в конце концов сбросила свои коричневые балетки и застегнула множество сложных ремешков фиолетовых туфель. Обувшись, медленно выпрямилась – и чуть

не упала. Я метнулась к ней, чтобы ее подхватить.

Лия одобрительно кивнула.

– Видишь? Вот об этом я и говорю. Помощь сестры, работа в команде. Это твое дело – позаботиться, чтобы она не свалилась и не сломала шею до того, как начнется показ.

Джил бросила на меня панический взгляд; подозреваю, он был отражением моего собственного взгляда. Я начала было предлагать, чтобы Джил подстраховывал Эдди, но он благоразумно ускользнул к краю магазина, собираясь наблюдать оттуда. Таким образом он, похоже, спасся от внимания Лии. Очевидно, его обязанности охранника не распространялись так широко.

Пока Джил просто пыталась не упасть, я помогла Лии прибраться в центре магазина. Потом Лия несколько часов демонстрировала, как надо правильно держаться на подиуме, уделяя особое внимание осанке и походке, чтобы представить одежду самым лучшим образом. Но большинство из этих деталей пропали для Джил втуне: она пыталась ходить по комнате хотя бы не падая. Ее куда больше волновало то, как бы удержаться на ногах, чем грация и красота.

Но, мельком взглянув на Эдди, я увидела, что он восхищенно наблюдает за Джил, как будто каждый ее шаг – чистейшее волшебство. Перехватив мой взгляд, Эдди немедленно нацепил обычную маску бдительного стража.

Я сделала все, что могла, чтобы приободрить Джил и – да, чтобы помешать ей упасть и свернуть себе шею. В разгар занятия мы услышали стук в стеклянную дверь. Лия нахмурилась, но потом узнала того, кто стоял за дверью, и, просияв, пошла отпереть.

– Мистер Донахью, – сказала она, впуская Ли. – Приехали посмотреть, как дела у вашей сестры?

Ли улыбнулся. Его серые глаза немедленно нашли Джил. Джил встретила с ним взглядом и улыбнулась так же широко. Во время последнего «кормления» Ли не было поблизости, и, хотя они непрерывно разговаривали по телефону и обменивались электронными письмами, я знала – Джил жаждет его увидеть. Взгляд на лицо Эдди показал, что того куда меньше восхищает присутствие Ли.

– Я уже знаю, как у нее дела, – сказал Ли. – Идеально.

Лия фыркнула.

– Я бы так не преувеличивала.

На меня вдруг снизошло вдохновение.

– Ли! – сказала я. – Хочешь отвечать за то, чтобы Джил не сломала

себе шею? Мне нужно кое-чем заняться.

Неудивительно, что Ли был полностью «за», а я знала – мне не нужно опасаться за безопасность Джил, пока Эдди на посту.

Я оставила их и поспешила через две улицы к «Невермору». Поскольку Слейд и его друзья подтвердили, что татуировщики возобновили свою работу, мне хотелось нанести туда визит. Не тайком. Украденные мною компоненты уже стали весомым доказательством. Кроме прозрачной жидкости я идентифицировала все субстанции в пузырьках. Все металлические вещества были в точности такими же, как в составах алхимиков, значит, эти люди имели связи с алхимиками или воровали у них. В любом случае результаты моего расследования вырисовывались все более четко. Я лишь надеялась, что их хватит, чтобы спасти меня и не пустить в Палм-Спрингс Зою; а ведь время, оставшееся до ее появления здесь, уже истекало. Прошла почти неделя с тех пор, как отец пообещал заменить меня.

Мой план заключался в том, чтобы проверить, насколько охотно в «Неверморе» согласятся сделать мне татуировку. Мне хотелось выяснить, какие меры предосторожности там принимают (если вообще принимают) и насколько легко впервые сделать себе тату. Их беседа с Адрианом дала мне немало информации. Но, думаю, просьба сделать татуировку в виде байкера-скелета с попугаем не очень располагала к доверию. Сегодня я вооружилась наличными и надеялась чего-нибудь добиться.

Надо сказать, мне не потребовалось щегольнуть деньгами. Как только я вошла, парень за прилавком – именно с ним разговаривал Адриан – явно обрадовался.

– Слава богу, – сказал он. – Пожалуйста, скажите, ведь у вас есть еще? Эти дети сводят меня с ума. Когда мы начали дело... Я понятия не имел, что оно так разрастется. Деньги – это хорошо, но, господи... Можно спятить, пытаюсь за ними угнаться.

Я постаралась не выдать своего удивления, гадая, о чем же это он толкует. Он вел себя так, будто я была в курсе его дел, – чушь какая-то. Но потом парень кинул взгляд на мою щеку, и внезапно я все поняла.

Моя татуировка в виде лилии.

Поскольку уроки в школе кончились, она была не прикрыта волосами. И теперь сомнений не было: у кого бы парень ни добывал припасы, его поставщик, как и я, алхимик. И, увидев мою лилию, татуировщик решил, что я его союзница.

– С собой у меня ничего нет, – сказала я.

У парня вытянулось лицо.

– Но заказ...

– Вы потеряли последнюю партию, – надменно сказала я. – Вы позволили, чтобы ее украли у вас из-под носа... Знаете, как сложно нам было ее получить?

– Я уже объяснил это вашему другу! – воскликнул парень. – Он сказал, что все понимает. Пообещал уладить проблему.

Внутри у меня что-то оборвалось.

– Да, но он говорил не от всех нас, и мы не уверены, что хотим продолжать. Вы себя скомпрометировали.

– Мы осторожны, – возразил парень. – То хищение было не нашей виной! Прошу вас, вы должны нам помочь. Разве он вам не передал? На завтра у нас огромный заказ, потому что в той частной школе у парней будет игра. Если мы сможем справиться, заработаем вдвойне.

Я постаралась улыбнуться как можно холоднее.

– Мы обсудим это и вернемся к вам.

С этими словами я повернулась и двинулась к выходу.

– Подождите! – окликнул парень.

Я удостоила его надменного взгляда.

– Вы можете сделать так, чтобы тот человек перестать сюда звонить?

– Какой человек? – спросила я, гадая – не имеет ли он в виду некоего настойчивого амбервудского ученика.

– Тот, со странным голосом, который все время спрашивает, не появились ли поблизости какие-нибудь высокие бледные люди. Похожие на вампиров. Я решил – это кто-то из ваших знакомых.

Высокие бледные люди? Мне не нравилось, как это звучит, но я сохранила бесстрастное выражение лица.

– Простите. Не знаю, о ком вы. Должно быть, розыгрыш.

Я ушла, пообещав себе разобраться в этом позже. Если кто-то расспрашивал о людях, похожих на вампиров, это нужно было выяснить. Но это была не самая безотлагательная проблема. Мысли мои неслись вскачь, когда я обдумывала все, о чем рассказал мне татуировщик.

Поставщиком «Невермора» был алхимик. До некоторой степени это не стало сюрпризом. Как еще они получают кровь вампира и все металлы, необходимые для татуировок? И очевидно, тот негодяй-алхимик «уладил проблему» с хищением их запасов. Когда именно отец позвонил, говоря, что меня отзывают из-за рапортов Кита?

Сразу после того, как я тайно проникла в «Невермор».

Я поняла, кто этот негодяй алхимик.

И я знала, что «проблема» – это я. Кит предпринял шаги, чтобы меня

убрали из Палм-Спрингса и привезли сюда неопытного новичка, который не будет мешать его незаконным махинациям. Вот почему он с самого начала хотел, чтобы поехала Зоя.

Меня охватил ужас. Я была невысокого мнения о Ките Дарнелле, как ни посмотри. Но никогда, никогда бы не подумала, что он опустится так низко. Он был безнравственным человеком, но все-таки его воспитали на тех же принципах в отношении людей и вампиров, что и меня. Отринуть эти принципы и подвергнуть невинных людей риску побочных эффектов вампирской крови ради собственной выгоды... Да, это было нечто большее, чем просто предательство дела алхимиков. Он предал всю человеческую расу.

Моя рука лежала на мобильнике; я готова была позвонить Стэнтон. Это все, что требовалось. Один звонок – и алхимики налетят на Палм-Спрингс... и на Кита. Но вдруг не будет твердых улик, доказывающих причастность Кита? Возможно, другой алхимик может взяться за расследование и сыграть ту же роль, какую сыграла я, заставив татуировщика поверить, что вхожу в команду Кита. Но это же Кита я хотела схватить с поличным. Нужно было позаботиться о том, чтобы он не смог ускользнуть.

Я приняла решение и, вместо того чтобы позвонить алхимикам, набрала номер Адриана.

Когда я вернулась в магазин Лии, тренировка подходила к концу. Лия давала Джил последние наставления, а Ли и Эдди топтались неподалеку. Эдди хватило одного взгляда на мое лицо, чтобы немедленно понять: что-то не так.

– Что-то случилось?

– Ничего, – мягко сказала я. – Просто проблема, которую я собираюсь скоро уладить. Ли, ты не против отвезти Джил и Эдди обратно в школу? Мне еще нужно сделать парочку дел.

Эдди нахмурился.

– Ты в порядке? Охрана нужна?

– Я поеду не одна.

Потом я поправилась, поскольку собиралась встретиться с Адрианом:

– Ну, вроде того. Во всяком случае, ничего опасного. Твоя работа – присматривать за Джил, помнишь? Спасибо, Ли.

Меня посетила внезапная мысль.

– Подожди... А я думала, сегодня у тебя вечерние занятия. А мы задерживаем тебя... или... Так по каким дням у тебя занятия?

Я не очень задумывалась об этом, только замечала, что некоторые дни

Ли проводит здесь, а некоторые – в Лос-Анджелесе, но теперь, оглядываясь назад, поняла: четкой закономерности в его пребывании здесь нет. По лицу Эдди я увидела, что он тоже это осознал.

– Верно, – сказал он, подозрительно глядя на Ли. – Какое же у тебя расписание?

Ли открыл рот, и я почувствовала, что он собирается дать заранее заготовленный ответ. Потом он снова закрыл рот и бросил тревожный взгляд на Джил, все еще разговаривавшую с Лией.

– Пожалуйста, не рассказывайте ей, – прошептал он.

– Не рассказывать о чем? – спросила я тоже негромко.

– Я не в колледже. Я имею в виду... Я там учился. Но не в этом семестре. Мне нужно было свободное время, но... Я не хотел разочаровывать отца. Поэтому сказал, что просто учусь неполный день, вот почему больше бываю с ним.

– Тогда чем ты в это время занимаешься в Лос-Анджелесе? – спросил Эдди.

– У меня там до сих пор есть друзья, и мне нужно поддерживать свою легенду. – Ли вздохнул. – Пожалуйста...

позвольте мне самому ей рассказать. Мне так хотелось произвести на нее впечатление и доказать, что я чего-то стою. Она замечательная. Просто она застала меня в плохой период.

Мы с Эдди переглянулись.

– Я не расскажу, – сказала я. – Но ты и в самом деле должен признаться ей. В смысле... Надеюсь, не произошло ничего плохого, но ты не должен допустить, чтобы между вами была такая ложь.

У Ли был несчастный вид.

– Знаю. Спасибо тебе.

Когда он отошел в сторонку, Эдди, глядя на меня, покачал головой.

– Мне не нравится, что он обманывает. Совсем не нравится.

– Ли, пытающийся спасти свою репутацию, – это наименее странная вещь из тех, что здесь происходят, – усмехнулась я.

Выяснилось, что Джил уже может пройти от одной стены магазина до другой и обратно, не упав. Это не выглядело очаровательным, но все-таки было уже лучше. Ей еще предстоял долгий путь к тому, чтобы стать хоть немного похожей на модели, которых я видела по телевизору. Но поскольку Джил сперва вообще не могла стоять в этих туфлях, прогресс был налицо. Она начала было снимать туфли, но Лия ее остановила.

– Нет. Я же тебе сказала. Ты должна носить их все время. Практика, практика и еще раз практика. Носи их везде.

Она повернулась ко мне:

– А ты...

– Знаю. Я позабочусь о том, чтобы она не сломала шею, – отозвалась я. – Но она не сможет носить их все время. В нашей школе существует дресскод.

– Не думаю, что дело только в цвете, – извиняющимся тоном проговорила Джил. – Думаю, дело тут в шпильках. Но обещаю носить их все время, пока я не в школе.

Лия удовольствовалась этим и, дав еще несколько советов, отослала нас. Мы пообещали упражняться и вернуться сюда через два дня.

Я сказала Джил, что встречу с ней попозже, но не знаю, слышала ли она. Ее захватила мысль, что Ли повезет ее домой, и, похоже, остальное проходило мимо нее.

Когда я подъехала к дому Кларенса, Адриан встретил меня у входа.

– Ух ты! – сказала я, впечатленная его инициативой. – Я не ожидала, что ты будешь готов так быстро.

– Я и не готов, – ответил он. – Мне нужно, чтобы ты немедленно кое-что увидела.

Я нахмурилась.

– Хорошо.

Адриан повел меня в ту часть дома, где я раньше не была, отчего я занервничала.

– Ты уверен, что это не может подождать? Дело, которым мы должны заняться, вообще-то срочное...

– И это тоже. Каким тебе показался Кларенс, когда ты его видела в последний раз?

– Станным.

– Но все-таки здоровым?

Я подумала.

– Ну, я знаю, что он быстро устает. Но в других смыслах он выглядел нормально.

– А теперь уже нет. Это не просто усталость. Он очень ослабел, у него кружится голова, и он не встает с постели.

Мы добрались до закрытой деревянной двери, и Адриан остановился.

– Ты знаешь, почему он такой? – с тревогой спросила я.

Я уже предчувствовала проблемы, которые могут возникнуть в связи о стариком, но не ожидала, что это случится так скоро.

– Мне кажется, я знаю, в чем дело, – сказал Адриан на удивление свирепо. – Этот твой парень Кит.

– Перестань так говорить. Он не мой парень! – воскликнула я. – Он портит мне жизнь!

Адриан открыл дверь, и стала видна большая, богато украшенная кровать под балдахином. Войти в спальню мороя – это не могло меня не встревожить, но у Адриана был слишком повелительный взгляд. Я последовала за ним в комнату, и у меня перехватило дыхание при виде лежащего на кровати Кларенса.

– Кит портит жизнь не только тебе, – сказал Адриан, показав на старика.

При звуке наших голосов веки Кларенса затрепетали, потом снова опустились, как будто он погрузился в сон. Но мое внимание привлекли не его глаза, а бледный, болезненный оттенок кожи – а еще кровавая ранка на шее. Она была маленькая, одна-единственная, словно ее нанесли хирургическим инструментом.

Адриан выжидательно посмотрел на меня.

– Ну, Сейдж? У тебя есть какие-нибудь идеи насчет того, зачем Кит выпускает Кларенсу кровь?

Я сглотнула, едва веря своим глазам. Вот она, последняя часть головоломки. Я знала, что Кит поставляет «материалы» для татуировок, а теперь мне стало ясно, откуда он их берет.

– Да, – наконец негромко ответила я. – Кажется, я это знаю.

Глава двадцать вторая

Кларенс не хотел говорить с нами о случившемся. Вообще-то он наотрез отрицал какие бы то ни было проблемы, заявляя, что поранил шею, когда брился.

– Мистер Донахью, – как можно ласковее проговорила я, – это сделано хирургическим инструментом. И такого не было до визита Кита.

– Нет-нет, – слабым голосом выговорил Кларенс. – Кит здесь ни при чем.

В этот момент Дороти просунула голову в дверь; она несла стакан сока. Мы вызвали ее вскоре после моего появления. И у людей, и у мороев есть одно и то же средство при кровопотере: сладкое питье. Дороти предложила Кларенсу стакан с соломинкой. Ее морщинистое лицо было полно участия.

Пока Кларенс пил, я продолжала его уговаривать.

– Расскажите нам все, – умоляла я. – Какой вы заключили с ним договор? Что Кит дает вам за вашу кровь?

Кларенс молчал, и тогда я попыталась сменить тактику.

– Из-за этого страдают люди. Он раздает вашу кровь кому попало.

Это подействовало.

– Нет, – сказал Кларенс. – Он использует мою кровь и мою слюну, чтобы лечить. Лечить больных людей.

Слюну? Я чуть не застонала. Конечно. Та загадочная прозрачная жидкость. Теперь я знала, отчего небесные татуировки вызывают кайф, к которому привыкают. Какая мерзость!

Мы с Адрианом переглянулись. Кровь вампира, несомненно, обладала целительными свойствами. Моя татуировка была тому доказательством, и алхимики долго трудились, пытаясь усилить свойства крови для более широкого использования ее в медицине. Пока не существовало способа ее синтезировать, а использовать настоящую кровь было просто нецелесообразно.

– Он солгал, – сказала я Кларенсу. – Он продает ее богатым подросткам, чтобы помочь им в занятиях спортом. Что он пообещал вам за кровь? Долю в прибыли?

Адриан оглядел богато обставленную комнату.

– Ему не нужны деньги. Единственное, чего бы он хотел, – это то, чего ему не дали стражи. Воздаяние за Тамару.

Удивленная, я повернулась к Кларенсу и увидела подтверждение словам Адриана на лице старого мороя.

– Он... Он ищет для меня охотников на вампиров, – медленно проговорил Кларенс. – И говорит, что уже близок. Близок к тому, чтобы их отыскать.

Я покачала головой. Мне хотелось врезать самой себе за то, что не догадалась раньше – Кларенс является донором крови. Это объясняло, почему Кит всегда появлялся тут неожиданно – и почему так расстраивался, когда я приезжала без предупреждения. Моя «дружба с вампирами» не имела к этому никакого отношения.

– Сэр, я гарантирую, он ищет только одно – как потратить заработанные деньги.

– Нет... нет... Он собирается помочь мне найти охотников, которые убили Тамару...

Я встала. Я не могла больше этого слышать.

– Покормите его как следует и проследите, чтобы он поел, – сказала я Дороти. – Если его слабость только из-за потери крови, ему просто нужно время, чтобы восстановиться.

Я кивком попросила Адриана выйти из комнаты вслед за мной. По дороге к гостиной я заметила:

– Знаешь, в этом есть и хорошая, и плохая стороны. По крайней мере, мы можем быть уверены, что Кит получил новую порцию крови и у нас есть шанс поймать его с поличным. Жаль только, Кларенсу пришлось выдержать такое...

Войдя в гостиную, я застыла. Мне хотелось попасть сюда просто потому, что это было знакомое место, где можно обсудить наши планы, – не такое жуткое, как спальня Кларенса. Учитывая, сколь часто в этом доме у меня разыгрывалось воображение, немного могло меня удивить. Но никогда даже в самых странных снах я не представляла себе, что здешняя гостиная превратится в картинную галерею.

Повсюду были мольберты и холсты. Даже на бильярдном столе лежал большой развернутый бумажный рулон. Содержимое картин было крайне разнообразным. На некоторых просто пятна краски. На некоторых – удивительно реалистичные портреты и натюрморты.

Посреди произведений искусства валялись акварельные и масляные краски всех цветов.

На мгновение все мысли о Кларенсе и Ките вылетели у меня из головы.

– Что это?

– Домашняя работа, – ответил Адриан.

– Разве ты... Разве ты не только что начал учиться? Как они могли задать так много?

Адриан подошел к полотну, на котором была нарисована красная линия, пересекающая черное облако, и слегка дотронулся до нее, чтобы проверить, высохла ли краска. Рассматривая картину, я пыталась понять, в самом ли деле я вижу облако. В нем было нечто почти похожее на человека.

– Конечно, нам столько не задают, Сейдж. Но мне хотелось убедиться, что я не зря начал этим заниматься. Нужно усердно работать, чтобы достичь совершенства.

Он помолчал, раздумывая над своими словами.

– Правда, это не касается моих родителей. Они добились совершенства с первой же попытки.

Я невольно улыбнулась. Понаблюдав первую пару недель перемены в настроении Адриана, я была рада видеть, как оно улучшается.

– Да, это удивительно, – признала я. – А что на них нарисовано? Ну, вот эту я поняла.

Я показала на изображение женского глаза, карего, с длинными ресницами, а потом – на натюрморт с розами.

– Но остальные для меня... э-э... наверное, слишком креативны.

– Это? – спросил Адриан, повернувшись к картине с облаком и красной полосой. – Мне казалось, это очевидно. Это любовь. Ты разве не видишь?

Я пожала плечами.

– Может, для такого у меня недостаточно эстетический склад ума.

– Может быть, – согласился он. – Как только мы накроем твоего дружка Кита, мы будем обсуждать мое гениальное искусство сколько тебе угодно.

– Верно, – сказала я, снова сделавшись серьезной. – Нам нужно обыскать его квартиру в поисках улики. Я решила, что лучше всего будет это сделать, если я выманю его, а ты проникнешь туда в его отсутствие. Чтобы вскрыть замок...

Адриан отмахнулся.

– Я умею вскрывать замки. Как, по-твоему, я наведывался в родительский бар, когда еще учился в школе?

– Мне следовало бы догадаться, – сухо сказала я. – Постарайся поискать везде, а не только в очевидных местах. У него могут быть тайники в стенах и в мебели. Тебе нужно найти пузырьки с кровью или с металлической жидкостью или даже инструмент, которым он ранил

Кларенса.

– Понял.

Мы обсудили еще несколько деталей – в том числе кому Адриан должен будет позвонить, если что-нибудь найдет, – и уже собирались уходить, когда он спросил:

– Сейдж, почему ты выбрала сообщником меня?

Я подумала, прежде чем ответить.

– Думаю, методом отсеивания. Джил нельзя рисковать. Эдди подошел бы, но ему нужно быть с Джил и Ли. Кроме того, я уже знала, что у тебя нет моральных запретов насчет взлома и проникновения в чужое жилище.

– Это самое приятное из всего, что ты когда-либо мне говорила, – заявил он с ухмылкой.

После этого мы поехали к Киту. На первом этаже горели все огни, в последнюю минуту разбив надежду, что, может быть, не придется его выманивать. Мне бы очень хотелось помочь Адриану в поисках.

Я высадила Адриана, а потом поехала к круглосуточно работающему ресторану на противоположном конце города. Я решила, что это место идеально подходит для того, чтобы удержать Кита вдали от дома. Одно только местоположение ресторана даст Адриану лишнее время для поисков, хотя из-за такого дальнего расстояния ему придется некоторое время подождать снаружи, пока Кит не уедет.

Прибыв на место, я заняла столик, заказала кофе и набрала номер Кита.

– Да?

– Кит, это я. Мне нужно с тобой поговорить.

– Так говори.

Голос был самодовольным и уверенным – несомненно, Кит был доволен возросшим в последнее время спросом на татуировки.

– Не по телефону. Давай встретимся.

– В Амбервуде? – удивленно спросил он. – Разве у вас еще не отбой?

Комендантский час и в самом деле уже начался, но проблемы из-за этого ждали меня впереди.

– Я не в школе. Я в «Закусочной Маргариты», это заведение у шоссе.

Долгое молчание. Он все-таки не желал сдаваться.

– Что ж, если ты уже нарушила комендантский час, просто приезжай сюда.

– Нет, – твердо сказала я. – Приезжай ты.

– Зачем мне это?

Я лишь ненадолго заколебалась, прежде чем прибегнуть к доводу,

который, как я знала, сработает – единственный, способный заставить Кита приехать сюда и не пробудить в нем подозрений насчет татуировок.

– Речь идет о Карли.

– А что с ней? – спросил он после короткой паузы.

– Ты отлично знаешь что.

Еще одна пауза. Кит повесил трубку. Я заметила, что раньше на мой телефон пришло голосовое сообщение, а я не услышала сигнала. Теперь же прослушала послание.

– Сидни, это Уиз Реган из колледжа Карлтон. Просто хотел обсудить с вами пару вопросов. Во-первых, боюсь, что у меня плохие новости. Я не смогу задним числом перевести вашего брата из вольнослушателей в студенты. Наверняка я смогу зачислить его в следующем семестре, если сейчас у него не будет задолженностей, но пока он сможет продолжать занятия только на положении вольнослушателя. В результате он не получит стипендию, к тому же скоро вам нужно будет внести плату за определение его вольнослушателем, если он не передумает. Если он откажется, ничего страшного. Просто позвоните мне и дайте знать, какой вариант вам подойдет.

Я в унынии уставилась на телефон. Потерпели крах наши мечты перевести Адриана в статус полноправного студента, не говоря уж о его планах получить стипендию и выехать от Кларенса. Следующий семестр начнется в январе, поэтому Адриану придется провести еще четыре месяца у Кларенса. А вдобавок еще четыре месяца ездить на автобусе и заниматься в колледже без оценок.

Но были ли и в самом деле так важны оценки и стипендия? Я вспомнила, в каком приподнятом настроении был Адриан всего после пары занятий, как он погрузился в творчество. Он весь сиял, стоя в своей «галерее». И в голове моей эхом отдались слова Джил о том, что искусство помогает ему направить свои эмоции в определенное русло и поэтому ей легче переносить их внутреннюю связь. Эти занятия шли на пользу им обоим.

Сколько надо будет заплатить за право быть вольнослушателем? Я не знала точно, но понимала, что не так много, как за обучение. И заплатить надо будет только один раз, поэтому, наверное, я смогу незаметно включить эту сумму в свои расходы, не привлекая внимания алхимиков. Адриану нужны были эти занятия, в этом я не сомневалась. Если он узнает, что стипендии в этом семестре не будет, вполне вероятно, вообще бросит колледж. Я не могла подобного допустить. Если я смогу добиться, чтобы он походил в Карлтон еще немного, пока идет оформление стипендии, якобы

затягивающееся, возможно, он погрузится в творчество и не бросит колледж даже тогда, когда откроется правда.

Конечно, не слишком приглядный поступок с моей стороны, но ему это пойдет на пользу... и Джил тоже.

Я перезвонила в офис Уиза Регана, зная, что попаду на автоответчик. Оставила сообщение с обещанием завезти чек на оплату и уверением, что Адриан согласен быть вольнослушателем до тех пор, пока в следующем семестре его не удастся внести в списки студентов. Я дала отбой, вознося молчаливую молитву, чтобы прошло некоторое время, прежде чем Адриан об этом узнает.

Официантка свирепо поглядывала на меня, поскольку я заказала только кофе, поэтому я в конце концов попросила еще и кусок пирога. Как только она поставила на мой столик тарелку, в ресторан вошел раздраженный Кит. Он остановился в дверях и нетерпеливо оглядывался по сторонам, пока не увидел меня.

– Ну так что происходит? – спросил он, устроив целое представление из того, чтобы сесть. – Какое необычайно важное дело заставило тебя нарушить школьные правила и протащить меня через полгорода?

На мгновение я застыла. Когда я поглядела в глаза Кита – настоящий и искусственный, – во мне пробудились все противоречивые чувства, которые я питала к нему весь последний год. Страх и тревога из-за предстоящего рискованного плана боролись с глубокой ненавистью, которую я так долго в себе носила. Инстинкты алхимика требовали, чтобы я заставила его страдать. Мне хотелось швырнуть в него чем-нибудь. Например, пирогом. Или стулом. Или бейсбольной битой.

– Я...

Не успела я больше сказать ни слова, как просигналил мой телефон. Я посмотрела на дисплей и прочитала послание от Адриана. «Достал. Позвонил. Один час».

Я сунула мобильник в сумочку и выдохнула. У Кита ушло двадцать минут, чтобы сюда добраться, и все это время Адриан добросовестно обыскивал его квартиру. Очевидно, ему сопутствовала удача. Теперь дело было за мной – следовало задержать Кита, пока не прибудет подкрепление. Один час – это вообще-то было куда меньше, чем я ожидала. Я дала Адриану номер телефона Стэнтон, а та свяжется с алхимиками, которые к нам ближе всего. Я решила, что это означает Лос-Анджелес, но трудно было сказать наверняка при нашем размахе работы. Если на восточном конце Лос-Анджелеса есть алхимики, они прибудут сюда очень быстро. Возможно, они сэкономят время, прилетев на частном самолете.

– Что там? – раздраженно спросил Кит. – Послание от одного из твоих дружков-вампиров?

– Ты можешь прекратить комедию, – сказала я. – Тебе ведь на самом деле плевать, что я «слишком сближаюсь» с ними.

Это был не тот разговор, который отвлек бы его надолго, но я хваталась за каждую соломинку.

– Конечно, не плевать. Меня беспокоит твоя душа.

– Вот почему ты позвонил моему отцу? – спросила я. – По этой причине ты хочешь убрать меня из Палм-Спрингса?

– Это для твоего же блага, – заявил он, принимая свой показной благочестивый вид. – Ты знаешь, как дурно то, что ты вообще захотела взяться за такую работу? Ни один алхимик не захотел бы. Но ты, ты практически об этом умоляла.

– Да, – сказала я, чувствуя растущий внутри гнев. – Чтобы это не пришлось делать Зое.

– Рассказывай такие басни сама себе, если хочешь. Я знаю правду. Тебе нравятся эти создания.

– Не так все просто. По-твоему, я или должна их ненавидеть, или должна быть с ними в сговоре. Но, знаешь ли, есть и середина. Я все еще могу быть верной алхимикам и состоять в дружеских отношениях с вампирами и дампирями.

Кит поглядел на меня так, будто мне было десять лет от роду.

– Сидни, ты сама наивность. Ты не понимаешь устройство мира так, как понимаю его я.

Я знала все о его «устройстве мира». Я бы так и сказала, если бы в тот момент не подошла официантка, чтобы принять у него заказ на выпивку. Когда она ушла, Кит продолжил свои разглагольствования:

– Я имею в виду, откуда ты вообще знаешь, что твои чувства подлинные? Вампиры умеют подчинять себе других. Они владеют контролем над разумом. Пользователи духа вроде Адриана очень хорошо умеют это делать. Судя по всему, он использует свою силу, чтобы заставить тебя влюбиться в него.

Я подумала обо всех случаях, когда мне хотелось потрясти Адриана, чтобы пробудить в нем какой-то здравый смысл.

– Тогда он не очень хорошо с этим справляется.

Вот так мы переругивались, и в кои-то веки я была рада упрямству Кита и тому, что его не вразумишь. Чем дольше он со мной будет спорить, тем больше времени окажется у алхимиков, чтобы добраться до его квартиры. Если Стэнтон сказала Адриану – один час, она, вероятно, точно

все рассчитала. И все равно лучше перестраховаться.

Предел моей выносливости наступил, когда Кит заявил:

– Ты должна радоваться, что я вот так за тобой приглядываю. Дело не только в вампирах, знаешь ли. Я даю тебе уроки жизни. Ты заучиваешь книги, но не понимаешь людей. Ты не знаешь, как налаживать с ними отношения. Твоя наивность мешает тебе верно оценивать реальный мир, ты предполагаешь во всех только хорошее, и кто-нибудь, вероятно какой-нибудь парень, этим непременно воспользуется.

– Конечно, тебе очень хорошо известны такие ситуации! – огрызнулась я.

Кит фыркнул.

– Я тобой не интересуюсь, успокойся.

– Я говорю не обо мне! Я говорю о Карли.

Итак. Вот оно. Вот первоначальная цель нашей встречи.

– А какое она имеет отношение к делу?

Кит по-прежнему говорил ровным тоном, но я-то видела. Я видела в его здоровом глазу еле заметный проблеск тревоги.

– Я знаю, что между вами случилось. Я знаю, что ты с ней сделал.

Кит очень увлекся помешиванием льда своей соломинкой.

– Я ничего с ней не делал. Понятия не имею, о чем ты.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я! Она мне рассказала. После этого она пришла именно ко мне.

Я подалась вперед, обретая уверенность.

– Как ты думаешь, что сделает мой отец, когда обо всем узнает? И что сделает твой отец?

Кит поднял глаза и внимательно посмотрел на меня.

– Если, по твоему мнению, случилось нечто ужасное, почему твой отец еще не в курсе? А? Может, потому, что Карли понимает – тут не о чем сплетничать. Она сама всего хотела, поверь мне.

– Ты лжец! – прошипела я. – Я знаю, что ты сделал. Ты изнасиловал ее. И ты никогда не искупишь это никакими страданиями. Ты должен был потерять оба глаза!

Он напрягся, когда я упомянула о его глазах.

– Это грубо. И не имеет отношения к делу. Какого черта с тобой случилось, Сидни? Когда ты стала такой сукой? Наверное, твоя дружба с вампирами и дампирями причинила тебе больше вреда, чем мы думали. Завтра я первым же делом позвоню Стэнтон и попрошу немедленно тебя отозвать. Не дожидаясь конца недели. Тебя нужно оградить от их темного влияния.

Он покачал головой и взглянул на меня со смесью жалости и снисходительности.

– Нет, тебя нужно переобучить, и точка. Это уже давно надо было сделать, как только тебя застукали за помощью той убийце.

– Не уходи от темы, – надменно проговорила я, хотя из-за слов Кита во мне снова шевельнулся страх.

Что, если мы с Адрианом потерпим неудачу? Вдруг алхимики послушают Кита и отзовут меня отсюда? Если я попаду в центр переобучения, ему больше никогда не придется обо мне беспокоиться.

– Дело не во мне. Мы говорим о Карли.

Кит раздраженно закатил глаза.

– Я больше не собираюсь говорить о твоей распутной сестре.

И тут мое первоначальное желание швырнуть в Кита чем-нибудь победило. К счастью для него, это был всего лишь кофе, а не стул. И, опять-таки к счастью для него, кофе уже сильно остыл. И все равно в моей чашке еще оставалось достаточно, и напиток разбрызгался повсюду, промочив его некстати выбранную белую рубашку.

Кит удивленно уставился на меня и закашлялся, пытаясь что-то сказать.

– Ах ты сука! – наконец выговорил он, вставая.

Когда он двинулся к двери, я сообразила, что моя вспыльчивость могла разрушить весь наш план. Я поспешила за Китом и схватила его за руку.

– Подожди, Кит. Я... Я прошу прощения. Не уходи.

Он выдернул руку и сердито посмотрел на меня.

– Слишком поздно. У тебя был шанс, и ты его уничтожила.

Я снова ухватила его.

– Нет-нет. Подожди. Нам еще о многом надо поговорить.

Он открыл рот для какого-то резкого замечания, а потом быстро его закрыл. Несколько секунд Кит рассматривал меня; его лицо становилось все серьезнее.

– Ты пытаешься задержать меня здесь?

Я замешкалась с ответом, и тогда он отодвинулся и выскочил за дверь. Я побежала обратно к столу и швырнула на него двадцатку. Схватила пирог и сказала озадаченной официантке, чтобы оставила сдачу себе.

Часы в машине показали, что у меня есть двадцать минут до предполагаемого появления алхимиков в квартире Кита. Как раз за это время и можно было добраться обратно. Я поехала сразу за его машиной, совершенно не скрываясь. Теперь для него уже не было секретом: что-то происходит, то, ради чего я выманила его из дома. Я благословляла каждый

красный сигнал светофора, на котором мы останавливались, молясь, чтобы Кит не прибыл слишком рано. Иначе нам с Адрианом придется его задержать. Это возможно, но мне вовсе не хотелось таким заниматься.

Наконец мы добрались. Кит уже успел въехать на крошечную парковку перед зданием, а я небрежно бросила машину прямо у входа.

Когда Кит вбежал в дом, я отстала от него всего на несколько шагов, но, похоже, он едва меня замечал. Его внимание было приковано к освещенным окнам здания и темным силуэтам, едва различимым за тяжелыми портьерами. Кит ворвался внутрь, я последовала за ним несколькими мгновениями позже, почти врезавшись в него, когда он внезапно застыл.

В квартире вместе с Адрианом находились трое мужчин в костюмах. Все трое были мне незнакомы, но я не сомневалась – это алхимики. В них ощущался тот холодный глянец, которого все мы стремимся достичь, их щеки были расписаны золотыми лилиями. Один из них рылся в кухонном шкафу Кита. Другой, с блокнотом в руках, разговаривал с Адрианом, который прислонился к стене и курил. При виде меня Адриан улыбнулся.

Третий алхимик стоял на коленях на полу гостиной рядом с маленьким стенным шкафом. Неподалеку лежала аляповатая картина с изображением обнаженной по пояс женщины – очевидно, картину использовали, чтобы спрятать потайное отделение. Деревянную дверцу явно взломали, и вокруг было как попало разбросано содержимое – за несколькими исключениями. Алхимик сосредоточенно рассортировывал одну из кучек: металлические пробирки и иглы для взятия крови, пузырьки с кровью и маленькие пакетики с серебристым порошком.

При нашем появлении он поднял глаза и встретил Кита холодной улыбкой.

– А, хорошо, что вы здесь, мистер Дарнелл. Мы так надеялись, что вы сможете поехать с нами и ответить кое на какие вопросы.

Кит переменялся в лице.

Глава двадцать третья

– Что ты сделала?

Почти неделю спустя в центре Палм-Спрингса я, устроившись на заднем ряду, ожидала начала дефиле, в котором участвовала Джил. Я даже не подозревала, что Трей здесь, и вздрогнула, внезапно обнаружив его стоящим рядом со мной на коленях.

– Ты о чем конкретно? – спросила я. – Есть миллион вещей, за которые меня можно похвалить.

Он усмехнулся и продолжал говорить – очень негромко, в чем не было особой необходимости, поскольку вокруг стоял монотонный гул: на показ мод собрались несколько сотен человек.

– Я говорю о Слейде и его друзьях, и ты это знаешь, – сказал Трей. – На этой неделе они были очень из-за чего-то расстроены. Жаловались насчет тех глупых татуировок.

Он многозначительно посмотрел на меня.

– О чем ты? – спросила я с невинным видом. – Почему ты думаешь, что это имеет какое-то отношение ко мне?

– А ты говоришь, что это не имеет к тебе отношения? – спросил он, нимало не одураченный.

Я почувствовала, как на моих губах заиграла предательская улыбка. После налета на квартиру Кита алхимики позаботились о том, чтобы у его партнеров-татуировщиков больше не было возможности делать незаконные татуировки. И больше никто не собирался заменить меня Зоей. Прошло несколько дней, прежде чем Слейд и его друзья сообразили, что владельцы допинговых чернил куда-то исчезли. На этой неделе я, забавляясь, следила за их разговорами, но не подозревала, что Трей тоже это заметил.

– Скажу только: Слейду уже недолго остается быть суперзвездой, – ответила я. – Надеюсь, ты постарайся занять его место.

Трей смотрел на меня еще несколько мгновений, очевидно ожидая от меня какого-то продолжения. Но я промолчала, тогда он покачал головой и усмехнулся.

– Всякий раз, когда тебе понадобится кофе, Мельбурн, ты можешь прийти повидаться со мной.

– Уяснила, – сказала я и показала на до сих пор растущую толпу. – А ты что тут делаешь? Я и не знала, что ты интересуешься модой.

– Я не интересуюсь, – согласился он. – Но в этом показе участвует

пара моих друзей.

– Друзей? – лукаво спросила я.

Он возвел глаза к потолку.

– Друзей, которые девушки. У меня нет времени на глупые отвлекающие моменты, например на женщин.

– Да ну? Вот зачем тебе татуировка. Я слышала, женщинам она нравится.

Трей нахмурился.

– О чем ты говоришь?

Я вспомнила, как Кристин и Джулия удивлялись тому, что у Трея есть своя татуировка. А после Эдди обронил, что в раздевалке видел ее у Трея на пояснице, она похожа на солнце со множеством лучей и выполнена обыкновенными чернилами. Я дожидалась шанса подразнить Трея.

– Не изображай скромника. Я знаю о твоём солнышке. Почему с тобой всегда так нелегко?

– Я...

Он не на шутку растерялся. Больше чем растерялся. Он выглядел смущенным, недовольным – как будто не хотел, чтобы я знала о его татуировке. Это было странно. Что тут такого? Я собиралась задать новые вопросы, но увидела пробирающегося к нам через толпу Адриана. Трей бросил взгляд на его яростное лицо и тут же встал. Я могла понять причину. Выражение лица Адриана напугало бы даже меня.

– Что ж, – неловко сказал Трей. – Спасибо еще раз. Я перехвачу тебя позже.

Я пробормотала прощальные слова, наблюдая, как Адриан проскальзывает мимо. Рядом со мной сидел Мика, за ним – Эдди, а за Эдди мы приберегли два пустых места. Адриан уселся на одно из них, не ответив на приветствие Эдди. Несколько мгновений спустя торопливо вошел Ли и занял второе место. Его как будто что-то беспокоило, но все равно он сумел вести себя дружелюбнее Адриана. Адриан холодно смотрел перед собой, и мое хорошее настроение испарилось. Отчего-то – сама не знаю отчего – я чувствовала, что причина его сумрачности во мне.

Выяснить это у нас не было времени. Огни погасли, и начался показ. Его вел местный диктор, который представил трех дизайнеров, участвующих в шоу. Дизайнер Джил шла третьей по списку, и оттого, что пришлось наблюдать за другими выступлениями, ожидание стало куда более напряженным. Это было небом и землей в сравнении с репетициями, которые я видела раньше. Огни и музыка вывели все происходящее на более профессиональный уровень, а остальные модели казались куда

старше Джил и гораздо опытнее. Я начала разделять с Джил ее прежние опасения, что, может быть, это дело ей не по плечу.

Потом пришел черед Лии Ди Стефано. Джил была одной из ее первых моделей. Она появилась в струящемся серебристом вечернем платье, сшитом из ткани, которая как будто бросала вызов гравитации. Полумаска из жемчуга и серебра прикрывала часть лица, отчего тем, кто не знал, что это Джил, было нелегко ее узнать. Я рассчитывала, что ее вампирские черты слегка подретушируют, чтобы по возможности придать коже более человеческий цвет. Вместо этого ставка была сделана как раз на необычную внешность – на лицо ей нанесли светящуюся пудру, которая усугубляла ее бледность настолько, что Джил выглядела потусторонним существом. Все до единого локоны были аккуратно уложены – они искусно ниспадали, украшенные крошечными блестящими драгоценностями.

Походка Джил намного улучшилась со дня ее первых попыток. Она практически спала в этих туфлях на шпильках и оставила далеко позади этап, когда пыталась просто не свалиться. В ней чувствовались уверенность и целеустремленность, которых не было раньше. Время от времени я улавливала в ее глазах нервозность, видела, как она приноравливается к новой походке, ухитряясь идти на высоких серебряных шпильках. Но я сомневалась, что кто-нибудь еще это углядел. Тот, кто не знал Джил и ее характера, увидел бы только сильную, элегантную женщину, шагающую по подиуму. Изумительно. Если она могла так сильно измениться благодаря лишь небольшой поддержке, что же будет дальше?

Посмотрев на сидящих рядом парней, я увидела на их лицах схожие чувства. Адриан был полон братской гордости, которую так часто испытывал к Джил; все следы его прежнего плохого настроения испарились. Мика и Ли не скрывали чистейшего, безграничного восхищения. К моему удивлению, на лице Эдди было написано к тому же обожание – и еще что-то. Это было чуть ли не... поклонение.

Так и есть, поняла я. Появившись как красивое, невероятное, похожее на богиню создание, Джил облекла во плоть и кровь все идеалистические фантазии Эдди. Теперь она была идеальной принцессой, имеющей преданного рыцаря, ожидающего, чем он может ей услужить.

Джил появилась на подиуме еще два раза, все такая же восхитительная, но первый ее выход в серебряном платье остался незабываемым.

За остальным показом мод я наблюдала лишь вполглаза. Меня отвлекали слишком бурные эмоции и гордость за Джил. К тому же, честно говоря, большая часть увиденных этим вечером одежд была, на мой вкус,

чересчур крикливой.

После показа состоялся банкет, на котором гости, дизайнеры и модели могли пообщаться за угощением. Наша маленькая компания нашла уголок рядом с закусками, чтобы подождать Джил, которой нужно было переодеться. Ли притащил громадный букет белых лилий. Адриан наблюдал, как официантка пронесит мимо поднос, полный бокалов с шампанским. Его глаза были полны вожделения, но он не сделал ни единого движения, чтобы ее остановить. Я почувствовала облегчение и гордость за него. Джил, уравновешенность и алкоголь не относились к тем вещам, которые нам хотелось бы смешать.

Когда официантка удалилась, Адриан повернулся ко мне, и теперь я увидела, что его недавний гнев вернулся. Как я и подозревала, гнев был направлен на меня.

– Когда ты собиралась мне рассказать? – спросил Адриан.

Эти слова были так же загадочны, как то вступление, с которым не так давно обратился ко мне Трей.

– Рассказать тебе о чем?

– Что со стипендией ничего не выйдет! В отделе кадров колледжа мне сказали, что ты все знаешь.

Я вздохнула.

– Я не скрывала это от тебя в прямом смысле слова. Просто еще не представилось случая рассказать. Слишком много всего произошло.

Да, я тянула именно по этой причине. Ну, не совсем так. Я не ожидала, что Адриан из-за этого так заведется.

– Но у тебя, очевидно, было достаточно времени, чтобы заплатить за мои посещения как вольнослушателя. И достаточно денег. Но недостаточно, чтобы профинансировать мою новую хибару.

Думаю, больше всего меня расстроил намек на то, будто бы я решила действовать подобным образом, чтобы причинить ему неприятности. Разве я пошла бы на такое, если бы существовал способ этого избежать?

– Единовременную плату легко было внести в отчет, – сказала я. – Но ежемесячные выплаты – куда труднее.

– Тогда зачем вообще было себя утруждать? – воскликнул Адриан. – Весь смысл моего поступления в колледж заключался в том, чтобы я раздобыл денег и убрался от Кларенса! Иначе я вообще не ходил бы на эти дурацкие занятия. Думаешь, мне хочется каждый день часами трястись в автобусе?

– Эти занятия тебе на пользу, – возразила я, чувствуя, что начинаю злиться.

Мне не хотелось выходить из себя, тем более здесь, при наших друзьях. Но меня огорошила реакция Адриана. Разве он не понимает, как для него это хорошо – заниматься чем-то полезным? Я видела его лицо, когда он показывал мне картины. Они направили его эмоции в целительное русло, помогая справиться с разрывом с Розой, не говоря уж о том, что у него наконец-то появилась цель в жизни. И кроме того, меня убила та беспечность, с которой он отмахнулся от этих «дурацких» занятий. Еще одно напоминание о том, насколько нечестен мир, где я не могу иметь то, что другие получают легко и вовсе не ценят.

Адриан нахмурился.

– Мне на пользу? Да ладно, прекрати опять изображать из себя мою мамочку! В твои обязанности не входит учить меня жить. Если мне понадобится твой совет, я у тебя спрошу.

– Правильно, – вызывающе подбоченившись, сказала я. – Это не входит в мои обязанности – учить тебя жить... В мои обязанности входит только облегчать тебе жизнь, насколько это возможно. Потому что богу известно – ты не в состоянии выдержать даже маленького неудобства. А как насчет всего того, о чем ты мне говорил? О том, чтобы быть серьезным, о том, чтобы изменить свою жизнь? Помнишь, ты просил поверить в тебя?

– Да ладно вам, ребята, – неловко сказал Эдди. – Сейчас не время и не место.

Адриан не обратил на него внимания.

– У тебя-то нет проблем с тем, чтобы облегчать жизнь Джил.

– Это моя работа! – прорычала я. – И она еще девочка. Я не думаю, что взрослый парень вроде тебя нуждается в такой же опеке!

Глаза Адриана загорелись изумрудным огнем. Он яростно посмотрел на меня сверху вниз, а потом его взгляд сосредоточился на чем-то за моей спиной. Я повернулась и увидела, что к нам приближается Джил. Она снова была в серебристом платье, и лицо ее излучало счастье – счастье, которое стремительно угасло, когда она подошла ближе и поняла, что мы с Адрианом ссоримся. К тому времени, как Джил очутилась рядом со мной, ее недавнее приподнятое настроение сменилось беспокойством и озабоченностью.

– Что происходит? – спросила она, переводя взгляд с меня на Адриана и обратно.

Конечно, она уже должна была знать благодаря их связи. Удивительно, что его мрачные эмоции не испортили ей выступление.

– Ничего, – решительно сказала я.

– Ну, это зависит от того, что ты понимаешь под словом «ничего», –

возразил Адриан. – Я имею в виду, если ты расцениваешь ложь как...

– Прекрати! – крикнула я, несмотря на все свои старания сдержаться.

В помещении было слишком шумно, чтобы большинство собравшихся это заметили, но двое стоящих неподалеку людей с любопытством взглянули на нас.

– Просто прекрати, Адриан. Ты можешь не портить ей вечер? Неужели ты не способен всего один раз притвориться, что в мире существуешь не только ты? Что есть и другие люди, которые тоже важны?

– Портить? – воскликнул он. – Как, к дьяволу, ты можешь так говорить? Ты знаешь, что я для нее сделал! Я сделал для нее все! Я отдал за нее все!

– В самом деле? – спросила я. – Потому что, надо сказать, это смахивает скорее на...

Я заметила лицо Джил и прикусила язык. Ее глаза за маской испуганно распахнулись, когда она услышала обвинения, которыми перебрасывались мы с Адрианом. Я только что сказала Адриану, какой он эгоист и не думает о Джил, и вот пожалуйста – продолжаю нападать на него в великий вечер Джил, при ней и наших друзьях. Неважно, что я права – а я чувствовала, что определенно права. Сейчас для такой дискуссии было не время. Я не должна была позволить Адриану втянуть меня в спор. И если у него не хватало здравого смысла вовремя остановиться, пока все не зашло еще дальше, значит, остановлюсь я.

– Я уйду, – сказала я и заставила себя как можно искреннее улыбнуться Джил, которая, судя по всему, готова была удариться в слезы. – Ты была сегодня вечером изумительна. Правда.

– Сидни...

– Все в порядке, – сказала я. – Мне нужно кое-что сделать.

Я порылась в памяти в поисках того, что бы это такое могло быть.

– Мне нужно... э-э... прибрать вещи, которые оставил Кит. Вы можете отвезти ее и Эдди обратно в Амбервуд?

Этот вопрос был обращен к Мике и Ли. Я знала, что один из них непременно вызовется. Я не ощущала необходимости позаботиться и об Адриане. Честно говоря, мне было плевать, что с ним станет этим вечером.

– Конечно, – в унисон ответили Мика и Ли.

Но спустя мгновение Ли нахмурился.

– А почему тебе нужно прибирать вещи Кита?

– Длинная история, – пробормотала я. – Могу сказать только, что он покинул город и в ближайшее время не вернется. Может, никогда не

вернется.

Ли, казалось, это взволновало, что было совершенно непонятно. Может, за время, проведенное Китом у Кларенса, парни подружились? Если так, Ли был передо мной в долгу.

Джил все еще выглядела расстроенной.

– Я думала, мы все поедem праздновать.

– Ты можешь ехать, если хочешь, – сказала я. – Пока Эдди с тобой, я не очень-то беспокоюсь.

Я неловко потянулась к Джил. Мне хотелось ее обнять, но она была такой утонченной и великолепной в своем наряде и с таким макияжем, и я боялась что-нибудь испортить, поэтому ограничилась легким похлопыванием по плечу.

– Я говорю серьезно. Ты была изумительна.

Я поспешила прочь, опасаясь, что мы с Адрианом не выдержим и скажем друг другу какую-нибудь глупость. Мне надо было убраться отсюда. Теперь я надеялась, что у Адриана хватит здравого смысла прекратить спор и он не испортит Джил вечер еще больше.

Я не знала, почему стычка с Адрианом так сильно меня расстроила. Мы с ним пререкались почти с самой первой нашей встречи. Что значит еще одна ссора?

Это потому, что мы ладили, поняла я. Я все еще не думала о нем как о человеке, но незаметно для самой себя начала считать его не таким уж жутким монстром.

– Сидни?

Я никак не ожидала, что меня остановит именно Лорел. Она прикоснулась к моей руке, когда я проходила мимо группки девушек из Амбервуда. Наверное, я выглядела взбешенной, потому что, когда я остановила на ней взгляд, Лорел вздрогнула. Должно быть, такое случилось с ней впервые.

– Что? – спросила я.

Она сглотнула и отошла от своих подруг; в ее широко раскрытых глазах читалось отчаяние. Фетровая шляпа прикрывала большую часть ее волос, которым – как я слышала – Лорел все еще не смогла вернуть нормальный вид.

– Мне говорили... мне говорили, что ты можешь мне помочь. Помочь с моими волосами, – пролепетала Лорел.

В этом мне снова помогла Кристин. Позволив Лорел пострадать несколько дней, я велела Кристин распустить слух, что Сидни Мелроуз – с ее домашней аптечкой – может все исправить. Однако я позаботилась еще и

о том, чтобы Лорел дали понять: она не входит в число моих подруг и уговорить меня будет непросто.

– Возможно, – сказала я.

Я попыталась сохранять жесткое выражение лица, что было нетрудно, поскольку я все еще была очень расстроена из-за Адриана.

– Пожалуйста, – продолжала Лорел. – Я сделаю все, что ты захочешь, если ты мне поможешь! Я перепробовала все средства для волос, но напрасно.

К моему удивлению, она сунула мне несколько ежегодников.

– Вот. Тебе они нужны, верно? Возьми их. Возьми все, что хочешь.

Вообще-то еще пять дней тщательного мытья волос обычным шампунем могли бы все исправить, но я отнюдь не собиралась ей этого говорить. Я взяла ежегодники.

– Если я тебе помогу, – сказала я, – ты должна будешь оставить мою сестру в покое. Поняла?

– Да, – быстро ответила она.

– Не думаю, что поняла. Больше никаких выходов, запугивания, болтовни о Джил за ее спиной. Ты не должна становиться ее лучшей подругой, но я не хочу, чтобы ты к ней приставала. Не лезь в ее жизнь.

Я помолчала и добавила:

– Ну, за единственным исключением – ты должна извиниться.

Лорел отвечала кивками на все, что я говорила.

– Да, да! Я извинюсь прямо сейчас!

Я посмотрела туда, где Джил стояла со своими поклонниками, с цветами Ли в руках.

– Нет. Слишком много событий для одного вечера. Будет хорошо, если ты извинишься завтра.

– Я извинюсь, – ответила Лорел. – Обещаю. Только скажи мне, что делать. Как вылечить волосы.

Я не ожидала, что Лорел начнет переговоры со мной нынче вечером, но предчувствовала, что это случится в ближайшие несколько дней, потому держала в сумке наготове бутылочку антидота. Я вынула ее и показала Лорел; глаза у той чуть не вылезли из орбит.

– Одна доза – все, что тебе нужно. Просто используй это как шампунь. Потом тебе придется заново покрасить волосы.

Лорел потянулась к бутылочке, но я ее отдернула.

– Я не шучу. Твои оскорбления Джил на этом заканчиваются. Если я тебе это дам, то не услышу больше ни слова о том, что ты ее изводишь. Больше никаких скандалов, если она будет разговаривать с Микой. Больше

никаких шуточек о вампирах. Больше никаких звонков в «Невермор» и расспросов о высоких бледных людях.

Лорел разинула рот.

– Больше никаких – чего? Я никому не звонила!

Я заколебалась. Когда татуировщик упомянул, что кто-то звонит и спрашивает о людях, похожих на вампиров, я решила, будто это шуточки Лорел. Но теперь, при виде ее озадаченного лица, больше так не думала.

– Запомни, если я услышу, что всякая ерунда продолжается, происшествие с твоими волосами покажется тебе ничем по сравнению с тем, что случится дальше. Ничем. Ты меня поняла?

Она судорожно кивнула.

– П-полностью.

Я протянула ей бутылочку.

– Не забывай об этом.

Лорел начала было отворачиваться, потом бросила на меня еще один тревожный взгляд.

– Знаешь, иногда ты можешь быть чертовски страшной.

Интересно, имеют ли алхимики представление о моих выходках на этой работе? По крайней мере один вопрос разрешился. Отчаяние Лорел убедило меня в том, что ее вампирские шуточки были просто издевкой. На самом деле она не верила, что Джил и вправду вампир.

Но это порождало тревожный вопрос: кто же звонил насчет вампиров в «Невермор»?

Когда я в конце концов вышла из здания и двинулась к своей машине, то решила, что и вправду поеду к Киту. Кому-то надо было разобраться с его пожитками, а это занятие легко поможет мне избежать общения с другими. У меня все еще оставалась пара часов, прежде чем нужно будет возвращаться в общежитие.

В квартиру Кита со времени проведенного алхимиками обыска больше никто не наведывался. Сразу было видно, где именно нашли запасы серебра и пузырьки с кровью Кларенса. Изъяв необходимые им улики, алхимики больше ни к чему не прикасались и оставили здесь все прочее имущество Кита. Я надеялась, что нынче вечером заполучу кое-какие компоненты – те, которые не использовались для незаконных татуировок. Лишние порции химикатов всегда могли пригодиться как для уничтожения тел стригов, так и для домашних экспериментов.

Но мне не повезло. Даже если остальные запасы Кита были законными, алхимики, очевидно, решили конфисковать все ингредиенты.

Тогда, раз уж оказалась здесь, я решила проверить, не найдется ли чего-нибудь еще полезного.

Кит явно не жмотничал, тратя свои незаконно нажитые деньги на всевозможные домашние удобства. Хотя нет, я сомневалась, что дома у него были такие вещи, как огромная двуспальная кровать, гигантский телевизор с плоским экраном и достойная кинотеатра акустическая система. Еды он припас столько, что мог бы закатывать пирушки каждый день в течение целого месяца. Я просматривала один буфет за другим, ужасаясь тому, сколько его запасов относится к вредной еде. И все-таки, возможно, стоило забрать кое-что для Джил и Эдди, поэтому я сложила в пакеты сладости, которые не испортились бы при переноске, рассортировав их по цвету и размеру.

Потом я задумалась – имеет ли смысл перетаскивать в Амбервуд телевизор. Жаль было оставлять его алхимикам для утилизации или еще не знаю для чего, но я с трудом представляла себе выражение лица миссис Везерс, когда та увидит, как я тащу такую громадину вверх по лестнице. Я даже не была уверена, что он уместится на стену в нашей с Джил комнате.

Усевшись в кресло Кита, я принялась размышлять над этой проблемой. Даже кресло тут было первоклассным. Роскошная кожа – на ощупь, словно масло, и я практически тонула в подушках. Жаль, в кабинете миссис Тервиллигер для него нет места. Я могла представить, как она, расслабившись в этом кресле, попивает капучино и читает старые документы. В общем, что бы ни случилось с остальным имуществом Кита, для этих вещей потребуется нанимать грузовик, поскольку Латте явно это не потянуть.

Как только я приняла решение, у меня не осталось причин здесь задерживаться, но и возвращаться совершенно не хотелось. Я боялась увидеть Джил. Любая ее реакция на случившееся меня не обрадует. Если она все еще грустит после того спора, я буду чувствовать себя виноватой. Если она попытается защищать Адриана, меня это тоже расстроит.

Я вздохнула. Кресло было настолько удобным, что хотелось понаслаждаться в нем еще немного. Порывшись в своей большой сумке в поисках домашней работы, я вспомнила про ежегодники.

Келли Хейз. Из-за всех этих перипетий с Китом и татуировками у меня почти не осталось времени подумать о ней и об убийствах. Келли погибла, когда училась на третьем курсе, и в моем распоряжении были альбомы со снимками по каждому году, проведенному ею в Амбервуде.

Даже первокурсницей Келли снимали для ежегодника неоднократно. Я вспомнила, как миссис Везерс говорила, что Келли была хорошей

спортсменкой. Действительно, девушка занималась почти каждым видом спорта, которые предлагал Амбервуд, и во всех добилась исключительных успехов. За свой первый год она состояла в разных спортивных командах и завоевала всевозможные награды. И я тут же выяснила еще кое-что – Келли явно не была моройкой. Это было видно даже на чернобелых фотографиях, а особенно – на групповом цветном снимке на развороте в середине ежегодника. Самое что ни на есть человеческое телосложение и загорелая кожа.

Я просматривала содержание ежегодника, когда услышала стук в дверь. Сперва мне не хотелось откликаться. Судя по всему, пришел какой-то неудачник из числа здешних друзей Кита, чтобы пожить у него припасами и посмотреть телевизор. Потом я забеспокоилась, что визит может иметь отношение к алхимикам. Я нашла место, которое искала – то, где говорилось о наградах Келли, – прежде чем отложить ежегодник. Потом нерешительно приблизилась к двери. Посмотрев в «глазок», я увидела знакомое лицо.

– Ли?! – удивленно воскликнула я, открывая дверь.

Он смущенно улыбнулся.

– Привет. Прости, что беспокою тебя здесь.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, жестом приглашая его войти. – Почему не поехал вместе с остальными?

Ли последовал за мной в гостиную.

– Мне... Мне нужно было с тобой поговорить. Когда ты сказала, что отправляешься сюда, я невольно задумался, не сказал ли мой отец правду. Кит действительно отсюда уехал?

Я опустилась в кресло. Ли занял место на двухместном диванчике по соседству.

– Угу. Кит уехал. Ему... э-э... дали другое поручение.

Кита сейчас где-то наказывали, и поделом!

Ли огляделся, осматривая дорогую меблировку.

– Милая квартира.

Его взгляд упал на шкаф с алхимическими запасами. Дверца болталась на петлях, и я не потрудились прибраться там, где алхимики вычистили содержимое шкафа.

– Сюда что... – Ли нахмурился. – Вломились?

– Не совсем, – сказала я. – Киту... э-э... ему просто надо было кое-что срочно найти перед отъездом.

Ли заломил руки и огляделся еще раз, прежде чем повернуться ко мне.

– Он вернется?

– Вероятно, нет.

Лицо у Ли вытянулось, что меня удивило. У меня всегда было впечатление, что ему не нравится Кит.

– Его заменит другой алхимик?

– Не знаю, – ответила я.

На эту тему все еще шли дебаты. Благодаря тому, что Кита накрыли, меня уже не заменят Зоей, и теперь Стэнтон подумывала, не поручить ли мне этот участок, поскольку обязанности были несложными.

– Если кого-нибудь и пришлют вместо него, на это уйдет время.

– Итак, ты здесь единственный алхимик, – повторил Ли еще печальнее.

Я пожала плечами.

– В Лос-Анджелесе есть несколько алхимиков.

Я не ожидала, что от этого Ли слегка оживится.

– В самом деле? Ты не могла бы назвать мне их...

Ли замолчал, когда взгляд его упал на лежащий у моих ног раскрытый ежегодник.

– А! – сказала я, поднимая альбом. – Просто научноисследовательская работа, которую я выполняю для...

– Келли Хейз.

Его оживление исчезло.

– Да. Ты о ней слышал?

Я потянулась за ближайшим клочком бумаги, чтобы заложить им рубрику, посвященную наградам.

– Можно и так сказать, – ответил Ли.

Я начала было спрашивать, что он имеет в виду, когда увидела... На развороте, отведенном Келли, были фотографии, посвященные разным сторонам ее школьной жизни. Неудивительно, что в большинстве случаев ее снимали во время спортивных игр. Однако несколько фотографий освещали другие стороны ее школьной и личной жизни; в том числе имелась фотография на выпускном вечере. Келли выглядела ослепительной в голубом атласном платье, наилучшим образом подчеркивавшем ее спортивную фигуру. Она широко улыбалась в объектив, обхватив рукой франтоватого парня в смокинге.

Ли.

Я скинула голову и поглядела на Ли, который теперь рассматривал меня с непонятным выражением лица. Я снова вернулась к фотографии и внимательно ее изучила. Удивительным было не то, что на фото оказался Ли – поверьте, на основании этого я еще ни о чем не догадалась. Меня

озадачила дата снимка. Он был сделан пять лет назад. В то время Ли должно было быть лет четырнадцать, а глядевший на меня парень рядом с Келли явно не был настолько юным. Ли на фотографии выглядел в точности как тот девятнадцатилетний парень, который сидел напротив меня. Невозможно. Морои не бессмертны. Они старятся, подобно людям.

Я снова подняла глаза, гадая, не спросить ли его о том, есть ли у него брат.

Но Ли избавил меня от вопросов. Он просто печально и внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

– Черт! Я не хотел, чтобы до этого дошло.

А потом вынул нож.

Глава двадцать четвертая

Странно, как мы ведем себя в моменты нависшей угрозы. Часть меня была в полной панике, сопровождавшейся бешено стучащим сердцем и прерывистым дыханием. Вернулось чувство пустоты, словно в груди моей открылась дыра. Другая же часть меня каким-то необъяснимым образом все еще способна была на логические мысли вроде: «Да, таким ножом можно перерезать горло». А в остальном... Что ж, в остальном я была просто предельно озадачена.

Не двигаясь, я заговорила негромким ровным тоном:

– Ли, что происходит? В чем дело?

Он покачал головой.

– Не притворяйся. Тебе все известно. Ты слишком умна. Я не сомневался, что ты все вычислишь, просто не ожидал этого так скоро.

В голове у меня проносились самые различные мысли. Снова кто-то считал меня умнее, чем на самом деле. Вроде бы такая вера в мой интеллект должна была мне польстить, но, по правде говоря, я пока не знала, что происходит. Непонятно было, поможет мне или помешает, если я это выдам. Я решила как можно дольше вести себя хладнокровно.

– На этой фотографии изображен ты, – сказала я, стараясь говорить утвердительным тоном.

– Конечно, – ответил Ли.

– Ты не состарился.

Я осмелилась быстро взглянуть на фотографию, просто чтобы убедиться. Это все еще меня озадачивало. Только стригои не старились, оставаясь бессмертными в том возрасте, в каком обратились.

– Это... Это невозможно. Ты морой.

– О, я состарился, – горько проговорил Ли. – Немного. Не так сильно, чтобы ты могла действительно это заметить, но, поверь мне, я-то замечаю. Раньше было по-другому.

Я все еще понятия не имела, в чем дело, не могла полностью осознать случившееся. Неужели этот парень с мечтательными глазами, томящийся от любви к Джил, внезапно стал угрожать мне ножом? Я не понимала и того, почему Ли выглядит в точности так же, как на фотографии пятилетней давности. Была лишь одна ужасная вещь, в которой я начинала убеждаться.

– Ты... убил Келли Хейз.

Страх в моей груди все рос. Я отвела взгляд от клинка, чтобы посмотреть Ли в глаза.

– Но уж конечно... Конечно не Мелоди... И не Тамару...

Он кивнул.

– И Дину. Но ты ее не знала, так ведь? Она была всего лишь человеком, а вы не отслеживаете смерти людей. Только вампиров.

Было трудно снова не взглянуть на нож. Все, о чем я продолжала думать, – это какой он острый и насколько близко он от меня. Один взмах – и я закончу так же, как те девушки, моя жизнь вытечет из меня вместе с кровью. Я отчаянно выискивала нужные слова, снова жалея, что не научилась тому умению общаться, которое так легко давалось другим.

– Тамара была твоей двоюродной сестрой, – выговорила я. – Почему ты убил свою двоюродную сестру?

На лице Ли промелькнуло мгновенное сожаление.

– Я не хотел... То есть хотел, но... Ну, я был не в себе, когда вернулся. Я просто знал, что должен снова проснуться. Тамара оказалась не в том месте и не в то время. Я набросился на первого же мороя, какого смог достать... Но это не сработало. Вот тогда я попробовал остальных. Я думал: уж один-то из них сработает. Человек, дампир, морой... Ни один из них не сработал.

В его голосе слышалось отчаяние, и, несмотря на весь страх, в душе моей шевельнулось желание ему помочь... В общем, я безнадежно запуталась.

– Прости, Ли. Я не понимаю, почему тебе понадобилось «пробовать остальных». Пожалуйста, положи нож и давай поговорим. Может, мне удастся тебе помочь.

Он печально улыбнулся.

– Ты можешь помочь. Но я не хотел, чтобы это была ты. Я хотел, чтобы это был Кит. Он явно заслуживает смерти больше, чем ты. А Джил... Ну, ты нравишься Джил. Я хотел уважить это и пощадить тебя.

– Ты все еще можешь так поступить, – сказала я. – Она... Она бы не хотела, чтобы ты это сделал. Она бы расстроилась, если бы узнала...

Внезапно Ли очутился на мне, прижав меня к креслу и держа нож у горла.

– Ты не понимаешь! – закричал он. – И она не понимает. Но она поймет и будет рада. Она поблагодарит меня, и мы вечно будем молодыми, вечно будем вместе. Ты – мой шанс. Остальные не сработали, но ты...

Он провел клинком возле моей татуировки.

– Ты особенная. Твоя кровь волшебная. Мне нужен алхимик, и теперь

ты мой единственный шанс.

– Какой... шанс... о чем ты говоришь? – вырвалось у меня.

– Мой шанс на бессмертие! – выкрикнул Ли. – Господи, Сидни. Ты понятия не имеешь, на что это похоже – иметь такое, а потом потерять. Иметь бесконечную силу и власть... Не стариться, знать, что будешь жить вечно. А потом все это ушло! Все это у меня отобрали. Если я когда-нибудь найду того мерзавца, пользователя духа, который сделал это со мной, я его убью. Я убью его и буду пить из него, и снова буду целым. Я заново проснусь.

По моей спине пробежал холодок. При таком развитии событий можно было ожидать от себя уже абсолютной паники. Ничего подобного. Выяснилось, что я могу паниковать еще больше. После этих слов Ли я начала выстраивать хрупкую теорию, пытаюсь разгадать, о чем он говорит. «Проснуться» – был термин из лексикона вампиров, который использовался при особых обстоятельствах...

– Ты раньше был стригоем, – прошептала я, сомневаясь, верю ли в это сама.

Ли слегка отодвинулся; его серые глаза были широко раскрыты и лихорадочно блестели.

– Раньше я был богом! И снова им буду. Клянусь. Мне жаль, правда жаль. Мне жаль, что это ты, а не Кит. Мне жаль, что ты узнала насчет Келли. Если бы ты не выведала все, я смог бы найти в Лос-Анджелесе другого алхимика. Но разве ты не видишь? Теперь у меня нет выхода...

Нож все еще был у моего горла.

– Мне нужна твоя кровь. Я не могу и дальше жить вот так... смертным мороем. Я должен превратиться обратно.

Раздался стук в дверь.

– Ни слова, – прошипел Ли. – Они уйдут.

Несколько секунд спустя стук повторился, а вслед затем послышалось:

– Сейдж, я знаю, что ты там. Я видел твою машину. Я знаю, ты злишься, но просто выслушай меня.

Это послужило для меня сигналом.

– Адриан! – завопила я, вскакивая с кресла.

Я не сделала ни малейшей попытки разоружить Ли. Моей единственной целью было убраться в безопасное место. Я прорвалась мимо него прежде, чем он успел среагировать, и кинулась к двери, но он подготовился к такому повороту событий – и лучше, чем я ожидала.

Ли прыгнул ко мне и повалил, нож пропорол мне руку, когда я падала. Я взвизгнула от боли, почувствовав, как клинок врезался в мою кожу. Я

боролась с Ли, но добилась только того, что нож поранил меня еще сильнее.

Дверь внезапно распахнулась; как хорошо, что я оставила ее незапертой после того, как впустила Ли. Адриан вошел и застыл, увидев нас с Ли.

– Не подходи, – предупредил его Ли, снова прижав нож к моему горлу.

Я чувствовала, как из моей руки сочится теплая кровь.

– Закрой дверь. Потом... Опустись на пол и положи руки за голову. Я убью ее, если ты этого не сделаешь.

– Он все равно меня убьет... А-а!

Мой голос оборвался, когда нож проткнул кожу у меня на шее – недостаточно сильно, чтобы убить, но достаточно, чтобы причинить боль.

– Хорошо, хорошо, – сказал Адриан, поднимая руки.

Я никогда еще не видела его таким серьезным и рассудительным. Опустившись на пол у двери и заложив руки за голову, как и было приказано, он мягко заговорил:

– Ли, не знаю, зачем ты это делаешь, но, пожалуйста, остановись, прежде чем все пойдет еще дальше. Ты не можешь удержать здесь нас обоих под угрозой ножа.

– Раньше у меня такое получалось, – возразил Ли.

Все еще держа нож у моего горла, второй рукой он дотянулся до кармана своего пальто и вытащил пару наручников. Это была неожиданность. Ли толкнул наручники по полу к Адриану.

– Надень их.

Адриан не среагировал немедленно, и Ли нажимал на нож до тех пор, пока я не завизжала.

– Быстро!

Адриан надел наручники.

– Я собирался надеть их на нее, но, может, и хорошо, что ты заглянул, – сказал Ли. – Я, наверное, проголодаюсь к тому времени, как снова проснусь.

Адриан выгнул бровь.

– Снова проснешься?

– Раньше он был стригоем, – с трудом выговорила я. – Он убивал девушек... Перерезал им глотки... Чтобы попытаться стать стригоем снова.

– Умолкни! – огрызнулся Ли.

– Зачем ты резал им глотки? – спросил Адриан. – У тебя есть клыки.

– Потому что это не срабатывало! Я и в самом деле пускал в ход

клыки. Я пил из них... Но это не срабатывало. Я не просыпался вновь. А потом мне пришлось заметить следы. Ты же знаешь, стражи разбираются в таких делах, в метках от укусов мороев и стригоев. Все равно мне нужен был нож, чтобы заставить их подчиниться, поэтому после я перереза л глотки, чтобы замести следы... Тогда все подумали бы, будто это сделал сумасшедший стригой. Или охотник на вампиров.

Я видела, как Адриан обдумывает все это. Не знаю, поверил он или нет, но в любом случае он был способен разбираться в сумасшедших идеях.

– Если с остальными у тебя не получилось, с Сидни тоже не получится.

– Должно получиться, – пылко произнес Ли. Он передвинулся так, что я перекатилась на спину, все еще придавленная к полу его весом. – Ее кровь особенная. Я точно знаю, она особенная. А если не работает... Мне помогут. Помогут заново проснуться, а потом я разбужу Джил, и мы сможем вечно быть вместе.

Адриан вскочил, переполненный яростью.

– Джил? Не тронь ее! Даже пальцем ее не тронь!

– Сядь! – рявкнул Ли.

Адриан послушался.

– Я ее не трону. Я люблю ее. Вот почему я позабочусь о том, чтобы она осталась в точности такой, как сейчас. Вечно. Я разбужу ее, когда сам заново проснусь.

Я попыталась поймать взгляд Адриана, гадая, не получится ли передать ему молчаливое послание. Если мы оба ринемся на Ли – пусть Адриан и в наручниках, – может, у нас будет шанс его одолеть. Я не сомневалась – всего несколько секунд отделяют Ли от того, чтобы перерезать мне глотку в надежде на... На что? Что он выпьет мою кровь и станет стригоем?

– Ли, – негромко сказала я. Слишком большая вибрация в горле приводила к новым уколам ножа. – Это не сработало с другими девушками. Не думаю, что алхимики чем-то отличаются. Что бы ни сделал пользователь духа, спасая тебя... Теперь ты не сможешь вернуться. Сколько бы крови ты ни выпил.

– Он не спас меня! – взревел Ли. – Он разрушил мою жизнь. Я пытаюсь вернуть ее уже шесть лет. Я был почти готов прибегнуть к последнему средству... Пока не подвернулись ты и Кит. И это последнее средство все еще у меня в запасе. Но я не хочу, чтобы до этого дошло. Во имя нашего общего блага.

Так я не последнее средство? Честно говоря, я не видела, как любой из

альтернативных планов мог обернуться для меня еще хуже. Тем временем Адриан по-прежнему не смотрел в мою сторону, и я переживала по этому поводу – пока не поняла, что именно он пытается сделать.

– Это ошибка, – сказал он Ли. – Посмотри на меня и скажи, что ты и в самом деле хочешь сделать с ней такое.

Скованный или нет, Адриан не обладал скоростью и силой дампира, который смог бы прыгнуть и разоружить Ли прежде, чем нож успеет сделать свое дело. И у Адриана не было способности подчинять себе стихии – такие, как огонь, – чтобы использовать их в качестве оружия. Зато он мог подчинять себе других. Принуждение было прирожденным даром всех вампиров; и самыми большими мастерами в применении этого дара были пользователи духа.

К несчастью, для того, чтобы эффективнее всего вынудить кого-то подчиниться, требовалось встретиться с ним глазами, а этого Ли не собирался делать. Все его внимание было приковано ко мне, и это мешало попыткам Адриана.

– Я принял решение уже давно, – сообщил Ли.

Он окунул пальцы свободной руки в кровавое пятно на моей руке и с видом мрачной решимости поднес кончики пальцев к губам. Он слизал кровь, что не показалось мне таким отвратительным, каким показалось бы при других обстоятельствах. Сейчас происходило столько всего, что, честно говоря, это было не ужасней всего остального и почти прошло мимо меня.

Лицо Ли исказилось от изумления и потрясения, вскоре сменившихся отвращением.

– Нет, – выдохнул он.

Повторил свой жест, снова натерев пальцы кровью и слизав ее.

– Тут что-то... Что-то не так...

Он наклонился и приблизил губы к моей шее, и я заскулила в страхе перед неизбежным. Но почувствовала не зубы, а лишь легчайшее прикосновение губ и языка к нанесенной им ране, словно некий извращенный поцелуй. И тут же Ли отпрянул, в ужасе уставившись на меня.

– Что с тобой такое? – прошептал он. – Что такое с твоей кровью?

Он предпринял третью попытку попробовать мою кровь, но сразу понял – это бесполезно. Ли нахмурился.

– Я не могу это сделать. Не могу ее проглотить. Почему?

Ни у меня, ни у Адриана не было на это ответа. Ли на мгновение понурился, и я внезапно загорелась надеждой, что, может быть, он сдастся

и прекратит это безумие. Но он с глубоким вздохом выпрямился, и в глазах его снова появилась решимость. Я напряглась, почти ожидая заявления, что теперь он собирается попробовать Адриана, хотя в предыдущих двух попытках с мороями (считая Мелоди) уже потерпел неудачу.

Но вместо этого Ли вытащил из кармана мобильник, все еще продолжая держать у моего горла нож и не давая мне улизнуть. Он набрал номер и стал ждать ответа.

– Дон? Это Ли. Да... Да, я знаю. Что ж, у меня есть для тебя двое, готовы и ждут. Морой и алхимик. Нет... Не старик. Да. Да, еще живы. Это должно случиться нынче ночью. Они обо мне знают. Ты можешь их забрать... Но не забудь условия сделки. Ты знаешь, чего я хочу... Да. Угу. Хорошо.

Ли продиктовал наш адрес и дал отбой. На лице его заиграла довольная улыбка.

– Нам повезло. Они к востоку от Лос-Анджелеса, поэтому у них не уйдет много времени, чтобы сюда попасть, – тем более что их не очень-то заботит превышение скорости.

– Кто такие «они»? – спросил Адриан. – Помню, ты звонил в Лос-Анджелес, какой-то девчонке по имени Дон. Я думал, она одна из твоих сексуальных подружек из колледжа.

– Они повелители судеб, – мечтательно проговорил Ли.

– Как восхитительно загадочно и как бессмысленно, – пробормотал Адриан.

Ли сердито взглянул на него, потом присмотрелся повнимательней.

– Сними галстук.

Я уже достаточно знала Адриана, чтобы ожидать комментария вроде: «О, я рад, что с официальной частью покончено».

Очевидно, ситуация была достаточно угрожающей – и нож у моего горла достаточно серьезен, – чтобы Адриан не отпускал обычных острот.

После некоторых сложных маневров он в конце концов сумел развязать скованными руками галстук, который надел на показ мод Джил. Потом швырнул галстук Ли.

– Осторожно, – сказал Адриан. – Он шелковый.

Конечно, он все-таки не мог удержаться от ехидных замечаний.

Ли перевернул меня на живот, наконец-то избавив от ножа у горла, но не дав мне времени среагировать. С поразительной сноровкой он быстро скрутил мне руки за спиной галстуком Адриана. Для этого ему пришлось тянуть и удерживать мои руки, отчего ножевая рана заболела сильнее. Закончив, Ли подался назад и разрешил мне сесть. Я села, слегка

покачиваясь, но, когда на пробу дернула галстук, оказалось, что в ближайшее время я эти узлы не развяжу. Я с тревогой гадала, скольких девушек Ли уже связывал в своих сумасшедших попытках стать стригоем.

Странно, но, пока мы ждали появления «повелителей судеб», в комнате воцарилось неловкое молчание. Сколько времени оставалось у нас до прибытия вызванных? Судя по тому, что он мне сказал, я решила – по меньшей мере час.

Расхрабрившись, я наконец-то попыталась побеседовать с Адрианом в надежде, что мы все же сможем тайно сговориться против Ли – хотя теперь, когда у нас обоих были связаны руки, шансы на успех такой попытки значительно снизились.

– Как ты вообще сюда попал? – спросила я.

Глаза Адриана были прикованы к Ли – он все еще надеялся перехватить его взгляд. И все-таки Адриан быстро, искоса взглянул на меня.

– Так же, как я попадаю во все другие места, Сейдж. На автобусе.

– Почему?

– Потому что у меня нет машины.

– Адриан!

Изумительно. Даже сейчас, когда наши жизни были в опасности, ему все еще удавалось меня взбесить.

Адриан пожал плечами и снова сосредоточился на Ли, хотя его слова явно предназначались мне.

– Чтобы извиниться. Потому что на показе мод вел себя по отношению к тебе как законченный придурок.

Я пребывала в полнейшем смятении. В том, что Ли превратился в психопата, не было моей вины, но Адриан попал в переплет, когда пришел передо мной извиниться, и это мучило меня.

– Ничего. Ты не вел себя... э-э... так уж плохо, – неловко проговорила я, надеясь приободрить этим Адриана.

На его губах появилась легкая улыбка.

– Ты совершенно не умеешь врать, Сейдж, но я все равно тронут, что попыталась ради меня.

– Да. Все равно то, что тогда произошло, кажется пустяком в свете нынешней ситуации, – пробормотала я. – Такое легко простить.

Слушая нас, Ли хмурился все сильнее.

– Другие знают, что ты здесь? – спросил он Адриана.

– Нет, – ответил Адриан. – Я сказал, что возвращаюсь в дом Кларенса.

Я не знала, лжет он или нет. На мгновение мне показалось это

неважным. Остальные слышали, как я сказала, что еду сюда, но ни у кого не было причин искать нас здесь.

Почувствовав, как на секунду перехватило дыхание, я взглянула на Адриана и встретила с ним глаза. Он потупился, возможно боясь выдать то, о чем я только что подумала. Неважно, знает ли наша компания, где я. Если Джил сейчас на связи с Адрианом, она это узнает. И узнает, что мы в беде. Но только при одном условии: она сейчас видит, что происходит у Адриана в голове.

И Джил, и Адриан признавались: связь их непостоянна, и вызывают ее сильнейшие эмоции. Уж если нынешнюю ситуацию нельзя было считать крайне эмоциональной, то я просто не знаю, какую тогда можно назвать. Но даже если Джил поняла, что происходит, включалось множество дополнительных условий. Джил пришлось бы добираться сюда, а она не могла сделать это одна. Если бы она позвонила в полицию, помощь прибыла бы быстрее всего, но Джил могла заколебаться, зная об участии в деле вампиров. Ей понадобился бы Эдди. Сколько времени может уйти на то, чтобы до него добраться, если они разошлись по своим общежитиям?

Я не знала. Я знала только одно: нам нужно остаться в живых. Если мы каким-то образом сумеем продержаться, Джил приведет сюда помощь. Вот только я больше не могла оценить наши шансы на выживание. Мы оба были связаны, заперты в комнате с парнем, который не боялся убивать ножом и отчаянно хотел снова стать стригоем. То была плохая ситуация, и она вот-вот могла стать еще хуже...

– Кто сюда едет, Ли? – спросила я. – Кому ты звонил?

Он не ответил, и я сделала логический вывод:

– Стригой. Ты вызвал сюда стригоев.

– Это единственный способ, – сказал он, перекидывая нож из одной руки в другую. – Единственный способ, который мне остался. Прости. Я больше не могу быть таким. Я больше не могу быть смертным. И так уже слишком много времени прошло.

Конечно. Морой мог стать стригоем двумя способами. Первый заключался в том, чтобы пить кровь другого и убить жертву во время кровопития. Ли пробовал это сделать, убивая все жертвы, какие только смог найти, и потерпел неудачу. Таким образом, ему оставался последний отчаянный шаг: быть обращенным другим стригоем. Обычно это случалось, когда стригой кого-то убивал и потом поил жертву собственной кровью. Ли хотел, чтобы именно это с ним и сотворили. Он продал наши жизни стригоям, которые его обратят. А потом он хотел сделать то же самое с Джил из-за какой-то сумасшедшей больной любви...

– Но оно того не стоит, – сказала я. Отчаяние и страх придали мне храбрости. – Это не стоит убийства невинных и угрозы твоей душе.

Взгляд Ли упал на меня, и в этом взгляде было такое знобящее безразличие, что мне было трудно узнать в парне передо мной того, над кем я посмеивалась, глядя на его ухаживания за Джил.

– Вот как, Сидни? Откуда тебе знать? Ты большую часть жизни лишала себя веселья. Ты держишься в стороне от людей. Ты никогда не позволяла себе быть эгоистичной – и посмотри, куда это тебя привело. Твоя «мораль» дает тебе короткую, скудную жизнь. А теперь можешь ли ты сказать, перед тем как умрешь, что тебе не хотелось бы позволить себе чуть больше веселья?

– Но бессмертная душа...

– Что мне до нее? – горько усмехнулся Ли. – Зачем утруждать себя тем, чтобы вести в этом мире унылую упорядоченную жизнь в надежде на то, что, может быть, наши души будут и дальше существовать в каком-то небесном царстве? Зачем, если я могу уже сейчас взять все под контроль и позаботиться о том, чтобы навсегда остаться в этом мире, со всеми его удовольствиями, вечно сохраняя молодость и силу? Это реально. Это то, во что я могу верить.

– Но так нельзя, – сказала я. – Оно того не стоит.

– Ты бы так не говорила, если бы испытала то же, что и я. И, если бы ты была стригоем, тебе бы никогда не захотелось это утратить.

– И как ты это утратил? – спросил Адриан. – Каким образом пользователь духа тебя спас?

Ли фыркнул.

– Ты имеешь в виду – ограбил. Не знаю. Все случилось так быстро. Но как только я его найду... А-а!

Ежегодник не самое отличное оружие, тем более ежегодник величиной с амбервудский, но в крайнем случае (и если застать врага врасплох) он срабатывает.

Я уже говорила, что мне не суждено было в ближайшее время распутать узлы на галстук. Это правда. У меня ушло на развязывание все время, пока мы разговаривали, но я справилась. По какой-то причине завязывание узлов стало полезным навыком в курсе обучения алхимиков, и я упражнялась в этом, когда росла с отцом.

Едва освободившись от галстука Адриана, я потянулась за первой же вещью, какую смогла достать: за ежегодником первого курса Келли. Я взвилась на ноги и саданула им Ли по голове. Съежившись, тот шатнулся назад и выронил нож, а я воспользовалась возможностью, чтобы метнуться

через комнату и схватить за руку Адриана. Ему не нужна была моя помощь; он уже пытался встать.

Мы не ушли далеко, прежде чем Ли снова на нас навалился. Нож отлетел туда, где его не было видно, и Ли просто пустил в ход грубую силу – схватил меня за волосы и раненую руку и оторвал от Адриана, заставив качнуться. Адриан рванулся за нами, делая все возможное, чтобы ударить Ли, хоть и связанными руками. Мы не были самым эффективным боевым формированием, но, сумеи мы на время лишить Ли равновесия, получили бы шанс улизнуть.

Мы с Адрианом не давали Ли передышки, и тот пытался наступать и защищаться одновременно. Нежданнонегаданно мне вспомнился урок Эдди о том, как метким ударом серьезно ранить того, кто сильнее тебя. В считанные секунды оценив ситуацию, я решила, что у меня есть благоприятная возможность, сжала кулак и встала в стойку, которая помогла бы вложить в удар весь мой вес. Я замахнулась...

– Ой!

...И взвизгнула от боли, когда мой кулак угодил в цель. Если это был «безопасный» способ нанести удар, просто не знаю, какую боль мог причинить «небезопасный». К счастью, Ли было больно не меньше (а то и больше), чем мне. Он отлетел назад и ударился о кресло так, что не удержался на ногах и рухнул на пол. Я была ошеломлена собственным поступком, но Адриан не растерялся ни на секунду. Он подтолкнул меня к двери, воспользовавшись тем, что Ли на время был дезориентирован.

– Давай, Сейдж. Ну же!

Мы поспешили к двери, а Ли тем временем поливал нас бранью. Я потянулась к дверной ручке, но дверь открылась прежде, чем я успела к ней прикоснуться.

И в комнату вошли два стригоя.

Глава двадцать пятая

Я издевалась над Китом, когда мы впервые явились в Палм-Спрингсе, дразнила из-за того, как тот застывал, когда рядом были морои. Но теперь, стоя лицом к лицу с существами из ночных кошмаров, я поняла, что он тогда чувствовал. Я не имела права судить человека за то, что он терял способность рационально мыслить, оказавшись перед воплощением самых больших своих страхов.

С другой стороны, если бы Кит был здесь, думаю, он бы понял, почему морои больше не производили на меня большого впечатления. Потому что в сравнении со стригоями... В самом деле, некоторые различия между людьми и мороями внезапно сделались незначительными. Важно было лишь одно различие: между живым и мертвым. Именно эта черта и разделяла нас, и мы с Адрианом твердо стояли по одну сторону этой черты – лицом к лицу с теми, кто находился по другую ее сторону.

Я видела стригоев и раньше. Но тогда мне не грозила близкая опасность. К тому же рядом были Роза и Дмитрий, готовые прийти на выручку. А теперь... Здесь не было никого, кто мог нас спасти. Только мы с Адрианом.

Стригоев было только двое, но с тем же успехом их могло быть и двести. Стригои действуют на уровне, настолько отличном от нашего, что не требуется большого их числа, чтобы они получили перевес.

Стригои оказались женщинами; судя по виду, им было лет по двадцать, когда их обратили. Кто знает, как давно это случилось. Ли все твердил и твердил о том, что быть стригоем означает быть «вечно молодым», однако, глядя на двух этих монстров, я не думала о них как о юных. Конечно, с виду они казались юными, но внешность их портили злоба и разложение. Кожа, хотя и без морщин, была болезненно белой, куда блее, чем у любого мороя. Обведенные красными кругами глаза, плотоядно глядящие на нас, не сверкали жизнью и энергией, на нас смотрели скорее нечестиво воскресшие существа. Эти люди были неправильными. Они были неестественными.

– Очаровательно, – сказала одна из стригоек.

Ее светлые волосы были подстрижены коротко, с отдельными длинными прядями; черты лица наводили на мысль, что до обращения она была дампиром или человеком. И она смотрела на нас так, как наша домашняя кошка у меня на глазах часто посматривала на птичек.

– Все в точности так, как было описано.

– Они та-кие хорошенькие, – с похотливой улыбкой пробормотала вторая стригойка. Судя по высокому росту, раньше она была моройкой. – Я даже не знаю, кого из них хочу первым.

Блондинка кинула на нее предупреждающий взгляд.

– Мы поделимся.

– Как и в прошлый раз, – согласилась вторая, закинув за плечо гриву вьющихся черных волос.

– Нет, – сказала первая. – В прошлый раз ты убила обоих. Это не называется «делиться».

– Но после я позволила тебе покормиться кровью обоих.

Не успела блондинка возразить, как Ли пришел в себя и, шатаясь, шагнул к ней.

– Дон, ты мне обещала. Ты обещала, что разбудишь меня, перед тем как что-нибудь предпринять.

Стригойки переключили внимание на Ли. Я все еще не в силах была шевельнуться или по-настоящему среагировать, оказавшись так близко от этих адских созданий. Но каким-то образом сквозь невыразимый и непреодолимый ужас все-таки смогла ощутить крошечную, неожиданную жалость к Ли. Конечно, вкупе с ненавистью, учитывая ситуацию. Но, по большей части, мне было жаль того, кто искренне верил, что его жизнь бессмысленна, если он не принесет свою душу в жертву бессмертию. И сожалела я не только об этом, но и о том, что Ли считает, будто этим созданиям можно доверять и они вправду дадут ему желаемое. Поскольку, рассматривая их, я совершенно ясно поняла: они решают, включить ли в свой обед три блюда или нет. Я подозревала, что Ли – единственный, кто этого не осознает.

– Пожалуйста, – сказал он. – Ты пообещала. Спаси меня. Сделай меня прежним.

А еще я невольно заметила на лице Ли маленькое красное пятно в том месте, куда попал мой кулак. Я позволила себе слегка загордиться. Но у меня не хватило нахальства вообразить, будто я обладаю заслуживающими внимания бойцовскими навыками, которые помогут мне справиться с этой ситуацией. Стригойи были слишком близко, и у нас было слишком мало места для отступления.

– Я знаю, где есть еще, – добавил Ли. Судя по его виду, он начал тревожиться из-за того, что его «спасители» не рвутся воплотить в жизнь его мечты. – Один молодой – дампир.

– Давненько я не пробовала дампира, – мечтательно проговорила

кудрявая стригойка.

Дон вздохнула.

– Мне вообще-то плевать, Жаклин. Если хочешь разбудить его, давай. Мне нужны только эти двое.

– Тогда я получу вампира целиком, – предупредила Жаклин.

– Хорошо, хорошо, – отозвалась Дон. – Только поторопись.

Ли засиял от счастья. Это было невыносимо.

– Спасибо, – сказал он. – Спасибо огромное! Я так долго этого ждал, что не могу поверить в... А-а!

Движения Жаклин были стремительны, и я едва заметила, как все случилось. Только что она стояла в дверях, а в следующий миг уже прижала Ли к креслу. Ли испустил полузадушенный вопль, когда она укусила его за шею, – и тут же смолк. Дон закрыла дверь и подтолкнула нас вперед. Я вздрогнула от ее прикосновения.

– Что ж, – весело сказала она. – Дайте-ка взглянуть на вас хорошенько.

Ни я, ни Адриан не ответили. Мы просто двинулись в гостиную. Я осмелилась бросить взгляд на Адриана, но мало что разобрала на его лице. Он слишком хорошо умел скрывать свои истинные чувства, и меня не должна была удивлять та легкость, с которой ему удастся маскировать свой ужас. Ни словом, ни выражением лица Адриан меня не ободрил, и неудивительно. Честно говоря, я не видела выхода из этой ситуации.

Вынужденная наблюдать с близкого расстояния за нападением Жаклин на Ли, я разглядела блаженное выражение, появившееся на его лице. Ничего ужаснее я в жизни не видела. Мне хотелось зажмуриться или отвернуться, но какая-то неподвластная мне сила заставляла меня пристально смотреть на жуткое действо. Я еще никогда не наблюдала за «кормлением» вампира – мороя или стригоя, – но теперь поняла, почему «кормильцы» вроде Дороти так охотно подписываются на подобную жизнь. Эндорфины растворились в кровеносной системе Ли, необычайно сильные, затмившие от него тот факт, что из него высасывают жизнь. Ли был всем доволен, потерявшись в порожденном химией кайфе. А может, просто думал о том, как будет счастлив, снова став стригоем, – если вообще при данных обстоятельствах было возможно о чем-то думать.

Я потеряла счет времени, которое понадобилось, чтобы осушить Ли. Каждый момент был для меня мучительным, как будто я брала на себя ту боль, которую должен был испытывать он. Казалось, это растянулось на целую вечность, и, однако, во всем этом было странное ощущение скоротечности. Мне казалось неправильным, что можно выпить из кого-то всю кровь за такое короткое время. Жаклин пила не отрываясь, только один

раз сделала паузу, чтобы заметить:

– Его кровь не так вкусна, как я ожидала.

– Тогда остановись, – предложила Дон, которая, судя по виду, начинала скучать. – Просто дай ему умереть и выпей со мной вместе этих двоих.

Жаклин, похоже, и вправду задумалась над предложением, что снова напомнило мне, каким идиотом был Ли, доверившись этой парочке. Спустя несколько минут Жаклин пожала плечами.

– Я почти закончила. И мне очень хочется, чтобы он отдал мне дампира.

Жаклин снова начала пить, но это действительно не заняло много времени. К тому моменту Ли бледностью мог сравниться со стригоем, его кожа странно натянулась. Теперь он совсем не шевелился. На его лице застыла ухмылка, которая потрясала почти так же, как недавнее блаженное выражение.

Жаклин подняла голову и вытерла рот, с удовольствием рассматривая свою жертву. Потом задрала себе рукав и приложила ногти к запястью. Но не успела она рассечь кожу, как ее внимание что-то привлекло.

– А, так будет куда аккуратнее.

Она шагнула в сторону и наклонилась за ножом Ли, скользнувшим во время нашей стычки под двухместный диванчик. Жаклин подняла нож и без усилий полоснула себя по запястью; потекла ярко-красная кровь. Почему-то я думала, что ее кровь не должна быть так похожа на мою. Она должна была быть черной. Или какого-нибудь кислотного цвета.

Жаклин приложила запястье к губам Ли и запрокинула его голову назад, чтобы гравитация помогала крови течь. Нынче ночью каждая кошмарная сцена, которую я наблюдала, была хуже предыдущей. Смерть ужасна – но все-таки она является частью природы. А это... Это шло вразрез с природой. Мне предстояло стать свидетельницей самого страшного в мире греха, разращения души с помощью черной магии с целью реанимирования мертвеца. Я чувствовала себя грязной с головы до ног и жалела, что не могу убежать. Я не хотела на это смотреть. Я не хотела видеть, как парень, которого я раньше считала почти другом, внезапно встанет на ноги неким извращением природы.

Я вздрогнула от прикосновения к моей руке. Это был Адриан. Он не отрывал взгляда от Ли и Жаклин, но его рука поймала мою и сжала, хотя он был по-прежнему скован. Тепло его кожи удивило меня. Хотя я и знала, что морои такие же живые и теплокровные, как и я, из-за своих иррациональных страхов всегда представляла их холодными. Таким же удивительным для меня оказалось утешение и родство, чувствовавшиеся в

его пожатии. Оно не предвещало быстрого освобождения благодаря придуманному Адрианом плану. Скорее его прикосновение говорило лишь: «Ты не одна».

Это было все, что мог по-настоящему сделать Адриан. И в данный момент этого было достаточно.

Потом случилось нечто странное. Или, вернее, не случилось.

Кровь Жаклин непрерывной струйкой лилась в рот Ли. Хотя задокументированных случаев обращения стригоев у нас было немного, я знала, как все происходит. Кровь жертвы выпивалась, а потом убийца-стригой поил убитого (или убитую) только что выпитой кровью. Я не знала точно, сколько времени это занимает – для процедуры явно не требовалась вся кровь стригоя, – но на каком-то этапе Ли должен был шевельнуться и встать уже одним из ходячих мертвецов.

Холодное, самодовольное выражение на лице Жаклин начало сменяться любопытством, а потом – откровенным недоумением. Она вопросительно посмотрела на Дон.

– Почему так долго? – спросила Дон.

– Не знаю, – сказала Жаклин, снова поворачиваясь к Ли.

Свободной рукой она толкнула Ли в плечо, как будто это могло его разбудить. Ничего не произошло.

– Разве ты не делала этого раньше? – спросила Дон.

– Конечно! – огрызнулась Жаклин. – Но это никогда не занимало так много времени. Он уже должен был встать и двигаться. Что-то не так.

Я вспомнила слова Ли, описывавшего свои отчаянные и безуспешные попытки отобрать жизни у невинных. Я знала о стихии духа совсем немного – даже меньше, чем о том, как она возрождает стригоя, – но что-то подсказало мне: на земле не существует силы, способной снова сделать Ли стригоем.

Пока мы наблюдали и ждали, прошла еще одна длинная минута. Наконец Жаклин с отвращением отошла от кресла и опустила рукав. Она сердито уставилась на недвижимое тело Ли.

– Что-то не так, – повторила она. – И я больше не хочу впустую тратить кровь, чтобы в этом разобраться. Кроме того, мой порез уже заживает.

Мне хотелось одного: чтобы Дон и Жаклин забыли о моем существовании, но слова соскользнули с моего языка прежде, чем я смогла удержаться. Ученый во мне был слишком захвачен внезапным откровением.

– Его возродили – и это повлияло на него навсегда. Пользователь духа

оставил на нем своего рода метку, и теперь его нельзя снова обратить.

Обе стригойки посмотрели на меня. Я поежилась под взглядом красных глаз.

– Я никогда не верила во все эти истории про дух, – заявила Дон.

Однако Жаклин была явно озадачена своей неудачей.

– И все-таки с ним что-то не так. Я не могу этого объяснить, но... Это все время ощущалось. Вкус у него был неправильный.

– Забудь про него, – сказала Дон. – У него был шанс, он получил что хотел, а теперь я двигаюсь дальше.

Я увидела в ее глазах свою смерть и попыталась дотянуться до креста.

– Господи, защити меня, – сказала я.

И тут она ринулась вперед.

Совершенно неожиданно рядом оказался Адриан и попытался ее остановить. Ну, не то чтобы попытался остановить. Скорее он просто заступил ей путь. У него не было ни скорости, ни быстроты реакции, он не мог как следует ее заблокировать, тем более что двигался неуклюже из-за скованных рук. Думаю, он просто увидел то же, что и я: она собирается напасть, – и заранее очутился передо мной в благородной, но бесплодной попытке меня защитить.

Да, попытка была неудачной. Одним плавным движением Дон смела его с дороги – она как будто сделала это совсем без усилий, но швырнула Адриана через полкомнаты.

У меня перехватило дыхание.

Адриан ударился об пол, а я от страха закричала. И почти сразу почувствовала острую боль в шее. Не остановившись ни на миг, Дон быстро схватила меня и почти вздернула над полом в попытке добраться до горла. Я пробормотала еще одну безумную молитву, когда боль растеклась шире, но спустя несколько секунд и молитва и боль вылетели у меня из головы. Их сменило сладчайшее чувство удовлетворения, блаженства и изумления. Я думала лишь о внезапно нахлынувшем невообразимом счастье. Мне хотелось получить еще больше. Еще, еще и еще. Хорошо бы утонуть в этом ощущении, забыть себя, забыть обо всем вокруг...

– Ах! – вскрикнула я, внезапно и неожиданно ударившись об пол.

Все еще находясь в блаженном тумане, я не почувствовала боли – пока.

Так же быстро, как схватила, Дон уронила меня и оттолкнула. Я инстинктивно выбросила руку, чтобы прервать падение, но у меня ничего не получилось. Слишком слабая и ошеломленная, я без всякого изящества растянулась на ковре.

Дон прикасалась к своим губам, ярость исказила ее и без того ужасающие черты.

– Что это было? – спросила она.

Голова моя все еще не работала как следует. Я лишь ненадолго ощутила действие эндорфинов, но этого хватило, чтобы меня одурманило. Я не знала, что ответить.

– В чем дело? – воскликнула Жаклин и пошла вперед.

Она в замешательстве перевела взгляд с меня на Дон.

Дон нахмурилась и сплюнула на пол. Слюна была красной от моей крови. Отвратительно.

– Ее кровь... Она была ужасной. Несъедобной. Грязной.

Она снова сплюнула.

Жаклин округлила глаза.

– Как и у второго. Видишь? Я же тебе говорила.

– Нет. – Дон покачала головой. – Ее кровь совершенно иная. Ты бы ни за что не смогла выпить из нее так много, как из того, другого.

Она опять сплюнула.

– Не то чтобы она была странной на вкус или плохой... Она как будто испорченная.

Встретившись со скептическим взглядом Жаклин, Дон ударила ее по руке.

– Не веришь? Попробуй сама.

Жаклин шагнула ко мне, заколебалась. Потом Дон опять сплюнула, и, думаю, это каким-то образом убедило вторую стригойку, что она не хочет меня пробовать.

– Мне не нужна еще одна паршивая трапеза. Проклятье! Это становится смешным.

Жаклин взглянула на Адриана, который не шевелился.

– По крайней мере, у нас все еще есть один.

– Если этот тоже не испорчен, – пробормотала Дон.

Я начинала приходить в себя и на полсекунды задумалась – не сможем ли мы каким-нибудь безумным путем уцелеть. Может, стригойки сбросят нас со счетов как «невкусных».

Но нет.

Стоило мне позволить себе эту надежду, как я поняла – даже если они не «покомятся» из нас, мы не уйдем отсюда живыми. У них нет никаких причин просто взять и оставить нас. Прежде чем уйти, они убьют нас ради забавы.

С той же изумительной быстротой Жаклин ринулась к Адриану.

– Пора это выяснить.

Я завопила, когда Жаклин прижала Адриана к стене и укусила за шею. Она сделала это лишь на несколько секунд, просто чтобы ощутить вкус. Потом подняла голову и помедлила, смакуя кровь. Наконец медленно улыбнулась, показав окровавленные клыки.

– Этот вкусный. Очень вкусный. Стоит всех остальных.

Она провела пальцами по щеке Адриана.

– Но какая досада. Он такой милый.

Дон зашагала к ним.

– Дай мне попробовать, прежде чем выпьешь все!

Жаклин, не обратив на нее внимания, снова наклонилась к Адриану, глаза которого стали совершенно стеклянными. Тем временем я избавилась от эндорфинов настолько, что снова начала ясно мыслить. Никто не обращал на меня внимания. Я попыталась встать и почувствовала, как мир покачнулся. Не распрямляясь, я сумела подобраться к своей сумке, которая лежала, забытая, в углу гостиной.

Жаклин снова отпила из Адриана, но лишь немного, прежде чем Дон ее оттащила и потребовала своей очереди, чтобы можно было смыть из рта вкус моей крови.

Поражаясь собственной быстроте и ловкости, я порылась в своей глубокой сумке в отчаянных поисках чего-нибудь, что могло бы помочь. Некая холодная, логическая часть разума говорила, что мы никоим образом не можем выкрутиться из этой ситуации. Но я ни за что на свете не могла просто сидеть и смотреть, как досуха выпивают Адриана. Я должна была сражаться. Я должна была попытаться спасти его, ведь он пытался спасти меня. Неважно, потерпит ли крах моя попытка, умру ли я. Я должна была сделать хоть что-нибудь.

Некоторые алхимики носили при себе пистолеты, но не я. Моя сумка была огромной, в ней было больше всякой ерунды, чем действительно нужных вещей, и ничего похожего на оружие. А даже если бы оно там и нашлось, почти все оружие было бессильно против стригоев. Пистолет заставил бы их двигаться медленнее, но не убил бы. Только серебряный кол, обезглавливание и огонь могли уничтожить стригоя.

Огонь...

Рука моя сжалась на амулете, который я сделала для миссис Тервиллигер. Когда она дала мне его, я сунула его в сумку, не уверенная, нужен ли он мне. Полагаю, лишь потеря крови и спутанные мысли заставила меня теперь вытащить амулет и допустить, что им можно воспользоваться. Хотя такая мысль и была смехотворной. Нельзя

использовать то, что не работает! Это была безделушка, бесполезный мешочек с камнями и листьями. В нем не было магии, и я была дурой, вспомнив о нем.

Однако то был мешочек с камнями.

Не тяжелый, но, если садануть им по голове, этого наверняка хватит, чтобы привлечь внимание. И это было лучшее, что у меня имелось. Единственное, чем я могла оттянуть смерть Адриана. Отведя руку назад, я прицелилась в Дон и швырнула амулет, продекламировав глупое заклинание:

– Воспламенись, воспламенись!

То был хороший бросок. Мисс Карсон гордилась бы мною. Но мне было не до восхищения своим спортивным мастерством: меня слишком отвлек тот факт, что Дон охватило пламя.

Разинув рот, я смотрела на невероятную сцену. Огонь не был большим. Нет, пламя не поглотило все ее тело. Но в том месте, куда угодил амулет, загорелся небольшой огонек, быстро охвативший волосы. Дон завизжала и начала неистово хлопать себя по голове. Стригои боятся огня, и на мгновение Жаклин отпрянула. Потом, с выражением мрачной решимости на лице, выпустила Адриана, схватила плед и, обмотав им голову Дон, погасила пламя.

– Какого дьявола? – простонала Дон, выпроставшись из пледа.

В гневе она тут же ринулась ко мне. Тогда я поняла, что добилась лишь приближения собственной смерти.

Дон схватила меня и стукнула головой о стену. Мир покачнулся, меня затошнило. Она снова потянулась ко мне, но застыла, когда дверь внезапно распахнулась настежь.

В дверном проеме появился Эдди с серебряным колом в руке.

Что было в последующих событиях по-настоящему удивительным – это скорость. Ни пауз, ни долгой оценки ситуации, ни раздраженной перебранки противников. Эдди просто ринулся в комнату и напал на Жаклин. Жаклин среагировала так же быстро, метнувшись вперед, чтобы встретиться с единственным здесь достойным врагом.

После того как она выпустила Адриана, тот осел на пол, все еще во власти эндорфинов. Не разгибаясь, я поспешила к Адриану и оттащила его в «безопасное место» в дальнем конце гостиной, пока Эдди сражался со стригойкой. Я бросила на них быстрый взгляд – ровно настолько, чтобы уловить суть их смахивавших на танец, но смертельных маневров. Обе стригойки пытались схватить Эдди, наверное, в надежде сломать ему шею, но осторожничали, избегая прикосновений серебряного кола.

Я посмотрела на лежащего Адриана, который был опасно бледен; его зрачки сузились до размера булавочной головки. У меня сохранились лишь обрывочные воспоминания о том, как пила из него Жаклин, и я не знала, находится Адриан в таком состоянии из-за потери крови или из-за эндорфинов.

– Я в порядке, Сейдж, – пробормотал он, моргая так, будто свет причинял ему боль. – Но под нехилым кайфом. В сравнении с ним та наркота, которой я пользовался, просто хрень.

Он снова заморгал, словно боролся со сном. Его зрачки расширились, почти вернувшись к своему нормальному размеру, а потом вроде бы сфокусировались на мне.

– Господи боже. Ты в порядке?

– Буду в порядке, – сказала я, вставая.

Но не успела я договорить, как меня захлестнула волна головокружения, и я покачнулась. Адриан постарался меня поддержать, хотя со скованными руками это получилось довольно неуклюже. Мы прислонились друг к другу, и я чуть не засмеялась над нелепостью ситуации – мы оба пытались друг другу помочь, хотя ни один из нас не был в состоянии это сделать. Потом я заметила то, из-за чего все прочие мысли вылетели у меня из головы.

– Джил, – прошептала я.

Адриан тут же проследил за моим взглядом – в дверях гостиной появилась Джил. Я не удивилась при виде нее. Эдди мог появиться здесь только в том случае, если его попросила об этом Джил, узнав о происходящем благодаря связи с Адрианом.

Она стояла в дверях, горящими глазами наблюдая за дракой Эдди со стригойкой, как свирепая, готовая к битве богиня. Зрелище одновременно и завораживающее, и пугающее. У Адриана появились те же мысли.

– Нет-нет, малолетка, – пробормотал он. – Не делай глупостей. Кастилю нужно самому справиться с этим.

– Она умеет драться, – сказала я.

Адриан нахмурился.

– Но у нее нет оружия. Без него она ничего не сможет сделать.

Конечно, он был прав.

Мне совершенно не хотелось, чтобы Джил рисковала жизнью, но я невольно подумала, что будь она должным образом экипирована, то смогла бы что-нибудь предпринять. По меньшей мере отвлечь внимание врага. Эдди отлично держался против двух стригоек, но успеха пока не добился. Ему могла бы пригодиться помощь. А нам нужно было позаботиться о том,

чтобы Джил не ринулась в схватку, вооруженная одной только смекалкой.

Внезапно я смогла найти в себе силы и подняться на ноги. Мир завертелся еще сильнее, но, несмотря на протесты Адриана, я смогла, шатаясь, выйти на кухню. Едва я с трудом добралась до раковины и повернула кран, как у меня подкосились ноги. Я ухватилась за край стола и с его помощью удержалась в вертикальном положении.

– Джил! – завопила я.

Она повернулась на мой крик, увидела льющуюся воду и немедленно поняла, что надо делать. Джил подняла руку. Струя из крана внезапно сдвинулась, вырвалась из раковины и ринулась через комнату. Она подлетела к Джил, которая собрала ее между ладонями и с помощью магии заставила жидкость принять форму вытянутого цилиндра. Цилиндр держался в воздухе сам собой – покрытая рябью, но с виду крепкая водяная булава. Схватив ее, Джил поспешила туда, где шел бой, и замахнулась водяным оружием, целя в спину Жаклин. С «булавы» полетели капли, но оружие успело побыть твердым достаточно, чтобы Джил нанесла им второй удар, прежде чем «булава» полностью взорвалась, превратившись в фонтаны брызг.

Жаклин резко обернулась и вскинула руку, чтобы ударить Джил. Та ожидала этого и проворно пригнулась – я видела, как она точно так же уворачивалась, когда ее учил Эдди. Джил быстро отбежала назад, прочь от Жаклин, и стригойка замешкалась, обратившись к Эдди спиной. Эдди воспользовался шансом, увернулся от Дон и вогнал кол в спину Жаклин. Я никогда особо не задумывалась об этом, но, если вонзить кол с достаточной силой, он может проткнуть сердце так же легко со стороны спины, как и со стороны груди.

Жаклин замерла, а Эдди выдернул кол, с трудом увернувшись от мощного замаха Дон. И все-таки Дон слегка его задела, и он на мгновение отступил, прежде чем восстановил равновесие и переключился на нее. Дон забыла о Джил, и та поспешила к нам на кухню.

– Вы в порядке? – воскликнула она, вглядываясь в нас.

Ярости в ее взгляде больше не было. Теперь она вновь стала обычной девочкой, беспокоящейся за друзей.

– О господи! Я так за вас волновалась! Эмоции были такими сильными. Я не смогла уловить, что случилось, поняла только – творится что-то ужасное.

Я с трудом перевела взгляд на Эдди, пляшущего рядом с Дон.

– Нужно ему помочь...

Но, отойдя всего на пару шагов от стола, я сразу начала падать. Джил и

Адриан рванулись, чтобы меня подхватить.

– Господи, Сейдж! – воскликнул Адриан. – Ну и досталось тебе.

– Не так сильно, как тебе, – запротестовала я, все еще думая о том, что нужно помочь Эдди. – Они больше пили из тебя...

– Да, но у меня нет кровоточащей раны на руке, – заметил он. – И вполне вероятного сотрясения мозга.

Он был прав. Из-за всего происходящего во мне скопилось столько адреналина, что я почти забыла, куда пырнул меня Ли. Понятно, почему у меня так кружилась голова. А может, она кружилась из-за того, что меня саданули головой о стену. В данный момент одна догадка была не радостнее другой.

– Ну-ка, – ласково сказал Адриан. Он потянулся ко мне своими скованными руками. – Я могу об этом позаботиться.

Медленное, щекочущее тепло растеклось по моей коже. Сперва прикосновение Адриана утешало, словно объятие. Я почувствовала, как напряжение и боль начали утихать. Все было правильным в этом мире. Под контролем Адриана. Он заботился обо мне. Он применял ко мне магию...

– Нет! – завопила я, отодвинувшись и сама удивляясь оставшейся способности хоть на какие-то действия. Ужас и полное осознание того, что со мной происходит, были слишком сильны. – Не прикасайся ко мне! Не прикасайся ко мне со своей магией!

– Сейдж, поверь, тебе станет лучше, – сказал Адриан, снова потянувшись ко мне.

Я отшатнулась, цепляясь за край стола, чтобы устоять на ногах. Мимолетное воспоминание о тепле и утешении заглушил страх, который я всю жизнь испытывала перед магией вампиров.

– Нет, нет, нет! Только не магия! Только не на мне! Татуировка вылечит меня! Я сильная!

– Сейдж...

– Прекрати, Адриан, – сказала Джил.

Она нерешительно приблизилась.

– Все в порядке, Сидни. Он не будет тебя лечить. Честное слово.

– Никакой магии, – прошептала я.

– Да ради всего святого! – прорычал Адриан. – Это суеверная чепуха.

– Никакой магии, – твердо сказала Джил.

Она сняла рубашку на пуговицах, которую носила поверх футболки.

– Иди сюда, я обмотаю этим твою руку, чтобы ты не потеряла еще больше кро...

Разрывающий уши вопль заставил нас рвануться обратно в гостиную.

Эдди наконец-то убил Дон, вогнав кол прямо в середину ее груди. Должно быть, во время моей недолгой перебранки с Адрианом и Джил Дон нанесла несколько удачных ударов, потому что на лице Эдди виднелся красный отпечаток, и кровь текла из его губы. Но когда он вытащил кол и наблюдал за падением Дон, выражение его глаз было жестким и торжествующим.

Несмотря на смятение и ужас, во мне взяли верх основные инстинкты алхимика. Поскольку опасность миновала, следовало провести установленные процедуры.

– Тела, – сказала я. – Мы должны уничтожить тела. В моей сумке есть пузырьки...

– Тише, тише, – сказал Адриан, вместе с Джил удерживая меня. – Оставайся на месте. Этим может заняться Кастиль. Единственное, что ты можешь сейчас сделать, – пойти к доктору.

Я не шевельнулась, но немедленно заспорила с последним утверждением.

– Нет! Никаких докторов. По крайней мере, вы должны... Должны вызвать сюда алхимика. У меня в сумке есть номера...

– Иди принеси ее сумку, – сказал Адриан Джил, – прежде чем у нее начнется припадок. Я перевяжу ей руку.

Я кинула на него предупреждающий взгляд.

– Без помощи магии, – добавил Адриан. – Которая, между прочим, могла бы раз в десять облегчить дело.

– Я вылечусь сама, – отрезала я, наблюдая, как Джил возвращается с моей сумкой.

– Ты понимаешь, что тебе придется покончить со своей диетой и употребить побольше калорий, чтобы компенсировать потерю крови? – спросил Адриан. – Тебе нужны сахар и жидкости, как и Кларенсу. Хорошо хоть кто-то сложил в пакет все оставшиеся тут сладости.

Эдди подошел к Джил, и та приостановилась, когда он спросил, все ли с ней в порядке. Джил уверила его, что все хорошо, и грозный Эдди, который, судя по его виду, мог бы убить еще пятьдесят стригоев, посмотрел на нее так... Я раньше не замечала у него подобного взгляда. Придется подумать об этом на досуге.

– Проклятье! – сказал Адриан, неловко возясь с моими повязками. – Эдди, обыщи тело Ли и посмотри, нет ли там ключа от этих проклятых наручников.

Джил была увлечена разговором с Эдди, но застыла при словах «тело Ли». Она так побледнела, что сама вполне могла сойти за мертвеца. Во всей этой суматохе, сосредоточенная на борьбе со стригоями, она не заметила в

кресле труп Ли. Джил сделала несколько шагов в сторону гостиной и только тут увидела его. Рот ее приоткрылся, но она не издала ни звука. Потом ринулась вперед и схватила Ли за руки.

– Нет! – закричала она. – Нет, нет, нет!

Она потрясла Ли, как будто это могло заставить его очнуться. В мгновение ока Эдди очутился рядом и обнял ее, бормоча слова утешения. Джил его не слышала. Весь ее мир сосредоточился на Ли.

Я почувствовала, как глаза у меня наполнились слезами, и возненавидела себя за это. Ли пытался меня убить, а потом вызвал других, чтобы они меня убили. За ним тянулся след невинных жертв. Мне стоило бы радоваться, что он мертв, но все равно было грустно. Ли любил Джил, в собственной безумной манере, и, судя по боли на лице Джил, она явно тоже его любила. Духовная связь не помогла ей увидеть смерть Ли или его роль в нашем пленении. Сейчас Джил думала, что он – жертва стригоев. Довольно скоро она узнает правду. Я не знала, облегчит это ее боль или нет. Наверное, не облегчит.

Странно, но мне вспомнилась картина Адриана «Любовь». Я подумала о зазубренной красной полосе, рассекающей тьму, разрывающей ее на части. Глядя на Джил и ее безутешную скорбь, я внезапно постигла скрытый смысл его абстрактного полотна.

Глава двадцать шестая

У меня ушло несколько дней на выяснение всех деталей – и о Ли, и о том, как получилось, что Эдди и Джил спасли нас той ночью.

Как только встал на место недостающий кусок головоломки, коим был Ли, проще простого оказалось связать воедино убийства Тамары, Келли, Мелоди, Дины и человеческой девушки, о которой он упомянул. Все они были убиты в течение последних пяти лет или в Лос-Анджелесе, или в Палм-Спрингсе, и многочисленные документы свидетельствовали о том, что Ли их знал. Они не были наугад выбранными жертвами.

Вот то небольшое, что мы смогли выяснить о Ли от Кларенса – хотя излагал он все очень сбивчиво.

Скорее всего, Ли насильно сделали стригоем примерно пятнадцать лет тому назад. Он прожил не-мертвым вампиром десять лет, пока его не возродил пользователь духа, к большому недовольству Ли. Даже тогда Кларенс уже не отличался остротой ума и не спрашивал, почему сын вернулся домой спустя десять лет, ничуть не состарившись. Кларенс избегал ответов на наши вопросы, касающиеся Ли в бытность его стригоем, и мы не знали – то ли старик просто об этом не знал, то ли не хотел в это верить. Более того, оставалось неясным, знал ли Кларенс, что его собственный сын виновен в смерти Тамары. Притянутая за уши теория об охотниках на вампиров, наверное, помогала Кларенсу отрешиться от убийственной правды о сыне.

Расследование в лос-анджелесском колледже показало, что Ли вообще-то не был внесен в списки учащихся до того, как стал стригоем. Снова став мороем, он пользовался колледжем, чтобы находиться в Лос-Анджелесе, где легче удавалось преследовать жертвы, – и мы подозревали, что жертв было больше, чем значилось в наших записях. Ли, очевидно, пытался пить из представителей каждой расы в надежде, вдруг одна из жертв будет «той самой» и снова сделает его стригоем.

Дальнейшие расследования дела Келли Хейз выявили то, о чем мне давно следовало догадаться. Она была дампиром. Выглядела она человеком, но ее звездные спортивные рекорды должны были послужить подсказкой. Ли наткнулся на нее, когда навещал отца пять лет тому назад. Застать врасплох дампира было нелегко, вот почему Ли, похоже, пришлось предпринять усилия, чтобы начать встречаться с Келли с целью ее заманить.

Никто из нас ничего не узнал насчет пользователя духа, который обратил Ли, хотя это интересовало и алхимиков, и мороев. Известных пользователей духа очень мало, и, поскольку в сведениях о их силе оставалось столько пробелов, всем хотелось выяснить побольше. Кларенс утверждал, что понятия не имеет о том, кто этот загадочный пользователь духа, и я ему верила.

На протяжении всей недели алхимики то и дело приезжали в Палм-Спрингс, наводя порядок и опрашивая всех, кто был вовлечен в дело. Я встретила с несколькими алхимиками, снова и снова рассказывая свою историю, и наконец отдала последний рапорт Стэнтон за обедом в субботу. Я питала особый интерес к тому, что случилось с Китом, но в свете происходящего решила не поднимать этот вопрос. Кита здесь не было – вот и все, что меня заботило.

– При медицинском обследовании тела Ли не было обнаружено ничего необычного для мороя, – сообщила Стэнтон, поглощая спагетти карбонара. Очевидно, еда и обсуждение мертвых тел не были взаимоисключающими вещами. – Но, с другой стороны, нечто... магическое вряд ли бы выявилось.

– Но в нем должно было быть что-то особенное, – сказала я. Я просто возила вилок по своей тарелке. – Например, он не старел, и это уже достаточное доказательство. А остальное? Я имею в виду, он же пил из стольких жертв. А потом я видела, что с ним сделала Жаклин. Это должно было сработать. Все процедуры были выполнены правильно.

Меня удивляло, что я могу говорить об этом так бесстрастно. На самом деле просто взяла верх натура алхимика. События той ночи оставили в моей душе неизгладимый след. Ложась спать и закрывая глаза, я все время видела смерть Ли и то, как Жаклин «кормится» его кровью. Кровью того Ли, который принес Джил цветы и возил нас на мини-гольф.

Стэнтон задумчиво кивнула.

– Значит, следует предположить, что у тех, кого возвращают из состояния стригоев, вырабатывается иммунитет ко вторичному превращению.

Некоторое время мы сидели молча, пока до нас доходила весомость этих слов.

– Это крайне важно, – сказала наконец я.

Я не преувеличивала. Ли преподнес нам множество загадок. Снова став мороем, он начал стареть, но гораздо медленнее. Почему? Мы не знали наверняка. Только это одно являлось чрезвычайным открытием, как и мои подозрения, что Ли больше не мог пользоваться магией мороев. Я

слишком нервничала, когда Джил попросила его создать туман во время игры в гольф, но теперь мне в голову пришло, что Ли ее просьба не на шутку разволновала. А остальное... Тот факт, что какая-то частица Ли изменилась и защищала его, хоть и против его воли, от повторного превращения в стригоя? Да. «Крайне важно» – это мягко сказано.

– Очень важно, – согласилась Стэнтон. – Половина нашей миссии состоит в том, чтобы помешать людям жертвовать своими душами ради бессмертия. Если есть способ использовать ту магию, выяснить, что защищало Ли... Да, это даст далеко идущий эффект.

– Для мороев тоже, – заметила я.

Я знала, что для них и для вампиров насильственное обращение в стригоя было хуже смерти. Если существовал какой-то магический способ защититься от такой участи, это будет много значить для мороев, поскольку они куда чаще, чем мы, сталкиваются со стригоями. Тогда можно будет говорить о некоей магической вакцине.

– Конечно, – согласилась Стэнтон, хотя тон ее подразумевал, что возможные выгоды этой расы заботят ее куда меньше, чем меня. – Возможно, в будущем даже удастся вообще предотвратить появление стригоев. Еще одна загадка – твоя кровь. Ты сказала, что она не понравилась стригойкам. Это тоже может стать своего рода защитой.

Воспоминание об этом заставило меня задрожать.

– Может быть. Все случилось так быстро... Трудно сказать. И кровь явно не защищала меня от стригойки, рвущейся вцепиться мне в глотку.

Стэнтон кивнула.

– Со временем это наверняка стоит исследовать. Но сначала мы должны выяснить, что именно случилось с Ли.

– И основным предметом исследования должен стать дух, – уточнила я. – Ли снова превратил в мороя пользователь духа.

Подошла официантка, и Стэнтон махнула рукой, показывая, что ее тарелку можно забрать.

– Именно. К несчастью, у нас очень мало пользователей духа, с которыми можно работать. У Василисы Драгомир вряд ли есть время для экспериментов. Соня Карп вызвалась помочь, и это превосходная новость, тем более что она сама бывшая стригойка. По меньшей мере, мы можем наблюдать с помощью оригинального источника, как замедляется старение. Соня будет в нашем распоряжении лишь короткое время, и морои пока не ответили на мою просьбу предоставить нам других полезных лиц. Но если бы у нас в распоряжении имелся еще один пользователь духа, тот, у которого нет других обязательств и который мог бы помогать нам все

время...

Она многозначительно посмотрела на меня.

– Адриан? – догадалась я.

– Ты думаешь, он помог бы нам в исследованиях? Помог бы найти некий магический способ защиты против обращения в стригоя? Как я уже сказала, его поддержат Соня и остальные, – быстро добавила Стэнтон. – Я говорила с мороями, они создают небольшую группу тех, у кого есть опыт повторного возрождения. Они планируют скоро послать их сюда. Нам просто нужно, чтобы Адриан в этом посодействовал.

– Ух ты! Вы времени зря не теряете, – пробормотала я.

При словах «Адриан» и «исследования» в моем воображении возник образ Адриана в лаборатории, в белом халате, согнувшегося над пробирками и мензурками. Я знала, что на самом деле исследование будет вовсе не таким, но яркую картинку было трудно отогнать. А еще было трудно вообразить Адриана, серьезно на чем-нибудь сосредоточившегося. Правда, мне не давала покоя мысль – Адриан сосредоточился бы, если бы нашел нечто стоящее; то, что ему небезразлично. А что было для него достаточно важным?

Я терялась в догадках, какая цель может стать достаточно благородной, чтобы привлечь внимание Адриана. Но я почти не сомневалась, что знаю кое-какие менее благородные аспекты, которые могли бы заставить его подключиться к делу.

– Если вы сумеете обеспечить его собственным жильем, держу пари, он все сделает, – в конце концов сказала я. – Он очень хочет уехать от Кларенса Донахью.

Стэнтон приподняла брови. Такого она не ожидала.

– Что ж. Полагаю, это не такое уж большое требование. И вообще-то мы уже оплачиваем бывшую квартиру Кита, поскольку он снял ее на год. Мистер Ивашков мог бы просто переехать туда, вот только...

– Только что?

Она слегка пожала плечами.

– Я собиралась предложить квартиру тебе. После долгой дискуссии мы решили сделать тебя здешним алхимиком, учитывая... внезапное отбытие Кита. Ты могла бы оставить Амбервуд, переехать в его квартиру и просто наблюдать оттуда за делами.

Я нахмурилась.

– Но я думала, вы хотите, чтобы кто-нибудь все время находился с Джил.

– Хотим. И вообще-то мы подобрали кандидатуру получше – не

обижайся. Морои сумели найти дампирку, ровесницу Джил, которая не только сможет жить с ней в одной комнате, но и быть ее телохранителем. Дампирка приедет сюда вместе с исследователями, и тебе больше не нужно будет изображать ученицу.

Мир пошатнулся. Алхимики никогда не останавливались на полпути, строя свои планы. Кажется, на этой неделе они приняли много решений. Я прикинула, во что это выльется. Больше никакой домашней работы, никаких школьных правил. Возможность приходить и уходить когда вздумается. Но это означало также, что я отдалюсь от друзей, которые у меня появились, – от Трея, Кристин, Джулии. Я все еще смогу видаться с Эдди и Джил, но не так часто, как раньше. И если я буду жить самостоятельно, помогут ли алхимики – или мой отец – оплатить занятия в колледже? Вряд ли.

– Я обязательно должна уехать? – спросила я Стэнтон. – А не могу ли я отдать квартиру Адриану и остаться в Амбервуде еще на некоторое время? Хотя бы до тех пор, пока мы не решим, можно ли раздобыть для меня другую квартиру?

Стэнтон не потрудилась скрыть свое изумление.

– Я не ожидала, что тебе захочется остаться. Мне казалось, ты, как никто другой, будешь счастлива больше не жить в одной комнате с вампиром.

И тут на меня навалились все страхи, все давление, которое я выдержала перед приездом в Палм-Спрингс. «Подружка вампиров». Я была идиоткой. Мне следовало ухватиться за шанс убраться от Джил. Любой другой алхимик так и сделал бы. Высказав желание остаться, я, наверное, снова навлекла на себя подозрения. Как я объясню, что передо мной стоит куда более важный выбор, чем просто смена соседки по комнате?

– Понимаете, – проговорила я все с тем же спокойным лицом, – когда вы сказали, что привезете Джил дампирку ее возраста, я решила, что она и станет делить с Джил комнату, а я больше не буду там жить. Я подумала, мне просто придется найти в общежитии другую комнату.

– Наверное, это можно устроить...

– И, честно говоря, после некоторых событий я буду чувствовать себя лучше, приглядывая за Джил. Это легче сделать, если я останусь в школе. Кроме того, если квартира достанется Адриану, он будет счастлив и с радостью начнет работать над загадкой стригоев. В общем, я могу подождать.

Стэнтон несколько долгих секунд рассматривала меня и нарушила

молчание лишь тогда, когда официантка принесла нам счет.

– Это очень профессионально с твоей стороны. Я все организую.

– Спасибо, – сказала я.

Во мне нарастало ликование, и я почти улыбнулась, вообразив лицо Адриана, когда он услышит о своей новой квартире.

– Есть еще одна вещь, которой я не понимаю, – заметила Стэнтон. – Когда мы обследовали квартиру, то увидели опаленное огнем место. Но ни один из вас не доложил о пожаре.

Я изобразила озабоченность.

– Если честно... Столько всего помнится смутно из-за потери крови и укуса... Что я не очень уверена. У Кита имелись свечи. Не знаю, может, одна из них была зажжена... Или уж даже не знаю. Я все время думаю только о тех зубах и о том, как это было ужасно, когда меня укусили...

– Да-да, – согласилась Стэнтон.

Мои объяснения были не слишком убедительными, но даже Стэнтон пугала мысль о том, чтобы стать пищей вампира. Это считалось худшим кошмаром для алхимика, и я имела право на душевную травму.

– Не беспокойся об этом. Тот пожар волнует нас меньше всего.

Но меня он не волновал меньше всего. И, вернувшись чуть позже в кампус, я наконец-то разыскала миссис Тервиллигер, работавшую в одном из кабинетов библиотеки.

– Вы знали, – сказала я, закрывая за собой дверь.

Все мысли о правилах этикета вылетели у меня из головы. Я неделями подавляла гнев и наконец-то могла его выплеснуть. Всю жизнь меня учили уважать начальство, но теперь одна из начальниц меня предала.

– Все, что вы заставили меня сделать... Переписать заклинания, изготовить амулет «просто чтобы посмотреть, как это делалось»!

Я покачала головой.

– Все это было ложью. Вы знали... Вы знали, что это было... По-настоящему.

Миссис Тервиллигер сняла очки и внимательно в меня вгляделась.

– Я так понимаю, вы проверили его в деле?

– Как вы могли так со мной поступить? – воскликнула я. – Вы понятия не имеете, какие чувства я испытываю к магии и сверхъестественному!

– О! Вообще-то я имею понятие, – сухо сказала она. – Я знаю о вашей организации.

Она постучала себя по щеке, по той же, на какой у меня была татуировка.

– Я знаю, почему ваша «сестра» получила освобождение от занятий

физкультурой на улице и почему ваш «брат» превосходит других в спорте. Я очень хорошо информирована о различных силах, действующих в нашем мире и спрятанных от глаз большинства людей. Не беспокойтесь, моя дорогая. Я никогда никому не расскажу. Вампиры меня не заботят.

– Почему? – спросила я, решив сделать вид, будто не слышала, как она разоблачает все, что я старалась сохранить в секрете. – Почему я? Почему вы заставили меня проделать все это? Тем более если – по вашим словам – вам известны мои чувства?

– Мм... На то есть пара причин. Вампиры, как вы знаете, владеют некоей внутренней магией. Они связаны со стихиями на самом инстинктивном, почти не требующем усилий, уровне. Но люди не имеют такой связи.

– Людям не положено пользоваться магией, – холодно проговорила я. – Вы заставили меня сделать то, что противоречит моей вере.

– Чтобы воспользоваться магией, – продолжала миссис Тервиллигер так, будто я вообще ничего не говорила, – людям нужно силой вырвать ее у мира. Это не дается легко. Конечно, вампиры время от времени пользуются заклинаниями и разными химическими соединениями, но это совершенно непохоже на то, что приходится делать нам. Их магия исходит изнутри. Наша – извне. У нас на нее уходит столько усилий, столько концентрации и точных расчетов... У большинства людей не хватает на это терпения и навыков. Но человек вроде вас? Вас мучили этими кропотливыми технологиями с тех пор, как вы научились говорить.

– Итак, это все, что требуется, для пользования магией? Способность сконцентрироваться и точно отмерить?

Я даже не потрудилась скрыть насмешку.

– Конечно нет.

Миссис Тервиллигер засмеялась.

– Нужен еще определенный природный дар. Инстинкт вкупе с дисциплиной. Я почувствовала, что в вас он есть. Видите ли, я сама кое-что умею. Я почти ведьма, но все равно опыта у меня недостаточно. А вы... Я чувствую в вас источник силы, и мой небольшой эксперимент подтвердил это.

Я вся похолодела.

– Это ложь! Вампиры используют магию. Но не люди! Не я.

– Этот амулет сам по себе не зажег бы огонь, – сказала миссис Тервиллигер. – Не отрицайте то, что у вас есть. А теперь, когда мы в этом разобрались, можем двигаться дальше. Ваша врожденная сила, очевидно, больше моей, но я могу начать обучать вас основам магии.

Я не верила своим ушам. Это было что-то нереальное. Как будто эпизод из фильма, поскольку в моей жизни ни в коем случае не могло происходить такое.

– Нет! – воскликнула я. – Вы... Вы с ума сошли! Магии не существует, и во мне ее вовсе нет! Она неестественная и неправильная. Я не поставлю под угрозу свою душу!

– Слишком много отнекиваний для такого хорошего ученого, – задумчиво сказала миссис Тервиллигер.

– Это серьезно, – ответила я, едва узнавая собственный голос. – Я не хочу иметь ничего общего с вашими оккультными исследованиями. Я буду рада и дальше делать для вас записи и приносить вам кофе, но если вы не прекратите свои сумасшедшие заявления и претензии... Я пойду в администрацию и потребую, чтобы меня перевели к другому преподавателю. Верьте мне – что касается бюрократии и административных дел, у меня и вправду есть внутренняя сила.

Она слегка улыбнулась, но потом улыбка ее угасла.

– Вы говорите всерьез. Вы и вправду отвергаете этот изумительный потенциал – это открытие?

Я не ответила.

– Да будет так.

Миссис Тервиллигер вздохнула.

– Это большая потеря. И пустая трата возможностей. Но я даю слово, что не буду больше заговаривать об этом, если вы сами не заговорите.

– Такого не случится! – пылко сказала я.

В ответ миссис Тервиллигер лишь пожала плечами.

– Ну что ж. Поскольку вы здесь, не могли бы вы принести мне кофе?

Я двинулась к двери, но потом кое о чем вспомнила.

– Это вы звонили в «Невермор» и спрашивали насчет вампиров?

– Да зачем же мне это делать? – изумилась миссис Тервиллигер. – Я уже знаю, где их найти.

Позже в тот же день я добралась до кафетерия, как раз когда Эдди, Джил и Мика заканчивали обед. Джил, само собой, нелегко было свыкнуться со смертью Ли и со всеми обрушившимися на нее откровениями – в том числе с желанием Ли сделать ее своей не-мертвой королевой. И я, и Эдди старались побольше разговаривать с девушкой, но Мика, казалось, утешал ее успешнее всех. Наверное, потому, что никогда не упоминал открыто о главной теме. Он знал о смерти Ли, но думал, что произошел несчастный случай, и, само собой, не подозревал о связи случившегося с вампирами. Пока мы с Эдди все время пытались по-

дилетантски изображать психологов, Мика просто старался отвлечь Джил и сделать ее счастливой.

– Нам пора уходить, – извиняющимся тоном сказал он, когда я под села к ним. – Рафаэль Уокер собирается научить нас пользоваться швейной машинкой.

Эдди покачал головой, глядя на Мику.

– Я все еще не могу поверить, что ты записался в швейный клуб.

Конечно, все было не так. Мы оба точно знали, почему Мика туда ходит.

С тех пор как погиб Ли, с лица Джил не сходило мрачное выражение – я подозревала, что ей потребуется некоторое время, чтобы отойти от ужасных событий, – но теперь на ее губах промелькнула тень улыбки.

– Мне кажется, у Мики задатки настоящего дизайнера. Может, когда-нибудь я буду выступать на его показе мод.

Я покачала головой, пряча улыбку.

– Пока – никакого модельного бизнеса.

После того показа мод Лия, да и остальные модельеры снова приглашали Джил. Нам пришлось отказаться, чтобы защитить ее инкогнито, и это печалило Джил.

Она кивнула.

– Знаю, знаю.

Джил и Мика встали.

– Увидимся позже в нашей комнате, Сидни, – сказала Джил. – Мне бы хотелось еще с тобой поговорить.

Я кивнула.

– Обязательно.

Мы с Эдди наблюдали, как Джил и Мика торопливо уходят. Я вздохнула.

– Вот еще одна проблема.

– Возможно, – согласился он. – Но она знает, что можно и чего нельзя с ним делать. Она умная. И будет вести себя осмотрительно.

– Но он не знает, – сказала я. – Я чувствую, что Мика уже чересчур в нее влюбился.

Внимательно посмотрев на Эдди, я добавила:

– И не только он один.

Эдди все еще наблюдал за уходящими, поэтому лишь спустя мгновение уловил, о чем я говорю. Он перевел взгляд на меня.

– Что?

– Эдди, я не собираюсь претендовать на звание эксперта в

романтических отношениях, но даже я вижу, что ты сходишь с ума по Джил.

Он быстро отвел взгляд, хотя румянец его выдал.

– Это неправда.

– Я замечала это уже давно, но только той ночью, у Кита, окончательно поняла, в чем тут дело. Я видела, как ты на нее смотрел. Я знаю, какие чувства ты к ней испытываешь. Поэтому вот что мне хочется выяснить: с чего бы мы должны вообще беспокоиться насчет Мики? Почему ты просто не пригласишь ее на свидание и не избавишь нас всех от множества проблем?

– Потому что она моя сестра, – иронически сказал он.

– Эдди! Я серьезно.

Он скорчил гримасу, сделал глубокий вдох, потом снова посмотрел на меня.

– Потому что она может найти кого-нибудь получше меня. Ты хочешь поговорить о социальном статусе? Так вот, там, откуда мы явились, мороев и вампиров не могут связывать серьезные отношения.

– Да, но все равно эти различия не столь существенны, как между людьми и вампирами, – заметила я.

– Может, и так, но с Джил все по-другому. Она не просто моройка. Она особа королевской крови. Принцесса. И ты видела, какая она! Умная, сильная и красивая. Ее предназначение – великие дела, и в ее планы совсем не входят отношения с сомнительным стражем вроде меня. У нее царская родословная. Черт, а я даже не знаю, кто мой отец. Мне просто нельзя с ней встречаться. Моя работа – защищать ее. Заботиться о ее безопасности. Только этим я и должен заниматься.

– И поэтому ты считаешь, что Джил заслужила отношений с человеком, а не с тобой? – недоверчиво спросила я. – Заслужила балансирования на узкой грани, разделяющей наши расы?

– Это не идеальный вариант, – признал Эдди. – Но все равно она может немного развлечься...

– А если бы на месте Мики был какой-нибудь другой парень? – перебила я. – Что, если бы ее пригласил другой человек и они просто отправились бы на свидание? Против такого ты бы не возражал?

Эдди не ответил, и я поняла: мои подозрения верны.

– Дело тут не только в том, что ты чувствуешь себя недостойным Джил, – сказала я. – Дело еще и в Мике, верно? В том, что он напоминает тебе Мейсона.

Эдди побелел.

– Откуда ты об этом знаешь?
– Адриан рассказал.
– Чтоб его! Почему он не может быть таким же забывчивым, каким притворяется?

Я улыбнулась.

– Ты ничего не должен Мике. И уж явно не должен ему Джил. Он не Мейсон, как бы сильно ни походил на него.

– Дело не только во внешности, – проговорил Эдди, делаясь все печальнее. – Дело еще и в повадках. Мика такой же – общительный, оптимистический, увлекающийся. Таков был Мейсон. В мире очень мало по-настоящему славных людей, так еще и Мейсона слишком скоро забрали от нас. Я не допущу, чтобы такое случилось с Микой.

– Мике опасность не грозит, – ласково сказала я.

– Но он заслуживает счастья. И хотя он человек, для Джил будет отличной парой. Они достойны друг друга. И оба заслуживают счастья.

– И поэтому ты собираешься удариться в страдания? Поскольку влюблен в Джил и убежден, что она заслуживает какого-то принца, а ты не принц? И еще считаешь своим долгом поддерживать всех Мейсонов в мире?

Я покачала головой.

– Эдди, это безумие. Даже ты должен это понимать.

– Может быть, – согласился он. – Но я чувствую, что поступаю правильно.

– Правильно? Это мазохизм! Ты поощряешь отношения девушки, с которой хочешь быть, и одного из твоих лучших друзей.

– Я хочу, чтобы она была счастлива. Я не приношу себя в жертву.

– Это бессмыслица.

Эдди слегка улыбнулся и осторожно похлопал меня по руке, прежде чем повернуться к приближающемуся автобусу.

– Помнишь, ты сказала, что не эксперт в романтических отношениях? Да, ты была права.

Глава двадцать седьмая

Думаю, Адриан согласился бы на что угодно, лишь бы обрести собственную квартиру. Не тратя времени даром, он перевез свои немногочисленные пожитки из старого дома Кларенса, к большому огорчению хозяина. Должна признаться, я сочувствовала старику. Он привязался к Адриану, и потерять его сразу после утраты Ли было для него особенно тяжело. Дом Кларенса все еще был открыт для нашей компании, и его «кормилица» была к услугам Джил, но он отказывался верить нашим рассказам о Ли и стригоях. Хотя Кларенс и смирился с гибелью Ли, он продолжал винить во всем охотников на вампиров.

Вскоре после переезда Адриана я отправилась его навестить. До нас дошла весть, что исследовательская группа мороев должна прибыть сегодня в город, и мы решили встретиться с ними, прежде чем представим им Джил и Эдди. Как и раньше, вновь прибывших (среди них были Соня и девушка, которой предстояло делить комнату с Джил), очевидно, сопровождал Эйб. У меня сложилось впечатление, что приедут и другие, но я пока не слышала подробностей.

– Ух ты! – сказала я, когда Адриан впустил меня в свою квартиру.

Он прожил тут всего пару дней, но перемены были разительными. Не считая телевизора, не осталось ни одного предмета из прежней обстановки. Все стало другим, даже планировка квартиры изменилась. Декор тоже был новым, и в воздухе висел тяжелый запах свежей краски.

– Желтые? – удивилась я, глядя на стены гостиной.

– Цвет называется «красное золото», – поправил Адриан. – Предполагается, что он должен быть ярким и успокаивающим.

Я начала было говорить, что эти два свойства, похоже, не сочетаются друг с другом, но потом передумала. Хотя цвет слегка резал глаз, он все же полностью преобразил гостиную. Перекрашенная, с жалюзи взамен тяжелых портьер Кита, комната теперь была полна красок и света, и уже ничто не напоминало о произошедшей здесь схватке. Я содрогнулась, вспомнив ее. Даже если бы не пришлось покупать помощь Адриана с помощью квартиры, я сомневалась, что смогла бы принять это жилище и остаться в нем. Воспоминания о смерти Ли – и двух стригоек – были слишком сильны.

– На какие средства ты обзавелся новой мебелью? – поинтересовалась я.

Алхимики дали ему квартиру, но не жалованье.

– Продал старое барахло, – объяснил Адриан. Казалось, он был очень этим доволен. – Тот диванчик...

Он запнулся, на мгновение на лице его промелькнуло беспокойство. Интересно, он тоже мог вообразить, как на этом диванчике жизнь Ли вытекает вместе с кровью?

– Диван был дорогим. Чересчур дорогим, даже по моим меркам. Но я выручил за него достаточно, чтобы заменить все остальное. Тут все подержанное, но разве у меня был выбор?

– Красиво, – сказала я, проводя рукой по мягкой тахте с клетчатой обивкой.

На фоне стен тахта выглядела бледно, но, похоже, хорошо сохранилась. К тому же дисгармонирующая мебель, как и яркий желтый цвет, помогала поблекнуть воспоминаниям о том, что тут случилось.

– Ты, наверное, долго ходил по магазинам. Думаю, ты нечасто покупаешь подержанные вещи.

– Лучше скажи «никогда», – ответил Адриан. – Ты понятия не имеешь, до чего мне пришлось опуститься.

Его довольная улыбка угасла, когда он внимательно рассмотрел меня.

– Как ты держишься?

Я пожала плечами.

– Прекрасно. А почему бы мне не держаться? Джил пришлось хуже, чем мне.

Адриан скрестил руки на груди.

– Не знаю. Тот парень умирал на глазах у тебя, а не у Джил. И давай не забывать, что всего за несколько минут до смерти этот парень хотел тебя убить, чтобы снова проснуться мертвым.

Да, за последнюю неделю я, несомненно, много думала обо всем этом – о том, что мне не сразу удастся забыть. Иногда я вообще ничего не чувствовала. Порой реальность случившегося обрушивалась на меня внезапно и тяжело, и становилось даже трудно дышать. Ночные кошмары с центрами переобучения сменились ночными кошмарами со стригоями.

– Вообще-то я справляюсь с этим лучше, чем ты думаешь, – медленно проговорила я, глядя в пространство. – Например, эта история с Ли, с его преступлениями... Да, ужасно, но я чувствую, что со временем смогу это пережить. Знаешь, о чем я больше всего думаю?

– О чем? – ласково спросил Адриан.

Слова, казалось, слетели с моих губ сами собой. Я не ожидала, что кому-то такое скажу, и уж явно не Адриану.

– Ли сказал, что я попусту трачу свою жизнь и держусь в стороне от людей. А Кит во время нашей последней встречи назвал меня наивной и не понимающей мира. До известной степени это правда. Я имею в виду не слова Кита о том, что вы, ребята, зло... Но... Ну, я вправду наивна. Мне полагалось осторожнее относиться к Ли. Я верила в самые лучшие его качества, тогда когда мне следовало быть более подозрительной. Я не боец, как Эдди. Я наблюдатель в этом мире... Или мне нравится считать себя наблюдателем. Но я потерпела неудачу. Я плохо разбираюсь в людях.

– Сейдж, твоя первая ошибка в том, что ты прислушиваешься к словам Кита Дарнелла. Этот парень идиот, придурок – и его можно назвать еще дюжиной других слов, не приличествующих такой леди, как ты.

– Вот видишь? Ты сам сейчас признал, что я эдакая простодушная дурочка.

– Я никогда ничего подобного не говорил, – возразил Адриан. – Я вот о чем – ты на голову выше Кита, а случившееся с Ли было дурацким, нелепым невезением. И вспомни, ведь никто из нас не видел, что надвигается. Не ты одна. Случившееся ни о чем не говорит. Хотя...

Он приподнял брови.

– Может, и говорит. Разве ты не сказала, что Ли задумывался, не убить ли Кита ради крови алхимика?

– Да... Но Кит уехал слишком рано.

– Вот видишь? Даже психопат распознал тебе цену – настолько, что захотел сперва убить не тебя, а кого-то другого.

Я не знала, смеяться мне или плакать.

– Мне от этого не легче.

Адриан пожал плечами.

– Все равно мой прежний довод остается в силе. Ты – цельная личность, Сейдж. Ты привлекательная, хотя и немножко тощая, и твоя способность запоминать бесполезную информацию полностью покорит какого-нибудь парня. Выбрось из головы Кита и Ли, потому что они не имеют никакого отношения к твоему будущему.

– Тощая? – переспросила я, надеясь, что не краснею.

Я старалась говорить достаточно жестким тоном, чтобы Адриан не заметил, сколь сильно меня обезоружило другое его замечание. «Привлекательная». Конечно, мне не сказали, что я – самое сексуальное воплощение выдающейся, роскошной женщины. Но мою внешность всю жизнь оценивали как «приемлемую», поэтому комплимент был пьянящим – особенно из уст Адриана.

– Я просто говорю как есть.

Я чуть не засмеялась.

– Да. Да, верно. А теперь, пожалуйста, сменим тему. От этой я устала.

– Конечно.

Адриан иногда меня бесил, но, надо признать, мне очень нравилось то, что он не сосредоточивается на чем-то надолго. Благодаря этому было легче избегать неловких тем. По крайней мере, мне так думалось.

– Чуешь?

В голове моей промелькнул образ мертвых тел, и мгновение я думала лишь об одном: Адриан говорит о запахе разложения. Потом принялась лучше.

– Я чувствую запах краски и... погоди... Сосна?

Судя по виду, он был впечатлен.

– Чертовски верно. Хвойное чистящее средство. То есть я там помыл. – Он сделал выразительный жест в сторону кухни. – Этими самыми руками – руками, которым незнаком физический труд.

Я уставилась в сторону кухни.

– И что ты мыл? Кухонные шкафы?

– Шкафы в полном порядке. Я вымыл пол и стол.

Наверное, я выглядела скорее озадаченной, чем развеселившейся, потому что Адриан добавил:

– Я даже опускался на колени.

– Ты пользовался хвойным чистящим средством для пола и столов? – спросила я.

Пол был выложен керамической плиткой; столы были гранитными.

Адриан нахмурился.

– Да, а что?

Похоже, он чрезвычайно гордился, что в кои-то веки занялся уборкой, и у меня не хватило духу объяснить: хвойное чистящее средство обычно используется только для дерева. Я ободряюще улыбнулась и заявила:

– Что ж, выглядит все великолепно. Хорошо бы, чтобы ты приехал и убрался в моей новой комнате в общежитии. Там жуткая пыль.

– Еще чего, Сейдж. Мало мне уборки дома!

– А оно того стоило? Если бы ты остался у Кларенса, у тебя бы имелась постоянная уборщица и повар.

– Определенно стоило. У меня никогда не было собственной, настоящей квартиры. При дворе вроде как была... Но с тем же успехом ее можно было назвать улучшенной комнатой в общежитии. А эта квартира? Она потрясающая. Хотя и приходится тут убираться. Спасибо тебе.

Комический ужас, читавшийся на лице Адриана во время обсуждения

уборки в доме, сменился полнейшей серьезностью; зеленые глаза оценивающе рассматривали меня. Внезапно я почувствовала себя неловко из-за этого пристального разглядывания, и мне вспомнился сон духа, когда я задавалась вопросом, в самом ли деле его глаза такие зеленые.

– За что спасибо? – спросила я.

– За квартиру... Я знаю, тебе пришлось повыкручивать за нее руки кое-кому из алхимиков.

Я не рассказала Адриану, что на самом деле передала ему квартиру, предназначавшуюся мне.

– И за все остальное. За то, что не отказываешься от меня, хотя я придурок еще тот. И, знаешь, за то, что спасла мне жизнь.

Я отвела взгляд.

– Я ничего не сделала. Это все Эдди... И Джил. Это они тебя спасли.

– Не уверен, что дожил бы до спасения, если бы ты не подожгла ту мерзавку. А как ты это сделала?

– Да пустяки, – запротестовала я. – Просто... э-э... химическая реакция из арсенала алхимических трюков.

Адриан, осмысливая мои слова, не сводил с меня глаз. Может, он и не поверил мне, но не стал настаивать.

– Что ж, судя по ее виду, твой прицел был точен. А потом ты получила за это затрещину. Любой, получивший удар за Адриана Ивашкова, заслуживает похвалы.

Я повернулась к нему спиной, все еще смущаясь из-за этих восхвалений (и нервничая из-за упоминаний об огне), и подошла к окну.

– Да это просто из эгоистичных соображений. Ты не представляешь, какая эта морока – собирать бумаги на мертвого мороя.

Адриан засмеялся, и то был один из немногих случаев, когда я слышала в его смехе искренний юмор и теплоту – а не что-то извращенное и саркастическое.

– Ладно, Сейдж. Тебе видней. Знаешь, ты куда храбрее, чем была, когда я впервые с тобой повстречался.

– Да ну? Все прилагательные мира в твоём распоряжении, а ты выбираешь «храбрее»?

С дружеским подшучиванием я могла справиться. Пока я сосредоточиваюсь на этом, мне не надо думать о значении, стоящем за словами, и о том, что мое сердце колотится чуть быстрее.

– Просто чтобы ты знала – ты стала немножко более стойкой, чем во время нашего знакомства.

Адриан подошел и встал рядом со мной.

– Знаешь, не говори никому, но, по-моему, хорошо убраться подальше от двора. Погода тут – полный облом, но Палм-Спрингс может пойти мне на пользу; и он сам, и все здешние чудеса. Вы, ребята. Занятия искусством. Хвойное чистящее средство.

Я невольно усмехнулась и подняла на него глаза. Я говорила полушутя, но сказанное было правдой. И Адриан тоже сильно изменился со времени нашей первой встречи. В нем все еще сильно было уязвленное самолюбие, душу его покрывали шрамы после того, что сделали с ним Роза и Дмитрий, но я видела признаки исцеления. Адриан обрел больше силы и решительности, и, если он сумеет и дальше двигаться в том же направлении и в ближайшее время не случится новых потрясений, с ним могут произойти воистину изумительные перемены.

Лишь спустя несколько мгновений тишины я осознала, что пристально смотрю на него, в то время как в голове моей крутятся эти мысли. И вообще-то Адриан тоже пристально и изумленно на меня смотрел.

– Господи, Сейдж. Твои глаза. Как я мог никогда их не замечать?

Я снова почувствовала себя неловко.

– А что с ними?

– Цвет, – выдохнул он. – Когда ты стоишь на свету. Они изумительные... Как расплавленное золото. Я мог бы их нарисовать...

Адриан потянулся ко мне – и отодвинулся.

– Они красивые. Ты красивая.

То, как он на меня смотрел, заставило меня замереть, я ощутила внутренний трепет, хотя я не могла сказать точно – почему. Я знала только, что Адриан глядит на меня так, будто видит впервые... И это меня испугало. Я могла легко отмахнуться от его шуточных комплиментов, но это напряженное разглядывание было чем-то совершенно другим, и я не знала, как на него реагировать. Когда Адриан вот так на меня смотрел, я верила, что он считает мои глаза красивыми... Что я красивая. К такому я не была готова.

Забеспокоившись, я отступила на шаг, уйдя из солнечного света. Мне нужно было спастись от взгляда Адриана. Я слышала, что стихия духа может вызывать странные ощущения, но понятия не имела, случилось ли это сейчас со мной. Мои слабые попытки придумать остроумную реплику были прерваны стуком в дверь, заставившим нас обоих вздрогнуть.

Адриан моргнул, и наваждение исчезло. Губы его изогнулись в одной из лукавых усмешек, как будто ничего странного не произошло.

– Начнем представление?

Я кивнула, кружась в сбивающем с толку водовороте облегчения,

нервозности и... возбуждения. Только я была не совсем уверена, чувствую я все это из-за Адриана или из-за наших посетителей. Поняла только, что внезапно дышать стало легче, чем несколько мгновений назад.

Адриан пересек гостиную и картинно распахнул дверь.

В комнату влетел Эйб, как всегда великолепный, в серо-желтом костюме, удивительно сочетающемся с теми цветами, в которые Адриан окрасил комнату. Широкая улыбка расплзлась по лицу стража.

– Адриан, Сидни... Так приятно снова видеть вас. Я полагаю, один из вас уже знаком с этой юной леди?

Он прошел дальше, и мы увидели стройную дампирку с темно-рыжими волосами и большими голубыми, очень настороженными глазами.

– Здравствуй, Ангелина, – сказала я.

Когда мне сказали, что Ангелина Доус будет вместо меня жить с Джил, я подумала, что в жизни не слыхала ничего нелепее. Ангелина была одним из хранителей – обособленной группы мороев, дампиров и людей, живущих вместе в глуши Западной Виргинии. Они не хотели иметь ничего общего с «цивилизацией» любой из наших рас, и у них было немало странных обычаев, не последним из которых являлась их омерзительная терпимость к межрасовым романам.

Когда позже я размышляла над этим, то решила, что Ангелина, возможно, не такой уж плохой вариант. Она была ровесницей Джил, и, возможно, сойдется с ней ближе, чем сумела сойтись я. Хотя Ангелина не прошла таких же тренировок, как страж Эдди, она все же могла постоять за себя в бою. Если кто-нибудь будет покушаться на Джил, им придется сперва потрудиться, прорываясь через Ангелину. А при антипатии, которую питали сородичи Ангелины к «запятнанным» мороям, у нее не будет причин содействовать политике какой-нибудь повстанческой клики.

Однако, рассматривая Ангелину и ее изношенную одежду, я гадала, приспособится ли она к жизни вдали от хранителей. Выражение ее лица было задиристым, как и тогда, когда я посещала ее коммуну, но это выражение лишь подчеркивало нервозность, с которой она осматривала квартиру Адриана. Ангелина прожила всю жизнь в лесах, и для нее, наверное, эта маленькая квартира с телевизором и клетчатой тахтой была верхом современной роскоши.

– Ангелина, – сказал Эйб, – это Адриан Ивашков.

Адриан протянул руку, пустив в ход свое природное обаяние:

– Очень рад.

После мгновенного колебания она приняла его руку.

– Приятно познакомиться, – сказала она со своим странным южным

акцентом.

Пристально поразглядывая Адриана еще несколько секунд, Ангелина добавила:

– Вы выглядите слишком симпатичным, чтобы оказаться полезным.

Не в силах удержаться, я разинула рот. Адриан захихикал и покачал головой.

– Никогда еще не слышал столь правдивых слов, – сказал он.

Эйб взглянул на меня. Наверное, на моем лице был написан ужас, потому что я уже воображала себе ремонтно-восстановительные работы, которые предстоят мне, если Ангелина скажет или сделает в Амбервуде что-нибудь совершенно неподобающее.

– Сидни, без сомнения, захочет... сообщить вам о том, чего следует ожидать, прежде чем вы начнете занятия в школе, – дипломатично сказал Эйб.

– Без сомнения, – повторила я.

Адриан отошел от Ангелины; он все еще улыбался.

– Пусть это сделает малолетка. А еще лучше – Кастиль. Это пойдет ему на пользу.

Эйб закрыл дверь, но я успела мельком увидеть за ней пустой коридор.

– Вы ведь приехали не вдвоем? – спросила я. – Я слышала, есть и другие. Одна из них Соня?

Эйб кивнул.

– Они скоро будут. Паркуют машину. На этой улице совершенно невозможно найти место.

Адриан посмотрел на меня, пораженный внезапной мыслью.

– А ты унаследовала и машину Кита?

– К сожалению, нет, – сказала я. – Она принадлежала его отцу, и тот забрал ее себе.

У Адриана вытянулось лицо.

Эйб сунул руки в карманы и небрежно прошелся по гостиной. Ангелина осталась стоять где стояла. Думаю, она все еще оценивала ситуацию.

– О да, – задумчиво проговорил Эйб. – Прекрасный мистер Дарнелл, который больше не с нами. Этого мальчика воистину окружали трагедии. Такая тяжелая жизнь.

Он помедлил, повернувшись к Адриану.

– Но, по крайней мере, ты вроде бы извлек выгоду из его падения.

– Ха! Я это заслужил, поэтому не приставай ко мне насчет того, что я свалил от Кларенса. Я знаю, по какой-то странной причине ты хотел, чтобы

я там остался, но...

– И ты это сделал, – просто сказал Эйб.

Адриан нахмурился.

– А?

– Ты сделал именно то, чего я хотел. Я подозревал, что с Кларенсом Донахью происходит нечто странное, возможно, он продает кровь. И я надеялся, что при твоём участии раскрою заговор.

Эйб в задумчивости погладил подбородок.

– Конечно, я понятия не имел, что в дело замешан мистер Дарнелл. И не ожидал, что вы с юной Сидни вместе будете все распутывать.

– Насчет одной команды вы преувеличиваете, – сухо сказала я.

Потом мне в голову пришла странная мысль.

– А почему вас заботило, что Кит и Кларенс продают кровь вампира? Я имею в виду – мы, алхимики, по известным причинам не желаем такого... Но почему этого не хотите вы?

В глазах Адриана мелькнуло удивление, потом – понимание. Он внимательно посмотрел на Эйба.

– Может, потому, что он не хочет конкуренции.

Челюсть моя чуть не стукнулась об пол. Ни для алхимиков, ни для мороев не было секретом, что Эйб Мазур торгует незаконными товарами. Но мне никогда не приходило в голову, что он может поставлять людям большие партии вампирской крови. Однако, рассмотрев его внимательнее, я поняла: следовало бы об этом подумать.

– Ну же, ну же, – сказал Эйб и глазом не моргнув, – не стоит поднимать неприятные темы.

– Неприятные?! – воскликнула я. – Если вы впутались в то, что...

Эйб поднял руку, останавливая меня.

– Пожалуйста, не надо. Если вы закончите фразу заявлением, что сообщите об этом алхимикам, тогда – разумеется, давайте привезем их сюда и обсудим всевозможные загадки. Например, поговорим о том, как мистер Дарнелл лишился глаза.

Я застыла.

– Его вырвал стригой, – нетерпеливо напомнил Адриан.

– Ох, да ладно, – сказал Эйб; губы его скривились в улыбке. – Моя вера в тебя только что возродилась. С каких это пор стригои так аккуратно увечат? Очень искусно увечат, могу добавить. Но этого, вероятно, никто никогда не замечал. Впустую растроченный талант, вот что я тебе скажу.

– О чем ты? – ошеломленно спросил Адриан. – Так это был не стригой? Ты говоришь, что кто-то нарочно вырезал ему глаз? Ты говоришь,

что...

Он растерял все слова и просто переводил взгляд с меня на Эйба и обратно.

– Так вот оно, да? Твоя сделка с дьяволом. Но почему?

Я поежилась, когда на меня уставились три пары глаз, но не могла признаться, что Адриан близок к истине. Может, я смогла бы ему рассказать, будь мы наедине. Может быть. Но я не могла говорить при самодовольном Эйбе, и уж конечно, пока тут стояли посторонние вроде Ангелины.

Я не могла открыть Адриану, как нашла свою сестру Карли много лет назад после ее свидания с Китом. Это случилось еще тогда, когда она жила с нами, как раз перед ее отъездом в колледж. Она не хотела идти на свидание с Китом, но отец, которому Кит очень нравился, настоял, чтобы она отправилась. Кит был его надеждой, и ничто не могло пойти не так. Кит тоже в это верил, вот почему не смог принять отказ, оставшись с Карли наедине. После она пришла ко мне, прокравшись в мою спальню поздно ночью, и всхлипывала, пока я ее обнимала.

Первым моим порывом было рассказать обо всем родителям, но Карли слишком боялась – особенно нашего отца. Я была совсем юной и боялась почти так же сильно, и готова была согласиться на все, что она захочет. Карли заставила меня пообещать, что я не расскажу родителям, поэтому я сосредоточилась на том, чтобы убедить сестру – это не ее вина. Она рассказала, как Кит все время говорил о ее красоте и о том, что не может оторвать от нее глаз. Якобы она просто не оставляет ему выбора. В конце концов я убедила Карли, что она не сделала ничего плохого и не завлекала его, – но все равно она просила меня сдерживать обещание и хранить молчание.

То было одним из самых больших сожалений в моей жизни. Я ненавидела себя за молчание, но далеко не так сильно, как ненавидела Кита за то, что тот решил – он может поступить так мерзко с милой и нежной девушкой и выйти сухим из воды. Прошло немного времени, я получила свое первое задание и встретила с Эйбом Мазуром. Вот тогда я и поняла, что есть другие способы заставить Кита поплатиться, способы, которые позволят мне сдержать данное Карли обещание. Поэтому я заключила сделку с дьяволом, не заботясь о том, какие обязательства это на меня наложит, – и о том, что я опускаюсь до варварского понятия о мести. В том же году Эйб организовал поддельное нападение стригоев, и Киту вырезали глаз. Взамен я стала своего рода «службой-алхимиком» Эйба. Отчасти это и заставило меня помочь Розе сбежать из тюрьмы. Я была перед Эйбом в

долгу.

Я с горечью подумала, что, возможно, сделала Киту одолжение. Теперь, когда у него остался всего один глаз, возможно, он не сочтет столь уж «невозможным» держаться подальше от женщины, которая им не интересуется.

Нет, я определенно не расскажу всего этого Адриану.

Но он все еще смотрел на меня, и на лице его был написан миллион вопросов, когда он пытался вычислить, что же такое заставило меня сделать Эйба наемным убийцей.

Внезапно в голове моей прозвенели слова Лорел: «Знаешь, иногда ты можешь быть чертовски страшной».

Я сглотнула.

– Помнишь, как ты просил тебе довериться?

– Да, – ответил Адриан.

– Мне нужно, чтобы ты сделал то же самое для меня.

Прошло несколько долгих мгновений. Я не могла заставить себя посмотреть на Эйба, потому что знала – он самодовольно ухмыляется.

– «Храбрая» – это не соответствует действительности, – сказал Адриан.

Прошла как будто целая вечность, и наконец он медленно кивнул.

– Хорошо. Я тебе доверяю, Сейдж. Я верю, что у тебя были веские причины поступить так, как ты поступила.

Ни одного ехидного замечания, ни капли сарказма. Он был предельно серьезен, и на мгновение я задумалась – чем заслужила такое доверие. В памяти вдруг всплыло то, как перед самым появлением Эйба Адриан собирался меня нарисовать, и все чувства в душе моей смешались.

– Спасибо, – сказала я.

– О чем вы говорите? – спросила Ангелина.

– Уверяю, ни о чем интересном, – сказал Эйб, который на самом деле чересчур всем этим наслаждался. – Жизненные уроки, развитие характеров, неоплаченные долги. Обо всяких таких вещах.

– Неоплаченные?

Я удивилась самой себе, когда шагнула вперед и сердито уставилась на него.

– Я оплатила этот долг сотню раз! Я больше ничего вам не должна. Теперь я принадлежу только алхимикам. Не вам. Все дела между нами кончены.

Эйб все еще улыбался, но уголки его губ дернулись. Думаю, его застало врасплох то, что я стала защищаться.

– Что ж, это напоминает...

Раздался новый стук в дверь.

– А, вот и остальная наша компания.

Эйб поспешил к двери.

Адриан сделал несколько шагов ко мне.

– Неплохо, Сейдж. Думаю, ты только что напугала старика Мазура.

Я почувствовала, что губы у меня расплзаются в улыбке.

– Не знаю, как насчет «напугала», но это было приятно.

– Ты должна чаще огрызаться на людей, – сказал Адриан.

Мы улыбнулись друг другу. Он внимательно смотрел на меня, и я опять ощутила то же самое – как будто меня подташнивает. Наверное, Адриан ничего подобного не чувствовал, но пребывал в жизнерадостном расположении духа. Редком для него – и очень милым. Он кивнул на дверь, которую открывал Эйб.

– Это Соня.

Пользователи духа могли ощущать друг друга даже за закрытыми дверями, когда находились достаточно близко. И когда дверь открылась, в комнату, конечно, вошла Соня Карп – похожая на королеву, высокая и элегантная. Моройка, чьи рыжие волосы были собраны в пучок, могла бы сойти за старшую сестру Адриана. Соня улыбнулась всем нам, хотя я невольно поежилась, вспомнив о нашей первой встрече. Тогда она вовсе не была такой же хорошенькой и очаровательной. Она была красноглазой и пыталась нас убить.

Соня была стригойкой, которую снова превратили в моройку, и это делало ее воистину идеальным вариантом для работы вместе с Адрианом в попытках выяснить, как пользователь духа мешает людям обратиться.

Соня обняла Адриана и направилась ко мне, как вдруг в дверях появился еще кто-то. Сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что не должна была удивляться при виде него. В конце концов, если мы хотели выяснить суть особенной магии духа, мешающей вновь обратиться, нам требовалась самая разнообразная информация. И если один восстановленный стригой хорошо, два – лучше.

Адриан побледнел и застыл, пристально глядя на вновь прибывшего. В тот момент все мои большие надежды на Адриана рухнули. Раньше я была уверена, что он сможет отойти от своего прошлого, от всех пережитых потрясений, сможет найти цель и обрести равновесие. Однако, похоже, прошлое нашло его, и, если это не расценивалось как потрясение, я не знала, что тогда может расцениваться.

Новый участник исследовательской группы шагнул в комнату, и я

поняла – непрочный мир, который мы только что установили в Палм-Спрингсе, вот-вот рухнет.

Прибыл Дмитрий Беликов.

notes

Примечания

«Люди в черном» – популярный фильм 1998 года; обычно так называют правительственных агентов или членов различных не афиширующих себя группировок. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Палм-Спрингс – город на юго-востоке штата Калифорния, в пустыне Колорадо.

Римские каникулы – время, проведенное кем-то в удовольствиях ценой страданий других. Выражение впервые употреблено в этом смысле в поэме Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» и основано на том, что в Римской империи часто объявлялись свободные от работы дни во время гладиаторских игр.

Гора Рашмор – одна из самых известных достопримечательностей США, национальный мемориал. В ее горной породе высечен гигантский барельеф со скульптурными портретами четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

«Таинственный сад» – роман англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт. Роман о старом поместье, где девочка Мэри находит заброшенный сад и начинает ухаживать за ним.

6

Соответствует размеру XS.

7

Соответствует размеру S.

«Джамп-стрит, 21» – популярный американский телесериал 1980-х годов про полицейских, работавших под прикрытием и изображавших студентов.

Имя Сидни в английском языке созвучно со словом «Сидней» – крупнейший город Австралии.

Квотербек – лидер команды нападения в американском футболе.

«Улика» – детективный фильм 1984 года, действие которого происходит в загородном поместье.

«Спенсер» – сеть универсальных магазинов в США и Канаде.

Гримуар – книга, описывающая магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов) или содержащая еще какие-либо колдовские рецепты.

Западный Голливуд – город, входящий в агломерацию Лос–Анжелеса.

Джет Стил – финалист ежегодного турнира по спортивному симулятору американского футбола под названием Madden NFL.

Хобарт – город в Австралии.